

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А

А. А. ТУАЛЛАГОВ

ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ

ВЛАДИКАВКАЗ 2015

ББК 63.5
Т 81

Печатается по решению Учёного совета
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Туаллагов А. А. Зеленчукская надпись: монография / А.А. Туаллагов
— Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. — 430 с.

ISBN 978-91480-232-2

Рецензенты:

Л. Б. Гацалова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Р. Г. Дзаттиаты – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Монография посвящена вопросам исследования известного памятника христианской эпитафии Северного Кавказа – Зеленчукской надписи. Автором подробно анализируются вопросы истории исследования памятника, достижения и проблемы его научной дешифровки, а также квазинаучные спекуляции вокруг интерпретации содержания надписи. Книга предназначена специалистам (эпиграфистам, лингвистам, историкам) и всем тем, кто интересуется вопросами истории христианства и аланов Северного Кавказа.

ISBN 978-91480-232-2

ББК 63.5

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015
© Туаллагов А. А., 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из наиболее известных памятников аланской эпиграфики является Зеленчукская надпись. Она впервые была опубликована и проанализирована В. Ф. Миллером в конце XIX в. на основании данных осетинского языка [Древности. 1890. С. 99-100; Миллер В. Ф. 1893. С. 110-118; 1962. С. 18; Калоев Б. А. 1963. С. 103-105; Васильева Л. М. 1975. С. 82-83; Яйленко 1987. С. 161]. Данное открытие исследователя особо отмечалось представителями осетинской интеллигенции, охваченной в то время идеей культурного развития своего народа [Гатуев А. 2007. С. 32-33; Кодзаев А. 1903. С. 100-101; ППКО. 1991. С. 200].

Плита с надписью была обнаружена летом (в июле?) 1888 г. Д. М. Струковым (1827-1899 гг.), исследовавшим памятники античности и снявшим копию с надписи. Тогда Д. М. Струков посетил Зеленчукские храмы в ходе мероприятий, посвященных 900-летию крещения Руси, а затем совершил небольшое путешествие из Ставрополя до местного монастыря [Савенко С. Н. 2010. С. 312-313]. Впоследствии В. Ф. Миллер ознакомился со снятым с надписи оттиском из бумаги Г. И. Куликовского, который как член Общества Любителей Естествознания ездил с археологическими целями в Терскую и Кубанскую области и последним воочию видел памятник в 1892 г. В те времена оттиск (эстампаж) делался из несколько смоченной фильтровальной или гипсовой бумаги. Она накладывалась на предмет и покалачивалась щеткой. После просушки оттиск иногда покрывали для прочности лаком [Карский Е. Ф. 1979. С. 108; Шляпкин И. А. 1913. С. 16-20; Скржинская Е. Ч. 2006. С. 307-309]. В. Ф. Миллер также получил от Г. И. Куликовского информацию о месторасположении памятника.

В комментариях редакции («От редакции») к статье «Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду, летом 1895 года В. Сысоева; рис. и фот. Г. И. Куликовского и Е. Д. Фелицина» указывалось: «Г. И. Куликовский доставил рисунки с следующих памятников: ... 25. Каменный столб, украшенный крестом, с некоторым заострением в верхней части и более узкою нижней частью для укрепления столба в землю, напоминающего по форме древне-осетинский памятник из Кубанской области, описанный В.

Ф. Миллером¹⁾ – с берегов р. Большой Зеленчук (рис. 34)» [МАК. 1898. С. 142]. Таким образом, у нас есть дополнительная информация о форме Зеленчукской плиты. Любопытно отметить, что близкая форма, например, была искусственно придана сланцевой плите, послужившей закладом входа в камеру аланской катакомбы № 85 Даргавсского могильника (Северная Осетия), исследованной на участке погребений VIII-X вв. в 2013 г.

В протоколе обыкновенного заседаний Императорского Московского Археологического Общества (ИМАО) № 320 от 27 января 1889 г. зафиксировано:

«10. Действ. член В. Ф. Миллер прочел доклад под заглавием: «Древне-осетинский памятник из Кубанской области». Памятник этот – могильная плита в 2 арш. 2 верш., с изображением креста и надписью греческими буквами на осетинском языке, находящаяся вместе с тремя такими же плитами на древнем кладбище в лесу, в 2 верстах от аула Хумары в Баталпашинском уезде, на верховьях Кубани (? – А.Т.). Снимок с надписи привезен Д. М. Струковым в 1888 г. Подобные христианские надписи греческими буквами в данной местности встречались и прежде, – но это – первая надпись удобочитаемая, следовательно – первая, по которой можно заключать о языке древнего христианского населения местности. Докладчик указал на приведенные им в III ч. «Осетинских Этюдов» исторические и топографические свидетельства о том, что древние поселения Осетин шли далеко на запад, захватывая верховья Кубани, и отметил сведения о христианстве среди Осетин, восходящие, может быть, даже ко временам Юстиниана. По представленному затем чтению надписи оказалось, что из 21 строк бóльшая часть читается более или менее удовлетворительно, заключая в себе имя Иисуса Христа и, повидимому, св. Николая, имена и отчества погребенных, и, повидимому, просьбу к Осетинам молиться за них. В конце надписи стоит дата, не совсем ясная, но единственное возможное (по снимку) чтение которой дает 6230 г. (от сотв. мира), следовательно 722-й от Р. Х. В заключении докладчик просил принять меры к охранению этого замечательного памятника.

Постановлено: Благодарить В. Ф. Миллера, доклад напечатать в «Материалах по археологии Кавказа» и просить иеромонаха ближнего Зеленчукского монастыря, о. Серафима, снять оттиск с камней, а г. начальника Кубанской области – принять меры к охранению памятников и, если возможно, к доставлению их в Исторический музей» [Древности. 1890. С. 99-100].

В протоколе обыкновенного заседания ИМАО № 331 от 16 мая 1889 г. кратко упоминается о предоставлении В. Ф. Миллером рисунка с креста, найденного на месте Зеленчукского монастыря и уже хранящегося в Екатеринодарском музее. Отмечалось, что греческая надпись датирует его 6521 годом от Сотворения мира, т. е. 1013 г. н. э. Было постановлено просить г. Фелицина достать точный снимок с креста. В протоколе среди полученных ИМАО писем отмечалось следующее:

«к) От о. Серафима, настоятеля Зеленчукской пустыни (Кубанской области) сообщение, что снимки с местных камней не могли быть сделаны зимою, но могут быть представлены в июне.

Постановлено: принять к сведению» [Древности. 1894. С. 123].

В протоколе обыкновенного заседаний ИМАО № 412 от 6 октября 1892 г. отмечено:

«В Кубанской области г. Куликовскому пришлось ознакомиться с памятниками древнего христианства на Кавказе, в виде престолов с надписями и без них, старинных часовень и уцелевших церквей долины р. Б. Зеленчука, Хумары и Тебердинского ущелья. Как с развалин церквей, так и могильников и др. памятников г. Куликовским были сняты планы, фотографии и рисунки, служившие иллюстрацией к докладу.

На одну из надписей, снятую г. Куликовским и уже описанную ранее художником Д. М. Струковым, обратил особое внимание проф. Миллер. Надпись эта греческая и может датироваться XI в., т. к. здесь же был найден крест 1013 года; она содержит в себе несколько осетинских собственных имен. Найдена она была в местности р. Зеленчука, где уже давно нет никаких следов Осетин, и факт ее находки заставляет думать, что христиан-

ство было сюда занесено из Сухума и, быть может, здесь некогда был центр «Аланской» епархии.

Постановлено: благодарить проф. Миллера и г. Куликовско-го и просить их обработать доклады для издания» [Древности. 1900. С. 200].

Сведения из протокола заседания были воспроизведены и в другом издании ИМАО:

«В. Ф. Миллер сообщил об одной греческой надписи, найденной на р. Зеленчук, относимой им, судя по найденному в той-же местности кресту XI века, к тому же времени, что она содержит несколько собственных осетинских имен, хотя в этой местности Осетин давно нет и факт ее находки заставляет думать, что христианство было сюда занесено из Сухума и что, может быть, здесь некогда был центр Аланской епархии» [АИЗ. 1893. С. 41].

Сразу после публикации исследования В. Ф. Миллера указывалось:

«В. Ф. Миллер дает описание древне-осетинского христианского надгробного памятника XI-XII века, находящегося в нескольких верстах от Александро-Афонского Зеленчукского монастыря Кубанской области. Надпись, высеченная греческими буквами, но на языке предков теперешних Осетин – Ясов (русской летописи), Аланов (визант. писателей), дешифрована автором и переведена предположительно на русский язык» [АИЗ. 1893а. С. 80].

В своих воспоминаниях И. Т. Собиев, поступивший в 1896 г. в Московское Технологическое училище и тесно сотрудничавший с В. Ф. Миллером в деле изучения осетинского языка и в работе над осетинско-русско-немецким словарем, утверждал, что В. Ф. Миллер подарил ему брошюру Кулаковского (Г. И. Куликовско-го? – А. Т.) о Зеленчукском камне «с надписью на дигорском диалекте», которая хранилась в его личной библиотеке [Собиев И. Т. 1948. Л. 4; ИСОИГСИ. 2008. С. 123]. Однако никаких сведений о подобном издании обнаружить не удалось.

Следует также отметить, что недавние утверждения отдельных авторов о том, что «сохранились две копии: Д. М. Струкова и Г. И. Куликовского (1892 г.)», и «исследователи вынуждены

работать с двумя не лучшего качества копиями» [Перевалов С. М. 1998. С. 84; 2011. С. 8], не соответствуют действительности, но свидетельствуют о непонимании характера источников. В распоряжении исследователей вплоть до последнего времени находились не две копии, а копия («рисунок с надписи») Д. М. Струкова и выкопировка (репродукция) В. Ф. Миллера, для создания которой использовалась копия Д. М. Струкова и оттиск Г. И. Куликовского, последующая судьба которого, к сожалению, до сих пор не известна.

Исследователь Зеленчукской надписи Л. Згуста особо оговорил разницу в характере использовавшихся учеными источников по Зеленчукской надписи, отмечая, что ее изначально хорошо понимал В. Ф. Миллер. Д. М. Струков описал, нарисовал Зеленчукскую плиту, т. е. создал ее копию. Г. И. Куликовский снял оттиск (анг. squeeze, cast, impression; фран. estampage, латин. еslurim). Снятие бумажного оттиска было очень важным моментом для последующих исследований. Эксперты в области эпиграфики отмечают, что оттиск имеет большое значение, т. к. устраняет ошибку, которую может допустить человек в ходе предварительной интерпретации. Разница между копией и оттиском, как указывал Л. Згуста, значительна, что иногда не осознается. Например, в статье А. Х. Бязырты оттиск Г. И. Куликовского называется «копией» и «рисунком», хотя это и не копия, и не рисунок [Zgusta L. 1987. P. 6-7, n. 7].

По совокупной информации Д. М. Струкова и Г. И. Куликовского, представленной В. Ф. Миллером, плита могла находиться в 2 верстах от аула Хумары (? – А.Т.) [Древности. 1890. С. 99] Баталпашинского уезда Кубанской области или в 40-45 верстах на юг от Святого Александро-Афонского Зеленчукского монастыря. Она располагалась в лесу, на правом берегу р. Большой Зеленчук, между реками Ропачай и Казгич, на территории древнего могильника. На противоположном берегу, несколько выше по течению, располагались развалины средневекового городища в местности «Старое Жилище» («Старое место»), или «Аулице» (район современного карачаевского пос. Архыз в Карачаево-Черкессии). Плита была изготовлена из белого известняка

и, судя по имевшемуся на нем выступу в нижней части, прежде была вставлена в каменную основу. На нее были нанесены изображение креста и греческие буквы.

Недавно в приложении к своей статье Л. А. Перфильева опубликовала предоставленные Д. В. Белецким соответствующие фотоснимки рисунков из альбома Д. М. Струкова (РА ИИМК РАН. Ф. I. Ед. хр. 87/89 г.), который, по ее мнению, предназначался для литографического издания (рис. 1-3). Исследовательница также опубликовала часть рукописной аннотации (РА ИИМК РАН. Ф. Р I. Ед. хр. 339, инв. №№ 2430-2486) Д. М. Струкова к альбому чертежей и рисунков [Перфильева Л. А. 2013. С. 82-99]. В данной аннотации Д. М. Струкова, в частности, отмечалось:

«По течению к северо-востоку р. Б. Зеленчук протекает через западную часть древней Осетии и земли горского племени Кабардинцев... Местность, где текут реки Б. и М. Зеленчук, на древних картах называется Алания, Зыхия, Косогия, Скифия, а в атласах Академика Броссе – Егрязия... Так как ущелье граничит с Колхидой, то греки могли быть поселенцами и в этой местности, занятой Аланами».

Интересующие нас рисунки сопровождалась следующими комментариями автора:

«47., Наглядный план берегов реки Большой Зеленчук по направлению к ее началу; от монастыря на расстоянии 35 верст:

по линии а., монастырь

б., перерыв чертежа приблизительно
верст на 26

в., остатки древних построек, местные
полесовщики называют «старья жи-
лица ближняя»; на остатках строе-
ний вырос густой лес.

г., древнее кладбище.

48., План части древнего кладбища, где три камня с изображенными крестами и один камень с надписью.

49., Наглядный рисунок с надписи на камне л. 48».

Б. А. Алборов указывал, что в 1938 г. он обратился к археологу В. Худадову с просьбой сообщить о судьбе плиты, но тот

ничего о ней не знал. На аналогичную просьбу Б. В. Миллер, сын В. Ф. Миллера, известный советский востоковед, также ответил отрицательно, но сообщил, что в бумагах отца имеется отлитографированный план части Большого Зеленчука [Алборов Б. А. 1956. С. 110; 1979. С. 173]. Летом 1939 г. в ходе археологического обследования ущелья р. Большой Зеленчук Т. М. Минаева предприняла попытку отыскать плиту. Однако поиск результатов не дал [Минаева Т. М. 1971. С. 34]. В 1946 г. экспедицией Северо-Осетинского научно-исследовательского института (СОНИИ) под руководством Е. Г. Пчелиной, занимавшейся поиском «пра-родины осетин», была совершена поездка в район Архыза с целью изучения ираноязычной топонимики и ознакомления с Зеленчукской плитой. Однако плиту найти не удалось. Из расспросов стариков, бывших егерями располагавшегося там до Октябрьской революции великокняжеского охотничьего заповедника, исследовательница выяснила, что плита исчезла, видимо, около 1940 г. перед постройкой в Архызе туберкулезного санатория. В то время для загрузки печи собирали по всей округе известняковые камни.

Вместе с тем, Е. Г. Пчелина предположила, что плита могла оставаться на своем прежнем месте, но оказалась скрытой под глубоким слоем буковых листьев или заросла дерном, а поиски в этом участке леса были невозможны без расчистки подлеска. Выступая с докладом в СОНИИ по итогам экспедиции, исследовательница отмечала: «Вместо этого камня нашли еще два камня с греческими надписями, где встречается – «фырт» (осет. (ирон.) «сын» – А. Т.). (После моего доклада можно принести мою перетирку и желающие могут посмотреть эти написания)» [Пчелина Е. Г. 1960. С. 298; 2013. С. 79; Минаева Т. М. 1971. С. 41]. Однако данное свидетельство не нашло своего дальнейшего разрешения. Планируемая исследовательницей, судя по тому же докладу, новая комплексная экспедиция для поиска плиты, в составе представителей СОНИИ, Академии Наук и Эрмитажа, видимо, не состоялась.

В апреле 1964 г. выполнены Д. М. Струковым план-схема местности, план древнего могильника, включающий изображе-

ние расположенной внутри каменной могильной ограды плиты (рис. 4), рисунок самой плиты (рис. 5) были обнаружены и скопированы В. А. Кузнецовым в фондах Императорской Археологической Комиссии архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) и впоследствии опубликованы. По возвращению в г. Орджоникидзе (Владикавказ) исследователь прочел в СОНИИ доклад о найденных архивных материалах и передал в дар институту свою копию рисунка Д. М. Струкова. В настоящее время данная копия хранится в Научном архиве СОИГСИ (рис. 6).

По решению руководства института была срочно организована и профинансирована поисковая экспедиция, в виду «... большой значимости зеленчукской плиты для истории осетинского народа». Экспедиция под руководством В. А. Кузнецова и Т. Б. Тургиева работала с 9 по 23 мая 1964 г., 10-14 числа которого были посвящены непосредственному поиску Зеленчукской плиты. Однако ни плита, ни следы древнего могильника, на котором она некогда располагалась, не были найдены. В. А. Кузнецов предположил, что разбитая плита могла быть снесена рекой или все еще находится на своем месте.

Вместе с тем, гораздо ранее, в своем письме от 21 сентября 1953 г. на имя В. И. Абаева исследователь указывал, что пытался узнать у местных жителей о Зеленчукской плите, но никто из них ничего о ней не знал. Только бондарь Должников рассказал, что в 1902-1903 гг. на берегу речушки Ревунок, на подъеме к озеру Габаклыколь он видел плиту метра в 3 длиной с большой надписью. Плита была разбита на куски. Приезжал какой-то «инженер», собрал ее по кускам и «снял». Должников говорил, что сейчас можно найти только куски, но проводить к месту их расположения отказался. В. А. Кузнецов полагал, что речь шла именно о Зеленчукской надписи [НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 54. Л. 25-25об.; Минаева Т. М. 1971. С. 52].

Но в своей статье В. А. Кузнецов пришел к выводу, что сообщение бондаря Д. Ф. Должникова о виденной им в 1903 г. плите с большой надписью на берегу р. Ревунок, при подъеме к озеру Чабаклыкол, которая была разбита, но собиралась по кускам,

может относиться к иному эпиграфическому памятнику. Сообщение жительницы пос. Архыз Е. И. Бородиной о том, что в 1947 г. она указала женщине-археологу плиту длиной 1,5-2 м с греческой надписью, по определению этой женщины-археолога, на берегу Б. Зеленчука, между Ропачаем и Ревунком, исследователь поставил под сомнение, т. к. Е. Г. Пчелина отрицала данный «факт» [Кузнецов В. А. 1968. С. 197, сн. 10, 199, сн. 14].

В. А. Кузнецов отмечал, что размеры Зеленчукской плиты были даны В. Ф. Миллером (высота – 1,50 м, средняя ширина – ~25 см) только со слов Д. М. Струкова, т. е. ни Д. М. Струков, ни впоследствии Г. И. Куликовский, непосредственно плиту не измеряли. Автор полагает, что для столь большой многообразной надписи плита должна быть значительно крупнее [Кузнецов В. А. 1964. Л. 1; 1968. С. 193-197; 2013а. С. 122-130; 1977. С. 151-152; 2008. С. 219-220, 224; Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 298-299; 2013. С. 108]. В принципе, данное замечание не вполне справедливо, поскольку мы не знаем и масштабов самой надписи, т. к. «оттиск из бумаги» Г. И. Куликовского утерян.

Кроме того, сам оттиск мог давать определенные основания к оценке размеров плиты. Более весомо наблюдение исследователя, что нанесение Д. М. Струковым плиты на масштабированный план позволяет считать высотой плиты 2,84 м, а шириной в нижней части – не менее 60 см. Но данные расчеты, видимо, нельзя принимать за окончательные. Устная информация Д. М. Струкова может указывать и на то, что художник просто вписал без масштабирования изображение плиты внутри каменной ограды на своем чертеже, а получившиеся завышенные размеры плиты были обусловлены желанием художника удобно поместить на ней текст. К сожалению, мы не можем опираться на такие важные для исследования эпиграфического памятника данные как фотография или скрупулезное исходное описание памятника, которое составляется непосредственно на месте находки.

Приведенные выше сведения протоколов заседаний ИМАО привлекают особое внимание к фигуре иеромонаха Серафима. Известно, что Серафим (Стефан Титов) был старцем келлии Благовещенской Хилендарского монастыря на

Афоне, иеромонахом. В октябре 1886 г. он обратился к епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Владимиру (1886-1889 гг.). Он сообщал, что услышал о древних христианских храмах на р. Большой Зеленчук и лично посетил те места, найдя храмы в плохом состоянии, что грозило им и дальнейшим разрушением, в том числе, за счет отношения местного населения. Иеромонах ходатайствовал о восстановлении древних зеленчукских храмов и об устройении при них, по уставу святой горы Афонской и без пособия от казны, мужской общежительной пустыни, посвященной памяти Святого благоверного князя Александра Невского, доблестного защитника земли Русской. Также предлагалось обустроить и богодельню для престарелых православных воинов.

Епископ Владимир (Петров) лично посетил в ноябре 1886 г. указанные иеромонахом места, где обнаружил пять древних христианских храмов. Оставаясь на месте, он велел срочно очистить от мусора три храма и отвести один из них под временное богослужение. Епископ пришел к заключению, что в прошлом эти места были густо населены христианами, а христианские храмы возведены в X в. Он указывал на необходимость принятия всех мер к сохранению и будущей реставрации храмов. К нему обращались и местные жители, выражавшие желание помочь в устройении пустыни. Епископ Владимир при личной встрече предложил иеромонаху Серафиму открыть при пустыни иконописную школу.

Все обстоятельства дела епископ Владимир изложил в своем письме в Святейший Правительственный Синод. Письмо поступило к адресату 22 мая 1887 г. Указом Синода № 3029 от 9 сентября 1887 г. епископ уведомлялся о состоявшемся 22 мая – 1 июня 1887 г. определении Синода об учреждении общежительной Свято-Александро-Афонской Закубанской пустыни при древних храмах на р. Большой Зеленчук. Иеромонах Серафим обратился в Синод с просьбой о разрешении ему и еще 10 монахам, включая его отца, монаха Игнатия, переселиться на место из Афона. Он также обратился к Главнокомандующему Кавказским краем с просьбой об отводе земли.

Мужской общежительный монастырь, названный Свято-Александро-Афонской Зеленчукской нештатной общежительной пустыней, был учрежден по уставу монастырей священной горы Афон указом Святейшего Синода от 18 октября 1889 г. Фактическое его открытие состоялось 12 ноября 1889 г. В этот день, утром за литургией, иеромонах Серафим был возведен в сан игумена. Когда в Кубанской области состоялся сбор пожертвований на реставрацию древних храмов, то вся собранная сумма была направлена игумену Серафиму, «смотрению и заботам» которого были поручены также Шоанинский и Сентинский храмы, стоявшие «по вновь проложенной дороге через Сухумский перевал». В 1904 г. игумен Серафим был переведен в другой монастырь.

Обращение ИМАО к тогда еще иеромонаху Серафиму и высказанная им в письме готовность к сотрудничеству могли вселять некоторую надежду на сохранение сведений о памятнике, исходя из примеров бережного отношения к найденным древностям. Например, в аннотации к своему альбому Д. М. Струков отмечал:

«44, 45, 46., Рисунки предметов, найденных в разных местах во время постройки монастыря. Предметы хранятся у настоятеля монастыря, Игумена Серафима».

Епископ Владимируказывал на отсутствие в монастыре специального помещения для хранения археологических находок и человека, способного хранить их и систематизировать. Поэтому игумен согласился открыть в монастыре отдел монастырских древностей при Ставропольском Епархиальном Церковно-Археологическом Обществе, созданном в конце 1904 г. [Колесникова М. Е., Сергеев В. Д. 2000. С. 53-59]. В его древнехранилище, которое легло в основу созданного в 1906 г. Ставропольского епархиального музея, в интересах истории края и науки хранились и систематизировались находки и жертвования, доступные для обозрения посетителями. Игумен обещал доставить все находки и поместить их в специальную витрину, в том числе и каменный крест с греческой надписью 1013 г., который первоначально хранился в трапезной [Денисов Л. И. 1908. С. 339]. По сведениям Е. Г.

Пчелиной, после революции во время переделки церкви в складское помещение школы местные жители спрятали его в склепе церкви [Пчелина Е. Г. 1960. С. 299, сн. 1].

Таким образом, возможно, что какие-то дополнительные сведения о памятнике все еще хранятся в государственных или церковных архивах. Такая, ранее высказанная надежда [Туаллагов А. А. 2010. С. 114], нашла свое первое подтверждение. Любезно откликнувшись на мою просьбу, за что я приношу искреннюю благодарность, Д. В. Белецкий прислал мне соответствующие фотоснимки рисунков из альбома Д. М. Струкова, хранящегося в Архиве Императорской Археологической Комиссии Института истории материальной культуры РАН в г. Санкт-Петербург. Один из фотоснимков представлял известную публикацию В. А. Кузнецовым и Л. А. Перфильевой рисунка Д. М. Струкова надписи на Зеленчукском камне (альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова, лист № 49).

Среди других фотоснимков из альбома был также представлен лист с изображениями двух камней с надписями (рис. 7-8). Один из камней вновь представляет собой Зеленчукскую плиту (лист № 21). На предшествующем листе представлены аналогичные изображения этих камней, но уже с рукописными пояснениями (лист № 20). Одно изображение сопровождалось следующим пояснением: «Надпись на каменной плите креста, снимок с рисунка П. Буткова. Крест найден осенью 1884 г. на кладбище при храме А». Второе изображение интересующего нас Зеленчукского камня также сопровождалось пояснением:

«Надпись на плите в 30 верст от ущелья Зеленчука по снимку Иеромонаха Серафима».

Работа В. Ф. Миллера с рисунком Д. М. Струкова и наличие рисунков в альбоме самого Д. М. Струкова свидетельствуют, как минимум, об обладании Д. М. Струковым несколькими копиями Зеленчукской плиты. Наличие в самом альбоме Д. М. Струкова нескольких интересующих нас рисунков на листах №№ 20, 21, 49 может поставить вопрос, безусловно, нуждающийся в дальнейшем исследовании, в первую очередь, рукописной аннотации Д. М. Струкова, об источнике (авторстве) или источниках рисун-

ков. В протоколах заседаний ИМАО и в работе В. Ф. Миллера ничего не говорится о рисунке иеромонаха Серафима. В то же время обращение к нему ИМАО с просьбой снять с Зеленчукской надписи оттиск и положительный отклик на просьбу иеромонаха Серафима могут свидетельствуют о непосредственной вовлеченности иеромонаха в исследование памятника. С другой стороны, снятие оттиска требовало определенных приспособлений и навыков работы с ними, и, если не знакомства с самой Зеленчукской надписью, но знания точных ориентиров для ее нахождения.

Мы можем предварительно полагать, что иеромонах Серафим выполнил просьбу ИМАО. Но он, насколько можно понять из пояснения к рисунку на листе № 20, снял не оттиск, а сделал свою копию (рисунок) с Зеленчукского камня. Данная копия затем была и перерисована Д. М. Струковым в свой альбом. Впоследствии пожелание ИМАО было реализовано Г. И. Куликовским. Он снял оттиск из бумаги с Зеленчукской надписи. О вовлеченности игумена Серафима в процесс фиксации христианских памятников дополнительно свидетельствует краткое сообщение В. В. Латышева о том, что в феврале 1900 г. возле 1-й церкви Зеленчукского монастыря на древней могиле был обнаружен обломанный сверху каменный крест с надписями на обеих сторонах. Снимки надписей в натуральную величину немедленно после открытия были высланы в Императорскую Археологическую Комиссию игуменом Серафимом [Латышев В. 1904. С. 101].

В той же статье В. В. Латышев сообщает о привезенных сделанных в 1890 г. Д. М. Струковым прекрасном акварельном снимке и эстампаже с упоминавшегося каменного креста 1013 г., который ранее фиксировался П. Г. Бутковым и Ю. Клапротом. Снимок [Латышев В. 1904. С. 99] точно соответствует снимку из альбома чертежей и рисунков Д. М. Струкова. Данное сообщение подтверждает факт продолжения исследований Д. М. Струкова в районе Зеленчукского монастыря и его работу не только по снятию копий, но и эстампажей. Но данная работа не могла вестись без определенного участия игумена Серафима. Однако никаких более сведений о продолжении исследования Зелен-

чукской надписи, вплоть до работы Г. И. Куликовского, мы в своем распоряжении не имеем.

К сожалению, никакой дополнительной информации о Зеленчукской надписи в изданиях того времени обнаружить не удалось. Так, в работе, посвященной христианским древностям на Зеленчуке, автор считает еще не установленной принадлежность этих древностей какому-либо народу. Но, перечисляя известные ему современные адыгоязычные народы, он склоняется к версии о «черкесских народах», которые со временем попали под власть хазаров, затем половцев и монголо-татар, принявших мусульманство, что определило отход от христианской веры местного населения.

Отмечается рассказ горцев о том, что их предки некогда нападали на христиан, грабили их, убивали священников копьями и ломали их жезлы (данные рассказы напоминают о рассказах сванов о горцах [Миллер В. Ф. 1898. С. 114-115], что должно бы было восприпятствовать суждениям о черкесских народах, тогда как карачаевцы приписывали древние постройки, могилы и церкви по р. Теберда диким людям – «Агач-Киши» [Алиев У. 1991. С. 53-54] – А. Т.). Единственным «документальным указателем» на время христианской истории на Зеленчуке считается каменный крест 1013 г., рисунок которого приводится. В работе указывается на сложности в ведении археологических изысканий из-за отсутствия средств, а среди хранимых в монастыре археологических находок, явно добытых из погребений, Зеленчукская плита отсутствует [Древне-христианские храмы. 1896. С. 26-28, 33-34].

Сопоставляя материалы из данной публикации с исследованиями В. Ф. Миллера, записями Д. М. Струкова в его рукописной аннотации к альбому чертежей и рисунков, с фактами принятия к игумену Серафиму обращения ИМАО и непосредственного общения с тем же Д. М. Струковым, создается впечатление, что автор, словно, был изолирован от информации о научном исследовании Зеленчукской надписи и средневековой истории на Зеленчуке. Ничего нового не содержится и в другой публикации. Единственным дополнением является указание на греческую надпись на каменной плите с обозначением XIII в., при-

близительно, в 15 верстах выше монастыря, в лесу, по правому берегу Зеленчука [Динник Н. 1899. С. 10-11].

Как бы то ни было, приведенные материалы дают нам некоторое основание внести коррективы в прежде принятые представления. Хотя вопрос об исследовании надписи иеромонахом Серафимом нуждается в дальнейшем прояснении, но на сегодняшнем этапе выявления источников надписи мы можем сделать некоторые предварительные выводы. Зеленчукский камень, вероятно, мог быть обследован *in visu* не двумя – Д. М. Струковым и Г. И. Куликовским, а тремя людьми – Д. М. Струковым, иеромонахом Серафимом и Г. И. Куликовским. Время предполагаемого снятия копии с камня иеромонахом Серафимом, в отсутствии иных данных, логично помещать между принятым к нему обращением ИМАО, ответным письмом иеромонаха Серафима и возведением иеромонаха Серафима в сан игумена. Тогда, скорее всего, снимок мог бы быть снят в промежутке лето-осень 1889 г. Насколько известно, в июле-августе 1890 г. Д. М. Струков вновь посещал район Зеленчука [Савенко С.Н. 2010. С.312-314], что могло бы определять момент передачи ему своей копии с Зеленчукской плиты иеромонахом Серафимом, с которым он тогда непосредственно встречался и сотрудничал. Собственно и рисунки из альбома чертежей и рисунков Д. М. Струкова постранично датируются 1887-1889 гг.

Таким образом, сохраняя, как и другие исследователи [Савенко С.Н. 2010. С.314], определенные сомнения об условиях открытия и изначальной фиксации Зеленчукской надписи, мы допускаем возможность того, что в 1888 г. Д. М. Струков и в 1889 г. иеромонах Серафим зарисовали Зеленчукский камень с надписью. Поэтому в дальнейшей работе, учитывая непроясненность до конца вопроса, будем обращаться к «рисунку (копии) иеромонаха Серафима». В 1892 г. Г. И. Куликовский снял с Зеленчукского камня оттиск. Таким образом, сегодня исследователями должно учитываться наличие двух копий с камня, исполненные Д. М. Струковым и иеромонахом Серафимом, и репродукции В. Ф. Миллера, составленной автором по копии Д. М. Струкова и с учетом оттиска Г. И. Куликовского. Но хочется

вновь выразить надежду, что какие-то дополнительные сведения о памятнике, прежде всего, оттиск Г. И. Куликовского (хотя трудно представить его состояние даже в случае обнаружения), или сам памятник все еще хранятся в государственных или церковных архивах, возможно, в личных фондах исследователей. К сожалению, пропажа Зеленчукского камня не являет собой исключительный пример в судьбах эпиграфических памятников.

ГЛАВА I. ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ

Представленный Д. М. Струковым в своем альбоме рисунок иеромонаха Серафима, практически полностью совпадает с рисунком самого Д. М. Струкова. В. А. Кузнецов, который как археолог закономерно не ставил перед собой задачи прочесть саму надпись, кратко отмечал замеченные им различия между рисунком Д. М. Струкова и репродукцией В. Ф. Миллера в строках 1, 2, 8, 13 и 17. Скрупулезное сравнение рисунка Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера было произведено Л. Згустой [Zgusta L. 1987. P. 16-19]. Исследователь указывает, что при проведении сравнения использовал рисунок Д. М. Струкова, по первой его публикации В. А. Кузнецовым, и репродукцию В. Ф. Миллера, по ее первому авторскому изданию [Zgusta L. 1987. P. 14].

Однако обращение к сравнительному рисунку [Zgusta L. 1987. P. 15, fig. 6], видимо, позволяет сделать некоторую оговорку. Учитывая приведенные Л. Згустой данные о переизданиях рисунка Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера [Zgusta L. 1987. P. 8, n. 12], следует полагать, что он использовал переиздание репродукции В. Ф. Миллера, например, по работе В. И. Абаева, в которой налицо полностью совпадающие с рисунком у Л. Згусты некоторые изменения в воспроизведении отдельных букв надписи [Абаев В. И. 1949. С. 263]. Но они счастливо второстепенные и не влияют на идентификацию букв и на само прочтение надписи. Возможно, эти изменения изначально были связаны с необходимостью перерисовки репродукции В. Ф. Миллера от руки и уровнем типографской работы того периода. Кроме того, указание Л. Згусты, подтверждаемое его рисунком, который сегодня используют и в других изданиях [Мамиев М. 2014. С. 45; 2014а. С.53, рис.1], что на рисунке Д. М. Струкова присутствует точка в конце строки 7, видимо, свидетельствует об использовании им копии Д. М. Струкова с пометкой, отсутствующей в оригинале.

Приведем собственные наблюдения по рисунку иеромонаха Серафима (рис. 7-8) с учетом сравнения Л. Згусты, непосредственно используя рисунок Д. М. Струкова (рис. 3) и ре-

продукцию В. Ф. Миллера (рис. 9). Как справедливо заметил для своего времени Л. Згуста, никогда не было сомнения, за одним только исключением, что в первых двух строках представлены сокращенные формы имени, которые понятны даже без присутствующей в начале надписи горизонтальной черты. Она сигнализирует о сокращениях в византийских написаниях, обычно агиографического или сакрального характера [Zgusta L. 1987. P. 20]. Речь идет о наличии в начале надписи надстрочного знака титло (τίτλος), который указывает на сокращенное написание слова, его части или на цифровое значение буквы.

Строка 1. Состоит из одной буквы Ι, йотированной ι [Срезневский И. И. 1876. С. 49; Thompson E. M. 1893. P. 175], фактически ничем не отличаясь от рисунка Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера. Верхняя горизонтальная линия менее волнистая, а нижняя горизонтальная линия заканчивается кружком, как у Д. М. Струкова, а не крючком, как у В. Ф. Миллера. Волнистая линия обычно более соответствует скорописи. Подквадратная форма фигуры (механическая выбоина на плите), продолжением которой служит нижняя линия (как и верхняя, представляет собой знак сокращения титло), имеет несущественные друг от друга отличия в очертаниях на всех трех изображениях.

Строка 2. Как и на рисунке Д. М. Струкова, буквы Χ и Σ не соединены между собой. На репродукции В. Ф. Миллера они соединяются в части своих верхних окончаний. Нижние окончания буквы Χ имеют заметные, но не сомкнутые закругления. На рисунке Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера правое окончание имеет незначительный изгиб, а левое окончание – более разомкнутое закругление. Графическое начертание всей строки имеет близкие территориально и хронологически параллели [Голубев Л. А., Долечек Л. Л., Малахов С. Н., Пьянков А. В. 2014. С. 26, ил. 2, 3].

Строка 3. Вторая буква Α по форме более близка к рисунку Д. М. Струкова, более соответствуя форме курсивного письма. На репродукции В. Ф. Миллера несколько увеличена и более изогнута верхняя часть буквы. За данной буквой следует более скорописное написание двух букв υι. Формы букв имеют близ-

кие примеры в курсивном и минускульном письме. Лигатура γ минускульного письма неоднократно фиксируется в различных эпиграфических памятниках [Thompson E. M. 1912. P. 227, 229, 233; Gardthausen V. 1879. Taf. 6, col. 972, taf. 7, col. 1037, 1060, 1083, taf. 8, col. 1104, 1164, taf. 9, col. 1172; Faulman C. 1880. S. 172]. Начальная γ в данной лигатуре соответствует одной из форм буквы минускульного письма [Cucuel Ch. 1891. Pl. II], которая ближе и к форме курсивного письма [Thompson E. M. 1912. P. 194]. Данная форма представлена и в иных лигатурах [Faulman C. 1880. S. 172; Gardthausen V. 1913. Taf. 6, col. 1027].

Как и на рисунке Д. М. Струкова, следующая буква С соединена с предшествующей γ в своей нижней части. На репродукции В. Ф. Миллера место соединения перенесено ближе к средней части буквы. Подтверждается наличие конечной О, представленной на рисунке Д. М. Струкова, но отсутствующей в репродукции В. Ф. Миллера. Конечная О не соединяется с предшествующей частью надписи, как на рисунке Д. М. Струкова. Она, как и у Д. М. Струкова, изображена в меньшем масштабе, чем непосредственно предшествующая ей надпись, что визуально поднимает ее к верхнему горизонту всей строки. Фактически передача конечной О соответствует передаче начальной О в этой же строке, а также начальной О в строках 5 и 10. Как и на рисунке Д. М. Струкова, конечная О изображена вплотную к линии правого бокового края плиты.

Строка 4. Особых различий не наблюдается. Первая буква, как на рисунке Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера, представлена как развернутая на 180° русская буква Ч, и, несомненно, представляет букву N в курсивном и минускульном письме. Прямые параллели именно такой форме буквы представлены, например, на граффити, выполненных частично или полностью минускулом и сконцентрированных преимущественно в апсиде Сентинского храма [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 246, 252, III.3.C.b, III.3.C.c, III.3.C.d, III.3.C.l, III.3.C.o]. Известны и другие аналогии [Помяловский И. В. 1881. Таб. 2, рис. 3, таб. 6, рис. 15, 17; Латышев В. В. 1907. С. 39; Кузнецов В. А. 2002. Рис. 22, 1]. Соответствующая форма буквы N минускульно-

го письма неоднократно фиксируется и в иных эпиграфических источниках, в том числе X-XII вв. [de Montfaucon D. B. M.DCC.VIII. P. 336; Cucuel Ch. 1891. Pl. II; Wattenbach W. 1895. S. 96; Thompson E. M. 1912. P. 226, 227, 229, 233, 239, 240, 247, 248, 249; Gardthausen V. 1879. Taf. 5, col. 914, taf. 6, col. 950, 953, 964, 972, 990, 1027, taf. 7, col. 1037, 1045, 1059, 1071, taf. 8, col. 1104, 1124, 1136. 1159, taf. 9, col. 1172, 1186; Срезневский И. И. 1876. С. 50; Гардтгаузен В. 1911. С. 52; Латышев В. В. 1896. С. 34, № 27, 60, № 64, 66, № 60, № 57, 128, № 51а; Latyshev V. MCMXVI. P. 263, 421, 439, №№ 287, 463, 504; Canart P. 1980. P. 35; Евдокимова А. А. 2008]. На рисунке Д. М. Струкова (лист № 49) верхнее правое окончание несколько выше левого крайнего окончания, тогда как на рисунке иеромонаха Серафима окончания одной высоты.

Вторая буква К имеет форму как в курсивном и минускульном письме. Наклонные отрезки соединяются выше центра вертикальной мачты, что характерно для формы данной буквы и в других строках надписи. Четвертая буква Л имеет форму как в курсивном и минускульном письме. Форма л начинает наиболее часто употребляться с середины X в. [Срезневский И. И. 1876. С. 49]. На репродукции В. Ф. Миллера несколько укорочена левая изогнутая часть буквы л, удлинено верхнее окончание буквы А (имеет форму близкую к курсивному письму), а нижнему окончанию придан некоторый изгиб.

Строка 5. Особых различий не наблюдается. Буква О, как и у Д. М. Струкова, изображена несколько ближе к линии края плиты, чем на репродукции В. Ф. Миллера. Вторая буква С, как на репродукции В. Ф. Миллера, имеет завершение нижней части в форме изгиба, т. е. приведена форма конечной с. На рисунке Д. М. Струкова окончание имеет форму горизонтальной черты.

Строка 6. Первая буква С имеет несколько изогнутое верхнее окончание, как на репродукции В. Ф. Миллера. Нижнее загнутое окончание, как и у Д. М. Струкова, несколько меньше, чем на репродукции В. Ф. Миллера. Более четко представлены буквы Х и Н, как на репродукции В. Ф. Миллера. Но в отличие от репродукции В. Ф. Миллера, у буквы Х несколько укорочено верхнее правое окончание, как на рисунке Д. М. Струкова. На

последнем также несколько укорочено правое нижнее окончание буквы X, а также нижние окончания у буквы H. Представленная H со скошенной поперечной чертой начинает употребляться одновременно с обычной формой с VII-VIII вв. [Срезневский И. И. 1876. С. 48].

Строка 7. Подтверждается наличие первой буквы P за счет большего разрыва между верхней частью буквы и ее нижней дужки. Левый край нижней дужки изображен более прямолинейно, как на репродукции В. Ф. Миллера, но ее окончание более соответствует форме на рисунке Д. М. Струкова. В целом, форма буквы соответствует форме минускульного письма. Вторая и третьи буквы H и Ф ближе по изображению к рисунку Д. М. Струкова, на котором несколько укорочены верхнее и нижнее окончания правой вертикальной линии. Соединительный отрезок (гаста) имеет больший наклон, как на репродукции В. Ф. Миллера (в целом, формы букв ближе к формам курсивного и минускульного письма).

В конце строки, как на рисунке Д. М. Струкова и на репродукции В. Ф. Миллера, нанесена строго вертикальная черта. Л. Згуста, как представляется, логично полагает, что она является остатком буквы Y, которая могла иметь форму V как в строке 14. Что касается предположения Л. Згусты, что точка в конце строки на рисунке Д. М. Струкова, отсутствующая на репродукции В. Ф. Миллера, могла быть царапиной, то его следует отклонить. Ни на рисунке Д. М. Струкова, ни на рисунке иеромонаха Серафима такой точки нет.

Строка 8. Первая буква X, как и на рисунке Д. М. Струкова, оканчивается в верхней правой части кружком, а не крючком, как на репродукции В. Ф. Миллера. По мнению Л. Згусты, кружок не является еще одной буквой, а служит орнаментальным украшением. Однако данное замечание окончательно не исключает вероятности, тем более на фоне изображения буквы X строки 2, что мы имеем дело с обычной лигатурой XO минускульного письма [Hadgkin J. MDCXXXV. Tab. 20; Thompson E. M. 1912. P. 229, 238, 241, 244, 247, 248]. Соответствующая форма соединения XO представлена и в иных лигатурах [Groningen B. A. 1940.

Fig. 9]. Окончание верхней левой части буквы Х передано более прямым отрезком, чем у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера. Вторая буква в форме развернутой на 180° буквы С имеет большее сходство между окончаниями, как на рисунке Д. М. Струкова. На репродукции В. Ф. Миллера сходство между окончаниями шире, что дополнительно придает знаку более вытянутую по вертикали форму. Возможно, такая форма знака продиктована данными оттиска Г. И. Куликовского.

В третьей букве В, как на репродукции В. Ф. Миллера, нижняя часть несколько больше верхней. Четвертая буква в форме буквы С, как у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера, имеет усеченное нижнее окончание. Последняя буква в этой строке, в случае ее идентификации, справедливо воспринимаемая, за исключением двух крайне сомнительных случаев, как Н, изображена более плавно в левой части, как у В. Ф. Миллера, но более прямолинейно в своей правой части, как у Д. М. Струкова. Левый верхний изогнутый отрезок несколько напоминает таковой на каменном составном кресте из ограды церкви ст. Сторожевая [Помяловский И. В. 1881. С. 18, № 34, таб. 6, рис. 15], где он украшает первую букву в сокращении Ι(ησου)ς Χ(ριστο)ς. В целом, форма буквы Н ближе к форме минускульного письма.

Строка 9. На рисунке иеромонаха Серафима без указания авторства (лист № 21 альбома Д. М. Струкова) в стоящей первой в строке лигатуре верхнее левое окончание изображено с большим, но не сомкнутым загибом, как на рисунке Д. М. Струкова и на репродукции В. Ф. Миллера. Само очертание окончания, кажется, ближе к репродукции В. Ф. Миллера. На рисунке иеромонаха Серафима с указанием авторства (лист № 20 альбома Д. М. Струкова), данное окончание имеет форму замкнутой окружности. Можно предполагать, что мы имеем дело, например, с незначительным изменением формы окончания в результате перерисовки Д. М. Струкова с рисунка иеромонаха Серафима.

Правое верхнее окончание ближе изображению на рисунке Д. М. Струкова. В репродукции В. Ф. Миллера оно несколько увеличено в размерах, как и его нижняя часть. В целом, первый

знак строки 9 может быть идентифицирован как лигатура *ото* [Hadgkin J. MDCCCXXXV. Tab. 17; Gardthausen V. 1879. Taf. 6, col. 972, taf. 7, col. 1045; 1913. Taf. 5, col. 914; Гардтгаузен В. 1911. С. 52; Церетели Г. 1904. Табл. VI (X в.)] с несколько поврежденным правым верхним окончанием. С учетом последнего замечания, гораздо сложнее представить в знаке лигатуру *оте* [Gardthausen V. 1879. Taf. 7, col. 1083, taf. 8, col. 1159; Thompson E. M. 1912. P. 229; Церетели Г. 1904. Табл. II (1088-1090 гг.)].

На всех трех изображениях лигатура соединена со следующей буквой *р*. Данное соединение необычно. Возможно, мы имеем дело с несколько нетрадиционной передачей в соединении *і* минускульного письма, или *и* того же минускульного письма [Faulman C. 1880. S. 171], что превращает, хотя это изначально выглядит слишком нетрадиционно и сложно, в некую общую лигатуру, либо в соединение лигатур *ото/оте* и *ip/ур*. Предпочтительнее рассматривать лигатуры *ото* и *ур*.

На рисунке иеромонаха Серафима верхняя часть буквы *Р* имеет форму овала. Нижняя часть в форме слабо изогнутой черты соединяется с ней в крайней правой части. На рисунке листа № 21 черта более короткая. На рисунке Д. М. Струкова овал приобретает более округлую форму, а нижняя часть – форму более прямой линии. На репродукции В. Ф. Миллера верхняя часть передана уже в форме правильной окружности и соединяется с прямой линией нижней части в средней точке нижней части круга. Несомненно, мы имеем дело с буквой *р* (*po*) курсивного письма, которая в силу незначительного изменения в деривате В. Ф. Миллера стала особенно похожа на букву *р* (коппа) [Wattenbach W. 1895. S. 98], которая уже в классическую эпоху имела только цифровое значение, заимствованное и в кириллицу.

Следующая буква *Н* соответствует размерам рисунка Д. М. Струкова. На репродукции В. Ф. Миллера она несколько увеличена. Конечная *Ф* имеет зеркальное воспроизведение в рисунке Д. М. Струкова, к которому ближе изображение на репродукции В. Ф. Миллера. Средняя линия практически не выходит за верхнюю часть всего изображения, что намечается на рисунке Д. М. Струкова и более выражено на репродукции В. Ф. Милле-

ра. В целом, обе буквы по формам ближе к формам курсивного и минускульного письма.

Строка 10. Первая буква О рисунка иеромонаха Серафима на листе № 21 меньше размером, чем на других рисунках. Вторая в строке буква имеет более плавное очертание, чем на рисунке Д. М. Струкова, и менее подквадратную форму, чем на репродукции В. Ф. Миллера. Она более похожа на i минускульного письма, что не исключает и формы u того же минускульного письма, в том числе, в форме лигатуры ur, как предполагалось для строки 9. Сама форма третьей буквы несколько необычна. Ее верхняя часть на рисунках иеромонаха Серафима и Д. М. Струкова имеет заостренное окончание с некоторым наклоном влево. На репродукции В. Ф. Миллера она приобретает подквадратную форму, что визуально более сочетается с формой предшествующей буквы. Скорее, учитывая также наблюдения по строке 9, мы имеем дело с несколько «необычной», но лишь на первый взгляд, формой буквы р.

Ее «необычная» форма находит себе вполне обычное объяснение. В минускульном письме надежно представлена лигатура ur [de Montfaucon D. V. M.DCC.VIII. P. 16; Hadgkin J. MDCCCXXXV. Tab. 6; Gardthausen V. 1879. Taf. 7, col. 1045, 1059, 1078; 1913. Taf. 6, col. 1027, taf. 7, col. 1083; Thompson E. M. 1912. P. 244; Groningen B. A. 1940. Fig. 9; Canart P. 1980. P. 30]. Среди примеров особенности соединения в ней букв представлена форма, соответствующая указанной для нашего случая [Gardthausen V. 1879. Taf. 7, col. 1027]. Она не является исключительной, фиксируясь и на примерах иных лигатур с входящей в их состав буквой р [Hadgkin J. MDCCCXXXV. Tab. 17; Gardthausen V. 1879. Taf. 8, col. 1124, 1136, 1159, taf. 9, col. 1172, 1186; Wattenbach W. 1895. S. 99; Thompson E. M. 1912. P. 244; Faulman C. 1880. S. 173; Латышев В. В. 1896. С. 61, 127, № 51; Groningen B. A. 1940. Fig. 9; Canart P. 1980. P. 20, 33]. Следует помнить и об упоминавшейся схожести отдельных форм букв i и u минускульного письма [Faulman C. 1880. S. 171]. Таким образом, следует признать, что в строке 10 мы имеем дело именно с лигатурой ur.

Конечная T строки 10 имеет горизонтальный, но чуть ско-

шенный отрезок верхней части буквы. На рисунке Д. М. Струкова скос несколько увеличен. На репродукции В. Ф. Миллера части буквы строго перпендикулярны по отношению друг к другу.

Строка 11. Вторая буква строки А отличается от изображения на рисунке Д. М. Струкова прямой наклонной правой линией, как на репродукции В. Ф. Миллера, и меньшей округлостью нижней левой части, чем у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера. Третья буква строки К имеет плавный изгиб правого нижнего окончания, как на рисунке Д. М. Струкова, но несколько длиннее, в отличие от второго. На репродукции В. Ф. Миллера форма буквы передана более прямолинейными чертами. Последняя буква А строки имеет заостренную верхнюю часть, тогда как у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера она представлена окончанием правой наклонной линии.

Строка 12. Первая буква Θ, как и в последующих строках, имеет несколько вытянутую по вертикали форму. В целом, на рисунках иеромонаха Серафима и Д. М. Струкова данная форма дополняется заостренным верхним окончанием, что более напоминает форму буквы курсивного и минускульного письма. Третья в строке буква Р имеет в верхней правой части форму углового соединения, как на рисунке Д. М. Струкова. Такая форма сопоставима, например, с формой буквы Р на фреске на стене Среднего Зеленчукского храма с рисунков Д. М. Струкова [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 153, 357, таб. 5]. На репродукции В. Ф. Миллера эта часть передана плавной линией. Последняя буква А имеет заостренную верхнюю часть с чуть намечающимся выходом окончания правой наклонной линии, как на репродукции В. Ф. Миллера. На рисунке Д. М. Струкова последнее окончание передано явно выступающим.

Строка 13. Первая буква строки К имеет плавные окончания в месте их соединения. У Д. М. Струкова правое верхнее окончание имеет более выпрямленную форму. Она представлена на репродукции В. Ф. Миллера, на которой правое нижнее окончание имеет более угловатый излом и более отдалено от вертикальной левой черты буквы. На рисунке иеромонаха Серафима, как и на рисунке Д. М. Струкова, левая вертикальная

черта несколько отклонена в правую сторону от боковой линии плиты, и правое нижнее окончание опущено ниже окончания вертикальной черты. На репродукции В. Ф. Миллера вертикальная левая черта буквы дана параллельно линии плиты, а ее нижние окончания представлены на одном уровне. Две буквы А в данной строке переданы с заостренными верхними окончаниями, как в строке 11, тогда как у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера верхние части представлены окончанием правой наклонной линии.

Строка 14. Вторая в строке буква О, в отличие от репродукции В. Ф. Миллера, имеет заостренное верхнее окончание, как на рисунке Д. М. Струкова. Третья буква У по форме ближе рисунку Д. М. Струкова, чем репродукции В. Ф. Миллера, в которой представлена и дополнительная горизонтальная черта в нижней части. Третья буква Р имеет некоторый разрыв между вертикальной линией и овалом, отсутствующий у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера.

Между буквами Р и Т на уровне их верхних частей нанесен наклонный отрезок, представленный, но с чуть большим наклоном, на рисунке Д. М. Струкова и отсутствующий на репродукции В. Ф. Миллера. Л. Згуста справедливо замечает, что нет такой буквы, для которой данный отрезок мог бы служить остатком какой-либо его части. Отрезок мог быть царапиной на камне, который существовал еще до работы резчика, в пользу чего говорит и большее расстояние между двумя последними буквами по сравнению с четырьмя первыми.

В подтверждение справедливости такого решения приведем и другое наблюдение. В. Ф. Миллер отмечал, что буквы на плите «... были высечены вглубь довольно глубоко». Данное замечание могло диктоваться только знакомством с оттиском Г. И. Куликовского, т. к. рисунки Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима не могли предоставить подобных данных. Поэтому следует полагать, что обсуждаемая черта на оттиске Г. И. Куликовского либо практически не просматривалась, либо ее характер и глубина были незначительны, что наглядно отличало ее от глубоко врезанных букв. Поэтому за решением В. Ф. Миллера

объективно могли стоять одновременные наблюдения об отсутствии такой буквы, для которой данный отрезок мог бы служить остатком какой-либо его части, и явное отличие характера и глубины отрезка по сравнению с другими буквами.

Строка 15. Первая в строке буква А имеет несколько изогнутую правую наклонную линию с чуть намеченным выходом за место соединения с левым овалом в его верхней части. У Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера данный выход выражен четко, что дополняется у В. Ф. Миллера более явным изгибом правой наклонной линии. Вторая буква Н имеет слегка заметное понижение уровня правой вертикальной линии по отношению к левой вертикальной линии, что сближается с изображением на репродукции В. Ф. Миллера. На рисунке Д. М. Струкова это понижение выражено более явно. Последняя буква А близка формам такой же буквы в окончаниях строк 11-12 и в строке 13. Ее изображение ближе изображению на репродукции В. Ф. Миллера, тогда как на рисунке Д. М. Струкова правая наклонная линия более высоко соединяется с левым овалом и несколько короче в своей нижней части.

Строка 16. Первая буква строки λ с выходящим за место соединения окончанием правой наклонной линии сопоставима с изображением на репродукции В. Ф. Миллера. Нижнее окончание левой наклонной линии несколько укорочено. На рисунке Д. М. Струкова несколько укорочено нижнее окончание правой наклонной линии. Кроме того, у В. Ф. Миллера нижнее окончание левой наклонной линии смыкается с левой линией края плиты и симметрично уровню нижнего окончания правой наклонной линии. Вторая буква А строки близка форме последней буквы А строки 15 и более соответствует изображению на репродукции В. Ф. Миллера. На рисунке Д. М. Струкова вновь укорочено нижнее окончание правой наклонной линии.

Третья буква Н имеет несколько волнистую соединительную черту. На рисунке Д. М. Струкова черте придана более волнообразная форма, а на репродукции В. Ф. Миллера, наоборот, менее волнообразная. Четвертая буква А в строке имеет более глубокое соединение овала с наклонной линией и заостренную

форму верхнего окончания. На рисунке Д. М. Струкова верхнее окончание наклонной линии вновь выше места соединения с овалом, как на репродукции В. Ф. Миллера, а нижнее окончание наклонной линии вновь укорочено.

Конечная А строки имеет форму чуть разомкнутого в верхней части овала с высоко выступающей верхней частью наклонной линии. Нижняя часть наклонной линии отсутствует. На рисунке Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера линия овала замкнута, повторяется форма верхней части наклонной линии, и также отсутствует ее нижняя часть. Причем, если на рисунке иеромонаха Серафима и репродукции В. Ф. Миллера буква в своей нижней части несколько отдалена от линии правого края плиты, то на рисунке Д. М. Струкова она, наоборот, изображена вплотную к последней, и ее боковая часть передана прямой линией, параллельной линии края плиты. Л. Згуста определяет букву как византийскую, более курсивную α, появление нижнего диагонального окончания у которой в репродукцию В. Ф. Миллера могло диктоваться знакомством с оттиском Г. И. Куликовского. Но повторим, что на репродукции В. Ф. Миллера, как и на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, такого окончания нет.

Строка 17. Первая буква строки λ повторяет форму первой буквы λ строки 16, но имеет еще более укороченное нижнее окончание левой наклонной линии. Данная форма представлена и на рисунке Д. М. Струкова с уменьшением масштаба самой буквы. На репродукции В. Ф. Миллера форма и размещение буквы соответствуют начальной λ в строке 16 репродукции. Следующая буква А повторяет форму, отмеченную для последней буквы строк 11-12, 15 и буквы строки 13, и близка форме буквы на репродукции В. Ф. Миллера. На рисунке Д. М. Струкова вновь представлены выходящее далее за место соединения с овалом верхнее окончание правой наклонной линии и ее укороченное нижнее окончание. Написание конечной Ф строки близко написанию на рисунке Д. М. Струкова. На репродукции В. Ф. Миллера оно ближе Ф строки 14 репродукции.

Строка 18. Вторая в строке буква У близка начертанию у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера. Но на рисунке Д. М. Струкова отсутствует нижняя горизонтальная черта, которая представлена и в начертании буквы в строке 14 у В. Ф. Миллера. В конце строки на уровне верхних окончаний предшествующих букв представлена плавно изогнутая горизонтальная линия, как и в рисунке Д. М. Струкова. В репродукции В. Ф. Миллера она представлена составной частью буквы Т. По мнению Л. Згусты, В. Ф. Миллер мог основываться на оттиске Г. И. Куликовского.

Строка заканчивается небольшой окружностью, нанесенной на уровне середины строки. Окружность заметно меньше и занимает иное положение, чем например, буквы О в строках 3, 5, 10, что не позволяет признать в окружности передачу данной буквы. На рисунке Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера окружность отсутствует. Следует ли усматривать в ней выражение структуры поверхности самой плиты? Но что интересно, на рисунке Д. М. Струкова Зеленчукской плиты, окруженной каменной оградой, в этом месте поставлена заметная точка.

Строка 19. Первая буква строки л повторяет форму верхнего соединения двух наклонных линий первых букв л в строках 16-17. Нижние окончания наклонных линий несколько выше уровня окончаний последующих букв в строке. На рисунке Д. М. Струкова нижнее окончание правой наклонной линии находится на уровне окончаний последующих букв, а нижнее окончание правой наклонной линии укорочено. На репродукции В. Ф. Миллера форма и месторасположение буквы повторяет соответствующие в начальных л строк 16-17. Две буквы А повторяют отмечавшиеся формы букв А в строках 11-13, 15, 17. На рисунке Д. М. Струкова вновь представлено выходящее далее за место соединения с овалом верхнее окончание правой наклонной линии. На репродукции В. Ф. Миллера первая А в данной строке ближе форме с рисунка Д. М. Струкова, а второе А – с рисунка иеромонаха Серафима.

Строка 20. Первая в строке буква Н имеет укороченную в нижней части левую вертикальную линию, как и на рисунке Д. М. Струкова. На репродукции В. Ф. Миллера обе вертикальные

линии симметричны. В соединенных в верхней части буквах Т и Э отмечается меньший изгиб в верхней части Э и более резкий изгиб ее нижнего окончания. Горизонтальная черта буквы заметно смещена к верхней части. На рисунке Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера линия полуовала Э более равномерная, без резкого изгиба нижнего окончания. Горизонтальная черта на репродукции В. Ф. Миллера визуально ближе к середине буквы. Возле своего внешнего окончания она имеет очень короткий, пересекающий ее вертикальный отрезок, отсутствующий на рисунках. Вероятно, здесь также выражается знакомство с данными оттиска Г. И. Куликовского.

Соединение букв Т и Э придает им форму лигатуры, в которой вторая буква может быть буквой Z (ζ) (формы курсивного и минускульного письма), получающей и на эпиграфических памятниках формы близкие к З и Э. Такое написание округленной Z представлено, например, в христианской надписи на плите из района Хумары в верховьях Кубани, по зарисовке Р. фон Эркерта 1887 г. [Кузнецов В. А. 2002. Рис. 2, 4; Kouznetsov V., Lebedynsky Ia. 1999. P. 53]. Несомненно, здесь нет буквы ς (сампи) [Wattenbach W. 1895. S. 103]. В целом, лигатура могла передавать звук -ц, как устанавливается по данным, например, аланских маргиналий (πητζίνακ χουτζαου παν) [Ivanov S. A., Lubotsky A. 2011]. Последняя Ρ в строке имеет, как и в строке 14, некоторый разрыв между вертикальной линией и овалом, вновь отсутствующий у Д. М. Струкова и В. Ф. Миллера.

Строка 21. Вторая буква строки Є имеет резко обрывающееся окончание в нижней части. Оно повторяется на рисунке Д. М. Струкова. Горизонтальный отрезок буквы у Д. М. Струкова несколько скошен. На репродукции В. Ф. Миллера изображение в нижней части имеет четкий загиб, форму горизонтального отрезка, как на рисунке иеромонаха Серафима. Вопреки замечанию Л. Згусты, после этой буквы на рисунке Д. М. Струкова слегка намечена отдельная точка, которая оказалась неучтенной при первой публикации рисунка В. А. Кузнецовым. Она четко обозначена на репродукции В. М. Миллера и представлена в форме небольшой окружности на рисунке иеромонаха Се-

рафима с указанием авторства (лист № 20 альбома Д. М. Струкова). Знак отсутствует на рисунке иеромонаха Серафима без указания авторства (лист № 21 альбома Д. М. Струкова). Таким образом, наличие точки в репродукции В. Ф. Миллера могло диктоваться не только данными оттиска Г. И. Куликовского, как полагал Л. Згуста.

Конечная буква строки λ имеет несколько укороченное нижнее окончание левой наклонной линии, а соединение наклонных линий ближе к форме соединений у букв N, чем у букв λ рисунка. На рисунке Д. М. Струкова также несколько укорочено нижнее окончание левой наклонной линии, но форма соединения линий хоть и также остроконечна, но более напоминает соединение в букве λ рисунка. На репродукции В. Ф. Миллера, наоборот, чуть короче визуально нижнее окончание правой наклонной линии, а соединение ближе к соединению букв λ репродукции. Вместе с тем, на репродукции наклонные линии буквы более симметричны, что больше сближает ее с буквами λ, тогда как на рисунках монаха Серафима и Д. М. Струкова левая наклонная линии ближе к вертикальному положению как у буквы N.

Наши наблюдения позволяют прийти к некоторым выводам. Приведенная Д. М. Струковым в своем альбоме копия Зеленчукской плиты иеромонаха Серафима вполне соответствует копии самого Д. М. Струкова и выкопировке (репродукции) В. Ф. Миллера. Вместе с тем, наличие некоторых незначительных отличий от рисунка Д. М. Струкова, не вносящих никаких существенных противоречий, как представляется, служит подтверждением оригинальности рисунка, что важно с точки зрения подтверждения наличия теперь у нас еще одного отдельного оригинального источника по Зеленчукской надписи.

Сравнение репродукции В. Ф. Миллера с рисунками Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима показывает, что В. Ф. Миллер стремился дать более четкое представление по всем нанесенным на плите знакам и строкам, в которых они были представлены. Этим может определяться заметное горизонтальное выравнивание строк по линиям, дополняющееся восстановле-

нием форм отдельных букв, включая, например, передачу третьей и второй букв в строках 14 и 18 в форме Υ . Реализованный подход сам по себе не вызывает никаких возражений. Такое восстановление дополнительно способствовало реализации «линейного принципа». Он, в свою очередь, визуально облегчал проведение научного анализа надписи, чему и было посвящено исследование В. Ф. Миллера, в том числе, и для других исследователей. С учетом всех приведенных наблюдений, замечание В. Ф. Миллера, что его репродукция «... точно передает копию, доставленную Д. М. Струковым» [Миллер В. Ф. 1893. С. 114], следует признать вполне объективным.

Проведенная В. Ф. Миллером обработка данных рисунка и оттиска вполне допустима в рамках избранного им и единственно доступного и оправданного на тот момент принципа выкопировки на основе рисунка Д. М. Струкова и оттиска Г. И. Куликовского при дополнительной консультации с их авторами. Следует полагать, что рисунок иеромонаха Серафима по каким-то неизвестным нам причинам В. Ф. Миллером не использовался. Редкие совпадения в отдельных элементах рисунка иеромонаха Серафима и репродукции В. Ф. Миллера, минуя рисунок Д. М. Струкова, представляются случайностью, зависящей от указанных принципов проводившейся выкопировки. Не исключено, что к нему в отдельных случаях могли привести также особенности литографического издания репродукции надписи и не всегда оговориваемый учет В. Ф. Миллером оттиска Г. И. Куликовского.

Кроме того, следует полагать, что сама репродукция В. Ф. Миллера уже являла собой продукт предварительного научного анализа. Это хорошо видно, например, по восстановленному изображению в строке 18 конечной буквы T , которое представляется вполне объективным. Интересно, что на рисунке Д. М. Струкова Зеленчукской плиты в каменной ограде здесь также представлена буква T , тогда как на отдельном рисунке плиты автора сохраняется только горизонтальная плавная черта ее верхней части. На этом рисунке представлена и следующая за буквой точка, которая может соответствовать небольшому ова-

лу на рисунке иеромонаха Серафима, тогда как на отдельном рисунке плиты она у Д. М. Струкова отсутствует. Но у Д. М. Струкова отдельная точка слегка намечена в строке 21. На репродукции В. Ф. Миллера она уже четко отмечена и поднята на уровень середины строки.

В строке 9 верхнее левое окончание знака уже имеет замкнутую форму, как на рисунке иеромонаха Серафима (лист № 20). Следует также отметить, что на рисунке Д. М. Струкова Зеленчукской плиты в каменной ограде представлен тот же «линейный принцип» как и на репродукции В. Ф. Миллера, дополняющийся восстановлением форм отдельных букв. В строке 3 теряется возможность восприятия последней О. В одном случае, как будто, отмечается замена в той же строке 18 изображения, которое В. Ф. Миллер передал как У, что соответствовало отдельному рисунку плиты у Д. М. Струкова, на и. Кроме того, все эти наблюдения могут, как минимум, поставить вопрос об условиях и времени завершения Д. М. Струковым его рисунка Зеленчукской плиты в окружении ограды, а также ценности такого рисунка для определения размеров плиты (и самой плиты?).

В целом, следует согласиться с наблюдениями исследователей об уровне работ Д. М. Струкова, условиях и времени их создания. Но они также справедливо отмечают, что «... к его сведениям, как к не обладающим абсолютной документальной достоверностью, следует относиться с крайней осторожностью, хотя надо признать, что зачастую это единственные данные об уже утраченных памятниках» [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 68, сн. 3]. С данной оценкой следует согласиться [Савенко С.Н. 2010. С.314-315]. Все это касается и не до конца понятного вопроса с рисунком иеромонаха Серафима. С другой стороны, в такой ситуации еще большее значение приобретает исследование В. Ф. Миллера, использовавшего оттиск Г. И. Куликовского.

Приведенные наблюдения, как представляется, могут быть продолжены и уточнены и некоторыми другими. К сожалению, у нас нет информации о характере и результатах предварительной обработки самой плиты под нанесение на нее надписи, а также о состоянии плиты на момент ее обнаружения. Известно

только, что плита была изготовлена из белого известняка. Известняк является одним из давних природных объектов, использовавшимся человеком в различных ремесленных целях. Он отличается известной устойчивостью, прочностью и долговечностью. Вместе с тем, он очень мягкий и пористый, что может приводить к определенным шероховатостям и на его обработанной поверхности, а также изменениям, например, в ходе внешнего, природного или человеческого, воздействия.

По справедливому замечанию Л. Згусты, сама надпись нанесена несколько неаккуратно и неточно, что также дает повод подозревать наличие определенных изъянов до и после подготовки поверхности плиты под нанесение надписи. К сожалению, у нас нет возможности определиться с состоянием поверхности плиты и через использование данных оттиска Г. И. Куликовского. Эти данные частным порядком аргументировано подразумевались В. Ф. Миллером и Л. Згустой при восстановлении отдельных букв в строках 1, 3, 21. Но они свидетельствуют о последующем локальном разрушении поверхности плиты в местах прежнего нанесения букв. Нельзя исключать, что и после изначальной подготовки поверхности плиты к нанесению надписи она имела рельефные неровности.

Несомненно, плита подвергалась и дальнейшему внешнему воздействию, о чем говорит даже только ее находка в опрокинутом на землю состоянии. Изначально плита должна была быть вертикально установленной, о чем свидетельствует наличие в ее нижней части специального выступа для крепления в таком положении. Показательно, что нижний срез данного выступа неровен, подтверждая наличие разрушений. Не следует исключать продолжения природного воздействия на плиту и после ее опрокидывания, а также механического воздействия со стороны человека или животных, которые остаются нам не известными.

Полагаемое состояние плиты и нанесенной на нее надписи закономерно могли приводить к утрате некоторых букв, их частей, а также к определенным искажениям и иным недочетам или трудностям при внешнем визуальном исследовании

надписи и ее восприятию. Как отмечал В. Ф. Миллер, буквы на плите были вырезаны достаточно глубоко, что могло быть обусловлено не только знакомством с оттиском Г. И. Куликовского, как справедливо полагал Г. И. Згуста, но и устной консультацией Д. М. Струкова и Г. И. Куликовского. В свете данных замечаний показательно отмеченное В. Ф. Миллером поглощение последней буквы в строке 1 выбоиной [Миллер В. Ф. 1893. С. 114], которое могло быть продиктовано теми же основаниями, хотя В. Ф. Миллер на них точно не указывает. С другой стороны, замечание подтверждает факт позднейшего разрушительного внешнего воздействия на плиту. Кроме того, неровности поверхности плиты по объективным причинам не могли быть переданы в рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима.

Наличие в строке 3 последней буквы О, подтверждаемое рисунками Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, не отражено на репродукции В. Ф. Миллера. Не исключено, что решение В. Ф. Миллера зависело от отсутствия данных о ней на оттиске Г. И. Куликовского. Такое отсутствие могло быть результатом разрушения в этой части плиты к моменту ее обследования Г. И. Куликовским, как полагает Л. Згуста. Видимо, не смог Г. И. Куликовский подтвердить наличие данной буквы и при личных консультациях с В. Ф. Миллером. Следует полагать, что процесс разрушения был современным на тот момент, т. е. он происходил в промежутке 3 лет, между периодом фиксации буквы Д. М. Струковым и иеромонахом Серафимом в 1888-1889 гг. и снятием оттиска Г. И. Куликовским в 1892 г. Ему, кроме всего прочего, могли способствовать, как более мелкий масштаб данной буквы, по сравнению с другими, так и размещение буквы на самом краю плиты.

Наблюдение за фиксацией букв Х и Н в строке 6 может указывать на наличие некоторых следов разрушений и дальше от края плиты, как и в случае с буквой Н в строке 7. О разрушении свидетельствует наличие в рисунках в конце строки 7 только вертикального отрезка, который рассматривается Л. Згустой как остаток от буквы У. Вместе с тем, исследование этой же стро-

ки предоставляет и противоположный пример. В. Ф. Миллер отметил, что в оттиске Г. И. Куликовского отчетливо видны две буквы *рт* над буквами *ОУ*, но значительно меньших размеров по сравнению с последними.

Таким образом, устанавливается, что визуальный осмотр в отдельных случаях не определял всех имевшихся на плите знаков и только оттиск дал их более полную фиксацию. Таким образом, окончание данной строки объективно передавалось В. Ф. Миллером как *ФОУрт*. Как заметил, Л. Згуста, резчик, вероятно, первоначально забыл нанести последние две буквы и затем исправил свою ошибку указанным дополнением, что является хорошо известной в эпиграфике процедурой.

Подобный способ исправления ошибки с пропусками букв, действительно, известен [Шкорпил В. В. 1915. С. 20; Евдокимова А. А. 2008. С. 630-631]. Но, учитывая месторасположение в надписи надстрочных *рт*, нельзя исключать использования приема выноса букв в такое положение в конце строки. Подобный перенос букв в надстрочное положение в конце строки фиксировался и на более ранних эпиграфических памятниках [Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2012. С. 52], а также на иных памятниках [Латышев В. В. 1896. С. 64, № 57], в том числе, близких Зеленчукской надписи хронологически и территориально [Скржинская Е. Ч. 1962. С. 124]. В принципе, такой вынос букв вполне сохранял доступность прочтения, напоминая, например, и некоторые правила сокращений [Церетели Г. 1900. С. V; Панченко Б. А. 1908. С. 109]. Надстрочный вынос последней буквы слова известен и в кириллических надписях [Медынцева А. А. 2000. С. 124, рис. 31].

Но Л. Згуста не обратил внимания на другой факт. В. Ф. Миллер, говоря о данных оттиска Г. И. Куликовского, указывал, что «... буквы *рт* отчетливо видны *над* буквами *ОУ*», т. е. буква *У* четко читалась по оттиску. Поэтому ее предполагаемое восстановление из вертикальной черты рисунка Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера излишне. Реальная форма именно буквы *У* была представлена в оттиске Г. И. Куликовского.

В отношении следующих строк 8, 9 В. Ф. Миллер отмечал: «Буквы в дальнейших двух строках также неясны в оттиске

г. Куликовского, как и на рисунке г. Струкова» [Миллер В. Ф. 1893. С. 114]. Такое положение закономерно отразилось в особых трудностях в интерпретации значения строк в работах различных исследователей. Как мы видели, не вносит дополнительной ясности и рисунок иеромонаха Серафима, что, с другой стороны, подтверждает именно такой вид знаков в строках. Вполне возможным представляется признание во втором знаке строки 8 остатка от буквы О. Причем, поднятие буквы к верхней части строки находит себе примеры из самой надписи в строках 3, 4, 5, 10, 18.

Третий знак строки 8, несомненно, является буквой В (β). Его форма вполне соответствует, например, форме буквы β на рисунке А. Фирковича надписи на апсиде Шоанинского храма и на нанесенной охрой надписи на южной стене восточного рукава Сентинского храма, включенной исследователями в группу, в которой представлены нетрадиционные лигатуры и сокращения [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 245, 246, 250, III.3.V.b, 308]. Представлена она и в надписях на упомянутых граффити из Сентинского храма, нанесенных в X-XI вв. [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 252, III.3.C.a, III.3.C.b, III.3.C.d, III.3.C.e, III.3.C.f] и многих других.

Следующая за β буква по своей форме логично рассматривалась многими исследователями как буква С. Л. Згуста сопоставлял ее форму с формой буквы С в строке 3. Заметим, что, учитывая пример с разрушением буквы О этой же строки, нельзя окончательно отрицать возможность и в данном случае усматривать в четвертом знаке остаток разрушавшейся буквы О, как полагал, например, Г. Ф. Турчанинов. Его несколько вытянутая форма, например, сопоставима с формой буквы О строки 18. Кроме того, положение второй и четвертой букв строки 8, как уже отмечалось, сопоставимо именно с положением буквы О в строках 3, 4, 5, 10, 18.

Интересно, что в упомянутых надписях из Сентинского храма следующая за β буква О, как и в указанных строках Зеленчукской надписи поднятая к верхней части строки, в одних случаях сохраняет свое полное очертание [Белецкий Д. В., Виноградов

А. Ю. 2011. Таб. III.3.B.b], а в других имеет очертания именно четвертой буквы Зеленчукской надписи [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. Таб. III.3.C.a, III.3.C.d]. Такое же очертание имеет буква и в упомянутой надписи на южной стене восточного рукава Сентинского храма. Конечно, нельзя исключать, что мы имеем дело и с остатком буквы ε, т. к. подобная же вытянутая форма буквы представлена в строке 21. Как показывают данные других эпиграфических памятников, могла изображаться в форме Є [Помяловский И. В. 1881. Таб. 2, рис. 3]. Но, как и в случае со второй буквой строки 8, наиболее вероятной все-таки представляется идентификация данной буквы с О.

В лигатуре от строки 9 правое верхнее окончание служит передачей буквы О, но, как замечает Л. Згуста, не исключено и наличие ε, т. е. представлена лигатура отε. Само правое верхнее окончание лигатуры по форме сопоставимо с формой четвертой буквы строки 8, что могло бы склонить к соответствующей идентификации. Как уже отмечалось, эта буква на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, на репродукции В. Ф. Миллера имеет усеченное нижнее окончание. Но приведенные выше наблюдения дают больше оснований для идентификации с буквой О. Возможно, о некоторой рельефной неровности говорит чуть искривленная верхняя горизонтальная линия лигатура на рисунке иеромонаха Серафима (лист № 20). Следующая буква, обычно определяемая как греческая Η, передана в форме соединяющихся волнистых линий, что не находит себе точных аналогий в передаче этой буквы в других местах надписи.

Только в следующей строке 9 буква Η имеет несколько изогнутые вертикальные линии, позволяющие полагать изначальную возможность попытки передачи резчиком подобной формы буквы и в строке 8. К сожалению, у нас нет данных о рельефе плиты, в том числе в указанном месте. Но такая форма двух последних букв строки 8 наталкивает на мысль, что здесь могло сказаться не только неуверенное их вырезание мастером, но и затруднения в связи с наличием какой-то рельефной неровности поверхности.

Другое рельефное препятствие могло сказаться и в заметном разрыве между третьей и четвертой буквами строки 10. Причем, у четвертой буквы Т на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима отмечается скошенность верхней перекладины. Л. Згуста полагает, что вторая буква строки 10 является остатком У, что возможно, но не обязательно. Как мы полагаем, здесь представлена лигатура ur, как и в предыдущей строке 9. Другой тип препятствия, несомненно, представлен в строке 14, где между четвертой и пятой буквами на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима отмечается вертикальная наклонная линия, в которой Л. Згуста полагает царапину на самой плите, что позволило В. Ф. Миллеру не наносить ее на свою репродукцию. Передача такой черты в рисунках не уступает передаче самих букв надписи, которые, по свидетельству В. Ф. Миллера, были «высечены вглубь довольно глубоко». Данное наблюдение дает повод полагать, что рельефные неровности на плите могли быть достаточно заметными.

Изогнутость линий в передаче последней буквы строки 8 напоминает об изогнутости горизонтальной линии, завершающей строку 18, в рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима. В репродукции В. Ф. Миллера она представлена составной частью буквы Т, что, по мнению Л. Згусты, могло основываться на данных оттиска Г. И. Куликовского. Тогда, вполне вероятно, вертикальный отрезок буквы Т изначально был нанесен на месте с рельефным дефектом поверхности, что могло вести к дополнительному последующему его разрушению, воспрепятствовавшему визуальной фиксации всей буквы. В меньшей степени это сказалось на сразу зафиксированной верхней части буквы. Но и она имеет волнообразную форму, отличную, например, от формы четвертой буквы строки 10, которая хоть и несколько скошена, но представлена прямым отрезком. Нельзя исключать, что именно оттиск Г. И. Куликовского позволил точно восстановить в строке 18 последнюю букву Т, что имеет параллель в восстановлении по оттиску буквы У в строке 7, позволяя также подозревать изначальное наличие на месте нанесения последней рельефного дефекта.

Интересно, что, как было отмечено выше, после последней буквы Т строки 18 на рисунке иеромонаха Серафима нанесена небольшая окружность, которая не может передавать букву О. На рисунке Д. М. Струкова Зеленчукской плиты, окруженной каменной оградой, в этом месте поставлена заметная точка. Учитывая приведенные наблюдения, следует полагать, что в месте окончания строки 18 был рельефный изъясн поверхности, который дополнительно зафиксирован рисунком иеромонаха Серафима.

Рельефный изъясн, подобный полагаемому на месте нанесения последней буквы строки 8, возможно, сказывается в изображении наклонной изломанной линии в рисунке Д. М. Струкова второй буквы А строки 11. Он же мог сказаться в передаче на рисунках несколько изогнутой соединительной гасты буквы N строк 16, 20.

Представляется, что есть объективная возможность говорить и о следах последующего разрушения поверхности Зеленчукской плиты. Как уже отмечалось, на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима заметны усечения в передаче букв линий, обращенных к левой линии края плиты. Это первая буква К строки 13, первые буквы л строк 16, 17, 19, первая буква N строки 20. На репродукции В. Ф. Миллера буквам восстановлена полная четкая форма, причем, левые наклонные окончания букв л выведены прямо на линию края плиты, что сомнительно с точки зрения сравнения с передачей букв в подобном положении на самой плите, а также подобного подхода к вырезанию букв самого резчика.

Показательно, что резчик придал последней букве А строки 16 более курсивную форму и, по рисунку Д. М. Струкова, нанося ее вплотную к правому краю плиты, придал ее боковой части прямую линию, параллельную линии края плиты. Таким образом, резчик явно избегал выведения буквы на самый край плиты, что, с одной стороны, могло вести к затруднению визуального восприятия всей буквы, а, с другой стороны, предохраняло ее от разрушения. Разрушение буквы могло предполагаться резчиком как потенциальное последствие разрушения самого

края плиты, который уже был подвергнут механической обработке, что могло ослаблять здесь саму структуру основы, а угловая форма края в месте перехода от фасадной к боковой стороне плиты была особенно уязвима для внешнего природного и иного воздействия.

Таким образом, мы можем полагать, что разрушение краев плиты особенно сказалось на ее левой нижней половине, что и привело к разрушению частей указанных у нее букв. Как мы знаем, подобные разрушения наблюдались и на других краях плиты. Так, последняя буква О строки 3, зафиксированная на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, уже могла вообще не проявляться даже на оттиске Г. И. Куликовского.

Использование данных последнего в сравнении с данными рисунков имеет еще одно большое для нас значение. Как отмечалось выше, последняя буква строки 21 на первый взгляд передает букву λ, хотя она, например, несколько похожа и на одну из форм буквы А [Wattenbach W. 1895. S. 87]. На рисунке Д. М. Струкова явно укорочены ее нижние окончания, а на рисунке иеромонаха Серафима – левое нижнее окончание. То, что мы имеем дело с результатом процесса разрушения свидетельствует замечание В. Ф. Миллера, что на оттиске Г. И. Куликовского «... списанная г. Струковым последняя буква Л совсем незаметна». Исследователь указывал, что «... в оттиске можно различить только ОΘС», таким образом, вообще оставляя в стороне вопрос о возможном наличии последней буквы. Кстати, данное замечание В. Ф. Миллера может подтвердить и его выбор в пользу отказа от фиксации последней буквы О строки 3.

Л. Згуста, учитывая вероятность бесследной потери на оттиске Г. И. Куликовского конечной буквы О строки 3, которую в цельной форме зафиксировал рисунок Д. М. Струкова (теперь и рисунок иеромонаха Серафима), привел свое решение. Он отметил, что проявление последней буквы было настолько слабым, что оттиск Г. И. Куликовского ее вообще не содержал. Буква была нанесена на самом нижнем углу плиты, т. е. в том самом месте, где можно ожидать более слабого давления кисти при снятии оттиска, чем в других местах, что легко и вело к непро-

явлению буквы в оттиске. Кроме того, правый край камня, как представляется, был несколько разрушен.

Л. Згуста указал, что мы можем допустить, что последняя буква потеряла свою правую вертикальную черту из-за разрушения, или она была не замечена Д. М. Струковым. При принятии такого положения, использование Д. М. Струковым в конце строки буквы Л вместо буквы N является частой ошибкой в эпиграфике. Учитывая же наличие титло над буквой С в оттиске Г. И. Куликовского, Л. Згуста определял наличие в последних четырех буквах надписи обычного сокращения христианской литургической формулы на греческом языке [Zgusta L. 1987. P. 28-29].

Решение Л. Згуста представляется допустимым, развивая один из подходов к решению, выдвинутый В. Ф. Миллером. Со своей стороны можем добавить отмеченные ранее наблюдения. Процесс разрушения в месте нанесения последней буквы строки 21 был представлен уже по рисункам Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима. Фиксация разрушения самого нижнего правого края плиты вероятно при последовательном сравнении округлого перехода от нижнего выступа плиты (для вертикальной фиксации) к нижнему правому краю на рисунке Д. М. Струкова, через более угловатый переход на рисунке иеромонаха Серафима к фактически угловому переходу на репродукции В. Ф. Миллера, в которой могли учитываться данные Г. И. Куликовского.

Кроме того, восприятие самим Д. М. Струковым последней буквы как λ выражается на его рисунке в форме соединений двух наклонных линий, более напоминающей соединения у других букв λ его рисунка. Также на репродукции В. Ф. Миллера соединение ближе к соединению букв λ самой репродукции. Причем, наклонные линии буквы разведены более симметрично по отношению друг другу, что больше сближает ее с формами букв λ. На рисунке иеромонаха Серафима соединение наклонных линий последней буквы строки 21 ближе к форме соединений у букв N, чем у букв λ самого рисунка. На рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима левая наклонная линия буквы ближе

к вертикальному положению, в отличие от репродукции В. Ф. Миллера, в которой сказывается симметричное разведение линий под передачу буквы λ. Таким образом, решение Л. Згусты о признании в последнем знаке строки 21 остатка буквы Ν следует полагать допустимым.

Для строки 21 отмечается и наличие намеченной в рисунке Д. М. Струкова перед четырьмя последними буквами точки. Она представлена на одном из рисунков иеромонаха Серафима в альбоме Д. М. Струкова, отсутствуя на другом, что также может восприниматься как результат процесса разрушения. Но ее четкое воспроизведение в репродукции В. Ф. Миллера подразумевает, что оттиск Г. И. Куликовского успел зафиксировать ее действительное наличие, как и наличие титло в данной строке, уже не воспринятого визуально, ни Д. М. Струковым, ни иеромонахом Серафимом. Ее наличие именно в данном месте, в отличие от строки 18, может служить знаком разделения, что вполне уместно, если следовать решению Л. Згусты, как выражения отделения предшествующего текста на аланском языке от христианской литургической формулы на греческом языке в форме сокращения.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ НАДПИСИ

Зеленчукская надпись впервые была дешифрована В.Ф. Миллером, опиравшимся на рисунок Д. М. Струкова и оттиск Г. И. Куликовского, данные которых были использованы им для создания репродукции (выкопировки) (рис. 9). По подробному разбору исследователя, в верхней части плиты (строки 1, 2) принятым сокращением в греческих христианских надписях было передано имя Иисуса Христа – Ι(ησου)<ς> Χ(ριστου)ς. Последняя буква ς, по замечанию исследователя, была поглощена выбоиной. Данное замечание могло быть продиктовано, в том числе, как знакомством с оттиском Г. И. Куликовского, что логично впоследствии заметил Л. Згуста, так и устными консультациями Д. М. Струкова и Г. И. Куликовского.

В строке 3 автор предполагал наличие 5 букв (*oawc*, по репродукции В. Ф. Миллера), которые не поддавались дешифровке, так как различались только буквы о, а, ς. Исследователь предположил два возможных варианта решения. В случае передачи греческого слова речь могла идти об ὁ ἅγιος – «святой», что уместно в отношении следующего за ним имени. В случае попытки передачи греческими буквами осетинского слова, речь могла идти об осетинском *was*, также означающем «святой», представленном в именах осетинских божеств. В передаче греческими буквами для данного слова предполагалась форма *oatc*. Предложение осетинского варианта прочтения, видимо, основывалось на результатах изучения В. Ф. Миллером осетинского языка, поскольку какое-то время исследователь не мог определить значения *was* в названиях некоторых осетинских небожителей [Миллер В. Ф. 2007. С. 387-388, 510, 526; 1881. С. 19-120; 1882. С. 240; Thordarson F. 1989. S. 14].

В предложенных греческом и «осетинском» вариантах написания исследователь явно исходил из возможности признания в третьей и четвертой буквах строки 3 написанные более курсивным *υι* или неаккуратно выведенную с сильным наклоном *t*. Заметим, что предположение о форме *oatc* при передаче «осетинского» слова *was* сегодня можно сопоставить с данными

письменности на бактрийском языке с использованием греческого алфавита, в которой для передачи *w* употреблялась буква *O*, что давало форму *oaç* для указанной лексики [Вертоградова В. В. 2002. С. 135-136].

Аналогичная передача *wa* греческими *oa* отмечалась и для иранской ономастики Северного Причерноморья [Миллер В. Ф. 1913. С. 80]. Воспроизведение формы *oaç* на более раннем «скифском примере» [Mayor A., Colarusso J., Saunders D. 2014. P. 479] не представляется убедительным. Видимо, интересно будет отметить, что иная передача *wa* представлена в греческой надписи, датированной, по палеографическим данным и технике исполнения, II-I вв. до н. э., на золотом амулете, найденном на Кубани, которая отчетливо читалась как *Θεω Ουαταφαρνω* – «Богу Уатафарну». Упомянутое в надписи божество относится к культу сарматских племен и имеет параллель в лице осетинского божества, покровителя спальни *Watu xisaw* [Толстой И. И., Кондаков Н. П. 1889. С. 45, рис. 33; Миллер В. Ф. 1890. С. 3-8; 1882. С. 293-294; 2007. С. 429; Алборов Б. А. 1925. С. 396; 2005. С. 396; Абаев В. И. 1949. С. 164, 186, 207, 258; 1989. С. 58, 59; Knobloch J. 1991. S. 60; Литвинский Б. А. 1968. С. 70-71; Бенвенист Э. 1965. С. 121-122; Гаглойти Ю. С. 1966. С. 18; Гутнов Ф. Х. 1999. С. 85; Камболов Т. Т. 2006. С. 214-215].

Для греческого варианта слова В. Ф. Миллер, несомненно, допускал пропуск предпоследней буквы *O*. Но, как мы знаем, следует полагать, что изначально в слове была и последняя (в строке) буква *O*, которую, как логично заметил Л. Згуста, резчик ошибочно переставил местами с предпоследней (в строке) буквой *ç*. Заметим, что перестановки местами букв из-за ошибки резчика, даже в традиционных христианских сокращениях [Латышев В. В. 1898. С. 243-244] или известных формулах [Евдокимова А. А. 2008. С. 636], отмечаются и в более поздних памятниках [Каштанов Д. В., Пьянков А. В. 2013. С. 172]. Известен и пример более наглядных ошибок в написании *ο άγιος* [Новиковская-Бухман С. М. 2013. С. 166, илл. 8,4, 167].

Два варианта предлагаемого решения связано с действительной схожестью форм букв *υ* и *τ* курсивного и минускульного

го письма. Однако в данном случае трудно отдельно говорить только о τ, поскольку вертикальный, с небольшим наклоном отрезок, плавно загибающийся вниз и соединяющийся со следующей буквой ϸ, несомненно, представляет собой букву ι. Форма же предшествующей ей буквы сопоставима с вариантом скорописной и минускульной γ, но не τ. Таким образом, в строке 3 представлено именно греческое ὁ ἅγιος – «святой» (с перестановкой местами двух последних букв), что является единственно возможным прочтением, точно соответствующим данным надписи. Для сопоставления с осет. was/wac должно бы было привлекаться оас или оатϸ, но не оатс, которое представляется явной натяжкой. Собственно, замечание В. Ф. Миллера о вероятном наличии в строке 5 букв говорит о предпочтении исследователем греческого слова. Интересно, что в кириллических образцах обозначения святых сохраняется, как греческое ὁ ἅγιος, так и ὁ ἅγιος [Медынцева А. А. 2000. Рис. 80-85, 154], во втором из которых представлена лигатура ηι.

Далее В. Ф. Миллер отмечает изображение четырехконечного креста, под которым читается имя Νικόλαος (строки 4, 5). Исследователь в данном случае не оговаривает пропуск второй буквы ι или η в имени – Ν(ι/η)κόλαος (в греческих и русских надписях известны формы написания ὁ ἅγιος Νηκόλαος, ὁ ἅγιος Νηκ(ό)λα, Νηκόλας, Νικωλ(αω) [Евдокимова А. А. 2007. С. 79; Янин В. Л. 1998. С. 209, рис. 7; 1999, с. 299, рис. 7; Латышев В. В. 1896. С. 128, № 51а; Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. С. 53, 54, 64, 70, 75, 76, 82, 83; Чхаидзе В. Н. 2008. С. 247; Залеская В. Н. 2013. С. 41, 43, илл. 32 и др.]). Следует полагать, что для исследователя, несомненно, хорошо знакомого с другими эпиграфическими и иными памятниками, такая форма имени не представлялась исключительным фактом. Известные частные примеры соответствующего написания имени, включающие и подобную форму написания первой буквы Ν, подтверждают справедливость решения В. Ф. Миллера. Пропуск второй буквы в имени представлен, например, и в граффито из храма Св. Симона Кананита (Абхазия) [Виноградов А. Ю. 2011. С. 221], а также на русском кресте-реликварии [Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. С. 76].

В следующих под крестом строках 6, 7 исследователь определял собственное имя, стоящее в родительном падеже, ΣΑΧΗΡΗ, не этимологизируя его, и (осетинское) слово ΦΟΥ^{PT} – «сын». Таким образом, исследователь переходит к изучению собственно аланской составляющей надписи. В отношении прочтения второго слова ΦΟΥ^{PT} В. Ф. Миллер уточняет, что «... в оттиске Г. И. Куликовского буквы ρτ отчетливо видны над буквами ΟΥ, но значительно меньше последних размером». Таким образом, фиксируется четкое видение по оттиску Г. И. Куликовского в конце строки 7 не вертикального отрезка, как на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, а именно буквы Υ, которая в сочетании с предшествующей буквой Ο могла передавать только звук -у. Четкое нанесение над буквами ΟΥ меньших по размеру букв ρτ, также не отмеченных в рисунках, объективно объясняется Л. Згустой исправлением резчиком своей ошибки, что являлось хорошо известной в эпиграфике процедурой. Однако в данном случае могла проявиться и известная практика переноса последних букв слова в конце строки в надстрочное положение. Решение В. Ф. Миллера о представленном в конце строки 7 слове ΦΟΥΡΤ следует признать вполне аргументированным и единственно возможным.

Для следующих строк 8, 9 В. Ф. Миллер отмечает, что буквы в них по рисунку Д. М. Струкова и оттиску Г. И. Куликовского неясны. Поэтому ученый позволяет себе только предположение, что данные строки содержат какое-то одно имя в родительном падеже, оканчивающееся на -ΡΗ, а за ним уже явственно вновь читается слово ΦΟΥΡΤ. Действительно, некоторые буквы в строках 8, 9 явно несут на себе следы разрушений. Последняя буква Η строки 8 имеет редкую, не повторяющуюся в других местах надписи форму. Даже при попытке восстановления изначальных форм букв возникают трудности с определением составленных из них слов.

Подход В. Ф. Миллера, не определяющего в таком положении конкретного содержания строк, следует только приветствовать, т. к. исследователь не стремится «перенапрягать» свой источник и любой ценой получить окончательный результат. Он

полностью оставляет в стороне вопрос дешифровки, даже не пытаясь, например, указать на наличие в начале строки 9 не буквы, а лигатуры. По факту, он только определяет вторую и третью буквы строки 9 как Р и Н, относимым по другим образцам самой надписи к окончанию имени в родительном падеже, и четвертую, последнюю букву строки как Ф. Она справедливо рассматривается как первая буква в слове ФΟΥРТ, следующие четыре буквы которой имеют также некоторые специфические черты и полностью занимают строку 10. Для нас важно отметить, что привлечение данных оттиска Г. И. Куликовского подтверждает соответствия знаков строк 8-10 на рисунке Д. М. Струкова, которое сегодня мы можем распространить и на рисунок иеромонаха Серафима.

Далее В. Ф. Миллер отмечает наличие в строках 11, 12, 13 собственных имен ПАКАΘАР и ПАКАΘАН, второе из которых имеет окончание родительного падежа. В строке 14 ученый в третий раз для всей надписи справедливо читает слово ФΟΥРТ, занимающее всю строку. Он никак не оговаривал делимитирование в ней вертикальной наклонной черты, отмеченной в рисунке Д. М. Струкова, что, как отмечалось выше, могло иметь объективные основания.

Для второго слова ПАКАΘАН, стоящего в родительном падеже, предполагается, что малограмотный резчик пропустил в нем предпоследнюю букву Р, т. к. в противном случае пришлось бы допустить наличие у предков осетин имени Бакатай, которое в настоящее время не употребительно. Замечание В. Ф. Миллера вполне обоснованно. Кроме того, само первое слово ПАКАΘАР дает нам полную форму в именительном падеже.

Для имени ПАКАΘАР, как заимствованного из тюркского языка, исследователь приводит частные параллели из средневековых грузинских источников о его носителях из среды предков осетин. Действительно, ученые и позднее признавали в ПАКАΘАР заимствование в осетинском языке из тюркского языка. Сами истоки тюркского влияния В. Ф. Миллер видел в истории гуннов. Наличие начальной буквы П в имени объяснялось тем, что для автора надписи греческая β выражала звук -в,

поэтому ему и пришлось для выражения звука -б использовать букву л. Подтверждение тому автор обнаружил в надписи на изваянии Дука-бека [Миллер В. Ф. 1893а. С. 124].

Таким образом, В. Ф. Миллер читал ПАКАӨАР как «Бакатар – или по-осетински: Бақатӕр», не оговаривая чтение третьей буквы в сопоставлении ее с осетинским источником. Следует помнить, что q во времена В. Ф. Миллера использовалась для передачи осетинского -хъ [Абаев В. И. 1970. С. 556], тогда как в осетинском (дигор.) бӕḡatæг речь должна идти о -гъ. Сам В. Ф. Миллер определял q как «крайний задненебный к» [Миллер В. Ф. 1913. С. 81]. Видимо, необходимо отметить наблюдение, что звук q является достаточно поздним явлением в осетинском языке, что видно, например, по заимствованиям из тюркских языков, относимых к хазарскому периоду, в которых звук q заменялся на звук k [Абаев В. И. 1958. С. 575; Заходер Б. Н. 1962. С. 128].

В следующих строках 15, 16, 17, 18 В. Ф. Миллер определял два собственных имени АНПАЛ и АНПАЛАНН, стоящее в родительном падеже, и в четвертый раз для всей надписи – слово furt. Последняя буква Т в слове furt представлена в полной форме в репродукции, причины чему оговаривались выше. В самих именах вновь отмечается использование буквы л для выражения звука -б. Как заметил Л. Згуста, само сочетание вл во время составления Зеленчукской надписи было звонким. Для имени АНПАЛ ученый находил историческое соответствие в имени Анбала Ясина русской летописи (фиксируется и форме Анъбалъ в Лаврентьевской летописи и одновременно в формах Анбалъ и Амбалъ в Ипатьевской, Софийской и Воскресенской (Софийский Временник) летописях [ПСРЛ. 1846. С. 157; 1843. С. 113-114; 1851. С. 164-165; 1856. С. 89] – А. Т.), участвовавшего в заговоре против князя Андрея Боголюбского в 1175 г. Оно находило свое живое продолжение в осетинской лексеме ænbal (дигорская форма, соответствующая форме в Зеленчукской надписи), æmbal (иронская форма, но также параллельно представленная и в дигорском диалекте).

Таким образом, для разделения имен между собой В. Ф. Миллер объективно использовал данные о наличии имени Анбал в

средневековом аланском ономастиконе, данные осетинского языка, подтверждаемые разбором происхождения первой морфемы осетинского слова в сравнении с данными санскрита и авестийского языка. Имя АНПАЛ, как заметил В. Ф. Миллер, подражало по звучанию имени его отца АНПАЛАН, которое, в свою очередь, хоть и не фиксировалось среди осетинских имен, но звучало вполне по-осетински.

И. Г. Добродомов отмечал: «Уже Вс. Ф. Миллер (вероятно, вслед за П. Г. Бутковым) сопоставил имя этого ключника-ясына Анбаль (точнее Анъбаль) в Лаврентьевской летописи с осетинским «әнбал или әмбал» – «товарищ, спутник», что и было воспринято последующими исследователями, хотя фактически первым на осетинские связи имени Анбал-Амбал в общей форме указывал еще в 1825 году П. Г. Бутков: «Имя Анбала и теперь употребляется у Осетинцев» (Северный архив, 1825, № 4, с. 332), однако на П. Г. Буткова В. Ф. Миллер не сослался, как и впоследствии мало кто ссылался на В. Ф. Миллера» [Добродомов И. Г. 1993. С. 132-133].

Для нас в данном случае важно высказать два замечания. Во-первых, показательным является фиксация П. Г. Бутковым факта наличия именно личного имени Ænbala в осетинском ономастиконе [Бутков П. 1825. С. 332, прим. 20; Готье Ю. В. 1927. С. 46; Козловский И. П. 1928. С. 67, сн. 3], что до сих пор не учитывается исследователями. Причем, сама форма имени, дополненная еще и окончанием -а, выдает ее дигорское происхождение. Во-вторых, В. Ф. Миллер не задействовал в своем исследовании данное замечание П. Г. Буткова, как и последующие исследователи, указывавшие не на осетинское личное имя Ænbal, а на осетинское (иронское) родовое имя Æmbaltæ. Поэтому более объективно полагать, что В. Ф. Миллер, как и его последователи в вопросе изучения Зеленчукской надписи, не был знаком с данным замечанием П. Г. Буткова. Интересно, что Анбал Ясин назван «жидовином», что, на первый взгляд, можно связать с принятием иудаизма частью аланов [Кулик А. 2008. С. 58-59; 2010. С. 193-195]. Но данное определение в русской традиции могло обозначать язычника [Васильев М. А. 1999. С. 47-53; Петрухин

В.Я. 2010. С.253], что более приемлемо в отношении и самого аланского имени.

Особое внимание В. Ф. Миллер сосредотачивал на последних строках 19, 20, 21, т. к. по аналогии с другими надмогильными надписями ожидалось найти дату поставки памятника. Переходя к их анализу, исследователь выстраивал строки в одну линию – ЛАКАННТЭНРӨЕОӨСЛ – для придания наглядности своих догадок к определению содержащихся в ней слов. Но ученый сразу оговорился, что ни одна из них его не удовлетворяла.

Показательно отделив ЛАКАННТЭ, ученый указал на его сопоставление с дигорским læqwæntæ – «юноши», но не видел тогда объяснения для последних двух букв ТЭ, причем, представленных в связке. Для следующих НРӨЕ указывалось на осетинское lg, означающее как эндоэтноним собирательные «осетины», а также «Осетия». Затруднение исследователь усматривал в следующих буквах ӨЕ, которые могли означать суффикс множественного числа -tæ, но который по предыдущему отделению выражался бы тогда в буквах ТЭ.

Выражая сомнение в отношении последней буквы, В. Ф. Миллер предположил, что в ТЭ мы можем иметь дело и с лигатурой TZ (тҕ – А. Т.), выражающей звук -ц. В таком случае лигатуру TZ можно отнести к следующим буквам НРӨЕ и получить дигор. cirtæ – «памятник» (ирон. cyrt). При таком делении слов первое ЛАКАНН могло означать стоящее в родительном падеже дигор. læqwænti – «юношей».

Следует отметить, что вся понятная предположительность вариантов дешифровок имеет противоречия. Например, lg не употребляется во множественном числе. Дигор. форма слова не cirtæ, а cirt. Причем, в дигорском диалекте осетинского языка оно означает не «памятник», а «могила». Кстати, следует также отметить, что упоминавшиеся данные протокола № 320 от 27 января 1889 г. заседания ИМАО о том, что в докладе В. Ф. Миллера «Древне-осетинский памятник из Кубанской области» говорилось и о возможной читаемой в надписи просьбе к осетинам молиться за них, видимо, неточно передают именно суть расуждений ученого о возможной дешифровке строк 19, 20, 21.

Три последние строки Зеленчукской надписи, действительно, вызвали большие затруднения у В. Ф. Миллера для перевода, который, в результате, был дан «совершенно гадательно». В строке 21 исследователь указал на наличие после точки четырех букв ОӨСЛ. Таким образом, точка рассматривалась как разделительный знак, а последняя буква строки как Л. Ученый отметил, что на оттиске Г. И. Куликовского над буквой С было четко видно титло, а последняя буква Л была совсем незаметной, т. е. четко читались только ОӨС. Но они не давали никакой разумной цифры для датировки, которая появлялась бы только при гипотетической замене Ө на S – 6200 г. от Сотворения мира, т. е. 692 г. н. э. (вновь вспомним данные протокола – А. Т.). Поскольку чтение букв как даты было невозможно, то, с учетом наличия титло, оставалось читать как о Ө(ЕО)С = о ӨεοϚ – «Бог». Но и такое прочтение В. Ф. Миллер считал «едва ли уместным» [Миллер В. Ф. 1893. С. 116].

Рядом с местом обнаружения плиты находились обширные развалины древнего христианского города, который, судя по числу церквей, мог быть центром Аланской епархии (митрополии) [Миллер В. Ф. 1893. С. 118; Древности. 1900. С. 200; Ванеев З. 1941. С. 43; Кузнецов В. А. 1954. С. 351; 1963. С. 92-93; Гарданов Б. А. 1960. С. 70, 72; Гаглойти Ю. С. 1968. С. 35-36; Калоев Б. А. 1971. С. 284; Магомедов А. Х. 1974. С. 48]. На его кладбище, возле церкви, также был обнаружен крест с надписью, начертания букв которой мало отличались от исследованных В. Ф. Миллером. Этот крест с надписью был срисован майором Степкиным, а затем его сфотографировал и снял оттиск с надписи Г. И. Куликовский. Надпись датирована 6521 г. от Сотворения мира, т. е. 1013 г. н. э. Поэтому с определенной долей уверенности В. Ф. Миллер датировал Зеленчукскую надпись XI-XII вв. н. э. или XI в. н. э.

Итак, на основании четырежды встречающегося осетинского слова форт и двух употребительных у осетин имен ПАКАӨАР и АНПАЛ надпись была признана осетинской, представлявшей попытку выразить греческими буквами осетинские слова. Кроме того, было замечено и наличие в именах, предшествовавших форт, осетинского окончания родительного падежа η, т. е. i. В.

Ф. Миллер особо отметил, что осетинская атрибуция надписи для него не была неожиданной.

Исследователь, занимаясь изучением прошлого осетин, и обратил особое внимание на данную надпись, т. к. она могла свидетельствовать о том, что прежде осетины обитали и в месте ее находки, т. е. на территории современного Карачая. В своем третьем томе «Осетинских этюдов» В. Ф. Миллер собрал все доступные ему сведения о том, что места обитания предков осетин (осы, ясы, аланы) прежде доходили до Азовского моря и низовий Дона. Затем, вследствие исторических обстоятельств, главным образом, под давлением тюркских племен, они были вытеснены из западной части своей древней территории и сосредоточились в ее южных областях, в долинах и ущельях Кавказа. Но на прежних местах обитания сохранилась их топонимика. Поэтому Зеленчукская надпись свидетельствовала о том, что в местах ее находки в средние века жили христиане, предки нынешних осетин-дигорцев. Заметим, что и гораздо позднее карачаевцы помнили о проживании в верховьях Кубани осетин [Лайпанов Х. О. 1957. С. 49], которых они числили и среди своих предков [Тепцов В. Я. 1892. С. 172], т. е. аланов. С данным положением могли быть связаны и иные сведения [Сысоев В. М. 1913. С. 148].

В своей рецензии на 10-й выпуск «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», опубликованной в ноябрьском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» 1890 г., В. Ф. Миллер отмечал рассказы сванов о том, что на нынешних землях кабардинцев и карачаевцев раньше жили христиане, народ греческого исповедания. Сваны жили с ними дружно. Но с востока на этот народ напали горцы и всех перебили, уничтожили церкви, развалины которых видны и сегодня. С тех пор сваны постоянно вели борьбу с горцами из-за пастбищ.

По замечанию исследователя, это предание относится к отдаленным временам, когда в верховьях Кубани и в ущельях Баксана, Чегема и Черека жили, как свидетельствуют топографические названия, осы (аланы), исповедовавшие христианство по греческому обряду. Об этом же свидетельствуют византийские сведения об Аланской епархии и значительное количество мо-

гильных крестов, нередко снабженных греческими надписями. Далее В. Ф. Миллер отмечал: «С верховья Зеленчука был нам доставлен недавно снимок с осетинского памятного столба, с изображением креста и надписью, сделанной на осетинском языке греческими буквами. В ней три раза явственно читается осетинское слово фурт – сын и два собственных имени (Анбал и Бакатар). К сожалению, обозначение года памятника слишком неявственно» [Миллер В. Ф. 1898. С. 114-115].

Замечание о трижды явственно читаемом слове «фурт» лишний раз указывает на объективное и осторожное отношение исследователя к дешифровке надписи. В данном случае фиксируется положение до получения В. Ф. Миллером оттиска Г. И. Куликовского, благодаря которому впоследствии и было восстановлено первое из четырех употребление слова в Зеленчукской надписи. О той же объективности и нежелании «перенапрягать» источник свидетельствует и указание на слишком неявственное обозначение года.

В целом, Зеленчукская надпись была дешифрована В. Ф. Миллером, с сохранением указаний на проблемные места в дешифровке, следующим образом:

«Ις Χς, Οατς (?) Νικόλαος, Σαχηρη φουρτ, Χ... ρη φουρτ, Πακαθαρ Πακαθαη φουρτ, Αυταλ Αναπαλανη φουρτ, Λακανη τζηρθε (?), <λακανητε ηρθε> (?)» – «Иисус Христос. Святой (?) Николай. Сахира сын Х...ра сын Бакатар Бакатая сын Анбал Анабалана сын. Юношей (?) памятник (Юноши Иры?)».

Позднее к анализу Зеленчукской надписи и ее прочтению, предложенному В. Ф. Миллером, обращались и другие исследователи. Прежде всего, они заинтересовали В. И. Абаева [Абаев В. И. 1935. С. 882-884; 1944. С. 217-226; 1949. С. 250, 260-270; 2013. С. 83-92; 1958. С. 135, 246, 325-326; 1959. С. 32-33; 1960. С. 19, 20; 1973. С. 20-21, 183, 226; 1979а. С. 324, 338; 1989. С. 219; Gerhardt D. 1939. S. 35; Ванеев З. 1959. С. 22-23; Гаглойти Ю. С. 1966. С. 217-218; 2010. С. 215-216; Куссаева С. С. 1960. С. 13; Санакоев М. П. 1979. С. 20; Исаев М. И. 1974. С. 7-8, 46, 100; 1999. С. 106; Исаева З. Г. 1986. С. 24-25, 58; Топоров В. Н. 1989. С. 19; Knobloch J. 1991. S. 28; Сигаури И. М. 1997. С. 202; Калоев Б. А. 1999. С. 5, 210, 219,

326, 358; 2004. С. 28, 39, 68, 143, 395, 415; Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н. 2000. С. 127; Цулая Г. В. 2007. С. 293; Тогошвили Г. Д. 2012. С. 159]. В основу своего анализа исследователь положил репродукцию надписи В. Ф. Миллера с учетом приводимых последним данных оттиска Г. И. Куликовского. Вместе с тем, в воспроизведениях изображения Зеленчукской плиты В. И. Абаева (рис. 11) заметны отдельные изменения [Абаев В. И. 1944. Рис. 1; 1949. С. 263].

Например, в строке 7 при второй публикации первая буква Р получает в окончании своей нижней дужки небольшой наклонный отрезок. В строке 9 верхнее левое окончание лигатуры получает замкнутую каплевидную форму. В строке 10 второй знак получает форму греческой буквы ι, дополняясь небольшим изгибом в нижней части, а у третьей буквы ρ верхняя часть передана в форме окружности. Но, как отмечалось выше, в данном случае мы имеем дело с лигатурой *up*. Наблюдаются и другие незначительные изменения в очертаниях букв последующих строк, самой заметной из которых является добавление при второй публикации нижнего отрезка у последней буквы А в строке 16.

Таким образом, мы имеем дело не с самой репродукцией В. Ф. Миллера, а с ее дериватом В. И. Абаева, видимо, связанным с необходимостью собственной перерисовки от руки репродукции В. Ф. Миллера. Однако данные изменения не влияют на саму идентификацию букв и прочтение в целом. Следует полагать, что сама дешифровка проводилась по репродукции В. Ф. Миллера.

В. И. Абаев выразил согласие с В. Ф. Миллером на основании и собственных исследований, что территория современных Балкарии и Карачая значительный период времени была заселена народом, говорившим на дигорском диалекте осетинского языка. Обращаясь непосредственно к Зеленчукской надписи, В. И. Абаев, прежде всего, также выделил ту часть, в которой было представлено Пакаѳар Пакаѳаѳ фурт Авлаѳ Аѳалаѳаѳ фурт. Он выразил согласие с историческим обоснованием наличия таких имен на аланском памятнике.

Несмотря на некоторые неясности, хорошо разбираемыми автор вновь признает форт – дигор. furt – «сын» и Автл – дигор. Ɔnbal, известному как имя Амбала Ясина и как живая лексема и родовое осетинское имя Ɔmbaltæ, а также окончание родительного падежа i, передаваемое через η. Данное окончание исследователь, судя по его другим публикациям, возводил к древнеиран. -huā, предполагая временем его формирования III-V вв. Признание письменной передачи аланского (осетинского) -б через греческую π, т. к. в византийско-греческом не было такого звука (β закономерно [Яйленко В.П. 1995а. С.247, сн. 98] выражала спирант -в, а не смычный -б), подтверждается данными аланской фразы, зафиксированной в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца (ταπαυυας, т. е. дигор. dæ bon xwarz – «пусть твой день будет хорошим», представленное и в daban horz Ясского глоссария). Сегодня мы имеем подтверждения и в лице аланских маргиналий, датируемых по палеографическим признакам XIV или XV вв., средневековой византийской рукописи (профетологион) 1275 г. [Bielmeier R. 1993. S. 4-5; Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43; Камболов Т. Т. 2006. С. 187; Ivanov A., Lubotsky A. 2011. P. 596]. В конечном итоге, В. И. Абаев, без тени сомнения относивший надмогильный памятник к осетинским и христианским, предложил некоторые корректировки.

Из предложенных вариантов В. Ф. Миллера для строки 3 – греческого ó áγιος или осетинского оатс (was) – автор посчитал предпочтительней греческий вариант, поскольку осетинский вариант, по его мнению, потребовал бы использование и осетинской формы имени святого – Nikkola, а не греческой Νικόλαος, с окончанием которого -ος на строке 5 более вяжется именно 'ο άγιος. Ученый особо отметил: «Не случайно также, что рядом с Иисусом Христом фигурирует св. Николай, а не какой-нибудь другой святой. Именно св. Николай считался патроном дигорцев, т. е. той части осетин, которая преемственно связана с западными, стало быть, и зеленчукскими аланами». Вместе с тем, исследователь отмечал мнение профессора С. Каухчишвили о палеографических трудностях прочтения как 'ο άγιος, а пото-

му заключал: «Поэтому благоразумнее признать, что это слово остается непрочитанным».

Однако, как уже говорилось, единственным правильным чтением является именно греческое $\omicron \acute{\alpha}\upsilon\iota(\omicron\varsigma)$. Для нашей работы интерес представляют примеры христианских эпитафических памятников средневековой Руси. Во-первых, христианство проникало в средневековые Русь и Аланию из одного центра – Византии. Данные процессы были во многом синхронными, иногда проявляя и территориальную близость. В ходе христианизации на Руси происходила и адаптация греко-византийских христианских формул при их передаче уже на русском языке и кириллицей.

Например, на печати русского князя Святослава (христианское имя Николай) Ярославича помещалось изображение Св. Николая Мирликийского с надписью $\text{O A}\Gamma\text{H}\text{O}\Sigma \text{NHK}(\text{O})\Lambda\text{A}$ [Янин В. Л. 1998. С. 209, рис. 7; 1999, с. 299, рис. 7], т. е. $\text{N}\eta\kappa(\omicron)\iota\alpha$ сочеталось с греческим $\omicron \acute{\alpha}\upsilon\iota\omicron\varsigma$. Известны и иные сопоставимые примеры [Макаров Н. А., Суворов А. В. 2001. С. 112, 113, рис. 2]. На окладе иконы, исполненной кириллическим письмом, также представлено такое сочетание, сохраняющее греческое «святой», – $\text{NHKOLA A}\Gamma\text{HOC}\text{Ъ}$ [Медынцева А. А. 2000. С. 127]. Аналогичная форма представлена на провинциально-византийском (болгарском) энколпионе из Каневского уезда Киевской губернии [Пескова А. А. 2005. С. 149, рис. 6, 2, 151, 156]. На бронзовом позолоченном складне с изображением св. Николая нанесена надпись $\text{O DE}\Sigma\text{ΠOTH}\Sigma \text{NIKOLA}$ [Латышев В. В. 1896. С. 118, № 112].

Далее В. И. Абаев предложил несколько исправить расположения имен и отчеств в соответствии с порядком, свойственным осетинскому языку, а также уточнить форму некоторых имен. Ученый указал на правило следования первым отчества, а потом имени, но не наоборот. Само перечисление в Зеленчукской надписи начинается с Saxiri furt в полном соответствии с таким обычаем осетинского языка. Поэтому, логично заключал В. И. Абаев, следует ожидать проявление данного порядка до конца надписи. Имя сына Сахира исследователь, как и В. Ф. Миллер, оставлял неразобраным. Он полагал, объективно

исходя из количества знаков, что оно было коротким, в три или четыре буквы, и помещалось в строках 8, 9, первый раз в именительном падеже, второй раз – в родительном падеже. Однако следует отметить, что данное заключение выглядит достаточно абстрактным, т. к. нет никакой возможности из представленных в указанных строках знаков дважды составить одно и то же имя. Оставлял без разбора В. И. Абаев и само имя *Saxir*.

В. И. Абаев отметил осетинскую традицию избегать давать ребенку имя, которое уже имеет не только член его семьи, но и член рода, что противоречит осетинскому характеру надписи, который признан В. Ф. Миллером. Кроме того, между носителями определенных имен и отчеств, по В. Ф. Миллеру, невозможно установить родство, а погребение в одной могиле посторонних друг другу лиц также в корне противоречит осетинской традиции. Исследователь справедливо принял и отмеченные В. Ф. Миллером пропуски отдельных букв из-за ошибки резчика. К ним он отнес отчества *Пакаθα(ρ)η* и *A(v)παλαvη*. Но ученым не исключалось и проявление здесь фонетических явлений. В первом случае наблюдалось выпадение *r* между гласными, во втором – носовое произношение начального *-a*.

В связи с приведенными наблюдениями В. И. Абаев указывал, что, если имя *Анбал* звучит вполне по-осетински, то имя *Анабалан* решительно не имеет ничего осетинского. Поэтому он исправлял чтение В. Ф. Миллера *Αvταλ* на *Αvταλαv*. Оно предстает тем же осетинским именем *Ænbal*, первоначально означавшим «товарищ по походу» (префикс *æt* ← древнеиран. *ham-* и *bal* ← **bārya* ← *bār*), но в нем дополнительно используется очень употребительный суффикс *-an* ← **-āna* (современный осетинский суффикс *-on*).

В отличие от прочтения В. Ф. Миллера, прочтение В. И. Абаева не только скорректировало имя *Αvταλαv*, но и определяло имя его сына – *Лак*, соответствующее осетинскому слову *læg* – «человек», «мужчина». Конечный *k*, вместо ожидаемого *γ*, легко объяснялся В. И. Абаевым тем, что звонкие согласные в паузе оглушаются. Подобное оглушение выявляется по материалам Ясского глоссария. Представлено оно и в

современном осетинском языке [Немет Ю. 1960. С. 16; Абаев В. И. 1949. С. 382-383; 1960. С. 20]. Для предположения В. Ф. Миллера о возможном наличии Лакав В. И. Абаевым указывалось, что логичнее было ожидать формы Лауав, т. к. греческое у лучше бы передало осетинское g между гласными, чем греческое к.

Видимо следует отметить, что среди упомянутых аланских маргиналий представлено аотѣмак лав, соответствующее осет. æstæjmag bon – «восьмой день». Данный пример может указывать на справедливость наблюдения за оглушением звонкого согласного в паузе. Строго говоря, приводимая В. Ф. Миллером дигорская параллель связана не с Lægan, которое В. И. Абаев представлял как Læg + суффикс -an, а с læqwæp – «парень», «юноша», «сын». Им также обозначают неженатого юношу. Оно же может служить «домашним» именем, а также собственно именем.

Сам В. И. Абаев впоследствии предположительно рассматривал læqwæp как двухсоставную лексему, части которой связаны с западнокавказской почвой – *læg-qwä, считая случайным созвучие с курдским обращением lawko – «молодой человек», «парень», «паренек» [Абаев В. И. 1973. С. 31-32; Testen D. D. 1997. P. 716]. Заметим, что долгое время, за редким исключением, слово læg считалось проявлением кавказского субстрата в осетинском языке. Но есть определенные основания для его отнесения к собственному (иранскому) фонду осетинского языка [Sköld H. 1925. S. 29, 53; Абаев В. И. 1973. С. 20-21; Bailey H. W. 1959. P. 108-109; 1979. P. 264, 370-371; Гаглойти Ю. С. 1998; 2010. С. 540-552; Дзиццойты Ю. А. 2003. С. 205-208; Камбаров Т. Т. 2006. С. 92-96; Литтлтон К. С., Малкор Л. А. 2007. С. 115, сн. 157; Cheung J. T. L. 2013]. Попытки строить «критику», в том числе, на «не ирано-осетинском слове» [Мизиев И. М. 1991. С. 292] научно беспомощны. Во-первых, такие попытки дискредитируются умолчанием или незнанием иных этимологических решений. Во-вторых, даже неиранское происхождение какого-либо слова не является само по себе основанием для такой «критики».

Приведенные В. И. Абаевым исправления непосредственно затрагивали и окончание надписи, которое осталось не расшифрованным В. Ф. Миллером, рассматривавшим, как мы помним, два предположения. Первое подразумевало *лакaνη τζηρθε* – «юноши памятник», тем самым, противореча коллективному характеру надписи, что осознавал и В. Ф. Миллер. Второе подразумевало *лакaνητε ηρθε* – «юноши иры (осетины)», противореча собирательному значению осетинского *ir*, никогда не употребляющемуся во множественном числе, а также «дигорскому характеру» надписи, который напоминает о том, что дигорцы никогда не называли себя *ir*.

В. И. Абаев отметил, что, даже если допустить чтение *лакaνη τζηρθε*, то родительный падеж имени относился бы к предыдущим, т. е. мы имели бы дело с групповой флексией. Но групповая падежная флексия для нескольких имен потребовала бы наличия перед последним именем союза *ætæ* (и), чего не наблюдалось. Без него получалось бы, что Зеленчукская плита поставлена только одному человеку по имени *Læg*.

Учитывая приведенные аргументы в пользу чтения последнего в перечислении имени как *Лак*, В. И. Абаев предложил рассматривать окончание надписи как *aνη τζηρθε*, сохраняя вариант *τζηρθε* В. Ф. Миллера [Миллер В. Ф. 1893. С. 116; Thordarson F. 1989. S. 14; Belyaev O. 2010. P. 304, n. 8]. Первое слово *aνη* рассматривалось как указательное местоимение в родительном падеже множественного числа (от начальной дигор. формы *atæ* – «эти»), послужившее выражением родительного падежа каждого из перечисленных имен. Второе вслед за В. Ф. Миллером рассматривалось как осет. *cirt* – «памятник». Форма *τζηρθε* выражала форму *cirtæ*, которая исходила из древнеиранского *čithra-* – «знак». Таким образом, *aνη τζηρθε* рассматривалось как *ani cirt(æ)* – «этих (т. е. перечисленных) памятник». Такой способ выражения падежной формы группы имен с помощью заключительного местоимения обычен как в осетинском языке, так и во многих других языках.

В отношении времени установки памятника В. И. Абаев считал возможным признать удачной и отвечающей палеогра-

фическим и культурно-историческим данным датировку Г. Ф. Турчанинова 6449 г. от Сотворения мира, т. е. точно 941 г., или X в. Видимо, под влиянием его мнения позднее и некоторые другие исследователи приняли данную датировку [Скитский Б. В. 1956. С. 27; Оранский И. М. 1960. С. 161-163; 1963. С. 59, сн. 2, 100, 130, сн. 32; 1979. С. 34; Гагкаев К. Е. 1982. С. 34-35; 1982а. С. 43; Исаев М. И. 1966. С. 27-28; 1987. С. 549; 2000. С. 169; Минаева Т. М. 1971. С. 190; Цховребова З. Д. 1979. С. 144; Агънаты А. 1987. Ф. 56-57; Кузнецов В. А., Гуриев Т. А. 1987. С. 118; Гутнов Ф. Х. 1988. С. 123; Гуриев Т. А. 1991. С. 18-19, 172; 2010. С. 128; Санакоев М. П. 1993. С. 83-84; Алексеева Е. П. 1960. С. 23; Исаев М. И. 1999. С. 106; Бязырты А. Х. 1993. С. 86; Басария-Анкаваб И. Б. 1999. С. 10; Топоров В. Н. 1990. С. 187; 2006. С. 10; Алиева А. И., Исаев М. И. 2008. С. 6; Таказов Ф. М. 2009. С. 6; Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. 2012. С. 27; Кузнецов В. А., Гутнов Ф. Х., Цуциев А. А. 2012. С. 287]. Вероятно, опиской или небрежностью следует считать датировку надписи 341 г. н. э. [Minaham J. 2002. P. 1475].

Однако приведенное В. И. Абаевым сообщение Г. Ф. Турчанинова о такой «дешифровке» знаков строки 21 вызывает глубокие сомнения, поскольку не может быть подтверждено практикой датирования в подобной форме для христианской традиции, что признавал и сам автор в своей опубликованной статье [Турчанинов Г. Ф. 1948. С. 80-81]. Поэтому считать датировку Г. Ф. Турчанинова удачно обоснованной [Кузнецов В. А. 1984. С. 242; 1985. С. 58] или просто попыткой обоснования [Кузнецов В. А. 1992. С. 272; 1993. С. 236] изначально не было никаких оснований.

Следует привести и некоторые другие наблюдения. Признание самим В. И. Абаевым «дигорского» характера памятника должно было привести к замечанию, что дигор. *cirt* (также *cirtwat* – А. Т.) означает «могила» [Миллер В. Ф. 1882. С. 55; Абаев В. И. 1958. С. 325-326; Таказов Ф. М. 2003. С. 626], тогда как «памятник», «надмогильный камень» является значением ирон. *cyrt*. В дигорском диалекте для понятия «надмогильный памятник» фиксируются определения *cirtdzævæn* (ирон. *cyrt dzævæn*), *niværzæn ǰædæ*. Поэтому предложенное Дж. Чёнгом [Чёнг Дж.

2008. С. 54], а вслед за ним Т. Т. Камболовым [Камболов Т. Т. 2006. С. 177-178; 2013. С. 102], соответствующее исправление (но смотри далее – А. Т.) следует признать вполне вероятным.

Однако Ю. А. Дзиццойты полагает сохранение для Зеленчукской надписи именно значения «памятник» [Дзиццойты Ю. А., Кочиев К. К. 2005. С. 141]. Отметим, что Г. А. Дзагуров в своем рукописном «Дигорско-русском словаре» для *cirt* дает значения «надгробный памятник», «могила», «памятник» [Дзагуров Г. А. 1940. Л. 391]. Возникает подозрение, что данные значения, хоть и без упоминания, введены им именно за счет решения В. Ф. Миллера, которое ко времени составления словаря кратко поддерживал В. И. Абаев. Вполне правы современные исследователи, которые в отношении *т̄ц̄ηρθ̄ε* Зеленчукской надписи отмечают не значение «надгробный памятник» [Novak L. 2013. P. 184], а указывают именно на дигор. *cirt* [Тохтасьев С. Р. 2013. С. 593].

Что касается предположения В. Ф. Миллера о передаче в *т̄ц̄ηρθ̄ε* значения «памятник», то, не исключено, оно дополнительно диктовалось не совсем точными сведениями о том, что только устанавливаемые на перекрестках памятники по усопшим назывались «цырт цэвэн» [Миллер В. Ф. 1893а. С. 135], т. е. имелось в виду ирон. *cyrtdzævæn*. Возможно, в данном случае следует очень осторожно обратить внимание исследователей на отдельное замечание, что в венгерском языке слово «могила» – «ширт», «шир» (*sír* [ВРС. 1987. С. 659] – А. Т.) соответствует архаической форме в осетинском *čirt* [Магомедов А. Х. 1981. С. 32; Исаенко А. В. 1993. С. 193]. На территории современной Балкарии представлен и алано-осетинский топоним *Kizgi čirt* – «Девичья могила» [Камболов Т. Т. 2006. С. 276]. О давности именно такого значения дигор. *cirt* свидетельствует старинная дигорская песня «*Zadaleski nana*», повествующая о жестоком разгроме Дигории Тамерланом и его последствиях.

Важным представляется наблюдение В. И. Абаева о сохранении в Зеленчукской надписи а перед носовым -n, тогда как в осетинском языке в данном положении произошел переход а→о. В целом, данные Зеленчукской надписи, примеры аланских фраз Иоанна Цеца, Ясского глоссария, возможно, являющегося ко-

пией не сохранившегося автографа и составленного несколько позднее 12 января 1422 г., аланских маргиналий XIV-XV вв. средневековой византийской рукописи, данные топонимики Балкарии, подтверждаемые и современными исследованиями [Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. 1970; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 67, 76, 78, 82, 84, 89, 99, 100, 109, 122, 123, 125, 135, 180, 310, 332], Карачая, формы осетинских слов, сохранившиеся в балкарском и карачаевском языках, указывают на то, что данный переход представлял собой довольно позднее явление. Оно, по мнению исследователей, является тем критерием, который хронологически отделяет осетинский язык от аланского и сарматского языков [Абаев В. И. 1935. С. 885, 890-891; 1960. С. 20; 1979а. С. 346; Schmidt G. 1932. S. 389-390; Munkácsi B. 1933. S. 68; Gerhardt D. 1939. S. 40; Соколова В. С. 1953. С. 14-15; Gershevich I. 1960. S. 595; Györffy Gy. 1990. S. 316-318; Bielmeier R. 1989. S. 242; Thordarson F. 1988. P. 94; 1989. S. 420; 2008. P. 198; Исаев М. И. 1999. С. 106; Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43; Чёнг Дж. 2008. С. 19, 56; Kim R. 2009. P. 163, n. 30; Гуриев Т. А. 2010. С. 55; Ivanov S. A., Lubotsky A. 2011. P. 596; Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 40; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 233, 475, 493]. Данное положение, в частности, препятствует принятию прочтения аланских слов на обломке сосуда из Саркела, исполненных кириллицей [Карсанов А. Н. 1988. С. 74-75].

В. И. Абаевым также были отмечены важные графико-фонетические черты Зеленчукской надписи. «Дигорские» гласные *i* и *u* всегда передавались соответственно через *η* и *ou*. Интересно, что такое предпочтение для передачи *i* отмечается, например, для болгарских надписей [Мудрак О. А. 2005. С. 85]. Для второго случая надпись, как представляется некоторым исследователям, могла бы дать параллельное использование и иного сочетания букв. Но данное мнение не учитывает наличия лигатуры *ur*. Знак *k* в имени Пакаѳар ученый считал передачей аланского *q* – *Væqatær*. Но при сравнении с осетинским материалом более корректно говорить о *Væḡatær*. Гласные *a*, *æ*, восходящие соответственно к *ā*, *a*, по убедительному замечанию ученого, не различались на письме и передавались обе через *α*, что было тер-

пимо для такого краткого текста. Только в конце надписи в слове τζηρθε æ было передано через ε, что, на наш взгляд, представляется сомнительным. Следует также отметить, что, например, и русское ё, произносимое как ä, часто передавалось греческой буквой α [Дёрфер Г. 2011. С. 154-155]. Греческая α служила для передачи ä и в иных случаях [Doerfer G. 1965. S. 8; Moravcsik Gy. 1983a. S. 31, 33].

Исследователь также отмечал, что «выдержанность и постоянство в передаче одних и тех же звуков одними и теми же знаками, отсутствие какой-либо непоследовательности и разнобоя говорит... о существовании в этой области известных навыков и традиций». Но последнее замечание противоречит, по самому В. И. Абаеву, именно трактовке конечного знака в τζηρθε. Вполне справедливо и замечание В. И. Абаева, что в надписи двояко передается «осетинское» придыхательное t. Внутри слова, между сонорными (и гласными? – А. Т.) оно передается через θ – Пакаθар, τζηρθε, а на исходе слова через τ – фурт. Данное замечание осталось не воспринятым последующими исследователями надписи.

Саму Зеленчукскую плиту с ее надписью В. И. Абаев относил к коллективному фамильному погребению, усматривая для этого параллель в данных археологии о многократных и разновременных погребениях в отдельных аланских катакомбах, как позднее в каменных надземных склепах. Плита была установлена потомком погребенных. В целом, исследователь прочел надпись следующим образом:

«Ις Χς, Οα ...ς (?), Νικόλαος, Σαχηρη φурт [X ...p], [X] ... pη φурт Пакаθар, Пакаθα(ρ)η φурт Ανπαλαν, Α(v)παλανη φурт Лак, ανη τζηρθε» – «Иисус Христос Святой (?) Николай Сахира сын Х...p Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбалан Анбалана сын Лаг – их памятник».

Несколько позднее В. И. Абаева к прочтению Зеленчукской надписи обратился Г. Ф. Турчанинов. В основу своего анализа ученый положил репродукцию В. Ф. Миллера. Однако очертания знаков на плите подверглись некоторым изменением (рис. 12). Кроме того, уже отмечавшееся дополнение нижнего окон-

чания у буквы А строки 16, а также изменение, например, формы второго знака строки 10 свидетельствуют об учете деривата В. И. Абаева. Последнему знаку строки 21 была придана даже более выраженная форма буквы λ, что, видимо, диктовалось особым значением самой строки для поиска в ней фиксации даты установки памятника. Но, в целом, как и в случае с дериватом В. И. Абаева, изменения не влияют, за редким исключением, в строке 21, на саму идентификацию букв.

Г. Ф. Турчанинов сосредотачивал свое внимание «на темных местах памятника», т. е. на не получивших своей точной дешифровки у предшественников. Видимо, поэтому он не обращался к анализу строк 1-5. Точнее, им признавалось наличие в них греческого ΙΣ ΧΣ ὁ ἅγιος Ν(ι)κόλαος [Турчанинов Г. Ф. 1990. С. 136]. Данная дешифровка отражена и в его текстовых реконструкциях, размещенных возле изображений дериватов Зеленчукской надписи, что не заметили некоторые другие авторы. Саму Зеленчукскую надпись исследователь рассматривал как памятник «осетинского языка, а не письма», т. к. не видел доказательств тому, что греческое письмо было специально приспособлено и переработано для нужд народного употребления. В конечном итоге, исследователь пришел к утверждению о смешанном, иронско-дигорском (ясском) языке Зеленчукской надписи [Турчанинов Г. Ф. 1958. С. 80-81; 1964. С. 47, 51; 1967. С. 271; 1971. С. 105-106; 1978. С. 181-187; 1981. Ф. 91-92; 1981а. Ф. 105-106; 1990. С. 166; Минаева Т. М. 1971. С. 80, 190; Джигоев Х. С. 1982. С. 23-25; Челехсаты К. С. 2009. С. 195-196; Войников Ж. 2011. С. 180-181].

Основную часть надписи автор начинал с дешифровки Σαχηρη строк 6-7, которое признавалось другими исследователями как отчество, но не объяснялось ими с позиций осетинского языка. Первоначально, также не находя для этого имени, стоящем в родительном падеже, объяснения на осетинской (и иранской) почве, Г. Ф. Турчанинов посчитал его заимствованием из кабардинского (черкесского) языка. Он указал на современное кабардинское имя Щыхъыр (щыхъ – «олень», определенная форма щыхъыр). При этом указывалось и на осет. sag – «олень», которое трактовалось как заимствование у западно-кавказской

горской группы. Однако осет. sag является оригинальной лексемой, и само было заимствовано не только в западно-кавказские, но и в восточно-кавказские языки [Абаев В. И. 1973. С. 11-16].

Следующее слово в строке 7 исследователь отождествлял с дигор. furt – сын. Однако представленная им форма прочтения фου[рт], фу[рт] свидетельствует о восстановлении двух последних букв слова, как изначально написанных, но утерянных в надписи. Следовательно, Г. Ф. Турчанинов игнорировал замечание В. Ф. Миллера о полностью сохранившейся в надписи форме слова по оттиску Г. И. Куликовского. В дальнейшем такой подход приведет исследователя и к новым заблуждениям.

В строке 8 было предложено читать имя Ховс, которое рассматривалось как происходящее из грузинского этнического определения осетин (экзоэтноним). Начальное Х определялось как особенность местного произношения, передача придыхания, которое в такой позиции сохранялось у кабардинцев, т. е. «отражение в надписи кабардинского влияния в произношении этого имени». Искусственность и бездоказательность такого объяснения очевидны. Как справедливо отметил Л. Згуста, для такой интерпретации Х нет ни одного подтверждения, ни в каком-либо осетинском или сарматском памятнике, ни в каком-либо тексте любого периода [Zgusta L. 1987. P. 34]. Вообще трудно, даже невозможно, найти основания для использования имени, представляющего собой эндоэтноним, сложившийся в одной этнической среде, затем получивший дополнительное фонетическое оформление в другой этнической среде, представителем того этнического мира, к которому он прилагался извне.

Конечную букву Н в строке 8 Г. Ф. Турчанинов рассматривал как протетическое *i*, связанное с последующим словом в строке 9. Его он считал самым дефектным с точки зрения палеографии. Вместе с тем, в первом знаке строки 9 Г. Ф. Турчанинов признавал греческую лигатуру *ot* и букву *O*, после которой могла быть пропущена буква *u*, как на одной из надписей в слове *δο(υ)λο(ς)* [Помяловский И. В. 1881. С. 15, № 29, таб. 3, рис. 9а, таб. 4, рис. 10, 11] (смотри также, например: Латышев В. В. 1896. С. 111-112, № 102, 141 – А. Т.). С учетом последующих букв *p*, *η* восстанавлива-

лось слово ἡτοῦρη как стоящее в родительном падеже дигор. isturi – «большого», «великого».

Г. Ф. Турчанинов рассматривал его как определение к предыдущему имени Ховс, которое в такой постпозиции было свойственно как «староосетинскому языку», так и современному кабардинскому языку. Учитывая же наличие определения «большой», «великий», «высокий» в кабардинских именах и дигорское фольклорное Хъанухъти Устур-Есен (Кануков Большой-Есен), в котором в фамилии и имени признавалось старое усвоение из кабардинского (Есен имеет тюркское происхождение – А. Т.), делался вывод, что, скорее, следует говорить о кабардинском влиянии на осетинскую речь надписи памятника, чем на исконную осетинскую языковую среду.

Вновь не стоит говорить о том, что данная интерпретация крайне искусственная. Она, в конечном итоге, ведет к фантастическому признанию наличия у Бакатара двух отцов, либо к наличию двух имен у его одного отца. Такое положение прямо противоречит последующей части надписи. Нет подобных примеров среди других памятников христианской эпиграфики. Работа исследователя была построена на цели доказать, что в строках 8, 9 было представлено не два имени (имя и производное от него отчество), как полагал В. И. Абаев, а одно имя, для чего и потребовалось признание единого, стоящего в родительном падеже, имени Ховси Истури.

С другой стороны, общий контекст интерпретаций давал «новую» для науки трактовку этнокультурной истории региона. Исследователь, таким образом, заявлял, что в X в. в верховьях р. Зеленчук наряду с осетинами обитали и кабардинцы (черкесы). Их влияние на осетинскую речь уже было значительным, а надпись является «косвенным свидетельством творческого участия кабардинской (черкесской) народности в строительстве культурно-исторической жизни Северного Кавказа в первой половине X в. н. э.». Данное утверждение не имеет никакого исторического обоснования, что не отрицает тесного взаимодействия на Северо-Западном Кавказе ираноязычных аланов с представителями средневекового адыгоязычного населения. В

целом, указанные строки надписи Г. Ф. Турчанинов читал: «Сахи-ра сын, Овса великого сын Бакатар...».

Позднее, что не удивительно, Г. Ф. Турчанинов отказался от идеи о влиянии на язык Зеленчукской надписи языка средневековых кабардинцев (черкесов) [Турчанинов Г. Ф. 1971. С. 164; 1978. С. 181], что остается не известным некоторым современным авторам [Сигаури И. М. 1997. С. 202]. В Σαχηρη строк 6-7 он усмотрел осетинские saq(q) – «доблестный» и ηρη – «иров». Для написания saq(q) отмечалось, что фарингальный q и увулярный x в надписи передаются одним χ. Данное спорное с точки зрения самого обоснования решение имело продолжение в толковании ηρη, которое, по мнению некоторых исследователей, противоречит и возможной форме слова, и диалектальной отнесенности надписи [Камболов Т. Т. 2006. С. 173].

Следующее слово строки 7, «ранее всеми исследователями читавшееся как fou[рт]» – дигор. furt – «сын», Г. Ф. Турчанинов предложил считать яским fu[do]x, включая в него первую букву X строки 8. Для этого исследователь утверждал о наличии в строке 7 «дефектного слова фо(u)...», подразумевая пропуск буквы u. Создается впечатление, что исследователь, на самом деле, использовал данные оттиска Г. И. Куликовского о наличии в конце строки буквы Y, одновременно произвольно опуская данные того же оттиска о надстрочных рт. Данный подход сам по себе компрометирует «дешифровку».

«Читаемая» лексема представлялась автором в форме фо(u)дох и сопоставлялась с ирон. fudox, дигор. fudonx – «скорбь (по поводу смерти близкого)», в котором была пропущена вторая буква u, а в конце строки 7 полагалась возможность «поместить только две буквы». Ими были не урт, а до. Фактически исследователь за счет прежнего игнорирования данных оттиска Г. И. Куликовского о четком читаемом fouрт строки 7, перешел к интерпретации части надписи вне данных самой надписи.

Кроме того, последние две буквы рт строки 7 были нанесены над этой строкой, что делает бессмысленным «вычисления» пространства для возможности нанесения в этой строке только двух букв. Несомненно, мы имеем дело либо с исправлением

изначальной ошибки резчика в написании слова фюрт – «сын», либо с переносом в надстрочное положение последних букв слова в конце строки. Даже только фиксируемая черта в конце строки на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима не позволяет здесь усмотреть повод для наличия Δ (δ). Оттиск же Г. И. Куликовского здесь фиксирует букву Υ. Сам неоднократный повтор в надписи лексемы фюрт делает попытку Г. Ф. Турчанинова излишней и непродуктивной.

Само чтение Г. Ф. Турчанинова фо(υ)[δo](v)χ, с возведением к дигор. *fudonx* – «скорбь, печаль, траур, несчастье», также вызывает большие сомнения. Во-первых, корректная дигорская форма – *fudonxæ*, что добавляет необходимость признания пропуска в надписи кроме υ еще одной, последней буквы. Вставка n в дигорском *fudonxæ* является вторичной, что находит себе параллель в авестийском языке [Абаев В. И. 1987. С. 37-39]. Поэтому ее отсутствие в предлагаемой для Зеленчукской надписи лексеме требует обоснования. Без него получается признание отсутствия не δo, а bovα. По факту, Г. Ф. Турчанинов при своей интерпретации смешивает дигорскую и иронскую формы слова. Фактически он берет две буквы фо из строки 7 и букву χ из строки 8, заполняя пространство между ними не существующими в самой надписи буквами. Во-вторых, в поминальной традиции осетин данная лексема представлена, например в обозначении поминальной пищи – *fudonxi kærdzin*, что делает сомнительным ее использование для обозначения самого погребения.

Следующие за первой буквой χ строки 8 три буквы oβo, т. е. с изменением прежней интерпретации последней буквы не как C, а как остаток O, исследователь сопоставляет с ирон. *obaw* – «надмогильный курган», в котором полагает стяжение aw в o, и с дигор. *obaj* – «могила», «склеп», которое считает более подходящим по смыслу текста. Затем исследователь прямо указывает на ирон. *obaw* – «могила». Для такой трактовки им выдвигается бездоказательное и противоречащее действительности утверждение, что взрывной -b в надписи передавался и через π, и через β. Четко читаемая в строке 8 буква β могла передавать только звук -v, что полностью опровергает дешифровку Г. Ф. Турчанинова.

Исследователь заключал, что под Зеленчукской плитой были одновременно погребены члены одной семьи, по-видимому, погибшие в результате какого-то трагического события. Не исключалось, что мы имеем дело с кенотафом, т. е. с погребальным памятником без захоронения.

Мы вновь сталкиваемся не только со смешением дигорской и иронской форм слова, но еще и со смешением их значений. Кроме того, данное слово является заимствованием из тюрко-монгольского. Ирон. *obaw* имеет не только значение «надмогильный курган», но и просто «курган». Значение «курган» имеет и дигор. *wobaw*. Таким образом, следовало бы говорить о гипотетическом стяжении в дигор. *wobaw*. Но такое восприятие лексемы противоречит известным данным об отсутствии какого-либо кургана на месте находки Зеленчукской плиты.

Что касается дигор. *obaj* (*wobaj*), то В. И. Абаев дает для него значение «могильник», «склеп» [Абаев В. И. 1973. С. 223-224], но никак не «могила» (в дигорском диалекте «могила» также представлено в *wælmærdæ* (ирон. *wælmærd*) и в *ingæn*, заимствованном и в иронский диалект). Собственно, дигор. *wobaj* имеет значение «склеп (надземный)». Для обозначения подземного, полуподземного склепа и гробницы используется дигор. *zærpaz/dzærpaz*. Его параллель представлена в ирон. форме *zærpadz* для обозначения склепа вообще. Таким образом, значение *wobaj* – «надземный склеп» также противоречит реалиям находки Зеленчукской плиты, не позволяя предполагать наличие там могилы или кенотафа. Сегодня можно указать на наличие в конце Зеленчукской надписи слова «могила» – *cirt*, что дополнительно опровергает трактовку Г. Ф. Турчанинова. Таким образом, мы можем признать неудачной всю попытку объяснения Г. Ф. Турчаниновым непереуведенной В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым части надписи.

Далее Г. Ф. Турчанинов восстанавливает имя Истур («Большой»), стоящее в родительном падеже – *ᶯто(u)ᶯ*. Оно дано «в дигорском оформлении», когда протетическое *i* (*ᶯ*) представлено последней буквой строки 8, а *stur* помещается на строке 9. В начальном знаке строки исследователь подтверждает

наличие лигатуры от [Гардтгаузен В. 1911. С. 40; Groningen В. А. 1940. Fig. 9], типичной для X в. К ней «... справа вверху присоединена буква о в виде скобы, обращенной раствором вправо. Такое открытое о кроме имени Истур наблюдается в слове оѵо...».

Признание наличия буквы О в обоих означенных случаях (речь не идет о предлагавшейся семантике оѵо) представляется вполне вероятным. Но следует говорить об их форме, являющейся результатом разрушения плиты. Кроме того, более приемлемым представляется наличие лигатуры ото. Г. Ф. Турчанинов считает слов ѱото(у)р «дефектным», как и фо(у)дох. Вновь подразумевается пропуск u, который ранее автор обосновывал через пример слова до(у)ло(с) на одной из надписей. Но, скорее, причины такой формы слова заключаются в иных обстоятельствах, о которых говорилось выше.

Для строк 9-20 Г. Ф. Турчанинов оставляет в силе чтение В. И. Абаева. В строке 21 им предлагается поправка к чтению знака ε. Его исследователь сопоставляет с ясской краткой формой глагольной связки, равной дигор. æj, ирон. i. Полагается, что ι, следовавшая за ε (æ), была ошибочно не вырезана резчиком. В соответствии с нормами осетинского синтаксиса здесь читалось cirt æ(i) – «памятник есть». Следующие после точки четыре буквы строки 21 Г. Ф. Турчанинов «читал» как дату 6644 от Сотворения мира, т. е. точно 941 г. Не вызывает сомнений только искусственность такого «прочтения даты» [Zgusta L. 1987. P. 26-27].

Видимо, следует указать, что сама такая датировка может столкнуться с возражениями и исторического характера. Сопоставление сведений «Кембриджского документа» и ал-Масуди позволяет полагать отказ Алании от христианства и изгнание из нее священников и епископов после неудачного антихазарского выступления. Данные события произошли вскоре после ~932 г. Подтверждением такого положения может служить, например, целенаправленное разрушение храмов №№ 2, 6 на Ильичевском городище. Блоки же церковных зданий использовались на языческом кладбище в Гамовской балке. Данное положение, насколько можно судить, сохранилось до

середины X в. [Каминский В. Н., Каминская И. В. 1996. С. 175; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 34-39]. Вскоре начинает проследиваться ослабление Хазарии, что сказалось и в религиозном вопросе, судя по освятительной надписи от 2 апреля 965 г. из Сентинского храма пресвятой Богородицы, в которой упомянуты правитель Алании Давид и его супруга Мария [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2004; 2005; 2011. С. 221, 241-242]. В том же году турки-огузы наносят тяжелый удар по Хазарии, чей разгром вскоре завершает киевский князь Святослав, нанесший также поражение ясам и касогам [Sharira D. D. Y. 2008. P. 28-29]. Таким образом, «датировка» Г. Ф. Турчанинова приходится на период не только вынужденного отказа Алании от христианства, но и обусловленного им отсутствия в ней самого православного клира.

Видимо, Г. Ф. Турчанинова изначально подтолкнуло к признанию языка надписи яским (иронско-дигорским) находка в Венгрии Ясского глоссария 1422 г. Однако в данном документе единственное слово, которое близко по своей форме к иронской, – *horz* (дигор. форма *xwarz*). Но, как отметил Т. Т. Камболов [Камболов Т. Т. 2006. С. 211-212], что почему-то не было внимательно воспринято некоторыми авторами [Джусойты Н. 2012. С. 3], ее огласовка *-o-*, скорее всего, связана с искажением *-wa-*, которая явно представлена и в других словах Ясского глоссария (заметим, что, например, российские исследователи в начале XX в. фиксировали название р. Уэллаг-дон в форме Олак-дон, а позднее название осетинского журнала «Фидиуæг» даже сами осетины передавали на письме и в форме «Фидиог»). Кроме того, Зеленчукская надпись более ранний памятник, чем Ясский глоссарий, поэтому их прямое сопоставление, само по себе, нуждается в обосновании.

Впрочем, трактовка Г. Ф. Турчанинова лежит в русле его постоянных, но неудачных попыток выявить как можно более ранние факты сложения иронского диалекта осетинского языка. Ясский диалект в понимании Г. Ф. Турчанинова является «иронско-дигорским», т. е. он отражает начало нового этапа в развитии аланского языка. Во-первых, такое развитие в самой Зелен-

чукской надписи не прослеживается. Во-вторых, местность, где была найдена Зеленчукская надпись, исторически связана с той частью аланов, с которой связан этногенез осетин-дигорцев. Те же данные топонимики не дают повода для выявления в них яского, в понимании Г. Ф. Турчанинова, языка, с другой стороны, подтверждая историческую языковую связь местного аланского населения с осетинами-дигорцами. Все имеющиеся данные говорят в пользу того, что новый этап в развитии аланского языка, связанный со становлением иронского диалекта осетинского языка, начался позднее времени составления Зеленчукской надписи и происходил вне территории ее обнаружения.

Указание Г. Ф. Турчанинова на уаллагкомский диалект также не является аргументом. В основе данного диалекта лежит иронский диалект. Его формирование связано с достаточно поздним переселением части осетин-иронцев в Дигорию. В условиях плотного окружения переселенцев местными осетинами-дигорцами и теснейших контактов с ними язык переселенцев и подвергся определенной «дигоризации».

Видимо, следует еще раз уточниться и с пониманием аргумента о «дигорском характере» («дигорском происхождении» [Кузнецов В. А. 2014. С. 123]), «диалектальной соотнесенности», «осетинском языке» Зеленчукской надписи. Он говорит не о том, что надпись (точнее, ее часть) выполнена на дигорском диалекте осетинского языка или на осетинском языке. *Надпись выполнена на средневековом аланском языке.* Дигорский диалект осетинского языка сохранил более древние иранские черты аланского языка, почему и оказывается близок к языку надписи. Иронский диалект представляет собой следующую стадию развития этого же языка.

Поэтому в историческом плане дигорский и иронский диалекты осетинского языка рассматриваются как две последовательные стадии развития одного и того же языка. Само становление современных осетинских диалектов было достаточно поздним явлением. Оно, видимо, могло произойти не ранее XVI в., если допустить справедливость наблюдения исследователей, что еще не наблюдаемый в Зеленчукской надписи переход а→о

перед носовым -н, который, по Р. Бильмайеру, является своеобразным «водоразделом» между аланским и современным осетинским языком, отмечается в турецкой налоговой переписи 1550 г. ясского населения Венгрии [Кузнецов В. А. 1993а. С. 135]. Однако данное наблюдение могло бы относиться к потомкам аланов, давно оторванным от своей северокавказской родины, что ставит вопрос перед закономерностью его прямого распространения на проблему формирования современного осетинского языка. Недавно было высказано новое, а потому дискуссионное мнение, что свидетельство существования иронского диалекта осетинского языка ранее XVII в. не выявлено [Камболов Т. Т. 2013. С. 119].

Указание, в частности, на невозможность наличия в Зеленчукской надписи эндоэтнонима *lg* исходит из того, что на территории обнаружения надписи в момент ее составления проживала та часть аланского населения, с которой напрямую связан этногенез осетин-дигорцев. Подтверждением такого положения может служить сообщение армянской «Ашхарацуйц» VII в. об аланском народе аш-дигор (аш-тикор) на Северо-Западном Кавказе, возможно, известных Ибн-Русте как *D.hsās* [Цукерман К. 2005. С. 76-77; Камболов Т. Т. 2006. С. 403], и сведения «Дербент-наме» о стране Ирхана, за которой, как полагают некоторые исследователи, скрывается восточная часть Алании [Гадло А. В. 1984. С. 121].

Следует, видимо, дополнительно оговориться и по другому вопросу. Сегодня у специалистов не вызывает сомнения генетическая преемственность осетинского языка с языками тех ираноязычных народов, которые известны нам по письменным источникам под названиями скифов, савроматов, сарматов, аланов и т. д. В рамках указанной преемственности предпринимались, в том числе, попытки соотнесения осетинского языка в целом или его диалектов со скифским, сарматским или аланским языками, языками одного из сарматских или аланских родо-племенных объединений. Исследователи разрабатывают возможности выделения специфических черт скифского и сарматского языков, т. е. их разделения [Виноградов В. Б. 1965.

С. 96; 1965а. С. 49; Абаев В. И. 1967. С. 21; 1959; Абрамова М. П. 1993. С. 201; Ковалевская В. Б. 1995. С. 110; 2005. С. 65; Гаглойти Ю. С. 1996. С. 54-55; Дзиццойты Ю. А. 1998. С. 181-195; 2007; Кузнецов В. А. 1999. С. 178; Бекоев Д. Г. 1985. С. 27; Исаев М. И. 1987. С. 541-542; Gershevitch I. 1992. P. 165-173; Берлизов Н. Е. 1996. С. 115; Прокопенко Ю. А. 2006. С. 37, 47; Албегова З. Х. 2007; Витчак К. Т. 1992. С. 58; Kullanda S. 2006. P. 74-78; Дарчиев А. В. 2013. С. 54-56 и др.]. Поэтому попытки установления конкретных генетических связей диалектов осетинского языка в указанном направлении пока не выходят за рамки предположений и гипотез, но выходят за рамки предлагаемой работы.

Попытки дешифровки отдельных «темных мест» Зеленчукской надписи производились Г. Ф. Турчаниновым за счет порой вольного использования осетинского лексического материала и трактовок отдельных знаков самой надписи, без чего было бы невозможно приведение указанных трактовок. Именно такой подход нуждался в бездоказательной оговорке, оправдывающей искусственные построения: «Зеленчукская надпись является памятником осетинского языка, а не письма. Ни древние, ни средневековые осетины не имели своего оригинального письма на греческой графической основе. На Зеленчукской надписи это особенно заметно – оно не приспособлено к осетинской фонетике... Резчик надписи не соотносил графику греческого письма с фонетикой ни своего языка, ни византийско-греческого. Если такое соотнесение кое-где и наблюдается, то оно случайно. Традиция письма греческими буквами на осетинском языке отсутствовала. Это подтверждается, в частности, большим количеством описок в тексте Зеленчукской надписи. Собственное письмо средневековых осетин было, как мы это теперь знаем, письмом арамейско-сиро-несторианского дукта».

Как представляется, более взвешенным и осторожным является замечание другого автора: «Наличие Зеленчукской надгробной надписи XI-XII вв. говорит о том, что у алан начала складываться своя письменность на греческом алфавите, но она не получила распространения» [Дядькин В. Г. 1968. С. 26]. Что касается «письма средневековых осетин арамейско-сиро-не-

сторианского дукта» [Кадеев В. И. 1968. С. 289; Турчанинов Г. Ф. 1990], то его существование вряд ли когда-либо будет признано специалистами.

В целом, исследователь предложил следующую трактовку «осетиноязычного текста»:

«Saq(q) iri fu[do]x obo: Isturi furt Bakatar, Bakata[r]i furt Anbalan, A[n]balani furt Lak, ani čirt æ(j)» – «Доблестных осетин скорбная могила: Истура сын Бакатар, Бакатара сын Анбалан, Анбалана сын Лаг, этих (их) памятник есть. 941».

Г. Ф. Турчанинов указывал: «Мне представляется, что после того, как я обратился к тексту Зеленчукской надписи с позиций ясского диалекта осетинского языка, памятник стал предельно четким. Едва ли в интерпретации смысловой стороны осетиноязычного текста надписи при отсутствии самого памятника можно достичь большего». Пожалуй, отмеченные натяжки в дешифровке с привлечением не существующего «ясского диалекта осетинского языка», что не осознается некоторыми современными авторами [Дзанайты Х. Г. 2014. С. 49-50], привели к потере смысловой стороны текста, чему, судя по подходу исследователя, не помешало бы и наличие памятника.

Еще одним автором, обратившимся к дешифровке Зеленчукской надписи, был Б. А. Алборов, который изначально, видимо, принимал прочтение В. Ф. Миллера [Алборов Б. А. 1929. С. 5-6; 1929а. Л. 21-22; Alborty В. 1929. F. 6-7]. Но впоследствии в одной из своих статей он попытался предложить некоторые изменения в прочтении надписи [Алборов Б. А. 1956. С. 229-251]. Фактически, данная статья, опубликованная в 1956 г., разделена на две части. Вторая часть предваряется замечанием, что работа написана в 1938 г. и оглашена на заседании Северо-Осетинского областного музея, а в 1947 г. – на заседании исторического отдела СОНИИ.

Замечание имеет свое значение. В ходе массовых политических репрессий, охвативших нашу страну, Б. А. Алборов был арестован в августе 1938 г. и осужден, отбывая срок заключения с 1941 по 1947 гг. в лагункте Свердловской области. После возвращения на родину в 1947 г., в 1948 г. он был вынужден уехать,

опасаясь нового ареста. Вместе с тем, использование в первой части статьи работ Г. Ф. Турчанинова и В. И. Абаева 1948 г. и 1949 г. указывает, как минимум, что данная статья как целостное исследование была создана в более поздний период. В пользу такого положения говорит и вторая часть статьи, в которой развиваются положения первой части и вновь используется работа В. И. Абаева 1949 г.

В основу своей дешифровки Б. А. Алборов положил репродукцию В. Ф. Миллера (рис. 13). Судя по некоторым несущественным изменениям в начертаниях знаков, она у него, как и у В. И. Абаева, была перерисована от руки, что вполне естественно. Видимо, при публикации сказался и типографский уровень того времени [Алборов Б. А. 1956. С. 231]. Однако данные обстоятельства не повлияли, как и в случае с дериватами В. И. Абаева и Г. Ф. Турчанинова, на саму идентификацию букв.

Прежде всего, Б. А. Алборов поставил под сомнение предположения В. Ф. Миллера о фиксации в строке 3 надписи греческого ὁ ἁγίος или осетинского *was* (oatc), посчитав правильным чтением «оасси». Его он сопоставил с названием осетин в средневековых грузинских и русских источниках и с первой частью в названиях осетинских божеств *Wacilla*, *Waskergi*, *Was Nikkola*. Для данного решения он обратился [Алборов Б. А. 1956. С. 234-235] к данным эпиграфических памятников, в которых упоминаются средневековые этносы.

В дополнение к своему решению он привел сведения И. В. Помяловского и П. Г. Буткова об изображении Св. Николая в Среднем храме в районе Зеленчука, которое в 1802 г. видел майор Потемкин, оставивший об этом письменные свидетельства. Изображение по бокам сопровождалось надписью «Осис Николаос, Аспе патрос», т. е. «Святой Николай, покровитель Аспе». Для начального слова надписи сам Б. А. Алборов предпочел греческое ὁ ἁγίος, а не ὁ ὀσίος – «святой». Вместо чтения Аспе произвольно принял чтение этнонима «асы», сравнивая его с абхазскими названиями осетин «ауапс» и абхазов – «апсуа», с грузинским «овс». Таким образом, Б. А. Алборов нашел для себя подтверждение идее, что на надгробном памят-

нике возможно написание племенного названия покойников, похороненных под ним [Бутков П. 1825а. С. 432; Помяловский И. В. 1881. С. 5-6, № 5, 6-7, № 8; 42, № 66; Кузнецов В. А. 1971. С. 185]. Однако приведенные им сопоставления и произвольная трактовка Аспе не имеют никакой доказательной силы и соотношения с самой Зеленчукской надписью. Л. Згуста вполне справедливо отклонил данное прочтение.

Чтение невозможно палеографически. Нет никаких оснований в слове строки 3 усматривать две σ и, наоборот, последней буквой может быть только σ , а не ι . Не объясняет начальную букву Θ в слове апелляция к абхазским и грузинскому примерам, представление ее как протетической w за счет данных по югоосетинскому диалекту не особо уместно, т. к. надпись по языку ближе дигорскому диалекту. Также невозможно пройти мимо того факта, что название части аланов было Asi , а не $Wasi$. Не может быть принята и этническая интерпретация Б. А. Алборова для первой части в названиях осетинских божеств, для которой более аргументировано решение В. Ф. Миллера и В. И. Абаева. Невозможно и привлечение \omicron \acute{o} \acute{o} σ ι σ , т. к. в строке 3 вторая буква никак не может быть Θ [Zgusta L. 1987. P. 22-23].

Со своей стороны отметим, например, и одну несообразность в рассуждениях Б. А. Алборова. Он заявляет, что В. Ф. Миллер считал третьей буквой строки 3 букву Σ . На самом деле, в третьем знаке строки В. Ф. Миллер полагал либо υ , либо τ . Причем, исследователь склонялся к первому варианту, т. к. указывал, что в строке наиболее вероятно наличие 5 букв ($\omicron\alpha\upsilon\sigma$). Б. А. Алборов явно ошибочно воспринял замечание В. Ф. Миллера, что четко различались только буквы \omicron , α , ς .

Вопреки утверждению Б. А. Алборова, последнюю букву в своей репродукции В. Ф. Миллер не пропускал, а надежно идентифицировал с греческой ς . Наоборот, нет никаких оснований, как делает сам Б. А. Алборов, усматривать в ней греческую ι . Таким образом, следует констатировать, что исследователь изначально запутался в собственных представлениях о лексеме строки 3. Кроме того, отметим, что Б. А. Алборов пользовался

репродукцией В. Ф. Миллера. На рисунке же Д. М. Струкова, ставшим известным исследователям позднее, как и на рисунке иеромонаха Серафима, в разбираемом слове явно представлена конечная О, которая оказалась неучтенной. Поэтому единственно правильным чтением остается греческое ὁ ἀγι(ος), состоящее из 6 букв, две последние из которых ошибочно переставлены местами друг с другом.

Для строки 4 Б. А. Алборов правильно отметил допустимость такого начертания начальной буквы Ν и пропуск ι (возможен и пропуск η – А. Т.) в имени Ν(ι)κόλαος. Второе явление он объяснял определенным произношением в современной речи осетин-иронцев. Данное объяснение следует закономерно отклонить. Но сама такая форма написания имени Ν(ι/η)κόλαος объективно подтверждается другими известными эпиграфическими памятниками, близкими по времени Зеленчукской надписи.

Далее Б. А. Алборов вновь неудачно счел данное имя принадлежащим не христианскому святому. Он включил его в общий перечень имен и отчеств надписи, не обращая внимание на сведение оформленного по правилам греческого языка с окончанием -ος имени Ν(ι)κόλαος с аланской формой отчества Σαχηρη φουρτ. Таким образом, Б. А. Алборов открывал для себя возможность трактовать надпись как перечисление погребенных, вопреки отмеченного В. И. Абаевым необходимого порядка следования имени после отчества. Это позволяло ему не задаваться и вопросом об отношении погребенных друг к другу. Б. А. Алборов привел современный осетинский порядок следования отчества за именем, что научно не столь убедительно.

Исследователь, как и его коллеги, признал наличие в надписи слов φουρτ – «сын», правильно не упустив надстрочное добавление ρτ, по копии Г. И. Куликовского, при его первом употреблении. Непрочитанная часть надписи после Σαχηρη φουρτ получила объяснение как Хо Бзитери (Бзитæри, Бситæри) фурт. Хо было сопоставлено с осетинским именем Ко, а Бзитери – с именем Бси/Бзи/Будзи/Быдзи/Бдзи, суффикс которого -ter восходил к -dar – «держать», а все имя означало «почето-дер-

жатель» [Алборов Б. А. 1956. С. 237-238; 1979. С. 172-201, 310, прим. IX].

Сам по себе сопоставительный материал не имеет никакого историко-этимологического основания. Заявления о передаче буквой β звука -б, как и вольная трактовка лигатуры *ото*, приводящая к необоснованному [Zgusta L. 1987. P. 19] отрицанию самого ее наличия при субъективной трактовке как «сложно-фигурной буквы», оказываются вне научного поля. Кроме того, трактовка Б. А. Алборова не только противоречит открывающей строку 9 лигатуре, но и не имеет опоры для æ .

Л. Згуста отметил, что выделенное Б. А. Алборовым *Бзитери* ведется к осетинским словам со значением «почет» по внешней (формальной) схожести. Буква β передавала именно звук -в, а у полагаемой группы *bz* для передачи звонкого звука была буква *z*. В любом случае, опрометчиво принимать аномальное значение для букв из-за предвзятой, а потому слабой этимологии. Кроме того, имена различного происхождения так быстро и широко распространялись на Кавказе, что ни одно имя не может служить действенным доказательством для этнического определения его носителя или языка текста, в котором оно встречается [Zgusta L. 1987. P. 32-33]. Заметим, что полагаемое значение «почет», строго говоря, не убедительно, а допустимость наличия имени *Хо* за счет фиксируемого у осетин имени *Ко* не имеет основания. Бесспорная передача буквой β звука -в [Sanart P. 1980. P. 86] отрицает саму форму имени, т. к. такая начальная позиция для нее практически недопустима со стороны осетинского языка.

Далее Б. А. Алборов приводит некоторые дополнительные наблюдения и уточнения. Он корректно замечает, что правильное чтение одного из имен надписи является *Væḡatær* (*Væḡatur*), а не *Væqatær*. Затем, вопреки замечанию В. Ф. Миллера, допускается существование имени *Багатай*. Дальнейшая формулировка исследователя неясна, т. к. не понятно, считает ли он имя *Багатай*, как и предшествующее, заимствованными из тюркских языков, или он считает, что упомянутые под этими именами погребенные были «татарского происхождения». Б. А. Алборов выбирает выделение В. Ф. Миллером имени *Анбал*, не исключая и

его тюркское происхождение. Последнее замечание не только произвольно, но и явно ошибочно. Для решения о происхождении слова форт Б. А. Алборов справедливо, как и его предшественники, указал на данные эпиграфических памятников Северного Причерноморья.

В то же время он отмечает для надписи непоследовательность использования букв θ и τ , не упоминая замечания по данному вопросу В. И. Абаева. Не упоминает он решения В. И. Абаева и при возражении против наличия в строках 20, 21 эндотонима ir . Далее, используя наблюдения В. И. Абаева об условиях наличия групповой падежной флексии нескольких имен, но давая почему-то сноску на другую часть его работы об осетино-венгерских соответствиях, Б. А. Алборов выбирает значение «юноши памятник» как звучащее в единственном числе «благозвучнее», чем было бы во множественном числе. Здесь вообще очень сложно что-нибудь обсуждать. Заметим, что выбор $læqwæp$ подразумевает, что все погребенные были юного возраста. Чем можно обосновать?

Для предложенной В. Ф. Миллером лигатуры $t\zeta$ в начале $t\zeta\eta\rtheta\epsilon$ Б. А. Алборов посчитал необходимым отметить, что исполнитель надписи в данном случае хотел показать не составную часть лигатуры, а прибегнул к традиционному обозначению варварского шипящего сибиллянта, аффриката ч/ц. Заявление ничем не может быть обосновано. Необычное положение греческой ϵ в обратной форме – э, напоминающую русскую букву, объяснялось известным употреблением и в византийском унциальном письме. Данное объяснение излишне и не может опровергнуть факта наличия лигатуры $t\zeta$.

Окончание Зеленчукской надписи Б. А. Алборов старался идентифицировать с датой, определяемой им как 6570 г. от Сотворения мира, т. е. 1062 г. н. э., или 6571 г. от Сотворения мира, т. е. 1063 г. н. э. В частности, последнюю букву он идентифицировал с А, утерявшей «брюшко», чтобы сопоставить ее с сокращением дигорского anz – «год» или цифрой (легче бы было обратиться к одной из форм самой А [Wattenbach W. 1895. S. 87] – А. Т.). Но рисунки Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, не дают

такой возможности. Соглашаясь с В. Ф. Миллером, что при чтении слева направо не получается разумной цифры, он предложил читать справа налево, мотивируя древней практикой греков или тем, что резчиком мог быть... еврей. Предложенное Б. А. Алборовым «оригинальное решение» вполне в духе его собственного определения полученной даты: «Дата представляет собой тайнопись, криптографию, литорею, и как таковая была уместна в конце памятника, чтобы заинтересовать читателя своей загадочностью» [Алборов Б. А. 1956. С. 242].

Даже без краткого анализа «аргументов» исследователя [Zgusta L. 1987. P. 27-28] данное решение может быть отвергнуто. Интересно, что только после такого прочтения Б. А. Алборов приводит решение по датировке Г. Ф. Турчанинова, без его разбора, с признанием того, что такой способ датировки является исключительным. Остается подозревать, что именно «пионерское решение» Г. Ф. Турчанинова и его необычность подтолкнули самого Б. А. Алборова к собственной попытке. Б. А. Алборов, кроме того, сопоставлял Зеленчукскую надпись с надписью на склепе, располагавшемся у с. Цъамад Алагирского ущелья Северной Осетии [Алборов Б. А. 1966. С. 288, 292]. Сопоставление представляется очень сомнительным.

В целом, Б. А. Алборов читал надпись следующим образом, «в стурдигорско-черноярском произношении»:

«Йесо Киристе Аши Никола Сахири фурт Хо Бситæри фурт Багатар Багатаи фурт Анбал Анабалани фурт Лагъуани чиртæ 1063», что давало ему значение «Иисус Христос Осский Никола Сахира сын Хо/Ко Бситера сын Багатар Багатая сын Анбал Анабалана сын Юноши памятник 1063».

В понимании Б. А. Алборова это означало, что памятник был поставлен асам Николаю, Хо, Багатару и Анбалу. Данное прочтение было поддержано Т. З. Козыревой. Исследовательница, признавая имена Никола – византийско-славянским, Багатар, Багатая – тюрко-монгольским, Сахир – арабским, а Хо/Ко – кабардинским (кю – «сын»), посчитала, что для отличия от этих народов предки осетин аланы снабжали свои имена этнонимом ос [Козырева Т. З. 1976. С. 246; 2014. С. 168-169]. Заметим, что заим-

ствованное у кабардинцев къо – «сын» [Алиев И. И., Алиева З. И. 2003. С. 18], именно в данной форме, использовалось осетинами в качестве имени и в качестве окончания некоторых имен. Пожалуй, в целом, трудно согласиться, как с трактовкой происхождения имен, так и с общей интерпретацией надписи.

Вскоре была предпринята попытка отдельно определить-ся с лексемой Σαχηρη строк 6-7. Л. И. Лавров отметил, что В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Б. А. Алборов и Г. Ф. Турчанинов рассматривали основной текст Зеленчукской надписи как начинающийся с перечня личных имен. Исследователь обратил внимание на то, что в эпитафиях личным именам обычно предшествуют вводные слова, вроде – «Здесь покоится прах...» или, как на христианских памятниках средневекового Кавказа, – «Помяни, господи...». Поэтому Л. И. Лавров допускал, что в строках 6-9 Зеленчукской надписи могли содержаться не имена, а какие-то вводные слова, предшествовавшие этим именам.

Исследователь, отметив существовавшие на тот момент «решение» Г. Ф. Турчанинова о кабардинском заимствовании Щыхъыр и «решение» А. Ж. Кафоева о кабардинском «сэх» («каменные столбы»), предложил интерпретировать его как заимствованное аланами арабское *sāhib* – «владелец», «обладатель», что было принято отдельными исследователями. При этом автор считал возможным заменять в слове ρ на β за счет сильной загнутой вверх нижней дужки буквы. Подтверждением вероятности своего решения исследователь считал тот факт, что именно слово *sāhib* начинается вводные части мусульманских эпитафий, а находки поблизости раннесредневековых арабских надписей могут подтвердить влияние арабской культуры на Северном Кавказе в домонгольское время [Лавров Л. И. 1968. С. 219-220; Гутнов Ф. Х. 1989. С. 146]. В целом, Л. И. Лавров рассматривал Зеленчукскую надпись как надпись XI в., исполненную на аланском языке [Лавров Л. И. 2009. С. 380].

Видимо, нет возможности усматривать в конечной букве слова β, т. к. сама надпись для передачи соответствующего звука использует л, что, кстати, справедливо отмечено [Камболов Т. Т. 2006. С. 181, 187] и в отношении поверхностной попытки неко-

торых интерпретаций в аланских фразах Иоанна Цеца [Perevalov S. 1997. P. 6; Перевалов С. М. 1998. С. 120]. Первая буква строки 7, несомненно, ρ, чем однозначно опровергается гипотеза Л. И. Лаврова. Л. Згуста отрицает прочтение Л. И. Лаврова на основании того, что исследователь исходил из допущения наличия в непрочитанных строках 8, 9 арабской вводной формулы при возможности их прочтения без привлечения арабского контекста [Zgusta L. 1987. P. 25]. Но, строго говоря, Л. И. Лавров писал о возможном заимствовании отдельного арабского слова, но прямо не указывал на наличие далее целой арабской формулы, тем более, что после Σαχηρη сразу представлено дигор. форт.

Кроме того, явный христианский характер надписи препятствует использованию мусульманского образца. Находки же арабских надписей, в том числе, и надмогильных, вполне в духе полиэтничного и поликонфессионального характера городов, в которые прибывали и иностранцы, например, купцы. Именно в районе находки Зеленчукской надписи и располагался известный городской центр Алании. Находки же плит с арабскими куфическими надписями в кладке однефной церкви № 2, т. е. использование их как вторичного строительного материала, свидетельствует, как минимум, о полном равнодушии местных аланов-христиан, которым принадлежала и Зеленчукская надпись, к арабскому и мусульманскому влиянию. Сегодня вполне справедлива констатация того факта, что вопрос о мусульманской диаспоре и ее происхождении в Нижнем Архызе остается не изученным [Кузнецов В. А. 2008. С. 15; 2014а. С. 68-70; 2014б. С. 33-34; Романова Г. Б. 2008. С. 317; Гадло А. В. 1977. С. 212]. Рассматривать же такие находки [Боташева С. К. 2006. С. 89-91; Хатуев Р. Т., Биджи М. А. 2011. С. 115-116] как указание на проживание в городе самих аланов-мусульман или на исламизацию предков балкаро-карачаевцев нет никаких оснований. Но следует отметить, что сама идея Л. И. Лаврова о возможности наличия в начале основной части Зеленчукской надписи вводных слов, обычно предшествующих в эпитафиях личным именам, вполне рациональна, но, к сожалению, не привлекла внимание других исследователей.

Обращался к данным Зеленчукской надписи и А. Х. Бязыров. Изначально в основу своего анализа он положил одновременно рисунок Д. М. Струкова и репродукцию В. Ф. Миллера, создав на их основе собственный дериват [Бязырты А. Х. 1968. Ф. 4]. При его создании были допущены некоторые неточности, а также внесены некоторые дополнения за счет использования данных оттиска Г. И. Куликовского по публикации В. Ф. Миллера (первая буква О строки 4 имеет разрыв справа, лигатура строки 9 имеет верхнее правое окончание в форме окружности, над строкой 7 дописаны буквы рт, что визуализирует данные оттиска Г. И. Куликовского). К сожалению, при издании данного деривата надписи сказался низкий типографский уровень. В дальнейшем в публикациях автора использовался, как дериват В. Ф. Миллера, так и рисунок Д. М. Струкова, хотя в них знаки надписи подверглись настолько заметным искажениям, что практически терялась бы возможность, как их идентификации, так и анализа надписи в целом (рис. 14). Вместе с тем, сам ход работы А. Х. Бязырова зависел от установленных идентификаций и прочтений предшествующих исследователей.

А. Х. Бязыров признавал «осетинский характер» Зеленчукской надписи и считал наиболее надежным чтение В. И. Аббаева. Но правильным чтением окончания надписи исследователь посчитал $\lambda\alpha\kappa\alpha\nu\eta\ \tau\zeta\eta\rho\theta(\epsilon)$ – «юноши памятник», предлагавшийся как вариант В. Ф. Миллером, но рассматривая $\lambda\alpha\kappa\alpha\nu$ в качестве имени. Соответственно, надпись признавалась эпитафией над могилой одного человека. В ней перечислялись его предки. В ходе своего анализа исследователь привлекал сведения о наличии у осетин имени Бæгъатыр и фамилий Æмбалты, Лакатæ, Лакитæ, Лакотæ, о форме Бахъатар грузинских источников, осетинского суффикса -он←-ан, а также сведения по северокавказским надмогильным эпитафиям, включая осетинские. Видимо, чтение А. Х. Бязырова было принято некоторыми другими исследователями [Бязырты А. Х. 1968. Ф. 4; 1981а. Ф. 80; 1993. Ф. 86-87, 94; Бязыров А. Х. 1981. С. 3-5; Гутнов Ф. Х., Тменов В. Х. 1987. С. 36; Гаглойты З. Д. 1995. Ф. 15; Гаглоева З. Д. 2002. С. 5; Bielmeier R. 1977. S. 13-14]. Интересно отметить, что указанный вариант

решения В. Ф. Миллера уже в его время был воспринят как указание на передачу имени Лакуан [Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. 2010. С. 81, 83, сн. 24].

Следует особо заметить, что А. Х. Бязыров, отдельно оговоривший в окончании основной части надписи значение «памятник», при составлении общего перевода дал значение «могила», которое затем и представлено в работах Дж. Чёнга и Т. Т. Камболова. В прочтении автора основная часть надписи получила следующее содержание:

«Сахири фоурт Х...р, Х...ри фоурт Пакатар, Паката(р)и фоурт Анпалан, А(н)палани фоурт Лакани циртэ» – «Сахира сын Х...р, Х...ра сын Пакатар, Пакатара сын Анбалан, Анбалана сына Лакана (Лакану) могила».

Чтение конца всей надписи принимается по интерпретации Г. Ф. Турчанинова – 941 г. Л. Згуста не принял такого прочтения. Исследователь указывал, что, по его собственному новому прочтению строк 8, 9, теряется семейная связь между носителем имени Хоъс и носителем имени Нотор [Zgusta L. 1987. P. 36].

Наиболее подробно Зеленчукская надпись и, прежде всего, «Ossetic school of thought» были проанализированы Л. Згустой. Как уже отмечалось, исследователь указывал, что при проведении сравнения использовал рисунок Д. М. Струкова, по первой его публикации В. А. Кузнецовым, и репродукцию В. Ф. Миллера по ее первому авторскому изданию [Zgusta L. 1987. P. 14]. Но обращение к сравнительному рисунку, приведенному в исследовании (рис. 10), диктует некоторые поправки, о которых говорилось выше.

В ходе проведения исследования Л. Згуста прибегал к помощи и советам многих своих коллег. Среди них отмечены R. Bielmeier, J. Gippert, S. Gippert-Fritz, G. Hewitt, H. Hunger, M. Marcovich, M. Mayrhofer, J. Nichols. Рукопись исследования и вышедшая несколько ранее статья о надписи были присланы автором В. И. Абаеву, а статья – Г. Ф. Турчанинову [НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. I. Д. 15; Турчанинов Г. Ф. 1990. С. 166, сн. 284]. В отношении вопроса о письменности у аланов Л. Згуста, как ранее В. И. Абаев, а также Б. В. Скитский и И. М. Оранский [Скитский Б. В.

1959. С. 69-70; Оранский И. М. 1960. С. 161-163], обращал внимание на сообщение монаха-минорита Гильома де Рубрука (Виллем из Рёбрёка), составленного после его путешествия в 1253-1256 гг., о том, что аланы, или аас, имеют греческие письмены и греческих священников (Guill. de Rubruc. 11, 1).

Л. Згуста провел тщательное сравнение копии Д. М. Струкова и репродукции В. Ф. Миллера, отметив некоторые незначительные, но заметные различия. Единственным необъяснимым из них он признает пропуск завершающего кружка (буква О) в строке 3. Далее были привлечены данные Г. И. Куликовского для получения четких представлений по каждой строке надписи.

По заключению Л. Згусты, надпись была выполнена греческим письмом, в основном, поздним унциальным, с использованием скорописи, лигатуры, а также типичных византийских сокращений. Палеографические особенности надписи позволили отнести ее, как предполагал и В. Ф. Миллер, к XI или XII вв. Ни о каком «сужении даты до XI или XII вв.» вместо X-XII вв., как решили некоторые авторы [Перевалов С. М. 2011. С. 7], видимо, за счет плохого знания историографии вопроса и поверхностного, в лучшем случае, знакомства с исследованиями, речи не шло.

Данная датировка теперь воспринята и прежними сторонниками датировки Г. Ф. Турчанинова [Кузнецов В. А. 1992. С. 163; 1994. С. 34; 2002. С. 58-59]. Встречающаяся в отдельных случаях некорректная датировка надписи X-XII вв. [Гагкаев К. Е. 1953. С. 7; Перевалов С.М. 2011а. С.221; Мамиев М.Э. 2014а. С. 52.; Исаева З.Г. 2014. С. 525 и др.] определяется обобщением датировок материалов из работ ученых, непосредственно анализировавших надпись. Датировка X-XIII вв. [Калоев Б. А. 1996. С. 239], видимо, является небольшой опиской. Заметим, что попытка Г. А. Кокиева через дату рассматривать Зеленчукский памятник как памятник аланам, погибшим в схватке с русскими во время похода на Кавказ Святослава [Кокиев Г. 1926. С. 20-21], ничем не аргументируется.

Строки 1, 2 надписи, вслед за В. Ф. Миллером и другими исследователями, рассматриваются Л. Згустой как содержащие сокращение Ι(ησου)ς Χ(ριστο)ς, в котором конечная буква ς пер-

вого слова была поглощена выбоиной. Начало является обычным для христианских надписей и сочетается с изображением креста. Далее в строке 3 идет написанное с применением сильного курсива определение ὁ ἀγί(ος), в котором резчик ошибочно поменял местами две последние буквы. Определение относилось к имени Ν(ι)κόλαος строк 4-5, в котором вновь по ошибке резчика ι была пропущена.

Однако заметим, что подобное написание с пропуском ι, причем, с формой начальной буквы аналогичной форме на Зеленчукской надписи, отмечается на подписи из Сентинского храма возле самого изображения святого – Ν(ι)κόλαος ἀγίος. Попутно отметим, что наблюдения В. Ф. Миллера о передаче осетинского суффикса родительного падежа ι через η также находит себе параллель в другой подписи из Сентинского храма возле изображения святого – Νηκόλα(ος) (ἀ)γίος [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 216, 247, 252, III.3.С.с, 249, 253, III.3.С.р.]. Среди надписей из Сентинского храма представлена и форма данного имени как Νικόλαος. Форма Νηκολάου представлена на другом памятнике [Помяловский И. В. 1881. С. 14, № 28].

Следует также отметить, что такое прочтение строк 1-5 надписи ранее подтверждалось и анализом таких известных специалистов, как С. И. Соболевский, А. И. Доватур, Е. Ч. Скржинская [Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 2013. С. 110]. Интересно, что в современной Осетии, и именно в Дигории, отмечается топоним Ајгомуг («Священноущельский») и гидроним Ајгомуги доп («Священного ущелья река»), в которых начальной -aj рассматривается как тюркская форма именно греческого ἀγίος [Кафеев А. Ж. 1963. С. 11; Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 300; 1991. С. 208; Цагаева А. Дз. 1971. С. 144; Скитский Б. 1947. С. 77]. С учетом же сведений рассматриваемой надписи можно предположить, что данная форма восходит непосредственно к греческому ἀγίος, с которым аланы познакомились самостоятельно. Заметим, что громовое божество абхазов носило названий Ајерги («Святой Георгий»).

Основная часть надписи, согласно разбору Л. Згусты, была составлена на «осетинском языке» через применение греческих

букв. В отношении строк 6-7, где, по общему мнению, представлено Σαχηρη, исследователь, в первую очередь, обратился к решению Л. И. Лаврова об арабском *sāhib* – «владелец», «обладатель» (в переводе работы Л. Згусты на русский язык избрано значение «мастер» [Згуста Л. 2013. С. 31], которое также соответствует англ. *master*, но опускает другое его значение – «владелец», «обладатель», которое и приволил Л. И. Лавров, и которое, на самом деле, воспроизводил Л. Згуста – А. Т.). Решение Л. И. Лаврова отклоняется, как зависящее от предположения, что в сложно читаемых строках 8, 9 могла присутствовать арабская вводная формула, что, как указывалось выше, не совсем точно. Л. Згуста считает, что чтение этих строк можно произвести без арабского контекста. Следует отметить, что предположение Л. И. Лаврова можно отклонить только на основании того, что в нем представлена именно буква ρ, а не буква β, которую предполагал Л. И. Лавров. Кроме того, даже β не могла в надписи передавать звук -б.

Л. Згуста привел два возможных объяснения для имени Р. Бильмайера. В первом случае речь идет о составном дигор. *saḥ* – «сильный», «интенсивный», «обильный» и *lr* – «осетин». Во втором – о сравнении со старогрузинским родовым именем *Saḡiri*, в котором *ḡir* означает «дорогой», «драгоценный» (тюрк. *aḡir* [ДТС. 1969. С. 19]? – А. Т.). Оба объяснения Л. Згуста расценил как легко принимаемые [Zgusta L. 1987. P. 32]. Следует отметить, что первое объяснение напоминает решение Г. Ф. Турчанинова, усмотревшего в Σαχηρη осетинские *saq(q)* – «доблестный» и *ρη* – «иров». Соответственно, оба решения, Г. Ф. Турчанинова и Р. Бильмайера, можно отклонить по причине невозможности появления соответствующего этнонима у той аланской части населения, которой принадлежала надпись. Также вспомним аналогичные возражения еще В. Ф. Миллера к одному из рассматривавшихся им самим вариантов окончания надписи.

Большое внимание, определяемое сложным положением с дешифровкой предшествующими исследователями, Л. Згуста уделил строкам 8 и 9. Буквы строки 8 ученый последовательно представил как ХОВΣΗ. Для первого знака строки 9 вслед за Г. Ф.

Турчаниновым подтверждается наличие лигатуры *oto* (точнее, Г. Ф. Турчанинов рассматривал лигатуру *ot*, соединенную с буквой *O* – А. Т.), но также допускается и чтение *ote*, хоть и менее приемлемое.

Общая последовательность букв строк 8, 9 представляется как *ХОВΣΗΣΤΟΡΗ* или *ХОВΣΗΣΤΕΡΗ*. Такая последовательность дает варианты: *Хоβ Σηоторη* или *Хоβς Ноторη*; *Хоβ Σηотерη* или *Хоβς Нотерη* (несколько неточно варианты приведены в переводе работы исследователя на русский язык [Згуста Л. 2013. С. 39] – А. Т.). При другом разделении *Хо Воηоторη* или *Хо Воηотерη* Л. Згуста отмечает, что при наличии имени *Хо* (такого мужского имени нет, да и оно вряд ли возможно, т. к. сразу напоминает ирон. *хо* – «сестра» – А. Т.) остаются трудности для начальной группы *Во-*. От себя заметим, что такие трудности практически непреодолимы, т. к. *β* передает звук *-в*, что является крайне редким, почти не встречающимся в осетинском языке явлением для начальной согласной слов.

Л. Згуста предпочитает вариант *Хоβς Ноторη*, т. к. в нем хорошо различимо имя *Нотор*, т. е. *istor*. Оно может быть объяснено из дигор. *stur* – «большой» с обычным протетическим гласным (появляется для «разгрузки» в словах с начальной группой согласных – А. Т.), а не артиклем (частица), как предложил Р. Бильмайер. Для иранского *stūra-* – «большой» (ведийское *stūrā-*) Л. Згуста приводил подтверждение через элемент иранского антропонима авест. *Pairi-štūra-*. Для гласной *О* слова Р. Бильмайер отметил параллель из Ясского глоссария *odok* – «ложка» при дигор. *wedug/jedug* (ирон. *widyk*).

Далее в своей работе Л. Згуста возвращается к предложению Р. Бильмайера. Оно подразумевает рассмотрение строк 8, 9 как приложения, которое уточняет, или добавляет титул к имени *Σαχηρ*, что имеет сходство с интерпретацией Г. Ф. Турчанинова. Если решение Г. Ф. Турчанинова о наличии конкретных имен в строках 8, 9 аргументированно отклоняется, то идея Р. Бильмайера об указательном артикле (частице) *η* (*i*) в *χοβσ η оторη* не представляется бесспорной [Zgusta L. 1987. P. 25, 33, 36-37]. Вместе с тем, Л. Згуста отмечает, что, если *Хоβς* озна-

чает «Осетин», то необъяснима начальная χ , если $\chi\omicron\beta\varsigma$ является известным существительным, значение которого точно не определяется, то оно может служить хвалебным приложением к $\sigma\tau\omicron\rho$ – «большой» (как продемонстрировал Г. Ф. Турчанинов в примере с осетинским именем – А. Т.), что приемлемо. В дополнение к такому обсуждению указывается, что повторение $\phi\omicron\upsilon\rho\tau$ в таком приложении слишком настойчиво, и более ожидалось $\Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta \chi\omicron\beta\omicron\eta \sigma\tau\omicron\rho\eta \phi\omicron\upsilon\rho\tau$ Пака θ ар или $\chi\omicron\beta\omicron\eta \sigma\tau\omicron\rho\eta \Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta \phi\omicron\upsilon\rho\tau$ Пака θ ар.

Л. Згуста также проанализировал предложение J. Gippert и S. Gippert-Fritz рассматривать единое имя $\chi\omicron\beta\omicron\eta\sigma\tau\omicron\rho$ как имя сына $\Sigma\alpha\chi\eta\rho$. Но в первый раз оно как имя (в именительном падеже) было пропущено по ошибке резчика из-за его следования сразу далее в качестве отчества (в родительном падеже). Исследователь справедливо сомневается в самой возможности пропуска такого большого имени. Преимущество предложения J. Gippert и S. Gippert-Fritz ученый видит в признании последним именем надписи $\text{l}\ddot{\text{a}}\text{q}\text{w}\ddot{\text{a}}\text{e}\text{n}$, которое фиксируется как осетинское имя, в отличие от предлагаемого В. И. Абаевым $\text{l}\ddot{\text{a}}\text{g}$. Форма родительного падежа $\text{l}\ddot{\text{a}}\text{q}\text{w}\ddot{\text{a}}\text{e}\text{n}\text{i}$ относится к групповой флексии.

Л. Згуста считает общую конструкцию надписи в таком случае возможной, но сложной, хотя ее и признают приемлемой, тем не менее. Исследователь также усматривает сложность в признании захоронения четырех человек. Трудности с соответствующей трактовкой $\text{l}\ddot{\text{a}}\text{g}$ у В. И. Абаева, по мнению исследователя, хорошо компенсируются синтаксической простотой окончательной конструкции и меньшими трудностями в осмыслении погребений [Zgusta L. 1987. P. 42-44]. Кроме того, заметим, что, как отмечал В. И. Абаев, для признания групповой флексии необходимо наличие союза $\text{a}\epsilon\tau\alpha$ перед последним объектом перечисления. Его нет, а в предложении J. Gippert и S. Gippert-Fritz он фигурирует как полагаемый по смыслу, но не нанесенный в надписи. Сложно по факту отсутствия полагать присутствие.

В строках 11, 12 Л. Згуста также как его предшественники признает имя тюркского происхождения, которое дается по В.

И. Абаеву в форме Væqatæ . При его повторении в строках 12, 13 в качестве отчества ПакаѠа(р)η исследователь не видит сложностей для исправления с пропущенной буквой, отмечая, что, в противном случае, теряется семейная связь между носителем имени ПакаѠар, сыном носителя имени Нотор, и следующим носителем имени ПакаѠа или ПакаѠар. Заметим, что, в любом случае, в прочтении Л. Згусты, как он сам отмечал, теряется семейная связь между носителем имени ХоѠс и носителем имени Нотор [Zgusta L. 1987. P. 36], а, соответственно, между носителями имен ХоѠс и ПакаѠар.

Для ПакаѠаѠ не исключается возможность для сопоставления Б. А. Алборовым с монгольским именем Baḡataj (baḡataj). Но такое предложение не представляется ученому более возможным, чем предложение с исправлением в отчестве В. Ф. Миллера, в частности, из-за буквы К. Указывается, что греческая Г – звонкая фрикативная перед [а, о, и], и трудно понять, почему резчик использовал К, а не Г. Вспомним, что В. И. Абаев объяснял появление К в конце постулируемого им имени Læg оглушением звонкого согласного в паузе. Но при возможности рассмотрения последнего имени как Læqwaen буква к появляется на месте q (хъ), а при поправке чтения ПакаѠар как Væḡatæ – на месте ḡ (гъ).

Для группы букв ANPALANAPALANH строк 15-17 Л. Згуста отмечает возможность разделения и прочтения четырьмя вариантами, несколько отличными друг от друга. По мнению исследователя, содержащиеся здесь два имени не принадлежат отцу и сыну, поэтому нет причины для их идентичности, тем более, что сыновья обычно не носили имена отцов. В любом случае, в рамках построения интерпретации последовательности имен В. И. Абаева, первое имя является именем сына ПакаѠа(р), а второе – именем отца Лак.

Преимуществом для чтения имени Avtaḷ Л. Згуста объективно считает его соотнесение с осетинскими существительным и именем æmbal . Но, строго говоря, следует сопоставлять с дигор. ænbal . Для также возможного чтения Avtaḷav ученый отмечает отсутствие такого сопоставления, а потому исправление в по-

следующем Α(v)παλανη более сомнительным. Но справедливо указывается, что оба предполагаемых имени соотносятся с продуктивными процессами в осетинском языке. Варианты прочтения отчества Ααπαλανη и Αv(α)παλανη признаются одинаково возможными, т. к. первое реально представлено в надписи, а второе поддерживается формой Αvταλ, от которого оно происходит, или самим Αvταλαν при другом членении.

Для строки 18 Л. Згуста предпочитает чтение Лак, т. е. осет. Læg В. И. Абаева, в котором конечный к, вместо ожидаемого γ, легко объяснялся В. И. Абаевым тем, что звонкие согласные в паузе оглушаются. Для предположения В. Ф. Миллера о возможном наличии Лакав В. И. Абаев указывал, что логичнее было ожидать формы Λαυαv, т. к. греческое υ лучше бы передало осетинское g между гласными, чем греческое κ. Л. Згуста в случае с Læg указывает, что писавший свободно следовал произношению. В случае с Лакав, как с осетинской формой lædæp, Л. Згуста указывал, что греческая υ была бы более точным соответствием. Но заметим, что осет. формой является не lædæp, а lædɥæp. Возможно, именно наличие соответствующей предшествующей q не привело к искажению wa- и к огласовке -o-, как в более позднем примере из Ясского глоссария. Кроме того, написание в строке 4 Ν(i)κόλαος, имеющее параллели в других эпиграфических памятниках, указывает именно на следование резчиком произношению в его время.

Для строк 19-20 Л. Згуста соглашается с прочтением ανη, т. е. осет. anī – «этих» («их»). Для прочтения τζηρθε в строках 20-21 как cirt(æ), т. е. осет. cirt, по В. И. Абаеву, Л. Згуста отмечал отсутствие в последнем конечного æ, как и в заимствованном нахском čirt – «надмогильный камень» (по В. И. Абаеву, также сванское čirt – «куча камней» – А. Т.). Исследователь, учитывая, что Зеленчукскую надпись и современный язык разделяют несколько столетий, а в дигорском диалекте, к которому относится надпись, конечное æ часто встречается, полагает, что в диалекте, на котором была составлена надпись, слово имело именно форму cirtæ. Поэтому не следует убирать последнюю букву и писать τζηρθ(ε).

В то же время Л. Згуста приводит мнение Р. Бильмайера, что буква ϵ в надписи передает дигорскую связку æj – «быть» [Zgusta L. 1987. P. 32]. Аналогичное решение находил и Г. Ф. Турчанинов, полагавший, что резчик пропустил i после ϵ (æ), и приво-дил дополнительно иронскую форму i – «быть» [Турчанинов Г. Ф. 1990. С. 166]. Последняя форма остается нево-стребованной, т. к. в надписи i передается через i и η . Л. Згуста рассматривает предложение Р. Бильмайера подходящим синтаксически и семантически: $\text{ανη τζηρθ ε} = \text{ani cirt æj}$ – «их памятник (это) есть». Трудность ученый видит в признании в ϵ передачи æj , т. к. греческий дифтонг ay (αi) перешел в монофтонг e (ϵ) в позднегреческом языке [Canart P. 1980. P. 86]. Этот монофтонг продолжал передавать αi , как и в современном греческом языке, но «опечатки» с ϵ часто встречаются в надписях. Л. Згуста считает, что мы должны предполагать, что составитель надписи был хорошо знаком с колебаниями αi и ϵ , а поэтому написал «инверсную» форму через ϵ , вместо αi . Такое предположение ученый считает возможным, но не столь легким.

Первые свидетельства перехода $\alpha i > \epsilon$ по боспорским надписям отмечаются во II-III вв. [Кулаковский Ю. 1891. С. 16; 1896. С. 29; Латышев В. В. 1895. С. 45]. Соответствующее положение подтверждалось и на иных материалах [Moravcsik Gy. 1983. S. 191; 1983a. S. 31]. Позднее аланские маргиналии подтверждают возможность передачи при написании æj через ϵ . В них $\alpha\sigma\tau\epsilon\mu\alpha\kappa$ соответствует осет. æstæjmag («восьмой») [Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43, fol. 107r]. Передача αi через ϵ фиксируется и в других надписях [Латышев В. В. 1896. С. 10, № 7, 57, № 47, 60, № 51, 91, № 90, 109, № 99, 140; Дончева-Петкова Л. 2005. С. 187; Каштанов Д. В., Чхаидзе В. Н. 2010. С. 177]. Данные примеры относятся к более позднему периоду, чем время составления Зеленчукской надписи (в отношении скифского ономастикона смотри [Тохта-сьев С. Р. 2013. С. 585]). Но, например, в строительных надписях с Анакопийской горы (Абхазия) 1046 г. и марта 1046 г., во второй из которых упоминается имя аланки Альды, вдовы абхазского царя Георгия I, союз kai (i) передается в форме kε [Виноградов А. Ю. 2011. С. 215, 217, илл. 1]. Передача αi через ϵ представлена

и в надписи 1067 г. на бронзовом литом кресте из района того же Зеленчука [Скржинская Е. Ч. 1962. С. 122].

Аналогичные примеры представлены и на других эпитафических памятниках [Латышев В. В. 1896. С. 38, № 32]. Отмечается и пример использования ϵ вместо α в конце слова [Латышев В. В. 1896. С. 34, № 27; Евдокимова А. А. 2009. С. 166], а также использование ϵ вместо α при сокращении с выносом ϵ в надстрочное положение [Латышев В. В. 1896. С. 16, № 8, 143]. Такое решение представляется более вероятным, чем решение Р. Кима, который выводит форму $\tau\zeta\eta\rho\theta\epsilon$ Зеленчукской надписи из древнеиран. * $\check{\text{c}}\text{i}\theta\text{ra}\text{h}$, т. е. полагает важное и неожиданное сохранение $-\text{E} < *a\text{h}$ хотя бы в графической форме [Kim R. 1999. P. 241-242, 243, 244; 2009. P. 140].

Окончание Зеленчукской надписи, ставшее «камнем преткновения» для исследователей, пытавшихся рассмотреть его как дату, также получило свое допустимое решение. Л. Згуста, отказавшись от первоначально принимаемой им «датировки» Г. Ф. Турчанинова, увидел рациональное зерно в наблюдении В. Ф. Миллера. Последние четыре буквы надписи $\text{O}\Theta\text{C}\Lambda$ по своему сочетанию не могли представлять ни греческое, ни осетинское слово. По Г. И. Куликовскому, над Σ была нанесена черта вроде титло, а последняя Λ , зафиксированная Д. М. Струковым, была совсем незаметна. В. Ф. Миллер предположил, что четко читаемые $\text{O}\Theta\text{C}$ могли обозначать $\text{o}\Theta(\epsilon\text{o})\zeta$ – «Бог», но посчитал такое чтение «едва ли уместным».

Л. Згуста, учитывая отсутствие последней Λ на оттиске Г. И. Куликовского, что могло явиться результатом разрушения нижнего правого угла плиты, где была нанесена буква, а также возможность более слабого в таком месте нажима кисти при снятии оттиска, посчитал вероятным, что Λ , зафиксированная в копии Д. М. Струкова, является остатком N . В таком случае, мы имеем дело с сокращением $\text{O}\Theta\text{C}\text{N}$ – $\text{o}\Theta(\epsilon\text{o})\zeta \nu(\text{i}\kappa\alpha)$ – «Бог побеждает», которое является обычным для византийских литургических формул. Она также представлена в сокращениях $\nu(\text{i})\kappa\alpha$, $\nu\eta(\kappa\alpha)$, $\nu(\text{i})\kappa(\alpha)$ [Помяловский И. В. 1881. С. 23, № 47, 41, № 65, 53, № 102, 57, № 104].

Такая формула $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$ («Иисус Христос побеждает»), например, в различных вариантах лигатур и сокращений зафиксирована для средневековья на погребальных и иных памятниках Северного Кавказа и сопредельных территорий (в Крыму она известна и на погребальных остраках VIII-IX вв. с изображением просфорного креста). Заметим, что формула $\text{I}(\eta\sigma\upsilon)\varsigma \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron)\varsigma \nu\eta\kappa\alpha$, в которой буквы $\nu\eta$ могли передаваться и лигатурой, представлены в христианских надписях на каменных плитах из Чегема и Кызбурун III, на бронзовом кресте 1067 г., найденном в Северном Зеленчукском храме, на изображении креста северной стены алтаря Сентинского храма, изображении креста южной стороны северной апсиды Шоанинского храма [Помяловский И. В. 1881. С. 12, № 25, 13, № 26, 153: рис. 10, 1, рис. 22, 3, 4; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 214, 215, 311].

Решение Л. Згусты достаточно интересно. Однако, следует отметить, что обычной литургической формулой является именно $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$. Формула $\omicron \Theta\epsilon\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$ пока не подтверждается иными примерами. Хотя, как полагали некоторые исследователи, на бронзовом литом кресте 1067 г. из района самого Зеленчука представлена столь же необычная формула $\text{M}\text{P} \Theta\Upsilon \text{N}\text{H}\text{K}\text{A}$ – «Богоматерь побеждает» [Скржинская Е. Ч. 1962. С. 118-119], которая известна и в других памятниках [Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. 2003. С. 33] (на византийских привесных печатях отмечается и invocatio $\Theta(\epsilon\omicron\tau\omicron)\kappa\epsilon \beta\omicron\eta\tau\epsilon\iota$ – «Богородица, помоги» [Чхаидзе В. Н. 2008. С. 243-244; МЗ. 2012. С. 146, № 366], известная и по другим образцам [Панченко Б. А. 1908. С. 87, 97, 104, 114, 137, 140, 150], что стоит в одном ряду с обращениями к святым, как, например, и к св. Николаю [Панченко Б. А. 1908. С. 61, 121]). Кроме того, обычно формула $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$ представлена в начале надписей на фоне креста, тогда как $\omicron \Theta\epsilon\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$, по Л. Згусте, перенесена в самый конец надписи, т. е. нарушает обычную структуру христианских надписей. Впрочем, возможно, существовали и определенные вариации [Кузнецов В. А. 2002. С. 32].

На секционном заседании XXVIII «Крупновских чтений» 22

апреля 2014 г. А. Ю. Виноградов высказал устное предположение, что в начале надписи, на фоне креста изначально могло планироваться именно нанесение обычной формулы IC XC NIKA. Но неграмотный резчик мог допустить ошибку, чему способствовала визуальная близость NIKA и НИКОЛАОС. Предположение, на фоне известных ошибок в данной части надписи, представляется допустимым. Но отметим, что известно подобное сокращение IC XC над изображением креста и без NIKA [Макаренко Н. Е. 1911. С. 123, рис. 106].

В целом, Л. Згуста считает наиболее приемлемым прочтением следующее:

1. Ι(ησους) 2. Χ(ριστός) 3. ὁ ἅγι(ος) 4. Ν(ι)κόλα 5. ος 6. Σαχη 7. ρη φου ρτ 8. Χοβς Н 9. στορη φ 10. ουрт 11. Пака 12. θар Па 13. καθ(α)η 14. φουрт 15. Авла 16. λαν A(v)ла 17. λανη φ 18. ουрт 19. Лака 20. νη τζηр 21. θε. Ο Θ(εός) [v](ика).

Надпись начинается с призыва к Иисусу Христу и Св. Николаю на фоне изображения креста, а заканчивалась литургической формулой надежды на победу Бога над смертью. Эта сакральная часть написана на греческом языке, сугубо христианская, без всяких признаков синкретизма с язычеством. Основная часть надписи написана на «осетинском языке»:

«Saxiry furt Xovs. Ystury furt Bæqætær. Bæqætary furt Æmbalan. Æmbalany furt Læg: ani cyrtæ» – «Сахира сын Ховс, Устура сын Бакаатар, Бакаатара сын Амбалан, Амбалана сын Лаг: их памятник».

Л. Згуста полагает, что все четверо погребенных – Xovs, Bæqætær, Æmbalan и Læg – не могли принадлежать к одной семье, но могли быть представителями одного рода. Однако следует указать, что в трактовке Л. Згусты три последних погребенных оказываются в несомненной семейно-родственной связи (дед-отец-внук), и только первый, Сахира сын Ховс, никак к ней не относится. Трудно объяснимые противоречие и разрыв.

Заметим, что в представленном Л. Згустой написании формы родительного падежа переданы с окончанием -у, даны формы Æmbalan, cyrtæ, что сближает написание с иронским диалектом осетинского языка. В то же время форма Ystur воспроизводит форму Ustur, т. е. с иным протетическим гласным дигорского

диалекта, хотя в разборе данного слова в исследовании представлено *lstur*. Также заметим, что отсутствие признаков синкретизма в сакральной части надписи «компенсируется» именами и отчествами погребенных в основной части, среди которых нет ни одного христианского.

В. А. Кузнецов, в целом, поддерживая решение Л. Згусты, указывал, что в дальнейшем, возможно, следует обратить внимание на структурно-типологическое сходство в перечислении имен Зеленчукской надписи и имен венгерских ясов-аланов в грамоте короля Карла Роберта 1323 г., где представлена та же последовательность [Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 303; 1991. С. 211]. Однако в указанной грамоте представлена обратная последовательность. Сначала называется имя, а затем – имя отца (например, Ларсан сын Зокана, Петрус сын Хомоза). В данном случае следует учитывать, что данная грамота могла отражать не собственно ясскую традицию, а официальную традицию, принятую в то время в Венгрии. Кроме того, дешифровка Л. Згусты исходит из обратного порядка – отчество-имя.

В ходе исследования была предпринята еще одна попытка дешифровки надписи со стороны Г. З. Чеджемова, положившего в его основу дериват надписи В. И. Абаева (рис. 15). Посылком для своей работы автор [Чеджемты Г. 1993. Ф. 3] посчитал развернувшиеся «споры» вокруг Зеленчукской надписи, которую стали пытаться переводить на основе тюркских и нахских языков. С другой стороны, он не согласен с замечанием В. А. Кузнецова и М. Д. Черчесовой, что исследование Л. Згусты кладет конец «дискуссии», воспринимая его как утверждение о положенном конце исследований с позиций осетинского языка. Кроме того, автор, отец которого когда-то сам делал надгробные памятники и привлекал к работе сына, исходит из личных знаний о работе таких мастеров и об их переживаниях, что позволяет ему... просто «видеть», как мастера делали Зеленчукскую надпись.

Г. З. Чеджемов противопоставляет решению Г. Ф. Турчанинова о наличии в надписи эндоэтнонима *lg* наблюдение о «дигорском характере» надписи, что было сделано и предшествующими исследователями. Против чтения «фудох обо» им приводится

контраргумент, что четвертая буква строки 8 – В, передающая звук -в, а пятая – Σ. Автор не согласен, что в надписи речь могла идти о захоронении сразу нескольких человек, полагая отсутствие такой традиции у осетин. По мнению Г. З. Чеджемова, надпись посвящена одному погребенному с перечислением его предков. Такое решение приводил и А. Х. Бязыров, работа которого почему-то вообще не упоминается.

Кроме того, следует указать, что традиция коллективных, включая одновременные и последовательные, захоронений не только надежно представлена в аланских погребальных памятниках, в том числе из района находки Зеленчукской плиты, но и в осетинской традиции, например, в склеповых захоронениях в горах. Такой традиции, естественно, не было в Заманкуле, откуда родом были автор и его отец. Но возникновение данного села на плоскости связано с довольно поздней историей, причем, с мусульманской частью осетин-иронов, что дополнительно определяло отсутствие подобных захоронений.

Г. З. Чеджемов, исходя из различия написания букв в различных строках, что, кстати, сразу отметил В. Ф. Миллер, полагает, что надпись изготовлена двумя работниками, условно мастером и подмастерьем, второй из которых был неопытен и неграмотен, а первый был более опытным, но также допускал ошибки. Данное положение позволило автору искать новое прочтение для строк 8, 9, не учитывая, что различия заключаются в использовании в разных строках позднего унциала и минускульного письма [Гранстрем Е. Э. 1950. С. 220; 1958. С. 222-245], формирующегося с VIII в., точнее в последней трети VIII в. [Фонкич Б. Л. 2009. С. 30], и приходящего на смену унциалу в IX-X вв. Еще В. И. Абаев, исходя из примеров самой надписи, указывал, что в этих строках должно дважды повторяться одно имя, как имя и отчество. В данном направлении действует и Г. З. Чеджемов. Он критикует Л. Згусту за привлечение тем для дешифровки имени Ховс на том основании, что буква В в этом имени чуждая.

Г. З. Чеджемов явно путает вопрос о В в начале осетинских слов с вопросом о В внутри слов. Начальная В, действительно, – исключительное явление для осетинского лексического фонда.

Например, А. А. Фрейману во время работы над «Осетинско-русско-немецким словарем» В. Ф. Миллера пришлось даже специально ввести в словарь букву «В». В дигорском диалекте фонема В употребляется только в середине и в конце слов [Исаев М. И. 1966. С. 16; Эдельман Д. И. 1986. С. 189].

Пример с произношением имени Василий как Уасил отражает именно чуждость В в начале слова. Пример с произношением имени Ева как Еуа, скорее, отражает какое-то локальное произношение, принятое в отдельной местности, но никак не может быть распространено на весь осетинский язык. Пример с произношением имени Давид как Дауыт упускает тот факт, что данное ветхозаветное имя (иврит. Dawid, греч. Δαυιδ, Δαβιδ, груз. Davit' [Алемань А. 2003. С. 425]) входило в употребление через иудаизм, христианство и ислам, подвергаясь соответствующему изменению в произношении, осложненному межэтническими контактами на Северном Кавказе [Gippert-Fritz S. 2011/2012. S. 245]. Как и в случае с именем Ева, нет оснований распространять такое произношение на весь осетинский язык.

Г. З. Чеджемов считает, что первым именем в строке 8 было имя Хорс, в котором резчик ошибочно поставил чуждую β, вместо ρ. В данном случае автор прямо противоречит своей гипотезе. Если β передавало чуждый для языка звук, то именно это бы и категорически препятствовало ее применению, тем более при воспроизведении слова, в котором ее не может быть изначально. Но буква β (В) вырезана достаточно четко и правильно, ее форма, наиболее тщательно воспроизведенная на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, находит многие синхронные аналогии.

Следующее слово Г. З. Чеджемов представляет как Хорси, т. е. как часть отчества. Но последняя буква строки 8 не может интерпретироваться как Х. Она, несомненно, Н, передающая звук -и (i). Достаточно сравнить ее с трижды приведенной буквой Х в строках 2, 6 и 8, чтобы прийти к отрицанию утверждения автора. Тем более, что автор полагает вырезание строки 8 одним из двух мастеров. Тогда совсем необъяснимым становится изо-

бражение им буквы в начале и в конце очень короткой строки в таких разительно отличных друг от друга формах.

Г. З. Чеджемов полагает, что резчик ошибся как в написании имени Хорс, но уже не стал его исправлять (кстати, здесь исправление β на ρ потребовало бы минимальных усилий и времени), так и в написании отчества Хорси, передав его изначально как Хосри. Потом он осознал ошибку и провел линию (типа знака стрелки) от буквы ρ к месту между буквами О и С. Такой метод исправления ошибки автор считал применимым с древности до сегодняшнего дня, например, в работе современных корректоров. Но такой «метод», в целом, ничем не подтверждается, а указание на работу современных корректоров окончательно обесценивает утверждение.

Следует отметить и другие непреодолимые препятствия для трактовки Г. З. Чеджемова. Он принимает чтение первой буквы строки 9 как О, что могло бы быть связано с использованием деривата надписи В. И. Абаева (сравни также дериват А. Х. Бязырова). В своем отдельном рисунке строки, демонстрирующем перенос стрелкой буквы ρ для еще большей наглядности, не имеющей ничего общего даже с дериватом, этой букве придана форма идеальной окружности. Но первая буква в составе лигатуры строки 9, несомненно, С, что четко видно по рисункам Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, репродукции В. Ф. Миллера. На них же представлен отрезок, соединяющий буквы, к которому и подводит свою стрелку Г. З. Чеджемов. Но наличие такого отрезка, соединяющего буквы, в его же трактовке, должно вызвать соответствующие пояснения. Но их нет. Данный отрезок, несомненно, является частью лигатуры $\sigma\theta$ (изначально частью буквы τ), которая сама по себе отрицает трактовку Г. З. Чеджемова. Собственно, действия Г. З. Чеджемова, что показательно, сопоставимы с искусственными манипуляциями других авторов, но пытавшихся «читать» Зеленчукскую надпись на других северокавказских языках (смотри далее).

Видимо, Г. З. Чеджемов, знакомый с исследованием Г. Ф. Турчанинова, не осознавал факта установления ученым наличия в начале строки 9 лигатуры, который был уточнен Л. Згустой. С пу-

бликацией же Л. Згусты Г. З. Чеджемов, вероятно, не был знаком, имея суждения о ней только по рецензии В. А. Кузнецова и М. Д. Черчесовой. Но и данная рецензия не была адекватно воспринята, что видно по высказыванию Г. З. Чеджемова в отношении чтения четырех последних букв Зеленчукской надписи.

Для конца надписи Г. З. Чеджемов признает наличие имени *Læqwæp*, как принадлежащее единственно погребенному человеку, тем самым отрицая и решение о наличии в данной части надписи *anī* (этих). Фактически для окончания надписи повторяется интерпретация А. Х. Бязырова, которая автором нигде не привлекалась. В целом, прочтение Г. З. Чеджемова можно представить в таком виде:

«*Saxiri furt Xors, Xorsi furt Pakatar, Pakatari furt Anpalan, Anpalani furt Lakani cirta*».

Остается подозревать, что посылом к чтению Г. З. Чеджемова послужили формы сокращений «*X...pŋ*», «*[X...p]*, «*[X]...pŋ*» В. Ф. Миллера и В. И. Абаева для непрочитанных ими строк 8-9, а также прочтение Ховс Л. Згусты, взятое из рецензии В. А. Кузнецова и М. Д. Черчесовой. Их совмещение и дало созвучие к хорошо известной осетинской лексеме, что и прямо оговорил Г. З. Чеджемов, причем, в форме иронского *xors*, а не дигорского *xwarz*. Соблазн такого сопоставления подстегивался сведениями о славянском Хорсе, чье название производилось за счет аланского заимствования.

Действительно, привлекательность такой трактовки усиливается известными историческими данными и научными работками. Это и название славянского божества, которое, как считают, за редким исключением [Borissoff С. L. 2014. P. 9-36], исследователи, является заимствованием из древней ираноязычной среды юга России [Обнорский С. П. 1900. С. 241-258; Абаев В. И. 1966. С. 5-6; Зализняк А. А. 1962. С. 43; Топоров В. Н. 1981. С. 147; Новосельцев А. П. 2000. С. 419; Камболов Т. Т. 2006. С. 175, 291; Васильев М. А. 1999. С. 9-96; 2010]. К данным решениям можно добавить и другие наблюдения [Кадыраджиев К. С. 2003. С. 78-79], если отбросить их искусственные трактовки. Некоторые исследователи полагают, что данное лексическое заимствование

отражено в ингушском названии женского парадного головного убора «кур-харс» и в восклицании нахов во время танца «Хорст вай!» – «Хорст наш!» («Бог наш») [Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. 1985. С. 112-114; Алироев И. Ю. 1994. С. 130]. Нам известны аланские имена, содержащие данную лексему [Абаев В. И. 1949. С. 169; 1979а. С. 292, 315], которая, вероятно, представлена и в других именах, зафиксированных в древней ономастике Северного Причерноморья, у венгерских ясов и у асов, ушедших с монголами в Китай [Миллер В. Ф. 1886. С. 259; Ламанский В. И. 1899. С. 295, 297; Gombocz Z. 1925. S. 9; Абаев В. И. 1935. С. 888; 1949. С. 254; 1989. С. 219; Алемань А. 2003. С. 225, 553].

Но никакой соблазн легкого решения не имеет доказательной силы в прочтении Зеленчукской надписи. Тем более, что такое прочтение, как мы видели, построено вопреки действительному содержанию знаков строк 8, 9. Их «дешифровка» Г. З. Чеджемовым крайне субъективна и не имеет должного научного обоснования.

Свою попытку в дешифровке Зеленчукской надписи предпринял А. Алемани. В одной из своих работ по поводу строк 4-5 он, вслед за В. И. Абаевым, обратил внимание и на тот факт, что имя Николай (Nie-gu-la, Nie-gu-lai) было известно аланам, ушедшим на службу к монгольским императорам в Китай. Но основное внимание исследователь уделил дешифровке строк 11-21 [Alemany A. 2009. P. 269-270; 2002. P. 77-86; 2005. P. 25-27; Алемань А. 2003. С. 363, 424, 551, 554; Алемани А. 2013. С. 119; Абаев В. И. 1973. С. 183; Гутнов Ф. Х. 2008. С. 214; Перевалов С. М. 2011. С. 7-8; Кузнецов В. А. 2012. С. 29]. К установленным фактам исследователь отнес свою краткую критику прочтения строк 6-10 Л. Згустой.

Критика заключается в перечислении указаний на невозможность признать интерпретацию Л. Згусты окончательной, т. к. в ней смешиваются дигорские и иронские формы слов, представлены ненадежные дополнительные буквы, лигатура ото/оте, сомнительные имена Ховс, Сахир, Истур, которые либо нигде не задокументированы, либо не имеют ясного значения, а вокали-

зация восстанавливаемой форма *Bæqætær (осет. bæyætær) необоснованна и не соотносится с современными формами слова, предоставляемыми словарем осетинского языка.

Остановимся на некоторых замечаниях. Смешение дигорских и иронских форм может относиться к Σαχηρη строк 6-7. Но здесь, точнее, следует говорить о невозможности признания в нем части Ir на фоне «дигорского характера» надписи, что неоднократно отмечалось. Выше отмечалось, что в окончательном прочтении надписи Л. Згустой представлены формы родительного падежа с окончанием -у, даны формы Æmbalan, cyrtæ, что сближает написание с иронским диалектом осетинского языка. Вместе с тем, в самом исследовании Л. Згуста, несомненно, исходил из форм дигорского диалекта осетинского языка. Заметим, что и сам А. Алемани, например, дает не представленную в надписи форму Ænbalan, а форму Æmbalan.

Замечание о дополнительных буквах непонятно. Для строки 7 ее окончание восстановлено В. Ф. Миллером по оттиску Г. И. Куликовского, т. е. это даже не восстановление, а четкая фиксация. В строке 8 представлены явные следы разрушения, и Л. Згустой произведено не введение ненадежных дополнительных букв, а восстановление, причем, наиболее вероятное, букв по их сохранившимся частям. Наличие лигатуры ото, подход к определению которой был намечен Г. Ф. Турчаниновым, надежно подтверждается Л. Згустой. Данное решение вполне подкрепляется известными эпиграфическими примерами. Более того, Л. Згуста не исключал и возможности наличия лигатуры отε, т. е. привел научно корректную дополнительную возможность. Но, как представляется, наличие лигатуры отε менее вероятно.

Заметим, что А. Алемани воспроизводит первый знак строки 9 с формой замкнутой петли верхнего левого окончания [Alemany A. 2002. P. 79], т. е. он воспроизводит дериват надписи В. И. Абаева. Судя по сноскам к работе [Alemany A. 2002. P. 84, n. 21], А. Алемани использует исследование В. Ф. Миллера по Зеленчукской надписи в передаче В. И. Абаева, т. е. его решение, действительно, зависит от деривата надписи В. И. Абаева. Рисунки же Д. М. Струкова, иеромонаха Серафима и репродукция самого

В. Ф. Миллера имеют иное (разомкнутое) окончание, подтверждая наличие соответствующей лигатуры в начале строки 9 и раскрывая источник ошибочного представления не Л. Згусты, а А. Алемани. Но и такая приблизительная форма левого верхнего окончания лигатуры несколько не противоречит ее идентификации с лигатурой $\sigma\tau\omicron$.

Л. Згуста полагает, что вторая буква строки 10 является остатком Υ . Здесь вновь мы имеем дело с наиболее объективным восстановлением. Но, как было указано выше, мы имеем дело с лигатурой $\upsilon\rho$. Если касаться введенных букв в основной части надписи в отчествах Пака $\theta\alpha(\rho)\eta$ и $A(v)$ $\mu\alpha\lambda\alpha\nu\eta$, то они исходят из предложения В. Ф. Миллера, которое было принято В. И. Абаевым, указавшим на возможные причины их отсутствия в надписи. Собственно, и в прочтении самого А. Алемани воспроизводятся формы Пака $\theta\alpha(\rho)\eta$ и $A(v)$ $\mu\alpha\lambda\alpha\nu\eta$ (если я правильно понял, то на упомянутом заседании 22 апреля 2014 г. А. Ю. Виноградов предположил, что в Пака $\theta\alpha(\rho)\eta$ нет пропуска ρ , т. к. сама буква входит в состав еще одной для надписи лигатуры).

Видимо, следует отметить, что у резчика были какие-то явные трудности при нанесении букв в конце строк. Они могли сказаться в строке 7. Они же, что, возможно, симптоматично, могли сказаться и в Пака $\theta\alpha(\rho)\eta$. В $A(v)\mu\alpha\lambda\alpha\nu\eta$, в строке 16, представлена явно вынужденная курсивная форма буквы А, что указывает на несоотнесение расположения букв с форматом самой плиты, т. е. отсутствие предварительной разметки. Если перестановка букв в строке 3 может свидетельствовать о неграмотности резчика, то окончание строки 16 заставляет подозревать и отсутствие у него крепкого практического навыка в создании текстовых памятников. Возможно, данное положение сказалось и на его ошибках с пропусками букв в Пака $\theta\alpha(\rho)\eta$ и $A(v)\mu\alpha\lambda\alpha\nu\eta$, приходящимися именно на окончания строк, причем, в условиях непосредственного повторения данных имен, требующего особой внимательности и понимания.

Что касается замечания по именам, то Л. Згуста приводит для них предлагавшиеся решения, которые и рассматривает.

Для Σαχηρ мы можем отказаться от указанного выше решения Л. И. Лаврова и первого решения Р. Бильмайера, но остается в силе второе решение Р. Бильмайера. Для имени Хоβς в значении «Осетин» Л. Згуста приводит свой контраргумент, не исключая, что в другом варианте хоβς отражено известное существительное, значение которого точно сегодня не определяется. Для имени Нотор, значение которого впервые определил Г. Ф. Турчанинов, приводится иранское stūra- – «большой» (ведийское stūrā-) и подтверждение через элемент иранского антропонима авест. Pairi-štūra-.

Видимо, следует более подробно остановиться на проблеме, связанной с прочтением Нотор. Дигор. (i, u, æ)stur, ирон. (i, y, æ)styr, ysdyr – «большой», «великий» восходит к иран. *stūra-, дающего в разных языках значения «великий», «мощный» и т. д. Исследователи не исключают, что данное слово было заимствованно еще из скифского (иранского) языка в древнегерманский и финский языки. Интересно, что у Птолемея (Ptol. III, 5, 23; Raven. IV, 5) рядом с аланами упоминаются некие стурны (Στουρνοι), возможно, как предполагают, еще одно родственное им объединение. Предлагалось и сопоставление их имени с названием р. Стырь [Абаев В. И. 1979. С. 159-160; Bailey H. W. 1979. P. 434; Ахвледзиани Г. С. 1960. С. 10; Rossi A. V. 2011. P. 257; Удальцов А. Д. 1946. С. 43; Подосинов А. В. 2002. С. 194-195, 269, сн. 379].

Как полагают исследователи на основе анализа древнего ономастикона из городов Северного Причерноморья, иранское -и могло передаваться тройко: через ou, o, u. Для Нотор Зеленчукской надписи привлекались непосредственно формы имен, с соответствующей составляющей, из Северного Причерноморья – Στορανη, Στορμαϊς, Στοσαρανος, Ουροαστιρος. Для них полагалась [Миллер В. Ф. 1886. С. 258; 1913. С. 11, 88-89; Justi F. 1895. S. 312; Vasmer M. 1923. S. 53; Абаев В. И. 1949. С. 172, 185; 1979а. С. 302, 304, 314, 321; 1979. С. 159; Шелов Д. Б. 1974. С. 88; Thordarson F. 1988. P. 93; Тохтасьев С. Р. 2005. С. 298, 305, сн. 91; 2005а. С. 104, сн. 268, 269; Tokhtas'ev S. R. 2005. P. 4; Иванчик А. И. 2007. С. 207] передача иранского u через греческое o (сравни также Σορхаκος ← дигор. surx (древнеиран. *suxra) – «красный»

[Миллер В. Ф. 1913. С. 88-89; Huysse P. 1998. S. 169], а также выше указанные примеры – А. Т.). Кроме того, у северокавказских гуннов отмечается имя Στυραξ, которое некоторые исследователи сопоставляют с именем Στυρακος из Горгиипии, связанным с дигор. stur [Maenchen-Helfen O. 1973. P. 390-392; но Moravscik Gy. 1983a. S. 292-293]. Следует отметить, что подобная многовариантная передача -и наблюдалась и на иных материалах [Moravscik Gy. 1983. S. 191; 1983a. S. 34, 35].

Возможно, следует привести и некоторые другие наблюдения, которые касались вопроса восточнославянско-иранских взаимодействий. Полагалось, что среди вождей русов, подписавших в X в. договор с Византией, фигурировали и носители иранских имен [Kalmykow A. 1925. P. 69]. Данное решение привлекло к себе внимание и некоторых других исследователей [Зализняк А. А. 1962. С. 44; Лелеков Л. А. 1973. С. 54; Кузьмин А. А. 1974. С. 73-74; Седов В. В. 1979. С. 99; Гутнов Ф. Х. 1995. С. 90-91; Бубенок О. Б. 2005б. С. 26; Андреев В. М. 2010. С. 36]. Справедливости ради, следует отметить, что данное наблюдение ограничено только самим фактом сопоставления имен с возможными иранскими прототипами. Но, если данные сопоставления хоть в какой-то мере продуктивны, то, в свете интересующего нас вопроса, следует осторожно привлечь внимание к имени Истрь.

Мы можем также подтвердить присутствие подобного имени в ономастиконе осетин. Так, в одном из уголовных дел о так называемой «Народной партии» (Дело № ФС-3334), инспирированном ОГПУ в Северной Осетии в период проведения массовой коллективизации (1930 г.), среди членов семьи арестованного Е. Г. Коциева указан его младший сын 4 лет по имени Истыр. Возможно, специалистам следует рассмотреть и некоторые имена из балкаро-карачаевской ономастики [Алиев И. И., Алиева З. И. 2003. С. 111].

В Нотор начальная Н рассматривается как протетический гласный *i*. Интересно, что в упоминавшейся аланской маргиналии αυτεσηρ οτουρ первое слово αυτεσηρ сопоставляется с дигор. avdisæx – «понедельник». Исследователи предположили, что η могло передавать аланский звук -æ, что не было устойчи-

вой формой, т. к. те же маргиналии дают передачу данного звука и через *ɪ* в слове *ζιρνν*, сопоставимым с дигор. *zærijnæ*, *zærin*, ирон. *zærin* – «золото», «золотой» [Камболов Т. Т. 2006. С. 207]. Таким образом, можно бы было полагать, что в Зеленчукской надписи *η* передает не только звук *ɪ*, но и звук *æ*, например, в Нотор, т. е. дигор. *æstur*. Однако разделяемые нами наблюдения В. И. Абаева о том, что Зеленчукскую надпись характеризует «выдержанность и постоянство в передаче одних и тех же звуков одними и теми же знаками, отсутствие какой-либо непоследовательности и разнобоя», препятствуют такой возможности, тем более, что именно использование *η* демонстрирует такое постоянство.

К сожалению, Л. Згуста, допускающий рассмотрение лигатуры и как *στε*, не попытался предложить другой вариант дешифровки с данной позиции. Исходя из предлагавшихся исследователями возможностей, мы получаем некую лексему *ητερ* или *отер*. Однако она не находит для себя никакого объяснения. Единственной возможностью иного подхода могла бы стать попытка рассмотрения передачи буквой *ε* иного звука. С таких позиций интересно, например, что в Ясском глоссарии *-a* (осетинское *æ*) в трех, хоть и не вполне надежных случаях, передается через *e*: *k'evɛf* – «хлеб» (осет. *k'æbæɾ* – «кусоч (корка) хлеба»), *ose* (дигор. *wosæ(j)*), ирон. *us* – «жена», «женщина»), *khvngɛ* – «свинья» (старо-осетин. – **kængæ* – «роющий» или дигор. *xunk'æ*, ирон. *xwɪnk'* – «дыра», «отверстие», «нора», дигор. *findzi xunk'æ*, ирон. *fyndzy xwɪnk'* – «ноздря») [Абаев В. И. 1960. С. 19; Gershevich I. 1960. P. 596; Ritter R. P. 1976. S. 227; Камболов Т. Т. 2006. С. 211]. Такое же положение с глоссарием можно бы было предположить для попытки усматривать в одном из трудночитаемых слов *soseg*, т. е. дигор. *sosæɟ* [Калман Р. Л. 151-152]. Но данная интерпретация не выглядит убедительной.

Выше отмечалось, что В. И. Абаев, фиксирующий для Зеленчукской надписи «выдержанность и постоянство в передаче одних и тех же звуков одними и теми же знаками», видит исключение для передачи *æ* через *ε* в *τζηρθε* (*cirtæ*). Однако такое исключение на фоне самой надписи представляется сомни-

тельным. Поэтому более допустимым представляется решение других исследователей, определяющих для ϵ строки 21 передачу æj . Как мы знаем, такую возможность дает и аланская маргиналия $\text{aot\acute{e}\u0303\u0302\u0304\u0305\u0306\u0307\u0308\u0309\u030a\u030b\u030c\u030d}$ pav , т. е. осет. æstæjmag bon – «восьмой день». Возможно, другой пример предоставляет Ясский глоссарий в лице ose – дигор. wosæj . Возможно, передача æj через ϵ является результатом развития передачи æj через ϵ , фиксируемая, например, для имени $\text{'\u0391\u039d\u0398\u0395\u0398\u0398\u0398\u0398}$ (осет. ævdæjmag – «седьмой») из Танаиса III в. [Абаев В. И. 1958. С. 196]. Непосредственно о примерах передачи a через ϵ в хронологически более близких, или даже синхронных Зеленчукской надписи памятниках говорилось выше. Видимо, следует учесть и некоторые другие наблюдения лингвистов [Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. 2006. С. 183; Тохтасьев С. Р. 2013. С. 584-585].

В таком случае, мы могли бы иметь дело в Зеленчукской надписи с передачей в η тер или $\text{ot\acute{e}\u0303\u0302\u0304\u0305\u0306\u0307\u0308\u0309\u030a\u030b\u030c\u030d}$ лексемы, сопоставимой с дигор. $(\text{æ})stæ$, ирон. $stæ$ – «военный поход», «набег», «угон», «грабеж» [Абаев В. И. 1979. С. 149; Orel V. E. 1987. P. 60-61]. По указанной выше причине в отношении η тор остается рассматривать только форму $stæ$ (по данной причине, а также из семантических соображений, изначально не привлекается дигор. æstæ – «восьмерка» в детских играх). Данная лексема служит производной для дигор. $stæjroni$ cæun , ирон. $stæry$ ($stærmæ$) cæwun – «идти в поход (набег)», дигор. $stæjron$, ирон. $stæron$ – «участник похода (набега)», «грабитель», «разбойник», «грабительский», «разбойничий». Она также представлена в дигор. $næxstæ$, ирон. $næxstæ/nyxstæ$ – «отправление в путь» [Абаев В. И. 1973. С. 176], дигор. $næxstæjron$ – «собирающийся отправляться». В данном значении она использовалась в свадебных обрядах, означая отправление невесты в дом жениха [ПНТО. 1992. С. 400]. В Нартовском эпосе нарты, отправляющиеся в поход, называются $narty$ $stærtæ$ [НК. 2007. С. 213].

$(\text{Æ})stæ$ в Нартовском эпосе осетин служит синонимом к дигор. $balci$, ирон. $balc$ – «военный поход», «поход за добычей». Восходит, по В. И. Абаеву, к $*b\bar{a}rya-$ от $b\bar{a}r$ – «ездить верхом» и представлено в некоторых древних этнонимах и именах из Се-

верного Причерноморья, хотя возможны и некоторые поправки [Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2003. С. 66-67, 102; Тохтасьев С. Р. 2005а. С. 88-89, сн. 126; 2007. С. 93-94]. В обыденной речи имеет значение «отлучка из дому», «путешествие», «поездка», «военный поход». Отсюда и дигор. *bælccon*, ирон. *balcon* – «путник», а также дигор. *ænbal*, ирон. *æmbal* – «товарищ», «спутник», имеющее первоначальное значение «товарищ по походу». В прошлом в специальном «охотничьем языке» осетин *ænbal/æmbal* называли палку, посох, т. е. своеобразного попутчика и помощника охотника в его походе.

Интересно, что иранский (аланский) антропоним *Ambal* фиксируется в конце XVII в. в финно-угорском ономастиконе, а в болгаро-татарской эпиграфике имя *Anbal (Ambal)* появляется с XIV в. (1345 г.), что связывают с буртасами, чья ираноязычная принадлежность остается под вопросом, или с передвижением на север части северокавказских аланов [Абаев В. И. 1958. С. 232-233; 1995а. С. 7; 1979а. С. 284, 313; Пчелина Е. Г. 1947. С. 151-152, сн. 4; Гагкаев К. Е. 1964. С. 60-61; Morrison G. 1951. P. 81; Агънаты А. 1987. Ф. 63-64, 211; Хакимзянов Ф. С. 1987. С. 5-7, 33, 110, 133; Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1987. С. 83-84; Добродомов И. Г. 1990. С. 70; 1993. С. 130-136; Малахов С. Н. 2002. С. 91-96; Алемань А. 2003. С. 497; Халикова Е. А. 1978. С. 208-209; Бубенок О. Б. 1992. С. 54, 120-124; 2004. С. 45-48, 115, 166; 2004а. С. 5-11; 2007. С. 58, 61-62; Тохтасьев С. Р. 2013. С. 597-598]. Современные попытки связать имя *Anbal (Ambal)* болгаро-татарских эпитафий с идеей тюркоязычия ясов [Гагин И. А. 2009. С. 10-11], как и другие фантазии по поводу *Анбала Ясина* [Нурутдинов Ф.Г.-Х. 1994. С.43-46], научно необоснованны и бесперспективны. Не стоит уже говорить об иных опусах [Бариев Р. Х. 2007. С. 53-54] из области фолк-истори.

Фактически, в *stæjron/stæron* мы имели бы синоним к *Авлалав* Зеленчукской надписи, а его форма имеет параллель с однокоренным для *Авлалав* *bælccon/balcon*. Таким образом, подтверждается и надежность определения в *Авлалав* суффикса *-an* (современный осетинский суффикс *-on*), т. е. то, что Л. Згушта называл «продуктивными процессами в осетинском языке».

Учитывая же приведенные наблюдения, следует очень осторожно предположить, что в случае использования в Зеленчукской надписи лигатуры *στε*, что палеографически гораздо сложнее, мы могли бы усматривать приблизительную параллель всей лексеме *στερ* в дигор. *stæjron*. Но данное предположение слишком сомнительно. Поэтому повторим, что наиболее предпочтительным для своего развития представляется решение Г. Ф. Турчанинова, определяющего *stur*.

А. Алемани в своей интерпретации, которую он объективно и осторожно относит к разряду предположений, уделяет основное внимание Пакавар Зеленчукской надписи. Наиболее раннее его упоминание исследователь усматривает в имени овского богатыря *Baqat'ar* из сообщения «Картлис Цховреба», имеющего легендарный характер, о столкновении Вахтанга Горгасала с овсами ~ 454/455 г. Еще двое носителей этого овского имени упоминаются источником в событиях конца IX в. и начала XIV в. В начале X в. Ибн Руста упоминает в искаженной форме титул аланского царя *B.ġāur*, который надежно корректируется как **Baġātar*. В «Юань-ши» в конце XIII-начале XIV вв. упоминаются три наемника аса (аланы), носившие титул *Baduer* (*Bātur*~*Bādur*), обычно связываемый с монгольским титулом *baɣatur* (тюрк. *bātur*) (сравни болгаро-дунайский *βαγατουρ* – А. Т.). Учитывая наличие тюркского титула асского мамлюка в Египте и соответствующих имен у ясов Венгрии, ученый полагает неслучайность их такого широкого распространения.

Сообщение Ибн Руста рассматривается как очевидное указание на то, что **baġātar* не является аланским словом «царь», но является титулом, ассоциирующимся с царствованием. Учитывая это предположение и последовательный повтор в Зеленчукской надписи и Пакавар, и *Avlalan*, А. Алемани предполагает, что *Avlalan* могло быть другим титулом или, возможно, принадлежать к разряду обозначения должности конной военной аристократии, трансформировавшемуся из первоначального значения как простого «члена конной военной группы». Представляется, что такое предположение весьма абстрактно, тогда как приведенные выше наблюдения сви-

детельствуют в пользу сохранения в осет. ænbal/æmbal давних исторических представлений о равноправном соратнике, который может иметь параллель в русском «дружинник». В таком значении, отражающим дух мужского, воинского начала вне контекста каких-либо социальных или внутривоинских отличий, оно и могло быть представлено в упоминавшихся средневековых именах.

На пути очень предположительного сближения Пакаѳар и Аулаѳан стоит, например, дигор. ærdar, ирон. ældar – «князь», «господин», которое неоднократно фиксируется в северопричерноморском ономастиконе первых веков н. э. (Арбарос, Арбаракос). Оно рассматривается как один из ранних аланских полувоенных, полусословных терминов. Он имеет многочисленные параллели в иранской и восходящей к ней ономастике, представляя собой социальный термин или военно-аристократический титул. Данное слово в форме aladar в средние века вошло в венгерский язык из языка яссов в значении «начальник сотни», «начальник охраны». Оно же в форме aldar появляется у калмыков в значении «господин», «слава». Во втором значении оно отмечается и в других монгольских языках [Туаллагов А. А. 2009]. Таким образом, у нас есть исторический пример древнего сословного термина, который именно в таком значении дошел до наших дней. Та же неизменность значения представлена и в осет. ænbal/æmbal.

А. Алемани, справедливо отмечает, что только ирон. bæyatur может рассматриваться как инновация, появившаяся под влиянием тюркских или русской форм. Дигор. bæyatær исключает влияние со стороны русского или большинства тюрко-монгольских языков, но находит сепаратную параллель в чувашской лексеме pattär. Учитывая, что тесные отношения между аланами и хазарами в VIII-X вв. имели большее значение, в отличие от прежнего периода доминирования на Кавказе гуннов и западных тюрков, исследователь полагает, что аланское *bæyatær было заимствовано от хазар, беря в расчет чуваш. pattär, а также упоминание ~760 г. арабским автором Ибн Атамом хазарского кагана, именовавшегося T'ät.r, возможно, *Baġatar.

Подтверждение именно хазарского влияния ученый видит в упоминавшемся эпизоде из «Картлис Цховреба», где представлены явные анахронизмы в лице хазар и печенегов (также черкесов – А. Т.) и рядом выступают оvs Baqat'ar и хазарин T'arkan. Второе имя также является тюркским титулом, который, кажется, был у аланских отрядов на службе хазар, а в арабских источниках говорится об *Ās Tarhān – «(хазарский) тархан асов (аланов)». Представляется интересным, что оба титула Baqat'ar и T'arkan появляются всегда в связи с хазарами и в контексте событий VIII-IX вв. Поэтому А. Алемани считает, что служившие Хазарскому каганату аланские предводители носили тюркские титулы и, возможно, были изначально хазарами. С ослаблением каганата аланы стали выбирать предводителей из своей среды. Они позднее стали собственными господами, создавшими Аланское царство. Наиболее престижный титул *baḡātar, возможно, ранее присваивавшийся хазарскому кагану, был также официально присвоен аланским царям. Аланы, один из которых мог бы быть аланским царем, получали позднее у монголов титул или имя Bādur, которое среди самих аланов воспринималось как *baḡātar, «царь» или «правитель».

Как и А. Алемани, осознавая предположительный характер любых построений и нисколько не претендуя на окончательное решение вопроса о происхождении *baḡātar, приведем некоторые наблюдения, которые нуждаются в оценке специалистов. По вопросу о происхождении данного термина ученые так и не пришли к единому мнению. Обычно для осетинского языка полагается тюрко-монгольское заимствование, которое проявляется и в имени одного из главных героев осетинского эпоса Batraz (Batæraz, Batradz, Batoryadz, Batoryaž). Вместе с тем, для ПАКАΘАР Зеленчукской надписи и Batraz давно была предложена и собственно иранская этимология слова. Оно впоследствии было заимствованно в тюрко-монгольские языки и уже через них отложилось в осет. bæḡatær/bæḡatyr. Согласно другой гипотезе, осет. bæḡatær/bæḡatyr изначально относится к иранскому лексическому фонду [Lokotsch K. 1927. S. 15-16; Minorsky V. 1958. P. 169; Moravscik Gy. 1983a. S. 83; Bailey H. W.

1975. P. 35; 1979. P. 370; 2003. P. 9; Джиоты Х. 1979. Ф. 4; Гадло А. В. 1979. С. 46-47, прим. 112; 1994. С. 18; Golden P. B. 1980. P. 155-156; 1992. P. 50-51, 59; 2011. P. 250-251; Новосельцев А. П. 1985. С. 94; Фасмер М. 1986. С. 183; Будагов Л. 1896. С.297; Кузнецов В. А. 1990. С. 96; Шервашидзе И. Н. 1990. С. 89, сн. 2, 90; Туаллагов А. А. 2000. С. 220-228; 2001. С. 242-245; Alemany A. 2002. P. 77-82; Гутнов Ф. Х. 1989. С. 146; 2008. С. 213-214; Малолетко А. Н. 2004. С. 74-76; Иванов Вяч. Вс. 2003. С. 13-17; 2009. С. 31; Шапошников А. К. 2007. С. 269, 287; Хатуев Р. Т. 2007. С. 53-54, 61; Сатцаев Э. Б. 2008. С. 58; Таказов Ф. М. 2009а. С. 38; Славова Т. 2009. С. 115-133; Кузнецов В. А. 2012. С. 254-255; Абдуллоев Д. 2014. С.145 и др.]

Привлекаемый А. Алемани сюжет из исторического свода «Картлис Цховреба» («Жизнь картлийских царей») в том понимании, которое вкладывает в него исследователь, возможно только в условиях его вычленения из всего контекста источника. Дело в том, что в своде, в «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели, образ хазаров и их имя имеет слишком широкое применение, начиная от приложения их к истории скифов и событиям, происходившим за многие века до нашей эры. Следующая в своде «Жизнь Вахтанга Горгасала», откуда происходит привлекаемый сюжет, приписывается Джуаншеру Джуаншерини. А. Алемани предположительно датирует источник VIII в. Но данная датировка основана на поздней приписке к труду и давно определена как дезинформативная. Автор «Жизни Вахтанга Горгасала» жил в XI в.

Как и «Жизнь картлийских царей», «Жизнь Вахтанга Горгасала» отрабатывается для свода в XI в. Исследователи неоднократно отмечали, что данный источник содержит много фантастичного, несообразного с реальной историей и с конкретными историческими фактами, а указанный сюжет вполне может относиться и не к истории аланов, а к истории гуннского союза [Мровели Леонти. 1979. С. 87-91]. В любом случае, упоминающиеся в нем «хазары» не имеют отношения к историческим хазарам и действуют в событиях именно V в., которые никак нельзя связать с событиями VIII-IX вв. Не исключено, что часть огов

принимала участие в тех событиях в составе гуннского войска. Также отметим, что сохранилась осетинская легенда о тех событиях, трактующая их в пользу осетин и не упоминающая багатура [Пчелина Е. Г. 1947. С. 144].

Следует иметь в виду, что ко времени составления свода история самих хазаров практически завершилась. Сам же образ хазаров, несомненно, связан с реальными хазарами средневековья. Они достаточно долгое время были ведущей политической силой на Северном Кавказе. Поэтому образ некогда могущественных, но уже сошедших с исторической арены кочевников, хорошо знакомый на протяжении веков, практически идеально подходил рассказчикам и живо воспринимался читателем. В таком виде он концептуально подходил для единого свода именно XI в. (следует помнить о фигурировании Хазарии в это время и в иноэтничных источниках). В любом случае, составление самого источника отделено несколькими столетиями от события, которое он описывает.

Восстановление *Bağātar из T'āt.r арабского источника, что осознает и сам А. Алемани, не имеет под собой надежного основания. Предлагавшаяся форма восстановления *Bağātur/*Bağātir исходит из тюркского источника. Толкование T'arkan как тюркского титула вполне приемлемо. Но стоит помнить, что сама лексема оригинальна для осетинского языка, а тюркская, что не исключено, является древним заимствованием из иранского [Абаев В. И. 1979. С. 275-277; Дыбо А. В. 2007. С. 118-119]. А. Алемани справедливо обратил внимание на то, что, если Ибн Руста фиксирует название аланских царей B.ğāy.r, т. е., несомненно, *Bağātar, то ал-Масуди – K.rk.ndāğ, т. е. *kär-kündäğ (пехл. kundāg – «волшебник», «предсказатель» (?)) (возможно и иное решение [Калинина Т. М. 2005. С. 46-47]? – А. Т.).

Появляются вопросы к одновременному обозначению правителя аланов двумя титулами. Например, В. А. Кузнецов полагает появление аланского титула под хазарским влиянием, отмечая тюркский титул Багатур, который носили некоторые хазарские каганы, и название военачальников в раннем Болгарском государстве «багатур». Исследователь допускает, без развернутой ар-

гументации, такое положение, предположительно объясняя его традициями различных аланских племен [Кузнецов В. А. 1992. С. 164-165, 234]. Но с учетом этимологии *kär-kündäğ, которое исследователи рассматривают как титул хазарского происхождения [Минорский В. Ф. 1963. С. 204, пр. 73], логичнее отнести его к хазарскому титулу подвластных каганату аланских царей, тогда как *Bağātar может отражать собственную аланскую титулатуру, на что указывал, например, А. В. Гадло. Ничто не мешает усматривать такое противопоставление в овсском Baqaṭ'ar и хазарском T'arkan. Заметим, что *Bağātar исторически проявляет более тесную связь с историей аланских социальных верхов, тогда как *kär-kündäğ более никогда в ней не проявляется.

Также интересно, что название хазаров сохранилось в осетинском языке как qazajrag – «крепостной», «раб», «холоп», что могло отражать историю после падения Хазарского каганата [Абаев В. И. 1973. С. 272-273]. Таким своеобразным образом могло проявляться отрицание добившейся независимости Алании своего прежнего положения за счет «низведения» хазарского фактора в восприятии собственной истории. Другим, также низводящим в отрицательное значение название хазар, является дигор. qazar – «дорого», «дорогой», «ценный» (редко употребляемо в данном значении в иронском диалекте), имеющее параллель в адыгских языках: qäzär – «скупой», «торгаш» [Абаев В. И. 1995. С. 614-617]. Поэтому сложно полагать, что аланские правители сохраняли бы за собой хазарскую титулатуру, тем более, что известные источники свидетельствуют о византийском влиянии в данном вопросе.

Видимо, следует привести и данные некоторых иных источников. В дагестанской хронике «Дербент-наме» упоминается правитель Малого Маджара Батрас (Бутрус), правивший в начале 20-х гг. VIII в. н. э. [Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Орозаев Г. М.-Р. 30; Туаллагов А. А. 2001. С. 243-244]. Позднее на данные сведения обратили внимание и другие исследователи [Гутнов Ф. Х. 2007. С. 199, 214]. В V в. были созданы армянские агиографические памятники «Мученичество Воскянов» и «Мученичество Сукиасянов». В IX или X вв. составляется грузинское «Мучени-

чество св. Сукавейцев». Источники повествуют о крестившихся в Армении аланах, которые вели там отшельническую жизнь в конце I-начале II в. н. э. Их история, по мнению исследователей, связана с событиями аланских походов 72 и 135 гг. Если европейские источники не знают никаких союзников у аланов, то кавказские приписывают к ним северокавказские народы и вновь печенегов.

Появление подобных анахронизмов в кавказских источниках достаточно обычное дело. Например, в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци появляются те же хазары. Но, исходя из времени составления данного труда (~410/415 гг.-480-е гг.), «хазары» не могли принадлежать авторскому оригиналу и являются явной более поздней интерполяцией. Вполне вероятно, что такой же пример мы имеем и в лице «хазаров» «Жизни Вахтанга Горгасала», что дополнительно делает попытку А. Алемани сомнительной.

По сведениям агиографических источников, стойкость в христианской вере стала причиной мучительной гибели крестившихся аланов. Лишь двое самых молодых отшельников смогли спастись. По армянским источникам, на месте гибели Сукиасянцев креститель Армении св. Григорий Просветитель (252-325 гг.), узнав о столь славном подвиге за веру, воздвиг часовню. По грузинским источникам, здесь построил в начале IV в. роскошную церковь император Византии Константин. На месте последующего погребения двух избежавших гибели Сукиасянцев армянский царь Вагарш построил г. Вагаршакерт (в реальности г. Вагаршапат построил Вагарш I, а г. Вагаршаван – Вагарш II).

В 1107 г. грузинская церковь объявила предводителя крестившихся аланов Багдраса-Сукияса Аланели святым, установив днем его почитания 15 апреля [Чичинадзе З. 1993. С. 53-54; Дарбинян М. 1960. Л. 11, 12; Туаллагов А. А. 2001. С. 239-240, 244; Fritz S., Gippert J. 2005. P. 182]. В армянском эпосе «Давид Сасунский» VIII-IX вв. появляется сообщение о «кресте Патраза» («Хач Патразин»), который герой обычно носил на правой руке. Исследователи связывают его с именем осетинского эпического героя

Batraz [Техов Ф. Д. 1990. С. 99; Аутлев Н. Г. 1994. С. 157]. Возможно, мы имеем дело с отголоском истории крещения аланов в Армении (в памятных записях армянских рукописей упоминается о существовании в начале XV в., видимо, возле Хизана монастыря «святого знака (креста) Аланского»). Показательно, что в источниках имя предводителя крестившихся аланов передается в формах Barak^ccat^cray, Barak^cat^c, Barahat^ca, Barahatray, Bahadras. С одной стороны, это позволяет сопоставить их с Baqatar, а с другой стороны – с Batraz.

В целом, решения исследователей для Baqatar (для тюркского Baqatour также предложено иран. *baka-tura), с которым, возможно, следует осторожно сблизить и Bahadras (Bagdras), исходят из сопоставления с хотано-сакским rāga < rauša – «сила» или древнеиран., авест., вед., перс. бага (bhaga, baḡa), согд. by – «бог». С последним, например, некоторые исследователи связывали усуньский титул хуньмо (γυәп-mâk←*hvar-baḡ «Солнце-бог») [Зуев Ю. А. 2002. С. 26; Haussig H. W. 1959. S. 172-173]. Отдельные исследователи ко второй основе пытались возводить и некоторые осетинские выражения. Многие исследователи пришли к заключению, что славяне и германцы восприняли название для определения «бог» из иранских языков. Речь идет о заимствовании из языка скифов. Данное заимствование представлено на Урале в языке мордвинов, а также в тюркских языках. Именно бага усматривали в составе суннских, тюркских имен и титулов с эпохи раннего средневековья. Оно же представлено в тюркских языках для обозначения оленя как священного животного – bugu.

Сами иранские имена с основой на бага- известны еще в VIII в. до н. э. по эламским и ассирийским текстам. К той же основе возводили имена Baḡḡs, Baḡḡos, зафиксированные в древних надписях из городов Северного Причерноморья. Все они обнаружены на территории варваризированного Азиатского Боспора и относятся ко II-III вв., не имея себе параллелей в известных ранее здесь именах [Миллер В. Ф. 1886. С. 252; Hehn V. 1887. S. 44, 478; Абаев В. И. 1979а. С. 283, 312; 1995. С. 334-342; Зализняк А. А. 1962. С. 34, 42; Bailey H. W. 1981. P. 25-26; Witzel M. 2005. P. 98,

123, 138, 140; Schmidt G. 1932; Грантовский Э. А. 1971. С. 303-304; Golden P. B. 1992. P. 139, n. 127, 148; Гумилев Л. Н. 1993. С. 464-470; Туаллагов А. А. 2000. С. 220-229; Кудияров А. В. 2002. С. 284; Кузьмина Е. Е. 2002. С. 130; Алборов Б. А. Л. 2; Абаев В. И. 1958. С. 245; КБН. 1965. С. 99-100, 246, 665-668, 677-678, 695-698, 722-723]. В таком положении позволительно предполагать их связь с аланами, пришедшими с востока. Но исследователи связывают их с персидскими именами [Тохтасьев С. Р. 2007. С. 95].

Вторую часть в *Bahadras* и *Baqatar* можно бы было предположительно связать с хотано-сак. *rayza* (= *raza*) [Bailey H. W. 2003. P. 11; Дзиццойты Ю. А. 2003. С. 181-182] и дигор. *tær* (*tærna*), ирон. *tyr* (*tyryn*) – «юноша», «мальчик». Второе рассматривается как явный архаизм и возводится к **taruna-*, **tarna-* (**taru*) – «юный» [Абаев В. И. 1979. С. 280]. Данную основу уже предлагалось, хотя и не всегда убедительно, усматривать в именах *Batraz*, *Wastyrdžy*, *Тарүтаос* [Чочиев А. Р. 1996. С. 91-95; Дарчиев А. В. 2000. С. 219-233]. Более привлекает ее возможная фиксация в скифской истории [Кулланда С. В. 2014. С. 328-329].

Мы, видимо, можем исключить только по хронологическим признакам связь осет. *bæġatær*/*bæġatyr* с монгольским влиянием. Сопоставление А. Алемани осетинской лексемы с чувашской и соответствующее предположение о ее заимствовании от хазар также вызывает сомнение. По мнению специалистов, сама чувашская лексема, по фонетическим признакам, является заимствованием, причем, более поздним из какого-то другого тюркского языка [Севортян Э. В. 1978. С. 84]. Данное заимствование отражает не только закономерную для тюркских языков диссимиляцию интервокального *y*, но и свидетельствует в пользу его достаточно позднего происхождения, т. к. не наблюдается изменения «а» начального слога в «у».

Следует отметить, что форма *bæġatær* является той исторической формой, которая была свойственна для аланского языка раннего средневековья и отражалась в письменных источниках. Форма *bæġatyr* могла появиться в иронском диалекте осетинского языка, когда его носители еще имели четкое представление и о значении второй части слова, которая закономерно

сменила форму *tær* на форму *tyr*. Кроме тюркского титула *baġātūr* известно и имя *Baġātūr*, которое носил, например, хазарский правитель (последний раз упоминается в 763 г.), в правление которого произошло кратковременное сближение хазар с арабами. Но повторим, что дигор. *bæġatær* не может быть связано с такой формой.

История крестившихся в Армении аланов позволяет предполагать, что аланское *bæġatær* появилось в домонгольский, дохазарский и догуннский период. Следует отметить, что источники называют предводителя крестившихся аланов вторым савновником в Алании. *Baqat'ar* Джуаншера Джуаншерияни также не имеет царского достоинства. Это дает повод полагать, что у ранних аланов, появившихся в Восточной Европе, *bæġatær* служило обозначением военных предводителей из числа родо-племенной аристократии, т. е. данное обозначение имело давние корни в аланской среде.

Можно предполагать два пути появления *bæġatær*. Первый связан с взаимовлиянием и взаимодействием с тюркоязычной средой за счет ранних контактов аланов с хунну (сюнну), как в азиатском регионе (например, в имени основателя державы хунну Маодунь [Clauson G. 2005. P. 11-12, 52; Golden P. B. 1992. P. 50, 59; но: Дыбо А. В. 2007. С. 111], старшего сына хуннского правителя и командующего 10 000 войском, усматривают **bayatur* с закономерным выпадением *ү* в интервокальном положении), так и в Европе. Второй не исключает возможности, что осет. *bæġatær*, *Batraz* (*Bahadras*) изначально являются иранскими и были независимо принесены аланами из Азии, где издавна отмечались ирано-тюркские связи, охватывавшие различные стороны жизни, проявляясь, в частности, в заимствовании титулатуры и т. д. [Новосельцев А. П. 1990. С. 140; Golden P. B. 1992. P. 127, п. 65, 139, п. 127, 148; Дыбо А. В. 2007. С. 111-112, 115, 118-120]. Эти связи могли быть продолжены и в Европе, в том числе на Северном Кавказе, отразившись в тюрко-монгольских влияниях или контаминации. В конечном итоге, сходство аланской и соответствующих тюркских лексем еще не говорит об их идентичности.

В любом случае, *bæġatær* неоднократно встречается в качестве имени и титула у аланов в Восточной Европе, на Кавказе, как мы можем полагать, с догуннского периода и в период раннего средневековья, в ономастике их потомков – венгерских ясов (1550 г.), аланов, ушедших на службу к монгольским императорам, среди аланских мамлюков Сирии, в ономастике закавказских осетин сер. XV в., в ономастике северных осетин первой половины XX в. Было предположено, что имя ПАКАӨАР может присутствовать и на левой стороне еще одного средневекового надгробия [Гильденштедт И. А. 2002. С. 267, рис. 17], найденного возле р. Чегем в Кабардино-Балкарии [Fritz S., Gippert J. 2005. P. 183]. Однако данное решение, видимо, должно быть отклонено [Помяловский И. В. 1881. С. 14].

Отнесение имени к давнему фонду осетинских имен подтверждается мужским именем у хевсуров Багатер, которое могло быть заимствовано только от осетин. Данное имя отложилось в гидронимике Северной Осетии – *Bæġætari cadæ* («Багатара озеро») – название озера в Ирафском районе, а также в названии скалы с пещерообразным углублением к югу от с. Гадамш на берегу р. Риони – *Os-bæġatyr̥ amad (badæntæ)* – «Укрепление Ос-багатыра» [Абаев В. И. 1958. С. 245-246; Bailey H. W. 2003. P. 9, 11; Fekete L. 1960. S. 136; Alemany A. 2002. P. 77-82; Gippert J. 1984. S. 38-39; Fritz S., Gippert J. 2005. P. 182-183; Fritz S. 2006. S. 37-38; Marquart J. 1914. S. 155; Артамонов М. И. 1962. С. 46-47, сн. 112; Гаглойти Ю. С. 2007. С. 188; Севортян Э. В. 1978. С. 82-84; Джуаншер Джуаншерияни. 1986. С. 116-117, прим. 53; Татаринцев Б. И. 1987. С. 90-96; Кузнецов В. А. 1993. С. 135; НА СОИГСИ. Ф. 15 (лит.). Оп. I. Д. 28. Ф. 2; Макалатия С. И. 1940. С. 158; Андроникашвили М. 1966. С. 135, 529; Уарзиати В. С. 1990. С. 128; Албегова З. Х.-М. 2000. С. 238, 243, сн. 23; Дзиццойты Ю. А. 2010. С. 89-90; Белецкий Д. В. 2004. С. 33, прим. 52; Виноградов А. Ю. 2006. С. 120-121; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 25, 33; Цагаева А. Дз. 1971. С. 152; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 527-528; Gamq'relidze D. 2014. P. 119, n. 53].

В осетинских преданиях оно включено в обозначение пра-родителя осетин, наделяясь и этнической составляющей, – *Os-*

bæḡatyr (Osi-bæḡatær). Похожая составляющая, не исключено, представлена в надписи на сердоликовой гемме, вставленной в железный перстень, из грунтового погребения № 18 (конец II-первая половина III вв.) Жинвальского могильника – «BAKOUP AΛANA» («Бакур аланский»). Имя Бакур достаточно хорошо известно по различным источникам и обычно определяется как иран. «Сын бога».

Его, например, носил в качестве титула кушанский правитель Канишка (*Baḡaluθra, *Baḡaluru(α), согд. Вүлwр, Ваулоуро). Исследователи полагали, что имя брата хорезмшаха Хурзад – «Сын Солнца» служило переводом хорезмийского титула багпур/фагпур, а его носителем был представитель дофеодальной царской династии [Толстов С. П. 1948. С. 225]. В армянских источниках («Бузандаран патмутюнк», Мовсес Каганкатваци (Дасхуранци). «История Агван», Шапух Багратуни. «История», Степанос Орбелян. «История области Сисакан») «бакур» также используется в качестве титула и названия рода «китайского правителя» – «чен-бакур» (арм. Ченк՝ – «Китай», чены – «китайцы»), т. е. в сочетании с этническим определением.

Особое внимание исследователей следует обратить на тот факт, что в грузинских письменных источниках, нузальской надписи и, видимо, в некоторых сказаниях осетин-иронцев мы встречаем именно форму, связанную с дигор. bæḡatær. Он свидетельствует о том, что именно данная форма была единственной в средневековой Алании, и только она подлежит рассмотрению, а не форма ирон. bæḡatyr, которую отдельно соблазнительно сопоставлять с тюркскими. Она же не позволяет согласиться с мнением, не учитывающим данное положение, что «имя Багатар – татарское» и вошло в обиход аланов в хазарское время [Кузнецов В. А. 1990. С. 96]. Что касается чувашской лексемы, то специалистам, видимо, стоит оценить возможность и противоположного направления влияния, т. е. со стороны аланов, что имеет допуск в условиях известных специалистам материалов [Keenan E. L. 1980. P. 484-496; Скворцов М. И. 1980. С. 121; Добродомов И. Г. 1980. С. 21-29; 1980а. С. 37-42; 1988. С. 78-84, 1990. С. 64-70; 2009. С. 151-175]. Заметим, что особое указание на

признание слова тюркским со стороны В. Ф. Миллера [Мизиев И. М. 1991. С. 292] в очередной раз, с одной стороны, выдает незнание или умолчание об иных этимологических решениях, а, с другой стороны, демонстрирует собственную беспомощность в ведении научного исследования.

Приведенные наблюдения важны для нас и с точки зрения написания в Зеленчукской надписи ПАКАΘАР не через γ , а через k . Именно такое написание представлено в *Bakour*, *Barak^cat^cray*, *Barak^cat^c*, а также в варианте *Bakat^car*, который известен А. Алемани [Алемань А. 2003. С. 423], но в работе о Зеленчукской надписи им не задействован. Интересно отметить, что, если грузинское *Baġat^car* и арабское *B.ġāy.r* прямо сопоставимы с дигор. *bæġatæŕ* и передают ġ (осет. гъ), то грузинское *Baġat^car* передает q (осет. хъ), а *Bakat^car* – k (к). Тогда показательно, что в Зеленчукской надписи ġ (гъ) и q (хъ), в случае принятия в строках 19-20 дигор. *læqŵæp*, передаются одной буквой k – ПАКАΘАР, ЛАКАН. Такое положение напоминает о некоторых других наблюдениях специалистов [Moravscik Gy. 1983a. S. 33]. Остается заметить, что в случае тюркского источника мы бы имели формы *βaġatour* [Панченко Б. А. 1905. С. 555-557] или *βaġatour* (*bahatir*), с единственной и фонетически корректной заменой γ на χ [Комар А. В. 2006. С. 226].

В целом, предположительный характер решений А. Алемани, сам уровень их предположительности оставляет без контраргументации место для иных подходов в решении. В совокупности с во многом спорными проблемами исследования хазарской истории, включающей определения ее конкретных тюркских компонентов, с проблемой, в частности, относительной ценности «Жизни Вахтанга Горгасала» как исторического источника и т. д., вызывают многие вопросы и сомнения, не продвигающие нас к какому-либо конкретному заключению.

В конечном итоге, А. Алемани, оставляя без комментариев 6-10 строки, представлял 11-21 строки в следующем виде:

«11... Πακα(12)θαρ Πα(13)καθα(ρ)η (14)φουρτ (15) Αυλα(16)λαν Α(ν)λα(17)λανη φ(18)ουρτ (19) Λακα(20)νη τζηρ(21)θεε» – «*bæġatæŕ bæġatæri furt æmbalan æmbalani furt læqŵæni cirtæ*».

Предполагая, что *baġātar не являлось аланским словом «царь», но являлось титулом, ассоциирующимся с царствованием, а Аулаван могло быть другим титулом, исследователь поясняет, что читает последовательность не как «X, царь, сын царя Y», а как «([X]... Багатар, сын Багатара»: «([X]... Бæгатæр, сын Бæгатæра; Æмбалан, сын Æмбалана; памятник Лæгуæна (или юноши)».

Данное прочтение могло бы рассматриваться как продолжение одного из вариантов дешифровки, предложенных Р. Бильмайером для строк 8-9 (дополнение титула Сахира). Но отрыв представленной дешифровки от дешифровки предыдущей части надписи, как и ее окончание в форме имени или простого указания на человека, порождают свои проблемы. Перечисление титулов относится к лицу, упоминавшемуся в начале основной части надписи, или к лицу, упоминавшемуся в ее окончании? Если перечисление относится к титулатуре одного человека, то она, скорее всего, отражает его одновременное отношение к различным социальным слоям? Если она разделяется между двумя людьми, то каким образом они «удостоились» погребения в одной могиле? Если все относить к человеку по имени Læcwæp, то он в течение жизни спустился вниз по социальной лестнице или даже вышел из высших военно-аристократических слоев? Если принимать в окончании надписи значение «юноша», то могила остается безымянной, или имя упоминалось выше, а после приведения череды титулов он просто назван «юношей»? Реально ли для юноши успеть так быстро переместиться по социальной лестнице? Если могила все же коллективная, то в чем причина перебоя в чередности от «Такого-то сын» в начале основной части надписи, к «Такой-то, сын Такого-то» в ее продолжении? Если погребение одиночное, то в чем причина все того же перебоя?

Вопросы, как представляется, могут множиться и дальше. Они порождаются тем, что исследователь, погрузившись в выяснение происхождения *baġātar, механически перенес предположительные решения на конкретный памятник вне контекста выяснения содержания всей его надписи. Соединение предпо-

ложительного с предположительным лишает конкретики саму проблему дешифровки надписи, порождая дополнительные проблемы в попытках определиться уже даже не с дешифровкой надписи, а с сепаратным внедрением в нее предположительного толкования.

Последним известным обращением к дешифровке Зеленчукской надписи сегодня можно считать исследование Т. Т. Камболова [Камболов Т. Т. 2006. С. 166-178; 2013. С. 93-104; Kambolov T. 2007. P. 21]. Исследователь для строки 3 рассматривает решения своих предшественников, учитывая возможные контраргументы, оставляет в силе два варианта – греч. ὄ ο ἄϋος или осет. оатс (was), считая второй вариант более обоснованным. Заметим, что перевод *oaw* в оатс, если и имеет, исходя из данных, например, более древней бактрийской письменности повод для передачи начальной w через букву O, то для признания в оатс буквы т (отсутствует в том же бактрийском примере) следует не только полагать ее выведение крайне неаккуратно и с сильным наклоном, но найти хотя бы один аналог из какого-либо другого эпитафического памятника.

Не совсем понятным представляется замечание ученого, что в вызвавшем затруднения сегменте легче представить две буквы тс, чем четыре ϋος. Повторим, что для первого варианта нет аргументированных оснований усматривать т. Для второго варианта речь не может идти о ϋος, а только о ϋс. Наличие буквы O устанавливается рисунками Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима. Но она была ошибочно переставлена местами с буквой С и по написанию не относится к данному фрагменту. Исходя из выше приведенных наблюдений, вновь повторим, что чтение ὄ ο ἄϋ(ος) как греческого ὄ ο ἄϋος является безальтернативным.

Чтение строк 4-7 ученым также воспроизводит вслед за своими предшественниками, оставляя без этимологического определения имя Saхir, справедливо повторяя возражения против вычленения ir как несоответствующего диалектальной отнесенности надписи. Для конечной вертикальной черты строки 7 Т. Т. Камболов отмечает мнение Л. Згусты, что она могла быть остатком буквы u, которая имела форму той же буквы в строке 14. В то

же время приводится и замечание В. Ф. Миллера о чтении строки по оттиску Г. И. Куликовского. Но замечание В. Ф. Миллера о том, что по оттиску «... буквы рт отчетливо видны *над* буквами ОУ», означает прочтение по оттиску буквы У в полной форме, что не было адекватно понято Л. Згустой.

В дешифровке строк 8-9 исследователь считает более правильным и не вызывающим сомнений решение Г. З. Чеджемова. Однако наши наблюдения свидетельствуют о категорическом отрицании такого решения как научно не обоснованного и противоречащего действительному содержанию знаков этих строк. Кроме того, якобы, имевшееся исправление в строке 9 по переносу буквы р не только не соотносится с несомненным наличием предшествующей ей лигатуры, но оно определяется ничем не подтверждаемым «методом» (линию типа знака стрелки) и противоречит полагаемому, но не обязательному, исправлению пропуска букв для строки 7 Зеленчукской надписи.

Т. Т. Камболов полагает, что четырежды встречающееся в надписи слово *furt* только в двух последних случаях имеет форму *фоурт*. В двух первых случаях, строки 7 и 9-10, оно имеет форму *фоирт*. Для строки 7 такую трактовку принять невозможно. Для строк 9-10 она только могла бы казаться допустимой. Заметим, что данная форма давно отмечена для имени *Фoиртaс* из Танаиса [Абаев В. И. 1949. С. 178; 1958. С. 500], но вызывает определенные сомнения.

Аналогичный пример мы могли бы иметь в лице аланских маргиналий, в которых вместо ожидаемого *отоур*, лишь на первый взгляд, представлено *отоир*. Исследователи при ее публикации прибегли непосредственно к форме *отоур* [Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43], что за ними повторили и другие авторы [Перевалов С. М. 2007. С. 19], предпочитающие пользоваться латинской транслитерацией. Если обратиться к фотографии, на которой представлена интересующая нас лексема [Engberg E., Lubotsky A. 2003. Folio 69r], то она, несомненно, имеет форму *отоур*, составленную из лигатур *ото* и *ур*. Нетрадиционный вариант соединения этих лигатур, возможно, возникший случайно ввиду работы резчика, не владевшего языком греческой

письменности и допустившего очередную ошибку, и может быть представлен в Зеленчукской надписи. С другой стороны, мы можем иметь дело с необычной лигатурой, составленной по типу, например, лигатуры $\sigma\epsilon\rho$ [Hadgkin J. MDCCCXXXV. Tab. 17], представляющую собой объединение лигатур σ и $\epsilon\rho$. Поэтому предложение Т. Т. Камболова может оказаться излишним. На самом деле в Зеленчукской надписи мы имеем в строках 9, 10 формы $\sigma\theta\upsilon\rho$ и $\phi\theta\upsilon\rho\tau$, во второй из которых, несомненно, представлена лигатура $\upsilon\rho$. Следовательно, в Зеленчукской надписи строго последовательно четырежды используется одна и та же форма $\phi\theta\upsilon\rho\tau$.

В отношении попытки А. Алемани рассматривать часть надписи как перечисление аланских титулов одного человека исследователь справедливо отмечает, что ее было бы легче принять, если бы было объяснено и начало текста. По мнению ученого, и окончание текста имеет иное прочтение. Как представляется, попытка А. Алемани слишком противоречива в целом и неконкретна в рамках проблемы дешифровки самой надписи. О замечании А. Алемани по поводу использования Л. Згустой q вместо g (=ǵ) говорилось выше.

Т. Т. Камболов принимает за основу дешифровку В. И. Абаева строк 11-21. Но само окончание этого отрывка предлагается читать иначе. Исследователь отмечает, что В. И. Абаев, хотя точно не оговаривает основу своего решения, исходил для понимания конечной буквы в $\tau\zeta\eta\rho\theta\epsilon$ строк 20-21 из древнеиранского * $\check{s}i\theta ra$. Косвенным контраргументом такому решению являются нахское $\check{s}irt$ – «надмогильный камень» и сванское $\check{s}irt$ – «куча камней», т. е. заимствование произошло уже после отпадения конечной гласной в дигорском слове. Поскольку тесные контакты дигорцев со сванами прекратились не позже XIII-XVI вв., то выпадение конечной гласной должно было произойти в более раннее время, приблизительно во время установки Зеленчукского памятника или даже раньше (утрата финального гласного произошла или происходила, вероятно, во II-III вв. н. э. [Тохтасьев С. Р. 2007. С. 109] – А. Т.). Обратив внимание на наличие в дигорских говорах формы множественного числа $\check{s}irtt\ae$ – «могилы», исследователь, определяя,

как А. Х. Бязыров и Дж. Чёнг, именно значение «могила», а не «надгробный памятник», полагает, что в строках 20-21 представлено именно *cirtæ* – «могилы» без геминации *t*. Однако, на наш взгляд, и в данном случае остается все тот же вопрос к незакономерной для надписи передачи *-æ* через *ε*.

В целом, основная часть надписи читается Т. Т. Камболовым следующим образом:

Saxiri furt Xors Xorsi furt Pakatar Pakatari furt Anpalan Anpalani furt Lak ani cirta, что приводится в соответствии с современным дигорским прочтением «*Sæxiri furt Xors, Xorši furt Bæġatær, Bæġatæri furt Æpbalan, Æpbalani furt Læg – ani čirtæ*» – «Сахира сын Хорс, Хорса сын Багатар, Багатара сын Анбалан, Анбалана сын Лаг – их могилы».

ГЛАВА III. ИТОГИ ДЕШИФРОВКИ ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ НАДПИСИ

Представленный анализ содержания Зеленчукской надписи по данным рисунков Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, репродукции В. Ф. Миллера и предложенных вариантов ее дешифровки различными исследователями позволяет подвести некоторые итоги и, возможно, предложить некоторые новые подходы к возможности дешифровки надписи. Как установлено исследователями, Зеленчукская надпись была выполнена греческим письмом, в основном, поздним унциальным, частью минускулом, с использованием элементов скорописи, лигатур, а также типичных византийских сокращений. Палеографические особенности надписи позволили датировать ее XI или XII вв. Видимо, позволительно более склониться ко второй дате, не исключая и более поздней – XIII в. В языковом плане надпись является двуязычной. Она составлена на греческом и аланском языках, для передачи которых используется греческая графика. Она представляет собой христианскую эпитафию и включается в круг соответствующих памятников христианской эпитафики, в том числе, близких хронологически и территориально.

Достаточно надежно дешифруются написанные на греческом языке строки 1-5, содержание которых обычно для христианских надписей и сочетается с изображением креста. В строках 1-2 представлено сокращение «Иисус Христос» – I(ησου)<ς> X(ριστο)ς, в котором конечная ς первого слова была поглощена выбоиной. В строке 3 представлено греческое слово «святой», в котором ошибочно переставлены местами две последние буквы – ὁ ἅγι(ος). Оно непосредственно относится к следующему за ним в строках 4-5 греческому имени Николай, в котором форма начертания первой буквы Ν и пропуск второй буквы ι или η имеют многие синхронные по времени и месту аналогии – Ν(ι/η)κόλαος.

Сама греческая форма имени Ν(ι/η)κόλαος отделяет его от последующих имен в основной части надписи. Она четко определяет отнесение имени к начальной, греческой части

надписи как имени Святого Николая (его культ был особенно популярен в первой и второй третях XI в.) и надежно препятствует его введению в перечисление имен аланской части надписи. Таким образом, в начальных строках 1-5 Зеленчукской надписи, исполненных на фоне креста, мы можем иметь дело с инвокацией, которая выражена не в вокативе, а в номинативе, что допускалось в христианской эпиграфике того и более позднего периодов [Виноградов А. Ю. 2000. С. 444-446]. Такая форма обращения к Святому Николаю, например представлена в одной из греческих граффито в храме Софии Киевской [Евдокимова А. А. 2008. С. 631]. В то же время, как уже отмечалось, на фоне известных ошибок в данной части надписи, следует учитывать и предположение, что в начале надписи, на фоне креста изначально могло планироваться именно нанесение обычной формулы IC XC NIKA.

Некоторые исследователи выдвинули гипотезу, что закладка Северного Зеленчукского храма, являвшегося кафедральным собором Аланской епархии, была близка соответствующему христианскому празднику, отмечаемому 9 мая и называемому «Николин день» (в честь святого Николая Мирликийского). Полагали, что, возможно, и малый Южный храм также был связан с «Николиным днем», а само сооружение было посвящено Николаю Чудотворцу. Таким образом, получается, что Св. Николай был покровителем в той местности, откуда происходит и сама Зеленчукская надпись, что могло бы объяснить появление в надписи имени именно этого святого, указать на время существования данного покровителя у аланских предков осетин-дигорцев, открыть истоки его особой популярности позднее у самих осетин-дигорцев, считавших его исключительно собственным покровителем [Сосиев З. 1903. С. 56].

Заметим, что Св. Николай упоминается не только на Зеленчукской надписи, но и на каменном надгробном кресте, найденном непосредственно возле одного из Зеленчукских храмов (Νικόλ(α)ος) [Латышев В. 1904. С. 100-101]. Интересно, что позднее, во время деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе, среди южных и север-

ных осетин распространялись одни и те же иконы, но за одним исключением. В отличие от южных осетин для северных осетин вместо икон Федора Тирона предоставлялись иконы Николая Чудотворца.

Именем Св. Николая (Nikkola, Nigkola) у осетин-дигорцев был назван и месяц май (nikkolaj mæjæ), что не имело соответствий в других частях Осетии. Но у балкарцев и карачаевцев месяц, часть которого приходится на май, также носит название «Никкол ай», «Луккул ай». Данное сходжение, вполне вероятно, связано с историей западной части средневековой Алании, откуда и происходит Зеленчукская надпись.

Мы помним, что упоминание этого святого содержится и на других средневековых надписях. Кроме того, такое положение закономерно соответствует наблюдениям о «дигорском характере» Зеленчукской надписи и о близости иранской топонимики к западу от современной Осетии дигорским формам. Особо следует в данном случае отметить такие топонимы Балкарии как Никкола и Никкола баши [Миллер В. Ф. 1962. С. 17; Zgusta L. 1987. P. 22; Басилов В. Н., Кобычев В. П. 1976. С. 131-157; Калоев Б. А. 1999. С. 219, 326; Спиридонов Т. 2003. С. 131-137; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 151; Демаков А. А., Чумаков И. Л. 1988. С. 95-96; Кузнецов В. А. 2001. С. 184-185; 2013. С. 149-150; Отчет... 1889. С. 35; Гатуев Алексей. 2007. С. 30, 33; Опрышко О. Л. 1967. С. 211; Шаманов И. М. 1971. С. 111, 115; Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. 1970. С. 104; Golden P. B. 2011. P. 384].

Показательно, что в прошлом осетины-дигорцы воспринимали Nikkola как Бога, называя его хисав, т. е. как обычно называется верховный бог традиционного осетинского пантеона. В песне «Nikkolaj zar», носившей обрядовый характер, несколько раз повторяется следующая строка: «Wæj, næ хисав, wæj næ limæn, Nikkola xwarz» («Ой, наш бог, ой, наш друг, Никкола хороший»). Сопровождение имени Nikkola эпитетом xwarz («хороший», «добрый») неоднократно встречается и в других фольклорных материалах (xwarz Nikkola, Nikkola-xwarz). Как показывают исследования, такое определение как «добрый бог» не содержит моральной оценки. «Добрый» означает «пригодный

ко всему», т. е. речь идет о «всемогущем», всеобъемлющем боге [Широкова Н. С. 2005. С. 115].

Часть дигорского населения, принявшего ислам, в то же время сохранило у себя культ Nikkola. Это предопределило внесение в указанную строку песни незначительного, но очень важного и показательного изменения: «Wæj, næ хисаw, wæj, næ limæn, æта Nikkola хwarz» («Ой, наш бог, ой, наш друг, и Никкола хороший») [ПНТО. 1927. С. 140-141, 133-134; Дзагуров Г. А. 1924. Ф. 101; Хамицаева Т. А. 1976. Л. 17; 1988. С. 193; ИАС. 1961. Ф. 348; ИАС. 2007. Ф. 304-306; ПНТО. 1992. С. 41-42, 195-196; Басилов В. Н., Кобычев В. П. 1976. С. 140; Уæдати Хъ. 2012. Ф. 105]. Сохранение образа хисаw Nikkola вступало в противоречие с монотеистическим исламом. Поэтому вставкой союза æта (и) был произведен перенос понятия «Бог» на образ исламского Всевышнего, а Nikkola предстал отдельным от него образом.

Конечно, данный компромисс нисколько не затушевывал истинную ситуацию. По большому счету, он не только не снимал прежнего значения образа Nikkola, но и превращал образ исламского Всевышнего в несвойственный и чуждый ему образ «друга» (сравни, например, пришедшее из ислама осетинское определение Всевышнего æmbal kæтæп næjjes – «товарища кому нет»). В целом, «неуклюжий» компромисс был достигнут путем искажения как образа исламского Всевышнего, так и Nikkola.

Для образа хwarz Nikkola как «всеобъемлющего бога» весьма показательны его конкретные черты. Nikkola является надежным помощником в труде крестьянина, т. е. занимает активное место в аграрном культе, в котором такую роль обычно играл Wacilla («Святой Илья»). Nikkola мог являться в образе орла, так же как Wacilla превращался в черного орла с белой головой. Орлы рассматривались как его вестники. Мог он принимать и другие животные образы, в частности тура. Ночью его, будто бы, можно было видеть летящим на светящемся облачке, похожем на лодочку. Следовательно, Nikkola имел прямое отношение к водной стихии, в частности к дождю, которым распоряжался Wacilla. Кроме того, в празднование в честь Nikkola могли молиться и рыбой.

Для главного празднования сс. Лезгор и Донифарс в честь Nikkola (пещера св. Николая находится к западу от с. Донифарс), который считался покровителем селения (сравни моление в доме, в котором пребывал Qæwu-zæd, в первое празднование Xory bon в честь Wacilla), предварительно через гадание определялись основные участники празднования. Данное гадание осуществлял знахарь (dæsnī) при помощи специальных деревянных палочек. Само гадание на палочках, его конкретный способ и цель полностью соответствуют гаданию dzwarylæg'a в празднование Tbaw Wacilla. Причем, осуществлявший в прошлом такое гадание был человек, которого трижды ударила молния. Он остался жив, что расценилось как его избранность богом. Празднование начиналось в понедельник, т. к. считали, что Nikkola любит именно этот день недели. Также в понедельник начиналось празднование и в честь Tbaw Wacilla.

Для Nikkola возжигали специально приготовленные маленькие круглые пирожки bodæ, с положенным на них кусочком жира и дымящимся угольком, что может служить глухим отголоском христианского ритуала, т. к. само название bodæ означает «благование», «ладан». Видимо, кусочек жира символизировал изобилие, о котором молили и Wacilla. В праздничных ритуалах использовались такие элементы как поливание пивом (сравни ритуал в празднование Xory bon) и молоком. Изготавливался специальный, очень большой пирог, вокруг которого танцевали мужчины, взявшись за плечи. Пирог затем делился по количеству домов (сравни такое же деление в празднование Tbaw Wacilla и роль большого пирога в семейных культах).

В молитвах были и обращения непосредственно к Elia («Илья») с просьбой о покровительстве человеку и любви между небом и землей. Таким образом, фиксируется факт прямого участия в ритуале образа Elia. Самого Nikkola просили послать дождик и явиться в каком-нибудь образе. Считали, что, если обряд был совершен правильно, то начинался дождь, и появлялся орел [Хамицаева Т. А. 1988. С. 182, 193].

Интересен и мотив перевоплощения Nikkola и Wacilla именно в орла, что, по мнению исследователей, свидетельствует о

мифологическом тождестве этих персонажей [Салбиев Т. К. 2013. С. 192]. Собственно, согласно легенде, именно орел был инициатором празднования в честь Tɒaw Wacilla. Белый орел явился и на площадку Madizæŋ у с. Дагом. Камень, на который он сел, стал основанием святилища Wastyrdžy («Святой Георгий»). Сам орел, как известно, являлся символом неба, небесной силы огня и бессмертия, символом богов и их посланцем. В индоиранской мифологии он воплощает светозарный фарн. Идея связи образа орла и царской власти отмечается в традициях Ахеменидов. В «Авесте» царское Хварно предстает в облике хищной птицы Варагн. Его образ становится атрибутом власти Аршакидов, также как является одним из главных символов Рима. На монетах сарматского (аланского) царя Фарзоя он держит в лапах царскую тамгу. Недавняя находка геральдического изображения орла позволила полагать наличие соответствующих представлений и у других представителей ранних аланов [Медведев А. П., Сафонов И. Е. 2006. С. 82-85]. Интересно, что сближение образов Nikkola и Wacilla напоминает о наблюдениях ученых, что празднование в честь Wacilla сопоставимо с дигорским празднованием в честь нарта Сослана [Чибиров Л. А. 2008. С. 394], эпического героя, чей образ наделен яркими солнечными чертами.

Исследователи надежно определили черты, сближающие празднование в честь Nikkola с празднованием в честь Wacilla, посчитав вероятным, что образ христианского святого Николая вытеснил какое-то древнее божество, сохранив при этом его функции патрона общины и формы культа. Мы, действительно, вправе полагать и уже отмечали это, что образ Nikkola тесно связан с образом христианского святого Николая, и данная связь может быть обусловлена религиозной историей западной части средневековой Алании. Сам главный праздник в честь Nikkola справлялся во второй понедельник мая, а, по христианскому календарю, 9 мая (22 мая по новому стилю) справлялся праздник в честь Николы Мирликийского («Николин день»).

По молитве Nikkola к Хисав, как считали осетины-дигорцы, в семье мог родиться живучий сын [Дзагуров Г. А. 1921-1926. Ф. 106]. Согласно же легендам о святом Николае, у его престаре-

лых родителей не было детей, но в результате их непрестанной и глубокой молитвы Бог даровал им сына, который уже при крещении в купели простоял три часа без посторонней помощи. Николай, ставший архиепископом в г. Миры Лидии, отличавшийся достаточно кротким нравом, был способен и на резкие действия (в русской традиции рассказы о Николаях, ликийских архиепископах Мир и Пинар IV и VI вв., объединялись в один цикл). Он силой вырывает меч палача и отменяет казнь в Мирах, не боится являться земным правителям со своими указаниями. На Никейском соборе наносит удар Арию, возмущившись его богохульством. Такие черты христианского святого вполне могли привлечь на себя и черты грозного осетинского божества.

По велению святого Николая в голодный год один купец привез на корабле хлеб. Отправившись в Палестину, святой Николай предвозвестил жестокую бурю и силой молитвы усмирил ее. На том же корабле он воскресил погибшего юношу. В результате святой Николай стал считаться покровителем мореходов. Показательно, что в ритуальной дигорской песне в честь Niggola повествуется и о спасении им тонущих на корабле людей в море. Данный сюжет прикреплен к образу Niggola и в другой песне. Согласно легенде, именно за это спасение Хусава сделал Niggola старшим над *izædtæ* и назначил его покровителем дигорцев, которых он и спас [ППКО. 1989. С. 166; Дзагуров Г. А. 1928-1930. Ф. 76; Абаев В. И. 1973. С. 182-183]. Сами условия жизни осетин в прошлом не дают возможности говорить о какой-либо роли в ней моря. Поэтому данный сюжет, бесспорно, отражает христианские представления о святом, которые могли проникнуть к предкам осетин в аланский период. Приведенные материалы важны для нас и в том плане, что они опровергают мнение о заимствовании аланами культа Николая от половцев, которые почитали его в рамках языческого культа [Магометов А. Х. 1974. С. 61]. Материалы, на которые ссылаются [Голубовский П. 1884. С. 225-226], не дают никакого основания для такой интерпретации.

Интересно, что в одной из песен осетин-иронцев спасителем терпящих в море бедствие людей предстает *Wastyrdžy*. Он назы-

ваются спасителем кораблей на море в молитве старшего при вступлении невесты в дом жениха [НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. П. 71. Д. 21. Ф. 100; ПНТО. 1992. С. 125, 281; ППКО. 1989. С. 18-19]. Несомненно, здесь мы имеем пример переноса на образ *Wastyrdžu* черт образа дигорского *Nikkola*. Причем, в молитве *Wastyrdžu* получает и соответствующий эпитет *hors*. Данное сближение образов *Nikkola* и *Wastyrdžu* представляется симптоматичным, поскольку, если исходить только из выше приведенных примеров, логично было бы ожидать продолжение сближения образов *Nikkola* и *Wacilla*.

Сближение образов *Nikkola* и *Wasgergi* прослеживается и по другим материалам [Гардантис М. Q. 1893-1924. Ф. 28, 48; Миллер В. Ф. 1992. С. 426-427; ППКО. 1989. С. 18-19]. *Nikkola* является гонителем врагов. Он оберегает человека в пути, помогает темными ночами на плохих дорогах, в холодное время на ледниках и перевалах. Он является помощью людям в тревожное время. Он предстает в образе *kindzǝn* или *minævar* (дружка или сват). Он покровительствует тому, чтобы говорили правду везде и всегда, т. е. обеспечивает открытость и справедливость в общественных отношениях. Все перечисленные черты вполне обычны и для образа *Wasgergi*. Как и *Wasgergi*, «наделяющий скотом», *Nikkola* дает человеку желтых баранов из стад *Fælværa* («Флор и Лавр»). Примечательно, что некогда в Кударо-Мамисонском участке была зафиксирована молитва, в которой *Nikkola* выступает защитником от вражеского меча и вражеских рук [Гардантис М. Q. 1893-1924. Ф. 46-47; Дзагуров Г. А. 1921-1926. Ф. 18, 41; ПНТО. 1992. С. 36, 190; ППКО. 1981. С. 139, 140], что ставит его на место божества-охранителя типа *Wastyrdžu* или *Tuxost'a* (но следует отметить, что урочище св. Николая в Алагирском ущелье возле с. Бурон посвящено св. Николаю Двали).

В свадебных песнях о сватовстве и женитьбе нартовского *Acætæz'a* в качестве возглавляющего свадебный кортеж *Wasgergi* также сменяет *Nikkola*. *Wasgergi* и *Nikkola*, в исполнявшейся здесь же песне о сыне *Tætærtup'a*, выступают в качестве *minæværtæ*. В варианте песни о сватовстве *Acætæz'a* они оба – *minæværtæ* и *kindzænbaltæ*. В песне «*Nanaj zar*», которую

пели мужчины-поезжане перед выводом невесты ее матери, Wasgergi и Nikkola призываются быть охранителями свадебного кортежа в пути. Wasgergi и Nikolla принимают путника под свою защиту, сопровождают человека, где бы он ни был, оба являются создателями родства между двумя родами, чьи представители вступают в брак. Более того, в одной из свадебных песен (Kindzi næxstæri zar) Nigkola предстает в образе крестного отца (ændziwargin fidæ), занимая место рядом с Madæmajræn («Мать Мария»), выступающей в обычной для себя роли крестной матери (ændziwargin madæ). Редким исключением является фигурирование в роли крестного отца Fonsi Fælværa [Дзагуров Г. А. 1927. Ф. 11, 16; 1928-1930. Ф. 35, 51, 52, 76, 77; 1927а. Ф. 14, 23; ПНТО. 1992. С. 76, 121, 232, 276; ИАС. 1961. Ф. 369, 375; Дзущев Х. В., Смирнова С. Я. 1993. С. 192, 193; Агнаев Г. 1999. С. 106, 111].

Исследователи уже уловили тот факт, что «характерным для дигорских текстов является «близнечность» Wasgergi и Nikkola» [Газданова В. С. 2007. С. 171]. Но данная «близнечность» существует параллельно с «близнечностью» Wacilla и Nikkola (мнение, что Nikkola, Св. Николай стал у западных аланов наследником скифского Тагимасада [Чибиров Л. А. 2013. С. 80] нуждается в обосновании). Именно две эти составляющие позволяют скорректировать решение исследователей, что образ христианского святого Николая вытеснил какое-то древнее божество. Образ Nikkola, подвергнувшийся несомненному воздействию со стороны образа христианского святого, в том числе ономастическому, в определенной степени соотносится с образом того индоевропейского Верховного бога, две стороны образа которого отражены, например, во взаимосвязанных и взаимодополняемых образах Варуны и Митры, последний из которых, как и св. Николай, покровительствовал договору.

Именно поэтому образ Nikkola и сочетает в себе черты образов Wacilla и Wasgergi. Мы вполне можем понять, почему Nikkola называется xwarz Nikkola. Столь же оправдано и обозначение Wastyrdžy/Wasgergi как xwarz Wasgergi, hors Wastyrdžy. Именно данным положением продиктована, в частности, и «близнечность» образов Nikkola и Wasgergi, которая выходя за рамки

собственно дигорских представлений, находит свое продолжение и отголосок, в частности, в представлениях о связи образа Wastyrdžy с покровительством на море у осетин-иронцев.

Сама Зеленчукская надпись, в которой в совокупности апеллируется к христианским силам в лице Бога, Иисуса Христа, с учетом христианской концепции о триединстве, и святого Николая, может отражать тот скрытый сегодня от нас процесс в изменениях идеологических представлений у аланов, когда в ходе христианизации вступили во взаимодействие традиционные представления о Верховном боге и новые представления о Боге христианской традиции. Следует оговориться, что в данном случае мы, мягко говоря, более чем далеки от мысли, которую отстаивают некоторые современные авторы, о дохристианском зороастризме или монотеизме аланов. Попытки объявления дохристианского монотеизма аланов входят в прямое противоречие с всегда свойственным всем индоевропейским религиям политеизму и отсутствию ярко выраженной тенденции к монотеизму [Кузнецов Б. И. 2001. С. 134]. Из дохристианского прошлого аланов, видимо, происходит и само определение Хисав/Хвусав, что видно по упоминавшемуся определению Nikkola как хисав, определению Хисæwtti Хисав/Хвусæwtty Хвусав – «Бог Богов». Скорее, в Хисав мы имеем отражение тех процессов, которые фиксировались, например, у тюркских народов, когда внедрение монотеизма в их верования использовало собственно тюркские теонимы [Кызласов И. Л. 2001].

Прежде чем продолжить нашу работу, представляется необходимым подвести общий историографический итог дешифровки надписи, с позиции его верификации, учитывая методологический принцип, получивший название «Бритвы (лезвия) Оккама». Данный принцип заключается в том, что если какое-то явление можно с одинаковым результатом объяснить, например, двумя способами, то, при прочих равных условиях, верным оказывается более простой способ. В более сложном способе представлены дополнительные и, соответственно, избыточные для объяснения сущности, т. е. отсутствуют объективные основания для предпочтения такого способа.

Другими словами, принцип «Бритвы Оккама» полагает, что если существует несколько объяснений, логически непротиворечиво и одинаково хорошо объясняющих какое-то явление, то верным, или предпочтительным, признается самый простой из них. Отдание предпочтения, учитывающее весь известный корпус объяснений, возможно только в том случае, если более простое объяснение определяет явление не менее точно и исчерпывающе, чем более сложное объяснение. Само простое объяснение демонстрирует отсутствие объективных оснований для предпочтения более сложного объяснения, вводящего в рассуждение дополнительные компоненты без достаточных оснований. Но если такие основания есть, и они не представлены в простом объяснении, то последнее уже не является точным и исчерпывающим, т. е. отсутствуют условия для применения принципа.

Принцип «Бритвы Оккама» является презумпцией, т. е. основанным на практике суждением. Он не отвергает более сложные способы объяснения, но рекомендует, задает порядок рассмотрения, исследования различных гипотез, который в большинстве случаев является оптимальным. Простое объяснение признается верным до той поры, пока не предоставлены факты, явно ему противоречащие. Появление таких фактов вполне допустимо. Но они, составляя противоречие презумпции, требуют должного обоснования, поскольку такое противоречие изначально представляется гораздо менее вероятным.

Наиболее простое, учитывающее все признаки памятника, объяснение характера, структуры и содержания Зеленчукской надписи было изначально представлено В. Ф. Миллером и закреплено В. И. Абаевым. Данный памятник является христианской эпитафией и имеет соответствующую структуру. Данная структура отражена и в ее двуязычии, определяющей специфику всей надписи. Собственно христианская составляющая надписи выполнена на византийско-греческом языке, т. е. на официальном языке христианской церкви. Таким образом, языковое разделение дополнительно закрепляет и указывает на специфику семантики частей: византийско-греческий язык –

для фиксации христианских образов и формул, аланский язык – для поименной фиксации людей и места их погребения.

Византийско-греческая часть надписи разделена на две части, которые помещены в самом начале и в самом конце надписи. Между данными частями, разделяя их, помещается часть надписи на аланском языке с использованием той же греческой графики. Она посвящена самим умершим. Аланская часть надписи объединяет две составляющие – поименное перечисление умерших и определение принадлежности им самого памятника (погребения). С одной стороны, она – обычная составляющая христианских надгробных памятников, с другой стороны, она в таком коротком выражении, не выходя за рамки церковных регламентаций, допускает проявление иной специфики, в данном случае, исходя из ее языковой основы, аланской.

Наиболее аргументированное и простое объяснение первой составляющей аланской части надписи было дано В. И. Абаевым, ретроспективно спроецировавшего на порядок поименного перечисления умерших данные по осетинской этнографии. Заданная уже первой строкой этой части надписи форма $\Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta$ форт, с учетом последующих форм, указывала, что персональное представление каждого умершего передавалось порядком «отчество (имя в род п. + «сын» в им. п.) – имя (в им. п.)». После указания имени покойного, данное имя сразу представлялось как отчество следующего покойного, последовательно отражая семейный характер погребения представителей разных поколений по мужской линии. Логика такой структуры позволяла уточнить формы имен и закономерности в передаче фонетических явлений аланского языка греческой графикой.

Объяснение В. Ф. Миллера-В. И. Абаева не решало частных моментов в дешифровке всей надписи, которые, что важно и необходимо отметить, нисколько не противоречили ее общей дешифровке. Без точной дешифровки оставалась строка 3, позволявшая, с учетом выявленного двуязычия надписи, предполагать наличие двух разных лексем, но семантически близких друг другу. Не находилось этимологического решения для $\Sigma\alpha\chi\eta\rho$, что не препятствовало его рассмотрению в составе отчества. Ука-

вание на «памятник» в конце аланской части надписи не учитывало и другое значение использовавшейся лексемы – «могила». Оно также несло в себе противоречие с ее последней гласной на фоне выявленной ее буквенной фиксации в предшествующей части текста. Без точной и непротиворечивой дешифровки оставалась заключительная, полагавшаяся византийско-греческая часть надписи.

Введение в научный оборот рисунка надписи Д. М. Струкова, т. е. новых для исследователей данных, позволило Л. Згусте надежно определить лексему строки 3 – ὁ ἄγι(ος) и предложить христианскую литургическую формулу заключительной части надписи – ο Θ(ε)ος ν(ικα). Данные решения, в конечном итоге, развивали одни из предположений В. Ф. Миллера, следуя логике строгого языкового и семантического единства собственно христианских частей надписи. В то же время они устанавливали наличие не исправленных ошибок в первой христианской части надписи в ὁ ἄγι(ος) и Ν(ι/η)κόλαος, для второго из которых, как мы теперь знаем, есть соответствующие параллельные примеры.

Дешифровка окончания аланской части надписи была логично и обоснованно скорректирована наблюдениями А. Х. Бязырова, Дж. Чёнга и Т. Т. Камболова, определивших для τζηρθε значение не «надгробный памятник», а «могила». Данная корректировка соответствует и семантике христианских эпитафий, в которых отмечалось именно упокоевание, погребение, а не памятник, устанавливаемый над ним. Вместе с тем, решение Т. Т. Камболова, переводящее лексему из формы единственного числа в форму множественного числа, представляется гипотетическим, а, соответственно, излишним, т. к. не имеет обоснованного подтверждения в каких-либо новых данных при сохранении прежних, включающих противоречие с последней гласной ε в τζηρθε.

Это замечание касается и объяснений Л. Згусты и Р. Кима. Данное противоречие могло бы сниматься в рамках предложения Г. Ф. Турчанинова и Р. Бильмайера о том, что ε передает æj. Но данное предложение полагает в æj отдельную лексему, чему

препятствует наблюдение В. И. Абаева о строгой передаче в аланской части надписи звука *t* на исходе слова через *t*, внутри слова – через *θ*.

Если решения частных проблем в дешифровке В. И. Абаева носили косвенный характер по отношению ко всей надписи, полагая возможность их автономного решения или даже их «консервации», как в случае с *Σαχηρ*, то одна проблема была критической по отношению к ней. Чтобы действовала дешифровка В. И. Абаева в части персональных представлений погребенных, необходимо было решить вопрос с содержанием строк 8-9. Но в силу их состояния, они оставались не дешифрованными В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым. Важность данного момента наглядно демонстрировалась справедливым замечанием самого В. И. Абаева, что, оставаясь без точной дешифровки, предложение В. Ф. Миллера полагать в строках 8-9 наличие имени, стоящего в родительном падеже, привело к сбою в цепочке персональных представлений погребенных от порядка «отчество – имя» к обратному порядку «имя – отчество». Данный сбой представляется неприемлемым для единой и достаточно короткой части надписи.

Чтобы решить такую ситуацию, но вновь без точной дешифровки, В. И. Абаев предложил полагать последовательное наличие в строках 8-9 некоего имени покойного, а затем его же в качестве первой части отчества следующего покойного (отца и сына). В таком предложении единственной объективной опорой в самой надписи было положение об очень коротком имени, в котором первой буквой могла бы быть только буква *X*, а последней буквой – только буква *p*. Без данного гипотетического предположения вся схема дешифровки В. И. Абаева не работала. Однако легко убедиться, что нет никакой возможности представить в строках 8-9 дважды повторяющееся имя «*X...p*». Таким образом, строки 8-9 являются особой «точкой напряжения», которая разрывает простую и логичную схему в представлении покойных. Фактически данная схема, действительно, не работает.

В такой ситуации вполне понятна попытка Т. Т. Камболова, используя работу Г. З. Чеджемова, представить в строках 8-9

«Хорс Хорсн», т. е. ликвидировать обозначенный разрыв, препятствующий схеме дешифровки В. И. Абаева. Однако «решение» Г. З. Чеджемова явно искусственное, а его элементы имеют «прототипы» в «решениях» некоторых предшественников, не имеющих ничего общего с научным анализом. Оно вступает в непреодолимое противоречие с самой надписью, что, в частности, логично отражает квазинаучный характер тех способов, которыми добывается такое «прочтение». Данное «прочтение», безусловно, должно быть отвергнуто.

Обозначенное наличие в строках 8-9 разрыва – «точки напряжения», которая не преодолевалась в рамках предложенных простых решений, объективно потребовало предоставление иных, более сложных объяснений. Эти сложные объяснения имели два пути реализации. Первый, который можно условно назвать «радикальным», для ликвидации разрыва обосновывал наличие в аланском тексте новой, семантически отдельной части, т. е. выделял в семантически единую и отдельную часть строки 6-9. Второй путь, который условно можно назвать «умеренным», оставлял строки 8-9 в рамках последовательного представления покойных, но требовал нового объяснения, т. к. разрывал линию их семейной приемственности. Другими словами, здесь новые объяснения сопряжены с новым переформатированием представления покойных.

Г. Ф. Турчанинов, во втором, окончательном варианте, предложил чтение «Доблестных осетин скорбная могила: Истура...». Но введение в надпись такой новой части не только не могло быть подтверждено известными материалами христианских эпитафий, но и содержало внутри себя многие непреодолимые противоречия. Таким образом, предложение исследователя можно считать излишним и отклонить. Вместе с тем, определение в начале строки 9 лигатуры от и буквы о (на самом деле лигатура ото – А. Т.), позволило Г. Ф. Турчанинову выявить содержащееся в строке имя, которое имеет надежную этимологию, что закономерно нашло признание со стороны профессиональных исследователей. Поэтому неудачная попытка Г. Ф. Турчанинова имела и положительный для последующих исследований

результат, укрепляя позицию чтения В. Ф. Миллера-В. И. Абаева и сокращая «точку напряжения» до строки 8.

Другое предположение было сделано Р. Бильмайером. Как вариант, исследователь рассматривал содержание строк 8-9 как приложение, которое уточняет или добавляет титул к имени – $\text{ħ}\text{w}\text{b}\text{ } \eta \text{ } \text{ot}\text{or}\eta$. Данное толкование сопоставимо с первым предположением Г. Ф. Турчанинова. Вместе с тем, оно, вводя новую часть надписи, также не имеет практического подтверждения и содержит внутри себя не доказательства, а предположение о наличии некоего существительного $\text{ħ}\text{w}\text{b}$ без определения его значения. Кроме того, как справедливо отметил Л. Згуста, даже при таком прочтении последующая структура текста указывает для данного предложения иные формы или порядок слов. Поэтому предложение Р. Бильмайера также может рассматриваться как излишнее и подлежит отклонению.

Своеобразным продолжением данного подхода стало предложение А. Алемани, который отдельно от остальной части надписи предлагал чтение в строках 11-17 титулов, ассоциирующихся с царствованием. Мы вновь сталкиваемся с отсутствием практического обоснования возможности наличия такой части в христианской эпитафии. Данное толкование вновь вызывает к своему содержанию многие критические замечания.

Оно, как и прежние примеры, вводит новую часть, которая не только несколько не подвигает нас по пути дешифровки Зеленчукской надписи как целостного памятника, но и вводит в нее дополнительные, не имеющие надежного решения, противоречия, которых был лишен подход В. Ф. Миллера-В. И. Абаева. Поэтому предложение А. Алемани также является излишним и подлежит отклонению. С другой стороны, попытка А. Алемани является дополнительным практическим подтверждением наличия указанной «точки напряжения» в надписи и демонстрирует тупиковый характер решений, пытающихся обойти данную проблему. Но показательным является тот факт, что указанный подход исследователя, в конечном итоге, привел и к тому изменению в линии представления покойных (строки 19-20), который стал результатом для некоторых исследователей «умеренного» направления.

Наконец, Л. И. Лавров, отмечая подход своих предшественников рассматривать основной текст надписи как начинающийся с перечня личных имен, обратил внимание на то, что в эпитафиях личным именам на христианских памятниках средневекового Кавказа обычно предшествуют вводные слова, вроде «Помяни, господи...». Поэтому Л. И. Лавров допускал, что в строках 6-9 Зеленчукской надписи могли содержаться не имена, а какие-то вводные слова, предшествовавшие этим именам. Само предложение Л. И. Лаврова ограничилось только попыткой этимологического решения для Σαχηρ, которую нельзя признать удачной.

Но общий подход Л. И. Лаврова представляется вполне допустимым. Он, в отличие от выше указанных подходов, основывается на реальной источниковой базе. Тем самым, он вводит проблему усложнения объяснения за счет выделения новой части надписи в круг тех же известных христианских памятников, позволяющих верифицировать ход дешифровки. К сожалению, никто из исследователей не обратил внимания на данную сторону предложения Л. И. Лаврова. Вместе с тем, указание ученого на части христианских вокативов надписей, действительно, оставляют место для их рассмотрения в Зеленчукской надписи. С другой стороны, оно вновь практически указывает на необходимость рассмотрения строки 8 в составе семантически целостной части.

Первой попыткой в рамках «умеренного» направления стало предложение Б. А. Алборова. Автор, изменяя порядок следования представления покойных, «дешифровал» в надписи их имена и отчества, что, в конечном итоге, привело к утверждению о погребении нескольких человек, для которых не улавливалось видимых признаков родства. Работа строилась на сомнительных положениях о порядке «имя-отчество», за счет произвольного вычленения из первой греческой части надписи строк под начало аланской части надписи, произвольных и ничем не подтверждаемых этнических определений, этимологий и форм имен, которые вступали в противоречие с их буквенной передачей, игнорирования замечания В. И. Абаева о форме

групповой флексии и т. д. Такой новый подход подвигал не к новому объяснению, а к новым проблемам. Построения Б. А. Алборова вызывают к себе слишком много критических замечаний, которых лишено более простое объяснение В. Ф. Миллера-В. И. Абаева, что полагает необходимость отклонить его в целом.

Прочтение Зеленчукской надписи А. Х. Бязыровым следовало в основной части прочтению В. Ф. Миллера-В. И. Абаева. Оно включало в себя и указанную «точку напряжения», что, в целом, и следует соответственно оценивать в рамках выше указанной дешифровки В. Ф. Миллера-В. И. Абаева (то же относится к упоминавшейся попытке Т. Т. Камболова). Дополнительным вариантом для последней служит признание А. Х. Бязыровым наличия в конце аланской части надписи имени Лакав, что, в отличие от предложения В. И. Абаева, имеет основание в осетинской ономастике.

Вместе с тем, исследователь через свою трактовку окончания надписи полагает, что погребение принадлежит одному носителю указанного имени, чьи предки перечисляются в надписи. Такая трактовка, повторенная Г. З. Чеджемовым, к сожалению, не подтверждается примерами христианских эпитафий. Но приводимые надгробные надписи дигорцев-мусульман на арабском языке, хотя и не могут быть в части именных представлений покойного полностью сопоставлены с интересующей нас надписью, открывают возможности для некоторой корректировки ее содержания. С другой стороны, показательно, что изменение восприятия окончания аланской части надписи имеет параллель, например, в лице трактовки А. Алемани, также предложенной в обход «точки напряжения» надписи.

J. Gippert и S. Gippert-Fritz предложили рассматривать в строках 8-9 единое имя $\text{Xo}\beta\text{o}\zeta\text{o}\eta\text{t}\text{o}\rho$ как имя сына человека, носившего имя $\text{C}\alpha\chi\eta\rho$. Для такой трактовки им пришлось гипотетически предполагать, что в первый раз оно как имя (в им. п.) было пропущенно по ошибке резчика, т. к. сразу за ним оно следовало в качестве отчества (в род. п.). Справедливым представляется сомнение Л. Згусты в возможности пропуска такого длинного имени. J. Gippert и S. Gippert-Fritz также предлагали считать Лакав

именем. Его форму род. п. Λακωνη предлагалось относить к групповой флексии. Но следует повторить, что, как отмечал В. И. Абаев, для признания групповой флексии необходимо наличие союза æта перед последним объектом перечисления. Его нет, а в предложении J. Gippert и S. Gippert-Fritz он фигурирует как полагаемый по смыслу, но не нанесенный в надписи. Сложно по факту отсутствия полагать присутствие. Предложение исследователей следует отклонить.

Л. Згуста, четко следуя содержанию знаков, последовательно привел возможные варианты наличия имен в строках 8-9, точнее имен (в им. п.) и первых частей отчеств (имя в род. п.): Χοβ Σητορη, Χοβς Ноторη, Χοβ Σητερη, Χοβς Нотерη, Χο Βοητορη, Χο Βοητερη. Последние два варианта, основанные на предложении Б. А. Алборова, не имеют должного этимологического и фонетического обоснования. Из оставшихся вариантов исследователь объективно останавливается на Χοβς Ноторη, т. к. второе имя имеет надежное этимологическое решение и поддерживается известными ономастическими примерами. В то же время первое имя Χοβς лишено этимологической поддержки. В данном случае речь не идет о вопросе аланского (иранского) происхождения имени, т. к. имена не являются бесспорным показателем этнической принадлежности их носителей, тем более в таком полиэтничном с древности регионе, как Северный Кавказ. Речь идет о том, что нет вообще никаких признаков его возможной этимологизации.

В дешифровке Л. Згусты выстраивается цепочка представлений умерших, которая в «точке напряжения» обрывает возможность установления их семейной связи, что полагалось дешифровкой В. Ф. Миллера-В. И. Абаева. Произведенный Л. Згустой анализ возможного содержания строк 8-9 достаточно наглядно показывает, что, строго следуя заданному этой дешифровкой направлению, невозможно получить ее подтверждения. Л. Згуста, учитывая возможные варианты прочтения имен в последующих строках и постулируя отсутствие семейной связи между другими погребенными, в конечном итоге, объективно останавливается на решении В. И. Абаева.

Но он полагает, что все четверо погребенных, по логике его дешифровки, не могли принадлежать к одной семье, а могли быть, например, представителями одного рода. Но рассуждения о такой возможности, как и рассуждения о причинах появления такого коллективного захоронения, по понятным причинам, носят условный характер. Однако в дешифровке Л. Згусты три последних погребенных оказываются в такой семейной связи (дед-отец-внук), и только первый, Ховс, сын Сахира, отделен от нее. Таким образом, объяснение В. Ф. Миллера-В. И. Абаева оказывается более простым, следовательно, более предпочтительным, чем новое объяснение Л. Згусты.

Следует отметить, что мы сознательно не касались вопроса второй части аланской надписи, относящейся к определению принадлежности погребенным самого памятника (строки 19-21). Как таковая, она обладает некоторой «автономией» внутри аланской части надписи по отношению к предшествующей части. Такое положение подтверждается на практике тем, что исследователи, в зависимости от своих дешифровок, легко изменяли ее конкретное восприятие. Поэтому в рамках обоих направлений новых подходов данный вопрос не имеет принципиального значения и может зависеть в дальнейшем от конкретного решения.

Подведем итог. Примеры «радикального» направления, пытавшиеся обосновать наличие конкретной для них отдельной части надписи в строках 6-9, должны быть отклонены. Они наглядно продемонстрировали бесперспективность подхода в рамках конкретных примеров, в том числе, по проблеме «точки напряжения» надписи. Исключение составляет предложение Л. И. Лаврова, которое основывалось на действительных источниках, но не было практически проработано автором. Должны быть отклонены и конкретные примеры «умеренного» подхода, также представляющиеся бесперспективными. Примеры новых объяснений обоих направлений, сопряженные с попытками выделения новых частей в структуре надписи или в новом представлении покойных, слишком уязвимы для критики и противоречивы, по сравнению с объяснением

В. В. Миллера-В.И. Абаева, которое в таком положении остается наиболее приемлемым.

В данной ситуации наиболее объективным следует считать попытку продолжения исследования в рамках направления В. Ф. Миллера–В. И. Абаева. Соответственно, оно должно начинаться с решения этимологии $\Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta$ в порядке «отчество–имя». Данное решение изначально не определяет условий для дальнейшей дешифровки, т. к. носит частный характер по отношению к продолжению надписи. Дальнейшее же исследование в данном направлении неминуемо ведет к проблеме «точки напряжения» (строка 8).

Дешифровка строк 6-7, в которых представлено $\Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta$ форт, как мы видели, вызвала затруднение у исследователей. Если быть точнее, то затруднение относится к ее первой части – $\Sigma\alpha\chi\eta\rho\eta$. В. Ф. Миллер и В. И. Абаев рассматривали его как отчество (его первая часть – имя в род. п.), но не касались этимологической стороны вопроса. Г. Ф. Турчанинов усмотрел в нем два отдельных слова – осет. $saq(q)$ – «доблестный» и $\eta\rho\eta$ – «иров». Одним из возможных вариантов решения Р. Бильмайер посчитал рассмотрение имени как составного из дигор. sax – «сильный», «интенсивный», «обильный» и Ir – «осетин». Л. Згуста посчитал легко принимаемым такое предложение [Zgusta L. 1987. P. 32].

Но, по уже указывавшимся причинам, решения Г. Ф. Турчанинова и Р. Бильмайера, имеющие сходение в трактовке части $\eta\rho\eta$ через этническое определение, должны быть закономерно отклонены. Также должно быть отклонено и решение Л. И. Лаврова, предполагавшего заимствование аланами арабского $sāhib$ – «владелец», «обладатель». Очень сомнительным представляется предложенное Б. Б. Бигулаевым в качестве параллели осет. $s'æxil$ ($C'æxil$, $C'æxiltæ$) [Бигулаев Б. Б. 1952. С. 14]. Возможно, «подсказкой» для такого решения, с учетом одновременного упоминания в Зеленчукской надписи $Saxir$ и $Væġatær$, послужила осетинская легенда, в которой $C'æxil$ является одним из сыновей $Os-Væġatur'a$. Без объяснения осталось и давнее признание А. Кодзаевым данного имени осетинским по происхождению [Кодзаев А. 1903. С. 101].

Другим легко принимаемым решением Л. Згуста посчитал второе предложение Р. Бильмайера. Исследователь не исключал возможности и сравнения со старогрузинским родовым именем *Saṛiri*, в котором *ṛir* означает «дорогой», «драгоценный». Предложение Р. Бильмайера корреспондируется с другим, недавно высказанным предложением, имеющим обратную направленность и иную этимологическую основу.

Ю. А. Дзицойты обратил внимание на осетинские топоним *Saḡiraty adag* – «Овраг, принадлежащий Сагириным», и комоним *Saḡrat/Saḡiraty k'wyldyn* – «Саграевы»/«Холм Саграевых» в Лехурском ущелье Ленингорского района и в Чеселтском ущелье Джавского района Южной Осетии. В Северной Осетии также отмечается топоним *Saḡuru xwut* – «Сагира пашня». В них выделяется осетинское фамильное имя *Saḡiratae*, которое представлено и в грузинской форме *Sagirashvili* и в хевсурском имени *Saḡir*. Данные наблюдения и сопоставляются с именем $\Sigma\alpha\eta\rho$ Зеленчукской надписи, полагая для осетинского имени возможную основу в араб. *sāhir* – «чародей», «колдун» [Дзицойты Ю. А. 2013. С. 35-37; Цховребова З. Д., Дзицойты Ю. А. 2013. С. 379].

Оба предложения могут быть допустимыми, если исчерпан потенциал для собственно аланской (иранской) этимологии. Кроме того, полагаемое наличие в приведенных примерах *ḡ* или *g* находит препятствие в полагаемой их передаче в самой Зеленчукской надписи через *K*, тогда как *X*, действительно представленное в $\Sigma\alpha\eta\rho$, надежно определяется на примере строки 2. Возможно, правильное решение лежит в русле первого предложения Р. Бильмайера, привлекавшего дигор. *sax* – «сильный», «интенсивный», «обильный», «пристально», «напряженно», «сильно» [Абаев В. И. 1979. С. 48; Таказов Ф. М. 2003. С. 447; Цаболов Р. Л. 2001. С. 309-310]. Особенностью дигор. *sax* является его несамостоятельное положение, а использование в сочетаниях. Оно служит также частью составных лексем, например, определяющих некоторые природные явления, такие как «гроза», «сильный дождь», «ливень», причем, как в дигор. *saxwagun*, *saxward*, *saxk'ævda*, так и в ирон. *saxaward*, *saxk'ævda*. Следует обратить внимание на дигор. *sax wagun* – «сильный дождь» при

наличии единой лексемы *saxwarun* – «гроза; ливень; сильный (проливной) дождь». Среди таких определений природных явлений обычно и дигор. *sax xor* – «яркое солнце» [Таказов Ф. М. 2003. С. 447; Исаев М. И. 1966. С. 39]. Данное устойчивое сочетание, выражающее интенсивное проявление силы солнца, фиксируется фольклорными текстами [ИАС. 2007а. Ф. 394, 396].

Другой вариант последнего определения был задокументирован 2 ноября 1927 г. в образце плача (причитания) по покойному (*ǰarængæ*) [Толасов Г. 1927-1929. Л. 62], который был позднее опубликован [ИАС. 1961. Ф. 390; ИАС. 2007. Ф. 358]. Однако он долго оставался незамеченным специалистами, в том числе занимавшимися дешифровкой Зеленчукской надписи, пока недавно не нашел своей фиксации в «Дигорско-русском словаре» Ф. М. Таказова – *saxir xor* – «яркое солнце», в котором для *saxir* логично определялось значение «яркий», «сверкающий» [Таказов Ф. М. 2003. С. 447]. Учитывая структуру выше приведенных осетинских лексем и само сочетание *sax xor*, *saxir xor* – «яркое солнце», для *saxir* в его второй части *ir*, возможно, следует привлечь внимание к вахан. (*y*)*ir* (<*h*ūr) – «солнце» [Пахалина Т. Н. 1975. С. 300-301; 1983. С. 18, 51, 54; Стеблин-Каменский И. М. 1999. С. 426; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. С. 266; 2007. С. 440]. Именно к вахан. (*y*)*ir* и дард. *uor* – «солнце», например, восходят имена божеств западнобурятского пантеона [Топоров В. Н. 1980. С. 150; 1981а. С. 45; Скрынникова Т. Д. 2008. С. 84].

Таким образом, для прочтения первого слова строк 6-7 *Σαχηρ* мы имеем надежно задокументированный дигорский эквивалент в лице *saxir*. Дальнейшая дешифровки в рамках направления В. Ф. Миллера-В. И. Абаева ведет нас к результату, полученному Л. Згустой, включающему соответствующие замечания. В принципе, данная ситуация может быть «законсервирована», т. к. научно она более приемлема, чем поиск новых объяснений, конкретные примеры которых представляются излишними. Продолжение исследования может быть мотивировано только выявлением некоего нового факта. С данных позиций новым фактом могло бы служить выявление самого дигор. *saxir*.

Его, как и дигор. *sax*, новым для дешифровки признаком могло бы стать несамостоятельное значение, а использование в сочетаниях. Если применять данный признак к дешифровке Зеленчукской надписи, то возникает явное затруднение. Σαχηρη (saxiri) представлено в форме родительного падежа, что подразумевает аналогичную форму для следующей за ней лексемы. Однако следующая лексема φουρτ, несомненно, стоит в именительном падеже. При таком положении мы вступаем в изначальное противоречие с направлением дешифровки В. Ф. Миллера-В. И. Абаева, т. е. Σαχηρη φουρτ не может восприниматься как отчество. Однако следует оговориться, что данное положение не является категорическим отрицанием того, что Saxir в период составления Зеленчукской надписи не могло использоваться в качестве личного имени, тем более, что его этимология усложнена по сравнению с дигор. *sax*.

Если все же следовать отмеченному признаку, хотя бы только с позиций попытки иного практического опыта дешифровки, то ситуация требует нового разъяснения. Она выходит за рамки «умеренного» направления и ведет к «радикальному» направлению, опыт которого не дал позитивных результатов. Единственным из всех приведенных примеров «радикального» направления, исходившим из данных самих христианских памятников, но не получившим практической реализации, остается подход Л. И. Лаврова, который обратил внимание на то, что в эпитафиях личным именам на христианских памятниках средневекового Кавказа обычно предшествуют вводные слова, вроде «Помяни, господи...». Но Σαχηρη φουρτ, несомненно, открывает начало аланской части надписи, а аланские христианские invocации нам не известны.

Остается обратиться к собственно византийско-греческим христианским invocациям, в первую очередь, территориально и хронологически близким Зеленчукской надписи. Среди них представлена такая invocация, как Κύριε βοήθη – «Господи, помоги» (в Септуагинте κύριος передает имя Иегова – «Сущий»). Она обычно представлена сокращениями Κεβο, Κεβοη. Известна и invocация Χριστέ βοήθη – «Христос, помоги», также представ-

ленная в сокращении Χεβρο. На граффито Михаила с Анакопийской горы сокращение имеет форму Κεβ, которая имеет и другую аналогию [Панченко Б. А. 1908. С. 149]. Среди упоминавшихся граффити из Сентинского храма представлен один интересный пример, в котором авторы публикации отметили добавление уникальной в христианской эпиграфике формулы-обращения – Ούρανοῦ κ(ύρι)ε βοίθι – «Небесный Господи, помоги» [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 247, 252, III.3.C.d]. Подобное определение известно и в кириллических надписях [Срезневский И. И. 1885. С. 106]. Таким образом, мы имеем дело с обращением к христианскому Богу, представленному как Ούρανοῦ κύριος – «Неба (Небесного) Господь». В надписи из храма Эчмиадзина представлена инвокация Ἰ(ησοῦ)[ς] ἦ(ο)ς [θ]ε(οῦ)... βοή[θ]ι [Помяловский И. В. 1881. С. 74, № 142] – «Иисус, сын бога... помоги». Известна и формула Ὁ κ(ύρι)ε Ἰ(ησοῦ)ς [Латышев В. 1899а. С. 338].

Приведенные образцы инвокаций связаны с образами Иисуса Христа, как сына Бога, и самого Бога, который имел различные наименования, например, Всемогущий, Всевышний и т. д. В надписи 929 г. на плите из храма Св. Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) представлено «Боже Небесный, Крепкий и Безсмертный», в котором следует и обращение Χ(ρι)στ)ε ὁ θε(ός)ς [Виноградов А. Ю. 2011. С. 212-213]. В греческом граффито из храма Святой Софии в Киеве также представлено обращение Χ(ρι)στ)ε ὁ θε(ε)ε [Евдокимова А. А. 2007. С. 78]. В строительной надписи херсаков (Херсон) VIII-X вв. за помощью обращаются к Богу [Виноградов А. Ю. 2011а. рис. 4]. Известна и формула Κ(ύρι)ε ὁ θε(ός)ς[ς...] [Панченко Б. А. 1908. С. 117]. Объединение данных образов представлено, например, в книге 1376 г., написанной в Матрахе (Таманский полуостров) – «Сыну всевластного господину Христу...» [Каштанов Д. В. 2013. С. 195-196]. Интересно, что в дигорской молитве Богу [ПНТО. 1992. С. 61] он определяется как qawrægin – «сильный», «мощный».

Если проецировать приведенные примеры на Зеленчукскую надпись, то в Σαχηρη φουρτ могло бы подразумеваться определение уже упоминавшегося в строках 1-2 Иисуса Христа, как сына Бога. Образ Бога тогда передается в слове Σαχηρη в каче-

стве его наименования, отражающего небесное, мощное световое начало. С учетом некоторой условности, строки 6-7 могли фиксировать передачу взятой за основу христианской формулы на аланском языке – «Солнцемошного (Бога) сын».

Фиксация же проявления сакрального светового начала, например, представлено в сочетаниях на эпитафических памятниках, использующих греч. φως, φωτος – «свет» в приложении к образу Иисуса Христа – Ἰ(ησοῦ)ς Φ(ως), Φ(ως) Χ(ριστοῦ) [Помяловский И. В. 1881. С. 20, № 39, 41, № 65, 53, № 102] (сравни манихейское определение главы церкви и ее небесного прообраза – Иисус-Сияние как одного из проявлений самого Отца Света). В христианских текстах использовался и специальный знак «солнца» в обозначениях Бога, т. к. «солнцем справедливости называется Бог в божественных писаниях» [Гранстрем Е. Э. 1968. С. 241]. Солнце, олицетворявшее в христианской символике мужское начало – символ Христа, являлось и символом Богоматери, скорее, символом единства Христа и Богоматери [Никитенко Н. Н., Корниенко В. В. 2010. С. 176-177]. Видимо, остается вспомнить и об образе Nikkola.

Само сочетание Σαχηρη φουрт, написанное на аланском языке, дает некоторую возможность предположить, что данное христианское определение могло иметь дополнительное приращение в его восприятии со стороны самих христианизировавшихся аланов. К такому предположению подталкивает исходное для дешифровки устойчивое сочетание sax/saxir хор, а также этнографически зафиксированная как частая в прошлом в устах осетин клятва именем «синего Бога», т. е. «синим Небом». В данном случае Небо непосредственно ассоциируется с самим верховным Богом (сравни упоминавшееся Ούρανοῦ κ(ύρι)ε βοίθι, а также проявление проникновения монотеистических религий – манихейство – в рунических тюркских надписях, в которых Бог определяется как «Небесный», «Всемогущий» [Кызласов И. Л. 2001. С. 243-270]).

Судя по аланским маргиналиям, средневековое обозначение христианского Бога было хутζаου, которое наследуют современные дигор. хисав, ирон. хвусау – «бог». Использо-

ние в Зеленчукской надписи *saxiri*, учитывая несамостоятельное значение дигор. *saxir*, а использование его в сочетании, позволяет осторожно предположить, что в Зеленчукской надписи подразумевалось *Saxiri Xucawi furt*, в котором опускалось *Xucawi* – *Saxiri* (*Xucawi*) *furt*. Но *Saxiri* своим значением удачно акцентировало внимание на данный пропуск, определяя соответствующее восприятие для читающего надпись. Возможно, такой пропуск представлен, например, и в упоминавшемся византийско-греческом «Сыну всевластного господину Христу...».

Исходя из приведенных наблюдений, можно предположить, что в $\Sigma\chi\eta\rho$ представлено не личное имя, как полагали исследователи, а аланский эквивалент определения Бога через образ небесного, мощного светового начала, Бога как создателя света. Он одновременно мог поддерживаться и аланскими традиционными представлениями о высшей небесной благодати как эманации солнца (сравни [Аксенов В. С. 2002. С. 140-142; но: Флеров В. С. 2014. С. 279-280]). Данному определению могли способствовать и такие определения образа Иисуса Христа как «свет миру», «солнце правды». Таким образом, четырежды представленное слово *фурт* – «сын» в Зеленчукской надписи в первый раз могло бы относиться не к упоминавшимся в надписи людям, как полагали исследователи, а к Иисусу Христу как сыну Бога.

Предполагаемый подход к дешифровке строк 6-7, как отмечалось, соотносится с вводной частью христианских памятников, в которой обращались к Богу – «помоги» или «помяни», «спаси» (таких-то или души таких-то). Именно такое обращение представлено в упоминавшихся формулах-обращениях $\text{O}\acute{\upsilon}\rho\alpha\nu\omicron\upsilon\ \kappa(\acute{\upsilon}\rho\iota)\ \epsilon\ \beta\omicron\iota\theta\iota$ – «Небесный Господи, помоги», $\text{I}(\eta\sigma\omicron\upsilon)[\zeta]\ \eta(\omicron)\zeta\ [\theta]\epsilon(\omicron\upsilon)$... $\beta\omicron\eta[\theta]\iota$ – «Иисус, сын бога... помоги». Однако ожидаемое в таком случае на фоне строк 6-7 соответствующее продолжение формулы-обращения в строке 8 на аланском языке, насколько можно судить, не находит своего основания.

Фактически все исследователи, исходя из аланского характера строк 6-7, полагали, что они открывают собственно аланскую часть надписи, которая надежно подтверждалась строка-

ми 9-21. Поэтому они логично предполагали и в строке 8 соответствующее содержание. Но показательно, что строка 8 при таком подходе не давала никаких надежных оснований для своей дешифровки.

В данном положении остается искать иные подходы к дешифровке строки 8. В частности, вернуться и продолжить наблюдения за фиксацией христианскими эпитафическими памятниками продолжения формулы-обращения на византийско-греческом языке. Среди упоминавшихся граффити из Сентинского храма неоднократно встречаются подобные надписи, которые имеют, по справедливому заключению исследователей, «... инвокативный характер: призываются Христос и святые» [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 246]. Данные обращения стоят в начале надписей, означая призыв «Господи, помоги», – $K(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon, \beta\omicron(\acute{\eta}\theta\eta), K(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon, \beta\omicron(\acute{\eta}\theta\epsilon\iota)$ [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 246, III.3.B.b, III.3.C.a]. В надгробной надписи более раннего периода, второй половины IV-V вв., из Фанагории (Тамань) представлено несколько необычное сокращение – $K\acute{\upsilon}(\rho\iota\epsilon), \beta\omicron\acute{\eta}\theta\iota$, которое, как указывают исследователи, изредка встречается в христианской эпитафике, причем, именно в данной формуле [Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2012. С. 52]. Отмечены и формы сокращения $K\acute{\upsilon}\rho(i)\epsilon, K\acute{\upsilon}(\rho\iota)\epsilon$ [Булгакова В. И. 2004. С. 155; Чхаидзе В. Н. 2007. С. 159]. Заметим, что известны и формы сокращений $\Theta\epsilon - \Theta\epsilon(O\Sigma)$ («Бог») и Xp , с надстрочной ρ , – $\text{Xp}(\iota\omicron\tau\omicron\varsigma)$ [Срезневский И. И. 1876. С. 58].

Интересно, что такое необычное сокращение, вместо ГН («Г(оспод)и»), представлено и на некоторых кириллических памятниках – ГО, ГДН, ГСДН («Го(споди)», Г(оспо)ди», «Г(о)с(по)ди») и даже ГНДН, ГОДН [Медынцева А. А. 1978. С. 108, 112; 2000. С. 61, 224; Срезневский И. И. 1885. С. 220; Виноградов А. Ю., Михеев С. М. 2012. С. 327, XV, ил. 1, № 1г; Чхаидзе В. Н. 2007. С. 162; Пьянков А. В. 2013. С. 120]. Причем, пример ГДН хронологически и территориально близок Зеленчукской надписи [Пчелина Е. Г. 1960. С. 300-301; Кузнецов В. А., Медынцева А. А. 1975. С. 11-17; Медынцева А. А. 1997. С. 149; 2000. С. 221-227; Кузнецов В. А. 2006. С. 140-142]. Известна и форма сокращения БЕ – «Б(ож)е» [Пьян-

ков А. В. 2013. С. 120-121]. Следует заметить, что, в целом, сокращения религиозных понятий, включая сокращения в формулах-обращениях, было перенято и славянами, как в кириллическом [Срезневский И. И. 1885. С. 54, 81, 82, 84, 107, 122, 127, 138, 143, 144, 149, 163, 174, 204, 215, 237, 238, 274, 260; Лавров П. А. 1914. С. 142; Медынцева А. А. 1978. С. 64, 69, 70, 72, 82, 90, 97, 112, 127; Верещагин Е. М. 2005. С. 68, 73, 74, 77, 79, 82, 84, 92 и др.], так и в глаголическом письме [Медынцева А. А. 1978. С. 25-27; Михеев С. В. 2012. С. 65, 76, 77, 85].

Как уже отмечалось, византийские формулы «Господи, помоги» даются в сокращении и предстают, например, в форме Κεβο. Причем, более мелкий масштаб второй и четвертой букв, их поднятие к верхней половине строки ($K^{\epsilon}B^{\circ}$) напоминают размеры и расположение второй и четвертой букв в строке 8 Зеленчукской надписи. Здесь, как и на граффити, третьей буквой, несомненно, является В (β). Аналогичное обращение представлено и на сломанном каменном кресте, который был найден в 1900 г. на кладбище возле Северного Зеленчукского храма [Кузнецов В. А. 2002. С. 48, рис. 11, 1]. По предположению Л. Згусты, данный призыв мог быть нанесен и на плите с р. Псыш, опубликованной В. А. Кузнецовым в его статье, введившей в научный оборот рисунок Д. М. Струкова [Кузнецов В. А. 1968. С. 13-14]. Аналогичный призыв мог быть представлен и в другой надписи, что отмечалось еще В. Ф. Миллером [Миллер В. Ф. 1893а. С. 123].

Среди граффити из Сентинского храма, как отмечалось выше, представлены и формы сокращений $K(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon\ \beta\omicron\eta(\theta\eta)$, $K(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon\ \beta\omicron(\eta\theta)\eta$ [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 247, 252, III.3.C.f]. Формы сокращений представлены и в других христианских надписях – $k(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon\ \beta\omicron\eta(\theta\eta)$, $k(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon\ \beta\omicron\eta(\theta\epsilon\iota)$ [Помяловский И. В. 1881. С. 20, № 38; Панченко Б. А. 1908. С. 81, 94, 119, 144]. Таким образом, они предстают в форме $\text{Κεβ}\eta$. Известны формы сокращения $\epsilon\text{Β}\omicron\text{H}$, как и формы $\text{B}[\omicron]\text{H}\theta(\epsilon\iota)$ [Помяловский И. В. 1881. С. 19, № 37, 60, № 114], $\beta\omicron\eta\theta(\epsilon\iota)$ [Латышев В. 1904. С. 101; Панченко Б. А. 1908. С. 94], $\beta(\omicron)\eta\theta(\epsilon\iota)$ [Малахов С. Н., Пьянков А. В. 2000. С. 47-49], $\beta(\omicron\eta)\theta(\epsilon\iota)$ [Лопарев Хр. 1894. С. 159; Панченко Б. А. 1908. С. 79, 80, 86, 88, 90, 91, 92, 96, 98, 117, 121, 129,

143; Булгакова В. И. 2004. С. 157; Хрушкова Л. Г. 2006. С. 50; Чхаидзе В. Н. 2007. С. 155, 157, 159; Алексеенко Н. А., Цецков Ю. А. 2012. С. 8, 17, рис. 1], $\beta\omicron(\eta\theta\epsilon)\iota$ (?) [Булгакова В. И. 2004. С. 155], $\beta\omicron\eta\theta\epsilon(\iota)$ [Панченко Б. А. 1908. С. 85, 95, 99], $\beta\omicron\eta\theta(\epsilon)\iota$ [Панченко Б. А. 1908. С. 113], $\beta(\omicron\eta\theta\epsilon\iota)$ [Панченко Б. А. 1908. С. 149]. Известно сокращение $\chi(\rho\iota\omicron\tau)\epsilon\beta\omicron\eta\theta(\eta)$ [Латышев В. В. 1907. С. 39]. Также известны формы сокращений $\chi(\rho\iota\omicron\tau)\epsilon\beta\omicron(\eta\theta)\eta$ или $\chi(\rho\iota\omicron\tau)\epsilon\beta\omicron\eta(\theta\eta)$, т. е. представляющие в форме $\chi\epsilon\beta\omicron\eta$.

В строке 8 Зеленчукской надписи первая буква, несомненно, буква χ , как в строке 2, в которой приведено сокращение имени Христа – $\chi(\rho\iota\omicron\tau\omicron)\epsilon\langle\varsigma\rangle$. Второй знак строки, что наиболее вероятно, может быть остатком буквы \omicron . Третий знак, несомненно, буква β (β). Четвертый знак, за редким исключением, обычно воспринимается исследователями как полностью сохранившаяся буква ς .

Заметим, что в строке 3, когда резчик ошибочно переставил букву ς с окончания слова внутрь слова, то он логично передал ее в форме ς , как и должна выглядеть буква в таком положении. Конечная же буква ς в строке 5, относящаяся к имени $\mathcal{N}(\iota/\eta)\kappa\omicron\lambda\omicron\varsigma$, передана с явным дополнительным изгибом в нижнем окончании, что воспроизводит форму конечной ς . Данные наблюдения могли бы быть применимы при идентификации четвертого знака строки 8, тем более, что графически данная строка ближе строкам 3-5, чем большинству строк основной части надписи. Четвертый знак строки 8 обычно идентифицируется с буквой ς и теми исследователями, которые в своих решениях ставят букву в конце слова.

Как отмечалось выше, четвертый знак строки 8 может также быть остатком, как буквы \omicron , так и буквы ϵ . Пятый, последний знак строки – буква η (η). В случае идентификации четвертой буквы с буквой ϵ , мы получаем последовательность $\chi\omicron\beta\epsilon\eta$, или более точно в визуальном восприятии – $\chi^{\circ}\beta^{\epsilon}\eta$. Учитывая примеры из строк 3, 4 начальной греческой части надписи, заключавшиеся в пропуске буквы и в перестановке местами букв, можно бы было предположить, что и здесь резчик допустил ошибку. Он переставил местами вторую и четвертую буквы, которые

визуально объединяло их положение на линии строки. Непонимание греческого языка со стороны резчика и заказчика вновь не позволило исправить ошибку. Исправление привело бы к последовательности ΧΕΒΟΗ (Χ^εΒ^οΗ), которая сопоставима с сокращенной передачей Χ(ρις)ε βοη(θη) – «Христос, помоги».

Но нельзя исключать в четвертом знаке строки 8 и остаток буквы Ο, в которой подверглась разрушению ее правая сторона, также как у стоящей второй в данной строке той же буквы Ο подверглась разрушению левая сторона. Тогда последовательность букв строки 8 предстает в следующем виде – ΧΟΒΟΗ, или более точно в визуальном восприятии – Χ^οΒ^οΗ.

Учитывая эпиграфические примеры сокращений Κεβο, Κεβοη, Χεβοη, можно рассмотреть два варианта дешифровки значения двух и трех последних букв строки 8. Оба варианта исходят из сокращения βοήθη, βοήθει. Первый вариант в форме βο подразумевает, что следующая буква Η (η) относится уже к следующей лексеме. Второй вариант в форме βοη относит Η (η) к самой лексеме. Предпочтительней выглядит второй вариант. Отнесение Η (η) к следующей лексеме Нотор подразумевает передачу в ней начального протетического гласного. Однако приводившиеся выше примеры имен, содержащие stur, демонстрируют отсутствие такого протетического гласного. Поэтому предпочтительней признать в строке 8 сокращение βοη – «помоги».

Данное обращение должно быть связано с его конкретным адресатом, фиксируемым в начале строки 8. Пример сокращения Χεβοη подсказывает, что адресатом мог бы являться Христос, что соответствует первой букве Χ строки 8, а также предложенной дешифровке предшествующей строки 7. Однако полагаемому инвокативному характеру данной части надписи – Χ(ρις)ε βο(ηθ)η – препятствует вторая буква строки Ο, стоящая на месте ожидаемой Ε.

Следует также отметить, что предполагаемый подход к дешифровке строки 8 требует наличия знака сокращения (титло). Однако ни рисунки Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима, ни использовавшиеся В. Ф. Миллером данные Г. И. Куликовского не дают прямого указания на его наличие. Конечно, можно пред-

положить, что знак уже был не виден в результате разрушения в данном месте плиты. Так, В. Ф. Миллер смог различить только по оттиску Г. И. Куликовского титло в строке 21. Но, скорее всего, по тому же оттиску, уже вообще не читалась последняя О строки 3, а последняя буква строки 21 была почти не видна. Кроме того, находящаяся непосредственно над Х буква ρ строки 7 имеет не только заметную индивидуальную форму по сравнению с формами этой же буквы в других строках. Ее нижняя часть резко отклонена от линии края плиты. Не зависели ли условия ее нанесения от рельефного дефекта в этом месте?

Следует признать, что такой допуск слишком гипотетичен. С другой стороны, возможно, резчик посчитал излишним наносить знак, который был ранее использован в строках 1, 2 для сокращения имени все того же Иисуса Христа. Кроме того, заметим, что одно из граффити Сентинского храма [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 247, III.3.C.d], в котором присутствует подобное сокращение, как-будто, не имеет знака сокращения над Κεβο. Нет знака сокращения и на граффито Михаила с Анакопийской горы – ΚΕΒ [Виноградов А. Ю. 2011. С. 222, илл. 4]. Также отсутствует этот знак в полагаемом сокращении и в других эпиграфических памятниках – Ι(ησοῦ) Χ(ριστ)ε, Ι(ησοῦ)ς Χ(ριστο)ς [Помяловский И. В. 1881. С. 18, № 34, таб. 6, рис. 15, 57, № 104, 58, № 106; Макаренко Н. Е. 1911. С. 123, рис. 106; Айбабин Э. А., Хайрединова А. И. 2013. С. 11, илл. 3] и при сокращении Κεβοη в рисунке А. Фирковича [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 308]. Возможно, отсутствует знак сокращения и в иных материалах [Коробков Д. Ю. 1997. С. 61, рис. 2; Верещагин Е. М. 2005. С. 80].

С другой стороны, такой подход, как-будто, содержит в себе противоречие. Адресаты инвокации Иисус Христос и св. Николай уже названы в самом начале надписи. Теперь же предлагается повторная инвокация к одному из них. В данной связи можно указать на данные другого эпиграфического памятника, найденного в том же районе, что и Зеленчукская надпись. На нем исследователи полагают фиксацию слова ΔΖΟΥΒΑΡ (осет. «крест»), которое сопоставляется с соответствующей лексемой

упоминавшихся аланских маргиналий [Виноградов А. Ю. 2006. С. 121, сн. 75; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 25].

На памятнике нанесены изображения двух крестов. На одном из них представлена в сокращении и в именительном падеже инвокация $\text{I}(\eta\sigma\upsilon\varsigma) \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma), \text{M}(\eta\tau\eta)\rho \Theta(\epsilon\omicron)\upsilon$ – «Иисус Христос, Мать Бога». На фоне другого креста, где читается и $\Delta\text{Z}\text{OYBAP}$, восстанавливается, в том числе, «... $\mu[v]i[\sigma]\theta[\eta]\tau\eta...$ $\kappa(\upsilon\rho\iota)\epsilon...$ » [Помяловский И. В. 1881. С. 8, № 12, таб. 2, рис. 3] – «...помяни... господи». Причем, прочтение $\kappa(\upsilon\rho\iota)\epsilon$, сопровождаемое знаком сокращения, представляется вполне объективным. На другом эпиграфическом памятнике, найденном у хут. Семеники на Тамани, восстанавливается $[\text{I}\Sigma.\text{X}]\Sigma [\kappa](\upsilon\rho\iota)\epsilon \beta\omicron[\eta]\theta(\epsilon\iota)$ – «Иисус Христос. Господи, помоги» [Латышев В. В. 1896. С. 114, № 104]. Таким образом, данные примеры, как-будто, допускают указанную возможность.

На упоминавшейся двусторонней надписи на обломанном каменном кресте с древней могилы возле 1-й церкви Зеленчукского монастыря, снимок с которой в натуральную величину был сделан игуменом Серафимом, одновременно призываются Иисус Христос, святые Фома, Николай, Георгий, что сопровождается и обычной формулой $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon \beta\omicron\eta\theta(\epsilon\iota)$ – «Господи, помоги». В. В. Латышев отмечает ее небрежность и безграмотность, полагая, что она была вырезана позже самой надгробной надписи и, очевидно, являлась не надгробной, а молитвенной [Латышев В. 1904. С. 101]. В любом случае, данная надпись свидетельствует о присущей местному населению форме обращения к христианским силам, не противоречащим собственно христианской традиции [Фомин М. В. 2006. С. 158].

Полностью осознавая и учитывая всю зыбкость почвы, на которую приходится вступать, крайне осторожно предложим специалистам в области христианской эпиграфики и лингвистики рассмотреть возможность истолкования строки 8 Зеленчукской надписи, например, как $\text{X}(\rho\iota\sigma\tau)\epsilon \beta\omicron\eta(\theta\eta)$ или $\text{X}(\rho\iota\sigma\tau)\omicron(\varsigma) \beta\omicron(\eta\theta)\eta$. Выбор второй формы $\text{X}(\rho\iota\sigma\tau)\omicron(\varsigma)$ диктуется известными примерами, когда инвокация выражена не в вокативе, а в номинативе, что допускалось в христианской эпиграфике. Такая

форма invocации, возможно, представлена и в упоминавшейся надписи в храме Эчмиадзина, в которой, как и на Зеленчукской надписи, Иисус Христос призывается как сын Бога – Ι(ησοῦ)[ς] η(ο)ς [θ]ε(οῦ)... βοή[θ]ι – «Иисус, сын бога... помоги». Возможно, для Зеленчукской надписи следует отметить вероятное отсутствие в аланском языке, судя и по данным осетинского языка, звательного падежа. Собственно, invocация в именительном падеже представлена в строках 1-5 самой Зеленчукской надписи. Но трудно подтвердить чем-либо наличие сокращения Χ(ριστ)ο(ς), при многократно известных примерах сокращения Χ(ριστο)ς, тем более на фоне ΧС строки 2 самой Зеленчукской надписи. Возможно, следует предложить и иной подход.

Первая буква Χ строки 8, действительно, более близка по форме букве Χ строки 2, чем Χ строки 6, что более склоняет к ее использованию как начальной буквы теонима. Наиболее вероятно, что вторая буква строки 8 – Ο. Учитывая же указанные эпиграфические примеры Χ(ριστ)ε ὁ θεός и сокращений Κύ(ριε), βοήθι, причем, именно в данной формуле, следует вновь крайне осторожно предположить, что в ΧΟ (Χ^ο) мы могли бы иметь дело с сокращением аланского χο(υτζαου) или χ(ουτζα)ο(u) – «бог» [Штакельберг Р.Р. 1890. С. 140; Bailey Н. W. 2003. Р. 26-27; Szemerényi О. 1964. Р. 360-361, n. 5; Fritz S. 1986. S. 251; Аббаев В. И. 1989. С. 255-256; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2007. С. 425-426; Салбиев Т. К. 2013. С. 202-211; 2014. С. 346-352; Таказов Ф. М. 2013].

В таком случае, также возможно, что верхнее правое окончание, переданное на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима в форме правильного овала, все же, вопреки мнению Л. Згусты, является буквой Ο, и мы имеем дело с лигатурой ΧΟ. Косвенно в пользу Χουτζαου (Бог) как обозначения Христа могло бы свидетельствовать и окончание Зеленчукской надписи ο Θεος νικα – «Бог побеждает», в трактовке Л. Згусты, которое предлагалось как вариант обычной литургической формулы Ιησους Χριστος νικα – «Иисус Христос побеждает». Тогда сокращение могло бы иметь форму χο(υτζα)ο(u) за счет сокращения, проходящего по линиям дифтонгов ου. Без обращения к фор-

ме лигатуры и учитывая отмечавшееся сокращение $\text{K}\acute{\upsilon}(\rho\iota\epsilon)$, $\Theta\epsilon(\text{OC})$ и $\text{ГО}(\text{СПОДИ})$ в интересующей нас формуле, можно бы было предположить и наличие сокращения $\chi\theta(\text{UT}\zeta\alpha\upsilon)$. Остается и напомнить о возможности выражения -у через O. В таком случае, общая формула инвокации могла бы предстать в форме «Солнцемощного сын, Бог». К выбору именно такой формы сокращения могло подталкивать то положение, что при подборе аланского эквивалента сокращение $\text{X}(\text{out}\zeta\alpha\upsilon)$ в именительном падеже могло логично ассоциироваться с греческими сокращениями $\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron)$, $\Theta(\epsilon\omicron)$, $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron)$, стоящими в родительном падеже. В то же время ориентирование на слуховое восприятие могло вести к пропуску первой гласной слова [Паллас П. С. 1787. С. 2] и к форме сокращения $\chi(\tau\zeta\alpha)\theta(\upsilon)$.

Собственно греческое «Господи, помоги» диктует использование в обращении лексемы, сопоставимой с дигор. Xesaw [Абаев В. И. 1989. С. 197] в значении «Господь» [Гардант М. Q. 1893-1924. Ф. 9, 12, 21]. В таком случае следует предположить, исходя из формы греческой ϵ в составе иных, в том числе уже упоминавшихся лигатур [Gardthausen V. 1879. Taf. 5, col. 914, taf. 6, col. 1028, taf. 7, col. 1083, taf. 8, col. 1159; Faulman C. 1880. S. 173; Thompson E. M. 1912. P. 229; Церетели Г. 1904. Табл. II (1088-1090 гг.)], что мы имеем дело с необычной лигатурой $\chi\epsilon$. Но в таком случае следует полагать утрату в изображении ϵ также части ее верхнего окончания. В условиях же нашей ограниченности в источниках по Зеленчукской надписи такое предположение представляется еще более гипотетичным. Если же отказаться, вслед за Л. Згустой, от рассмотрения стоящей в начале слова лигатуры, то остается для рассмотрения форма сокращения $\text{X}(\epsilon\tau\zeta\alpha)\theta(\upsilon)$.

Интересные примеры для предлагаемого подхода в дешифровке дают нам печати и монеты Тмутараканского владения [Завьялов С. Л., Пьянков А. В. 2012. С. 28-29], выпуск которых, что важно, хронологически и территориально близок Зеленчукской надписи. Они также предоставляют примеры перевода греческой христианской формулы на другой язык и одновременного использования греческого и русского языков. Так, на печатях и

монетах боярина Ратибора (христианское имя Клемент), ставленника Киева (1079-1081 гг.), представлены греческая надпись «святой Клемент» и русская надпись «от Ратибора». Во второй надписи вторая буква р похожа по форме, если только мы не имеем дело с механическим повреждением, на р строки 10 Зеленчукской надписи [Бабаев К. Ф. 2009. С. 28, рис. I.b]. Близка ей и форма буквы из другой кириллической надписи [Медынцева А. А. 1978. С. 218; 2000. С. 87, рис. 21]. Следует заметить, что кириллическая р («рцы»), несомненно, представляющая заимствованную византийскую р, также имела различные формы с заостренным верхним окончанием [Срезневский И. И. 1885. С. 260, 261; Лавров П. А. 1914. С. 35, рис. 32, 36, 39, рис. 35, 145, 158, 188, 191, 207, 214, 215, 221, 233, 245; Карский Е. Ф. 1901. С. 203; 1979. С. 198; Черепнин Л. В. 1966. С. 154, таб. 2, 244, таб. 4, 252, таб. 6, 255, таб. 7; Медынцева А. А. 2000. С. 176]. Впрочем, для Зеленчукской надписи такая форма буквы, как мы знаем, вполне объяснима. Трудно сказать, учитывая связь кириллицы с греческим алфавитом и заимствованием соответствующих сокращений, насколько к указанным примерам можно отнести новгородское граффито IC XC ПΟΒΤ̄ДН. Известно и граффито IC XC NH[KA] MIХAЛ[ЪП]CАЛЪ [Медынцева А. А. 1978. С. 84, 89]. Впрочем, известны и другие образцы смешанных русско-греческих надписей [Франклин С. 2010. С. 188-190].

Олег (христианское имя Михаил) Святославич («Гореславич»), ставленник византийского императора Алексея I Комнина, также имел собственные печати и выпускал монеты. На его печатях представлено известное нам сокращенное написание греческого Κύριε βοήθη. Оно представлено и на печатях его супруги Феофано. На последнем отсутствует знак сокращения [Бабаев К. Ф. 2009. С. 32, рис. II.4], хотя нельзя исключать неполной сохранности надписи.

Тип тмутараканских серебряных монет, выпускавшихся Олегом, скорее, в 1083-1088 гг., восходит к милиарисиям византийского императора Михаила VII Дуки Парапинака (1071-1078 гг.) и некоторым более ранним византийским монетам, содержащим ту же христианскую формулу. Но непосредственным источни-

ком легенды для монет Олега считают печати его брата Романа с греческой надписью «Господи, помоги рабу своему Роману». На монетах Олега данная формула передана на русском языке – «ГИ ПОМОЗИ МИХАИЛ», т. е. «Г(оспод)и, помоги. Михаил» [Мавродин В. В. 1980. С. 181]. В свете предлагаемого подхода к дешифровке Зеленчукской надписи обращает на себя внимание калькирование греческого сокращения Κ(ύρι)ε при его передаче на русский язык – Г(оспод)и со знаком сокращения. На одном из образцов монеты, видимо, представлена сокращенная форма «помоз(и)» [Бабаев К. Ф. 2009. С. 25, рис. I.5, I.7], сопоставимая с греческими сокращениями для βοήθη.

Имя Михаил после обращения дается в именительном падеже, а на некоторых образцах в имени пропущена буква Л [Бабаев К. Ф. 2009. С. 24, рис. I.1]. Интересно, что граффито конца XI-XII вв. из храма Святой Софии в Киеве представлено соответствующее обращение на греческом языке, в котором имя Михаил, не исключено, принадлежащее все тому же князю, вновь стоит в именительном падеже [Евдокимова А. А. 2006. С. 57; 2008. С. 611, 612]. Аналогичная постановка имени и иных слов в именительном падеже представлена в этой формуле и в других кириллических граффити на русском языке [Срезневский И. И. 1885. С. 122; Медынцева А. А. 1978. С. 35, 87, 90; Евдокимова А. А. 2008. С. 613, сн. 7, 614]. Известны и другие примеры сокращения «Г(оспод)и помоги» [Медынцева А. А. 1978. С. 67, 68, 79, 81, 106, 107, 109, 111, 112, 127, 150, 153, 161, 162, 164; 2000. С. 59, 77, рис. 16, 84, 156, 159, рис. 41, 163, рис. 45, 170, 185, 189, 192; Рождественская Т. В. 2012. С. 497, 501].

Также интересно отметить, что на монетообразных изделиях «брактеатах», связываемых с Тмутараканским владением, кроме разбираемого слова «помози», представлен родовой знак в виде двузубца, одно из окончаний которого имеет горизонтальный отрезок, придающий ему форму христианского символа – креста. Подобную форму на монетах имеют и знаки Рюриковичей, что дополняется отдельным изображением креста между окончаниями двузубца [Бабаев К. Ф. 2009. С. 75, рис. V. 1, Va, 77, рис. Va. 2-4]. Интересно, что в одной из болгарских церквей

обнаружено имя СΜΕΩΝῆ (Симеон), первая буква С которого дополнена в средней внутренней части изображением креста [Войников Ж. 2011. С. 259].

Остается вспомнить, что в репродукции Зеленчукской надписи В. Ф. Миллера, использовавшего оттиск Г. И. Куликовского, в строке 20 представлена лигатура τζ в форме соединенных букв Т и Э. У второй буквы Э центральный горизонтальный отрезок также пересечен коротким вертикальным отрезком, что похоже на воспроизведение формы креста. Не является ли такая форма буквы дополнительной фиксацией христианского символа в тексте христианской эпитафии? Но такой элемент отмечается для формы буквы € (ε) [Cucuel Ch. 1891. Pl. II; Gardthausen V. 1913. Taf. 3, col. 995].

Учитывая приведенные выше материалы, окончание строки 8 логично бы было представить сокращением βoη(θη) – «помоги», что дает полную христианскую форму обращения к Иисусу Христу «Солнцемошного сын, Бог (Господь), помоги». Если предлагаемый подход к дешифровке окажется полезным, то он, частным образом, послужит и дополнительным препятствием к дешифровке А. Алемани, т. к. в надписях с invocatio «Господи, помоги» титул обычно следует после имени [Евдокимова А. А. 2006].

Предлагаемому подходу к дешифровке препятствует внедрение в invocatio греческого слова. Но, как отмечалось выше, подобное смешение известно в синхронных иноэтнических памятниках. Хотя форма invocatio полагает непосредственное использование византийско-греческого, христианского образца, но ее передача на аланском языке логично требует и подбора аланского эквивалента для βoη(θη), которого, видимо, в случае предлагаемого подхода не наблюдается. Возможно, причиной такого положения являлось состояние лексического фонда аланского языка.

В осетинском языке понятие «помощи» имеет некоторые особенности. Дигор. ағаз, ирон. аqaz, имеет значение «помощь», «польза» с заметным включением в восприятие именно второго значения. Само слово является арабо-персидским заим-

ствованием [Абаев В. И. 1958. С. 54]. Не говоря уже о проблеме времени данного заимствования, следует учитывать, что такая «помощь» может восприниматься как несущая определенную пользу. Такое восприятие, что важно, представлено, например, в старинной иронской молитве [ПНТО. 1992. С. 56], открывающейся обращением «Xwycaw, aqaz bakæn!» – «Бог, помоги!». Дальнейший текст молитвы показывает, что речь идет о помощи, приносящей пользу именно в земной, материальной жизни людей. Но такое значение не соответствует цели обращения в Зеленчукской надписи.

Дигор. ænxus (anxos), ирон. æххус – «помощь» является производным от æm-kwyst, æm-kust, т. е. буквально означает «сотрудничество» [Абаев В. И. 1958. С. 225], что также не соответствует ни цели, ни полагаемой форме реализации обращения в Зеленчукской надписи. Возможное использование для призыва о помощи глагола kæsun/kæsyn – «смотреть» также сложно соотнести со значением βου(θη) в Зеленчукской надписи. Таким образом, возможно, использование в надписи греческого βου(θη) было связано с отсутствием его смыслового эквивалента в аланском языке для выражения просьбы о соответствующей помощи, что, например, не наблюдалось бы при просьбе спасти, учитывая наличие дигор. ervæzun, ирон. irvæzun.

Возможно, следует обратить внимание на некоторые осетинские фольклорно-этнографические материалы. Бросается в глаза демонстративная «скованность» отдельных формулировок осетинских молитвословий и песен, обращенных к божествам, которая не соответствует действительному характеру этих молитвословий: «Ne 'vzag k'wumux u, næ zond – cybyr» («Наш язык невыразительный, ум – короток»), «Mæ zond cybyr u, me 'vzag kumux u» («Мой ум короток, мой язык – невыразительный»), «Næ zond cybyr u, næ wæng mællæg u dæwæn kuvynæn. Fælæ dækuræm, aqaz nyn bakæn, bafæzmynæn mægwyр ævzagæj, fydæly zondæj aftæ zarynæn» («Наш ум короток, сами мы слабы молиться тебе. Но просим тебя, помоги спеть нашим бедным языком так, как знали наши предки»), «Ædyl – næ kuvæg» («Глупый (слаб умом) – молящийся»), «Xwycaw, æz kuvyn

næ zony» («Бог, я не умею молиться»), «О, Хwуcawty-Хwуcaw, æz kuvyn næ zony» («О, Бог Богов, я не умею молиться»), «Хисaw, max beræ dzorun næ zonæn» («Бог, мы много говорить не умеем»). К данному блоку формулировок, видимо, принадлежит и такая: «Сравни мою бедную молитву...».

Видимо, показательно, что определение «бедности» своего языка в отношении молитвословия имело какое-то традиционное восприятие и выражение, если судить по строкам, например, письма М. К. Гарданти от 7 августа 1903 г., которые написаны по-осетински и адресованы В. Ф. Миллеру [Гатиев Б. 1876. С. 42; ПНТО. 1992. С. 42, 43, 58, 126, 217; Гаппо. 1920. Ф. 2; Гарданти М. Q. 1901-1903. Ф. 47; НА СОИСГИ. Отд. Истории. Ф. 33. Оп. 1. Д. 264. Л. 2; Миллер В. Ф. 2007. С. 222]. Именно с указанными обычными формулировками традиционных осетинских молитвословий связаны, например, первые шесть строк известного стихотворения основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова «Салам». Если допустим ретроспективный взгляд с таких позиций на Зеленчукскую надпись, то, возможно, отмеченная «скованность» традиционных молитвословий, в целом, отражает тот христианский импульс, который ограничил использование родного языка в общении с христианским Богом и святыми.

Исследователями, в целом, как было показано выше, установивалось, что Зеленчукская надпись делится на три части. Первая (строки 1-5) и третья (последние четыре буквы строки 21) части исполнены на византийско-греческом языке, а вторая, промежуточная – на аланском языке с использованием той же греческой графики. Теперь же, на первый взгляд, между первой – греческой, и второй – аланской могла бы появиться смешанная – греко-аланская по языку, но имеющая единую внутреннюю семантику, которая соответствует структуре христианских эпитафий. В ней строки 6-7 исполнены на аланском языке, строка 8 – на аланском и греческом языках. Собственно, без последнего слова строки 8 данная часть особо не выделяется из части надписи на аланском языке, а строки 1-8 представляются семантически единой частью христианского вокатива.

Трудно точно сказать, насколько греческий язык христианской церкви получил распространение и понимание среди самих аланов. Гильом де Рубрук после своего путешествия в 1253-1256 гг. указывал, что аланы (аас) Крыма имели греческие письмены и греческих священников. Данное замечание, как и описание общего состояния аланов в христианской вере, делают сомнительным понимание в их среде греческого языка церкви. А. Алемани добавил к сообщению Гильома де Рубрука сведения «Chronicon ad annum 1234» о том, что среди народов, имевших буквы и письменность, упоминались аланы. В то же время исследователь отметил сведения из отрывка энциклопедии ал-Назима X в. о том, что у аланов не было письменности. Сведения средневековых письменных источников о наличии письменности у аланов ранее приводились Н. В. Пигулевской [Пигулевская Н. В. 1962. С. 226-227], что отмечалось и Г. Ф. Турчаниновым.

Иоганн Шильтбергер по итогам своих путешествий 1394-1427 гг. указывал, что богослужения по греческому исповеданию совершают на яском языке [Малахов С. Н. 1992. С. 142]. Хотя Византия особо не поощряла использование негреческих языков в богослужении, но Лаоник Халкокондил (~1432-1490 гг.) с удивлением отмечал такое положение для аланов [Иванов С. А. 2001. С. 27]. Несомненно, какие-то представители аланов сами шли в православные священники или монахи. Так, сохранился париминологий 1275 г. с глоссами на аланском языке, которые по палеографическим признакам датируются XIV или XV вв. Одни исследователи отмечали, что глоссатор обладал хоть и хорошими, но пассивными навыками в работе с греческим текстом [Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 42; Малахов С. Н. 2009. С. 84-85]. Другие исследователи указывали, что париминологий служит свидетельством продолжения аланами достаточно развитой византийской литургической традиции (в данном случае, вероятно монашеской), хотя клирик-глоссатор уже не понимал всех греческих обозначений праздников [Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 64].

Создается впечатление, что греческий церковный язык оставался непонятен основной части аланского населения, со вре-

менем постепенно угасая и среди самих аланских представителей церкви. В Зеленчукской надписи, в ее начальной, греческой части, обращают на себя внимание перестановка местами в слове ὁ ἀγι(ος) двух последних букв ος строки 3 и пропуск второй буквы в строке 4 в имени Ν(ι/η)κόλαος. Второй пример находит себе параллели в отмечавшихся христианских граффити.

Для ὁ ἀγι(ος) не наблюдается никакой попытки исправления, а более скорописное изображение буквы γ выдает некоторую небрежность в работе или, скорее, в образце. Видимо, непосредственные создатели надписи пассивно пользовались христианскими формулами на греческом (церковном) языке, который не понимали, а потому и относились к их нанесению достаточно механически и не могли, в частности, исправить допущенные в них ошибки. Не такой ли подход определил подмеченные Л. Згустой некоторые неаккуратность и неточность надписи?

Данные наблюдения подталкивают к возможному ответу на замеченную еще В. Ф. Миллером по поводу написания ὁ ἀγιος странность: «... характер букв в этом слове, по округлости очертаний, отличается от прямых уставных букв, являющихся на большей части надписи». Возможно, создатели надписи самостоятельно пользовались соответствующими христианскими эпиграфическими образцами, или отдельный образец для нанесения греческой части надписи был предоставлен им человеком, владевшим греческим языком и навыками скорописи на этом языке, что позволило ему быстро «набросать» просимый текст.

Непосредственным же создателям надписи в ходе работы, возможно, пришлось исходить из необходимости соединения греческого более скорописного образца с отдельно изготовленным образцом аланской части надписи, но уже представленном в форме греческих уставных букв. Как заметил В. И. Абаев, ошибки во второй части надписи, выразившиеся в пропусках букв в отчествах Πακαθα[ρ]η и Α[v]παλανη, могут объясняться фонетическими явлениями (выпадение г между гласными и носовое произношение начального а). В таком случае, создатель

или создатели надписи хорошо ориентировались на слух в обыденной аланской речи.

Об их знании аланского языка свидетельствует и исправление ошибки с пропуском двух букв рт строки 6, т. е. аланская часть надписи подверглась последующей корректировке, которой не подверглась греческая часть надписи (хотя в данном случае мог быть использован известный прием вынесения конечных букв слова в конце строки в надстрочное положение). Ориентирование при создании аланской части надписи на слуховое восприятие, видимо, может отражать отсутствие уже сложившейся аланской письменности на основе греческой графики, при которой бы действовали строгие правила написания. Именно поэтому образец аланской части надписи мог быть изготовлен с четкой передачей отдельных букв, избегавшей образцов греческой скорописи и сокращений. В то же время наличие возможных ошибок в передаче аланских имен могло бы указывать на то, что сам создатель образцов надписи не был аланом, или не столь грамотный резчик еще и не обладал должной квалификацией для нанесения текстов.

Предполагаемое соединение в Зеленчукской надписи двух раздельно приготовленных образцов, представлявших еще и разные языки, само по себе, должно было вызывать трудности при реализации их объединения. Трудность могла усугубляться, например, при создании строк 6-8, т. к. в них на двух разных языках было необходимо выразить единую формулу. Возможно, именно поэтому на стыке их объединения в такую формулу, т. е. в момент наибольшего «напряжения» в работе, была совершена возможная ошибка, пропущены последние буквы рт строки 7. Другими словами, «напряжение» при необходимости переключения с письменной передачи одного языка на другой и привело к первоначальной ошибке. Но также возможно, что резчик специально или по подсказке вынес в надстрочное положение последние две буквы строки 7, чтобы «освободить» для нанесения сложной для него формулы на отдельной строке 8.

Однако, полагая возможность указанных условий при создании надписи, нельзя не обратить внимание на то, что строки

8-10, в которых представлен обратный переход от греческой части надписи к аланской, продолжают линию греческого образца. Исходя из данного наблюдения, можно предположить и несколько иные условия предварительной подготовки для создания надписи. Не исключено, что для заказчика, при его речевой «консультации», кто-то, кто владел греческим языком и письмом, изначально изготовил образец всей надписи, в минускульном, с элементами скорописи, варианте, с использованием соответствующих сокращений и лигатур. Но такой специфический вид надписи, уже объединявшей греческий и аланский языки, мог не устроить заказчика тем, что он создавал слишком большие трудности для хотя бы минимального восприятия самими аланами в такой надписи их родного языка. Такое положение могло не устраивать ни аланов, желавших почтить своих усопших и способствовать их переходу в иной мир, ни самих усопших через понимание хоронивших их родственников.

В таких обстоятельствах был изготовлен второй образец основной части надписи. Этот образец мог не включать в себя первые строки 1-5, которые наносились на фоне христианского креста, что устраивало заказчика, и было ему символически понятно. При создании второго образца мог быть подобран и аланский эквивалент к греческой формуле обращения к Иисусу Христу как сыну Бога, что увеличивало долю аланского языка во всей надписи.

Изготавливавший надпись резчик постоянно имел при себе оба образца надписи. Продолжая надпись после строки 8, он основывался на первом образце, чем можно объяснить, например, представленные в строках 9-10 лигатуры *ото*, лигатуру *ур*, сказавшиеся на форме лексем *отоур*, *фурт*, и формы букв *р* и *н*. Показательно, например, что в слове *фурт*, буква *о*, стоящая первой в строке 10, имеет масштаб и месторасположение на линии строки, сопоставимые соответствующим для букв *о* в строках 3-5. Таким образом, резчик не «переключился» с использования первого образца на использование второго образца, что могло отражать и последствия отмеченного выше момента наибольшего «напряжения» в работе, а также то, что сокращения

строки 8 были идентичны в обоих образцах, имея единое визуальное восприятие для резчика, отмеченное выше, при чуждости ему самого греческого языка.

Только после нанесения строк 9-10 он мог обнаружить свой просчет с образцами, или на это было указано периодически контролировавшим ход работы заказчиком или создателем образцов надписи. Дальнейшая работа велась в основном по второму образцу, но некоторые возникавшие в ее ходе трудности заставляли вновь обращаться и к первому. Так, форма последней буквы А в строке 16 явно отлична от форм этой же буквы в других строках основной части надписи. Обращает на себя внимание тот факт, что для нанесения этой буквы оставалось слишком мало места до края плита. Именно поэтому буква А и могла получить форму византийской курсивной α, для нанесения которой хватало такого небольшого пространства, а ее образец мог быть взят из первого образца надписи. Из того же образца надписи могли быть взяты буквы ρ строк 14, 20, а также лигатура τζ строки 20, т. к. именно он был образцом использования лигатур (ото), а в данном случае только лигатура могла представить передачу соответствующего звука.

Примечательно, что резчик в завершающей надписи строке 21 нанес точку, которая, если принимать трактовку Л. Згусты, отделяет аланский текст от последующего греческого, с его явными сокращениями. Он, словно, демонстрировал заказчику усвоенные им уроки по сложности перехода от одного языка к другому, дополнительно позволяя в будущем читающему надгробие наглядно определиться с местом языкового разделения. Тем самым резчик мог и своеобразно затушевывать свои прежние досадные ошибки. Греческий текст, взятый из второго образца, заметно увеличивал объем всего текста с четко вырезанными уставными буквами, что должно было способствовать удовлетворению желания заказчика и его конечной благосклонности во время приемки работы резчика.

Использование в двуязычной надписи одновременно византийско-греческого уставного и минускульного писем, кроме того, напоминает о находках на территории средневековой

Аварии, где особую роль играла грузинская христианская церковь, двух каменных крестов с надписями XIII-XIV вв. (не позднее XIV в.). Они исполнены в грузинской графике. Причем, одновременное использование в тексте средневековых грузинского и аварского языков сопряжено с одновременным использованием грузинских церковных уставного («мтаврули») и строчного («нусхури») писем [Чикобава А. С. 1940. С. 324-327; Гудава Т. Е. 1954. С. 195-196].

Следует особо подчеркнуть, что предлагаемый подход не подразумевает просто изъятия строк 6-8 из аланской части надписи с переводением их в отдельную, новую для надписи часть. Он подразумевает расширение в ее семантическом единстве начальной части надписи, посвященной общению с небесными христианскими силами. Но обращает на себя внимание тот факт, что обычно формула $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$ – «Иисус Христос побеждает» представлялась на фоне креста. На Зеленчукской же надписи, по трактовке Л. Згусты, она в форме $\omicron \Theta(\epsilon\omicron)\varsigma \nu(\iota\kappa\alpha)$ – «Бог побеждает» перенесена в самый ее конец. Таким образом, уже произведено разделение местоположения греческих христианских формул.

Возможно, к такому разделению привело особое желание почтить Св. Николая, который стал особо популярен в западной части Алании. Поэтому имя Св. Николая было поставлено рядом с именем Иисуса Христа на фоне креста. В таком положении потребовалось перенести соответствующую формулу $\omicron \Theta(\epsilon\omicron)\varsigma \nu(\iota\kappa\alpha)$ в самый конец надписи, что явилось своеобразным компромиссом для конкретной надписи, но компромиссом, не выходящим за рамки, допустимые при создании христианских эпитафий.

Вместе с тем, полагаемая необычная формула $\omicron \Theta(\epsilon\omicron)\varsigma \nu(\iota\kappa\alpha)$, вместо $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$, еще и вынесенная в окончание надписи, может вызвать и иное объяснение. Если исходить из возможной ошибки резчика, не исполнившего до конца формулу $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \nu\iota\kappa\alpha$ в начале надписи на фоне креста, то отсутствие в данной части надписи места для исправления и могло привести к своеобразному исправлению ошибки за счет нане-

сения формулы уже в конце надписи в форме $\Theta(\epsilon)\zeta\nu(\kappa\alpha)$, диктуемой предполагаемым содержанием строки 8. Но предложение Л. Згусты, как представляется, нельзя считать окончательно приемлемым. Поэтому нельзя также исключать, что, например, в последних четырех буквах надписи, сопровождающихся знаком сокращения, представлен соответствующий аланский эквивалент некой христианской греко-византийской формулы.

Следом за фиксацией образов Иисуса Христа и Св. Николай на фоне креста шло обычное для христианских эпитафий, по смыслу и по месторасположению, обращение за помощью к Иисусу Христу. Следует вновь подчеркнуть, что речь идет не об аланской инвокации. В основе инвокации лежит традиционная, византийско-греческая инвокация, включенная в общую начальную часть христианской эпитафии. Его спецификой является использование аланского языка. Но такое использование оказалось очень ограниченным, выразившимся и в вынужденном языковом компромиссе в строке 8.

Но в надписи компромисс, большего масштаба, представлен в том факте, что среди всех имен погребенных нет ни одного христианского имени, на что почему-то не обращали внимание исследователи (в таком ракурсе интересно напомнить, что, например, в греческой и русской традициях св. Николай выступал еще и посредником между язычниками и христианами, он также покровительствовал честному исполнению договора). Но образцы подобного указания нехристианских имен в канонической христианской формуле известны, например, в кириллических надписях [Медынцева А. А. 2000. С. 60].

Учитывая примеры надписей русских князей и бояр, аланского правителя Росмика-Андрея [Малахов С. Н. 1995. С. 378], в которых они выступают под своими языческими именами, но отдельно наносят изображения христианских святых в сопровождении соответствующих надписей, как своих личных христианских патронов, имена которых они получили при крещении, можно предположить еще один вариант семантики надписи. Если допустить, что погребение принадлежало одному человеку, чьи предки перечислялись в начале надписи, то фиксация на

фоне креста надписи «Святой Николай» могла бы указывать на то, что данный святой, несомненно, особо популярный у местного аланского населения, был личным христианским патроном погребенного. Погребенный мог носить, например, языческое имя *Læqwæp*, а его христианским именем было Николай.

Несомненно, погребенные или погребенный, по крайней мере, открыто позиционировали свое официальное принятие христианства, были крещены и получили свои имена в крещении. Но в той среде, к которой они принадлежали, оставались достаточно сильными и дохристианские традиции, что нередко проявлялось, как мы знаем, в процессе христианизации не только в Алании. Кроме того, принятие христианства не означало резкого и одномоментного отхода от прежних погребальных традиций и религиозных верований, что неоднократно отмечалось исследователями.

Трудности же в процессе христианизации аланского населения отражены уже в письмах патриарха Николая Мистика к архиепископу Алании Петру (X в.), в которых содержится указание на необходимость проявления терпимости, например, к бракам, «... которые способствуют более языческому духу...». Но и спустя почти два века, в комментариях к пятому правилу св. Апостолов патриарха Антиохии Феодора Вальсамона (1186-1203 гг.) говорится о разъяснении митрополита Алании, что сами священники в его стране всегда вступают в запрещенный брак.

В X в. в Худуд ал-алам отмечается приверженность правителя аланов христианству, но население делится на христиан и язычников. В XI в. ал-Бекри называл царя аланов христианином, но большинство его народа – язычниками. Речь шла о государстве, находившемся в трех днях пути от Серира (Аварии), т. е. в том числе о восточной части Алании. Митрополит Алании в первой половине XI в. был монахом, что может указывать на продолжение миссионерской деятельности православной церкви. Исследователи, например, предполагают, что Кяфарская гробница XI в. принадлежала аланскому правителю Доргулелю. На стенах гробницы нанесены изображения христианских персонажей. В

то же время другие изображения продолжают дохристианские традиции, свидетельствуя об их большой живучести.

Предлагая новый подход к дешифровке строк 6-8 Зеленчукской надписи, мы отдаем себе отчет в его уязвимости для критики, которая может привести к отрицанию как примера умножения сущего без необходимости (электронное письмо автору А. Ю. Виноградова от 28.12.2013). Но в данном случае автор исходил и из того принципа, которому следовал первый исследователь Зеленчукской надписи В. Ф. Миллер. Его он сформулировал в предисловии ко второй части «Осетинских этюдов» [Миллер В. Ф. 1882. С. I] по поводу исследования осетинского языка:

«Конечно, было бы осторожнее для автора в некоторых случаях отказываться от всякого объяснения; но мы склонны думать, что даже неудачная попытка к объяснению того или иного лингвистического факта полезнее для дальнейшего движения науки, нежели молчаливое занесение темного факта в столбцы грамматики. Неудачное объяснение может служить другим исследователям стимулом к более пристальным разысканиям и повести скорее к открытию истины. Во всяком случае, мы старались всюду отделить несомненное от сомнительного и относили последнее в примечания, так что и читатель-неспециалист может знать, где мы ступаем твердо, и где почва становится шаткою».

Возвращаясь к вопросу подходов к дешифровке строк 9-20, предпочтительней представляется исходить из аргументированного подхода В. И. Абаева. Данные строки содержат последовательное перечисление родственников, представляющих мужчин трех поколений, от деда к внуку:

«Στουρη φουρτ Пакаθар, Пакаθa(ρ)η φουρτ Авпалав, A(v)παλαvη φουρτ Лакав (Sturi furt Вæġatær, Вæġatæri furt Æпbalап, Æпbalani furt Лæqwæп – Стури фурт Бæгъатæр, Бæгъатæри фурт Æнбалан, Æнбалани фурт Лæхъуæн) – «Стура сын Багатар, Багатара сын Анбалан, Анбалана сын Лакуан».

Следует отметить, что в упоминавшихся эпиграфических образцах инвокативного характера, в которых Бог, Иисус Христос, святые призываются на помощь, после данного обращение сле-

дует имя или перечисление имен, стоящих, как и в Зеленчукской надписи, в именительном падеже. Например, такая форма имени инвоканта представлена еще на надгробии второй половины IV-V вв. из Фанагории (Тамань), что объясняется исследователями как своего рода подпись или, что более вероятно, как сбивка в падежах, типичная для инвокаций с данной формулой [Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2012. С. 52]. В форме именительного падежа, как отмечалось, стоит и имя тмутараканского правителя Михаила на его монетах.

Как видно, в отличие от В. И. Абаева, предпочтение отдается признанию последнего имени не как *læg* (Лæг), а как *læqwæp* (Лæхъуæн). Для передачи *wæ* в Зеленчукской надписи через *A*, возможно, следует указать на аланскую фразу Иоанна Цеца, передающего *xwarz* в форме *χασ*. У нас нет надежных оснований усматривать в слове *læg* имя, хотя В. И. Абаев именно на основании своего прочтения Зеленчукской надписи полагал такую возможность [Абаев В. И. 1973. С. 20]. Косвенно в пользу мнения В. И. Абаева могли бы свидетельствовать имена героев Нартовского эпоса осетин *Sætælæg* и *Sawlæg* (*sawlæg* – представитель низшего сословия) или древнеколхидского царя Савлака [Галлойти Ю. С. 2010. С. 95, 234; Подосинов А. В., Скржинская М. В. 2011. С. 376, сн. 981]. В них можно полагать наличие *læg*.

Но повторим, что нет надежных оснований усматривать в слове *læg* имя. Во-первых, слово *læg* достаточно употребительно в значениях «мужчина», «человек» и «муж». В последнем значении оно традиционно используется супругой при наличии дигор. *mojnæ* (ирон. *moj*) – «муж», «супруг». Такое сближение значений *læg* и *mojnæ*, представлено например в иносказательном для женщин обозначении божества *Wasgergi* как *lægti izæd* и *mænti izæd*. Введение *læg* в сферу супружеских отношений дополнительно препятствует его использованию в качестве имени. Во-вторых, нет ни одного примера использования *læg* в качестве имени. В-третьих, дигор. *læqwæp* – «парень» служит поло-возрастным определением (в плаче по умершей дочери у осетин-дигорцев служит обозначением зятя). В таком значении оно может использоваться и для обозначения сына, становясь

своеобразным «домашним именем». В-четвертых, фиксируются примеры использования Læqwæp в качестве имени как такового. Однако следует оговориться, что отдание предпочтения имени Læqwæp не может служить окончательным, категорическим отрицанием возможности использования в прошлом Læg в качестве личного имени. Что касается представленного предпочтения, то по вопросу буквенного и фонетического соотношения следует полагать, что буква К надписи вынужденно дополнительно приняла на себя передачу -гъ и -хъ в условиях отсутствия в греческом языке и алфавите необходимых соответствий. Интересно, что гораздо ранее сильное иранское h передавалось как греческой буквой χ, так и к [Яйленко В.П. 1995а. С. 274, сн.99]

Признание в последнем имени Læqwæp приводит к отказу от выделения ανη, т. е. anī – «этих». Дальнейшая интерпретация, как представляется, может иметь два варианта направления. Следующая за ЛАКАН (Læqwæp) буква Н может представлять окончание родительного падежа – Læqwæni. Данная интерпретация соответствует предложенной А. Х. Бязыровым. Она означает, что погребение принадлежало одному человеку по имени Læqwæp. Добавим, что его христианским именем могло быть имя Николай, что дополнительно определяло указание в надписи на Св. Николая. Собственно, и христианской традиции более соответствует одиночное погребение.

Если буква Н не относится к имени Læqwæp, то в такой ситуации она может иметь значение дигорского указательного проклетического артикля i – «этот», «тот» [Абаев В. И. 1958. С. 538; Эдельман Д. И. 1986. С. 199; 1990. С. 60; MacKenzie D. N. 1992. P. 519]. Хотя он явно прежде был представлен и в иронском диалекте, но на современном этапе он в нем отсутствует. Он не так регулярно используется и в дигорском диалекте. Чаще всего он представлен в фольклорных текстах, что свидетельствует о его пережиточном характере [Абаев В. И. 1958. С. 538; Таказов Ф. М. 2003. С. 285; Исаев М. И. 1966. С.33-34]. Данный указательный артикль может быть связан только с последующим существительным, причем, стоящим в единственном числе.

Речь идет о т̣ζηρθε, завершающем аланскую часть надписи в строках 20-21. Исходя из предлагавшихся решений, полагаемая поправка может вести к *cirt æj* – «эта могила есть». Вместе с тем, рассмотрение т̣ζηρθε как единой лексемы может диктоваться наблюдением В. И. Абаева, что в Зеленчукской надписи «осетинское» придыхательное *t* внутри слова передается через *θ*, а на исходе слова – через *t*. Выше отмечалось, что конечная *ε* в т̣ζηρθε не может передавать отдельную *æ*. В виду указанного наблюдения появляются сложности для признания в *ε* передачи отдельной дигорской связки *æj* – «быть», если только к тому не привела ориентация на слуховое восприятие. Остается дополнительно рассматривать *æj* как окончание слова. В таком случае мы имеем дело с формой отложительного падежа [Эдельман Д. И. 1990. С. 153], указывающего на исходное место, *cirtæj*, а все окончание аланской части надписи имеет значение «из этой могилы».

Отделенные от т̣ζηρθε точкой последние четыре буквы строки 21, со знаком титло над буквой *С*, дешифрованы Л. Згустой как *ο Θ(εο)ς ν(ικα)* – «Бог побеждает». Как отмечалось, она сопоставляется с сокращением обычной византийской христианской литургической формулой *Ιησους Χριστος νικα* – «Иисус Христос побеждает», неоднократно встречающейся в различных вариантах лигатур и сокращений на различных памятниках с территории Северного Кавказа. В целом, данная формула становится обычной с начала VIII в., сменяя ранее принятую иную формулу [Залесская В. П. 1988. С. 206].

Если принимать данную дешифровку, учитывая место ее нанесения, то она может оказаться для нас интересной с позиции непосредственного включения образа Бога в погребальный обряд средневековых аланов. Дело в том, что уже в колыбельных дигорских песнях высказывались пожелания о предоставлении будущего места для могилы именно Богом (*Хисав*) [ИАС. 2007. Ф. 326, 327]. В то же время, по традиционным представлениям осетин, обычаи установления надмогильных камней, посвящения коня покойному и поминальных скачек в память о своем умершем сыне были введены *Wastyrdžy*. Считалось, что в последний день мира, когда произойдет всеобщая битва, именно на посвя-

ценных им надгробиях, конях и т. д. воскресшие души умерших смогут наблюдать за всеми событиями.

Подводя итог предлагаемым подходам к дешифровке Зеленчукской надписи, следует определиться, в случае их допустимости, и с общей семантикой данного эпитафического памятника. Зеленчукская надпись является христианской эпитафией. Она начинается с соответствующего указания (обращения) на Иисуса Христа и Св. Николая, выполненного на фоне креста. Далее следует непосредственное обращение к Иисусу Христу, как сыну Бога и Богу, с просьбой помочь перечисляемым затем по отчествам и именам погребенным в данной конкретной могиле («эта могила есть», «из этой могилы»). Однако не исключен и вариант, который кажется предпочтительным, что погребение принадлежало одному человеку, носившему христианское имя Николай, а его языческое имя представлено после перечисления имен его предков.

Смысл обращения заключается в просьбе о помощи душам умерших или умершего, чей прах уже покоится в могиле, обрести себя в ином мире. Просьба заканчивается христианской формулой веры в победу Бога (Христа) над земной смертью и в спасение души. Возможно, что окончание надписи заключает в себе и иную, пока не раскрытую формулу.

Зеленчукская надпись является двуязычной, составленной на греческом и аланском языках, с применением единой греческой графики, но сочетающей различные формы такого письма (поздний унциал, минускул, частично скоропись). Она включается в круг соответствующих памятников христианской эпитафики, в том числе, близких хронологически и территориально, что связано с историей христианизации Алании и ее византийским источником.

Такое положение подтверждается, как данными письменных, так и археологических источников, позволяющих проследить, в целом, проникновение христианства к аланам, в том числе, на Северный Кавказ и, в частности, в Аланию и в предшествующий период [Кулаковский Ю. 1897. С. 76-77; 1898. С. 1-18; Милорадович О. В. 1963. С. 87-106; Zgusta L. 1977. P. 409-415;

1987; Згуста Л. 2013. С. 12-68; Thordarson F. 1988. P. 91-95; 2009; Testen D. D. 1989 P. 195-196; 1997. P. 707, 708; Kim R. 2009. P. 139-140, 163; Fritz S. 2006. S. 37-38, 160; Алемань А. 2003. С. 216, 220, 352, 502; Alemany A. 2009. P. 269-270; Скитский Б. В. 1959. С. 69-70; Оранский И. М. 1960. С. 161-163; Авдиенко В. Г. 1979. С. 102-104; Ложкин М. П. 1979. С. 270-276; 1984. С. 53-61; 2008. С. 262; Ложкин М. П., Малахов С. Н. 1996. С. 202-209; 1998. С. 136-140; Каминский В. Н. 1995. С. 372-375; Каминский В. Н., Каминская И. В. 1996. С. 172-180; 1997. С. 58-67; Марковин В. И. 1996. С. 180-202; Калоев Б. А. 1996. С. 262, сн. 152; Хайрединова Э. А. 1998. С. 334-348; Аксенов В. С. 2002. С. 140-142; 2010. С. 354-364; 2010а. С. 112-122; 2013. С. 15-19; Arzhantseva I. 2002. P. 17-36; Малахов С. Н. 1998. С. 20-24; 1999. С. 190-198; 20007. С. 117-129; 2010. С. 60-75; 2011. С. 42-57; 2013. С. 183-194; 2014. С. 92-102; 2014а. С. 31-36; Иерусалимская А. А. 2004. С. 59-67; Seibt W. 2004. S. 50-59, 153-154; Seibt W., Jordanov. 2006. S. 231-236; Туаллагов А. А. 2009а. С. 129-175; Малахов С. Н., Рудницкий Р. Р. 2013. С. 119-139; Цокур И. В. 2006. С. 433-437; Каштанов Д. В. 2010. С. 175; Вьель К. 2012. С. 161, сн. 10; Ковалевская В. Б. 1981. С. 90; Кузнецов В. А. 1961. С. 110, 117; 1992. С. 312; 1993; 2002; Ушаков С. В. 2001. С. 20-24; Иванов С. А. 2001. С. 26, 27, 31, 33; 2003. С. 179-190, 253-261, 264-275; Нарожный Е. И., Соков П. Н. 1998. С. 26-28; Тихонов Н. А. 2004. С. 188-189; Коробейников Д. А. 2008. С. 75-76; Боглачев С. В., Кузнецов В. А., Маркелов М. В. 2010. С. 29-30; Нарожный Е. И. 2010. С. 67-71; Проккопенко Ю. А. 2011. С. 100-102; Виноградов А. Ю. 2006. С. 102-155; Савенко С. Н., Бурков С. Б. 2010. С. 38-44; Шевченко Ю. Ю. 2011. С. 276-277; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 15-66; Бибииков М. В. 2012. С. 46; Бубенок О. Б. 2000. С. 15-35; 2008. С. 48-52; 2012а. С. 190-199; 2013. С. 46-58; Golden P. V. 2011. P. 382-385; Фомин М. В. 2011. С. 52; Иерусалимская А. А. 2012. С. 351-358; Алексеенко Н. 2012. С. 11; Алексеенко Н. А., Цецков Ю. А. 2012. С. 7-17; Терновая Г. А. 2013. С. 134; 2014. С. 118-131; Коробов Д. С. 2013. С. 121-122; Голубев Л. А., Долечек Л. Л., Малахов С. Н., Пьянков А. В. 2014. С. 25-30 Мамиев М.Э. 2014а и др.]. Как справедливо замечал В. А. Кузнецов по поводу чтения и историко-культурной интерпретации Л. Згусты, они полностью согласуются с

этнокультурной и политической ситуацией в районе верховий Кубани X-XII вв.

Предлагаемые подходы к дешифровке Зеленчукской надписи полагают отнесение памятника к коллективному или одиночному захоронению в одном погребальном сооружении. В нем были погребены останки трех мужчин, представлявших три поколения одной семьи (дед-отец-внук), или, что предпочтительней, один человек (внук). В пользу коллективного характера захоронения, по мнению В. А. Кузнецова, свидетельствуют хорошо известные коллективные погребения, характерные для аланского общества X-XII вв. Исследователь с большим вероятием полагает [Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 301], что перечисленные в надписи лица покоились в подземном склепе (сомнительно со стороны данных самой надписи – А. Т.). Однако ранее автор, учитывая значительную площадь внутри ограды (36 м²), где была найдена плита, допускал [Кузнецов В. А. 1968. С. 197; Камболов Т. Т. 2006. С. 178] наличие нескольких могил, тем более, что расположенная рядом одиночная могила была окружена оградой гораздо меньших размеров (также сомнительно со стороны данных самой надписи – А. Т.).

Исходя из христианского характера надписи, можно предполагать соответствующие христианскому обряду погребения в отдельных могилах. Однако христианство не полагает строго запрета на коллективные погребения, материальные примеры чему можно легко обнаружить. Кроме того, не исключено, что христианские надгробия могли выставляться и над традиционными аланскими катакомбами [Мастепанов С. Д. 2008. С. 181-182]. Примеры христианских погребений в аланских катакомбах также хорошо известны. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что все лица, которые упомянуты в Зеленчукской надписи, носят не христианские имена, что может свидетельствовать о сохранении сильных дохристианских традиций. Кроме того, размер погребального места мог зависеть не от количественного состава погребенных, а от социального, имущественного и т. п. положения погребенного и его родственников. Пожалуй, только археологические раскопки могли

бы дать окончательные ответы на вопросы о количестве погребенных, о погребальном сооружении (или сооружениях) и его (или их) форме.

Возможно, стоит привести и некоторые дополнительные наблюдения. Исследователи отмечали, что христианские раннесредневековые каменные штампы и небольшие посвященные надписи из Дагестана, включающие, в том числе, и формулу «Иисус Христос побеждает», «Иисус, сын Бога» [Гамбашидзе Г. 2011. С. 79-81], переданную на грузинском языке, были изготовлены из белого известняка, что напоминает о материале изготовления Зеленчукской плиты и упоминавшихся крестов из Дагестана. В Дагестане такому камню до сих пор приписываются лечебно-магические и охранительные функции, сверхъестественные свойства приносить благополучие и изобилие. Поэтому полагают, что использование его для изготовления культовых предметов могло быть обусловлено и приписываемым ему религиозно-магическим качествам [Гаджиев М. 2010. С. 102-103].

Ранее мы уже указывали на находку обработанной закладной сланцевой плиты, напоминающей форму Зеленчукского надгробия, из аланской катакомбы № 85 Даргавского могильника, исследованной на участке погребений VIII-X вв. Данная плита имела и аналогичный Зеленчукскому надгробию выступ, который в отличие от надгробия не имел никакого функционального назначения. Надгробная стела из белого камня в форме равнобедренного треугольника была обнаружена в аланской катакомбе № 22, датируемой X-началом XI вв., могильника Кари Цагат в Дигории (Северная Осетия). Исследователи отмечают устойчивость обрядов, выраженную в использовании треугольных сланцевых надгробий на современных кладбищах Дигории, а также в культовом комплексе (жертвенная яма № 8) того же могильника Кари Цагат с гигантским белым камнем, что связывается с культом белых камней на Кавказе, в том числе, в Северной и Южной Осетиях. На том же могильнике использовались и заклады из белых камней в конских погребениях [Кадиева А. А. 2011. С. 91, 95; Мошинский

А. П. 2015. С. 27-28, 36, рис. 11, 12]. Интересно, что в аланских катакомбах Архонского могильника некоторые камеры были побелены известкой или обмазаны смешанной с известкой глиной. В Южной Осетии еще недавно фиксировалась и побелка камер подбойных погребений.

Известно, что основные представители осетинского пантеона, чьи образы подверглись ономастической христианизации, носят имена *Wastyrdžy*, *Wacilla*, *Was Totur*, *Was Nikkola* (сравни балкарские Ашгерги, Аштотур, Аш-Элиа, Алтын-аш-Керге, кабардинское Аус Герге). Определение *Was* прилагается и к имени *Jeso/Jeco* (Иисус). Оно включается как определение и для уже содержащих его имен – *wasæ Wasgergi*. Кроме того, например, те же *Nikkola* и *Wasgergi* выступают в ореоле *wasæ roxs*, где вторая часть означает «свет» (осет. *roxs/ruxs* > иран. **rauxšna-* – «свет», «светить»). Она могла и самостоятельно непосредственно служить определением, например, *roxs Alawrdi*, *roxs Tætærtup*, *roxs Nigkola*. Исследователями было справедливо отмечено, что *ruxs/roxs* употребляется в смысле «святой, счастливый». Осетинская молитва, обращенная к *Wastyrdžy*, называется *Ruxsy Wastyrdžy* (собственно, так и называется небожитель в обращенной к нему песне, что воспринимается как «святой Уастырджи» – А. Т.). *Ruxs Wastyrdžy* представлено и в другой посвященной божеству песне [Гатиев Б. 1876. С. 46; ОНП. 1964. С. 155; НИАГЭ. 1990. Ф. 323].

В дигорских материалах мы встречаем определение мира небожителей как *Dujnej-Roxs* («Светлый Мир»), самих сверхъестественных сил как *roxs izædtæ*, *roxs idawgutæ* («светлые изэды, светлые идауги»). От небожителей исходит *wasæ roxs* («божественный свет»). С этими представлениями связано осетинское традиционное пожелание покойному и его могиле «света» (*roxsag wo*, *ruxs(s)ag u*, *dæ ingan* – *ruxs*).

ГЛАВА IV. ИНЫЕ ОПЫТЫ «ПРОЧТЕНИЯ»

Предпринимались и попытки «прочтения» Зеленчукской надписи по-кабардински, по-балкарски, или по-карачаево-балкарски, по-нахски [Кафоев А. Ж. 1963; Алексеева Е. П. 1966. С. 230; Кудаев М. 1965. С. 3; Вагапов Я. С. 1980. С. 100-117; Хизриев Х. А. 1997. С. 58-63; 2008. С. 311-319; 2010. С. 273]. Они вызвали отрицательную реакцию в научной среде [Абаев В. И., Кузнецов В. А. 1965. С. 151-154; Лавров Л. И. 1966. С. 17; Алексеева Е. П. 1968. С. 219; 1971. С. 24, 106, сн. 101; Турчанинов Г. Ф. 1967. С. 271; Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. 1978. С. 106; Туаллагов А. А. 2010. С. 111-149; Мамаев Х. М., Гапуров Ш. А. 2010. С. 158-163; Багаев М. Х. 2012. С. 265]. В. И. Абаев резко заметил по поводу подобных «прочтений»: «Серьезная наука пройдет мимо этих любительских упражнений, не придав им никакого значения» [Абаев В. И. 1986. С. 207].

В первую очередь, критическому анализу [Абаев В. И., Кузнецов В. А. 1965. С. 151-154] была подвергнута работа А. Ж. Кафоева [Кафоев А. Ж. 1963. С. 4-23, 49, 54-55, 59-61, 65, 88, 92-93; 1964. С. 4-13]. Она открывала целую череду подобного рода публикаций. Л. Згуста специально посвятил часть своей работы анализу таких «прочтений», который продемонстрировал их полную научную несостоятельность [Zgusta L. 1987. P. 41-58; Гуриев Т. А. 1995. С. 17-19; Кузнецов В. А., Чеченов И. М. 2000. С. 80-83; Кузнецов В. А. 2004. С. 140].

1. «Прочтение по-кабардински»

Мы также остановимся на данном вопросе с учетом критических замечаний специалистов (к сожалению, первые газетные публикации автора по интересующему вопросу, на которые он сам указывает [Кафоев А. Ж. 1959; 1960], остались недоступными). Учитывая время публикаций А. Ж. Кафоева, идя им навстречу, хотя такое «движение» несколько нарушает научную объективность, не будут привлекаться данные рисунка Д. М. Струкова, тем более иеромонаха Серафима. Нас, в первую очередь, будет интересовать вопрос соответствия буквенного содержания

надписи предлагавшимся фонетическим и лексическим данным, а также выяснения тех приемов «работы», которые позволяли и некоторым другим авторам приходиться к желаемым для них результатам, получавшим широкий отклик в околонуучной среде. В данном случае работа А. Ж. Кафоева показательна и как первая такая публикация, и как основа для последующих публикаций подобного рода.

А. Ж. Кафоев, как он сам объяснял, «читал» Зеленчукскую надпись «... на кабардинском (адыгском) языке, не искажая текста, строго сохраняя имеющиеся там буквы, ибо, на наш взгляд, прочтение ее возможно без замены начертанных знаков другими». В результате он предложил два варианта «прочтения»:

1. «Ищхьэщ уаджэщ якъуэ лэ уэс. Сахыр ифу. Хъубс иусри фэусырт. Пакъэ тхъэр. Пакъэ тхъэ ифу уэрат анэпальэнапэ лэныфлу уэрат ла къантазыр хейуэ щыль» – «Изголовье... Их сына умершего светлого. Изваяние ему как памятник. Хубс, сложив (стих), воспевала (оплакивала) Пако бога. Пако богом был ты, умер ты, кантазыр, славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Лежи, не грешен ты».

2. «Ищхьэщ уаджэщ. Якъуэ ла уэс сахыр ифу. Хъубс иусри фэусырт Пакъэ тхъэр. Пакъэ тхъэ ифу уэрат, анэпальэнапэ лэныфлу уэрат ла къантазыр хейуэ щыль» – «Изголовье.... Сыну их, умершему снежное изваяние как след (памятник). Хубс, сложив (стих), воспевала Пако бога. Пако богом ты был, умер ты, кантазыр, славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Лежи, не грешен ты».

В автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук у А. Ж. Кафоева приводится несколько измененный второй вариант «прочтения» [Кафоев А. Ж. 1964. С. 13]:

«Изголовье... (оплаканного). Сыну их умершему. Снежное изваяние как след (память). Хубс, сложив (стих), воспевал Пако бога. Пако, богом ты был, умер, кантазар, ты славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Будучи не грешен, лежи богоподобный».

Предлагается и стихотворное изложение:

«Пако, богом был ты, честь кормилицы не опозорил ты, славно (достойно) умер (ушел) ты, Будучи не грешен, лежи богоподобный ты»».

Автор изначально стремится отвергать чтение надписи «на осетинском языке», которое, по его мнению, построено на том, «что исследователи-дешифровщики зеленчукской надписи не посчитались с элементарными правилами расшифровки древних надписей. Так, например, исследователи внесли в текст зеленчукской надписи несколько букв извне и тем самым исказили первоначальный текст. Одновременно ряд букв текста был заменен, неправильно были транскрибированы отдельные греческие буквы, а многие буквы вообще не были прочтены... допускаемые в практике расшифровок древних письменных памятников так называемые поправки к тексту в данном случае выходят за общепринятые рамки...».

В автореферате линия подобных заявлений сохраняется:

«При этом надо иметь в виду, что сами исследователи сомневаются в правдивости полученного текста, ибо, расшифровывая древнюю надпись, они вынуждены были ряд букв привести в надпись извне, подменить или оставить прочитанным ряд букв из имевшихся, неправильно транскрибировать отдельные буквы, что не могло не исказить смысл первоначального текста Зеленчукской надписи... Всего из 92 фиксируемых на плите знаков исследователи транскрибировали правильно 12%, внесли в текст надписи необоснованно 6,5%, заменили более 7%, а 18,5% не расшифровали вообще... допускаемые в практике расшифровок древних письменных памятников так называемые поправки к тексту при чтении Зеленчукской надписи с позиций дигорского диалекта осетинского языка выходят за общепринятые допустимые рамки. Большинство дешифровщиков фактически читают не заданный древний текст, а совершенно иной, если можно так выразиться, – ими самими подготовленный, что далеко от истинного текста Зеленчукской надписи... Но, обладая правом гражданства, тезис об осетинской принадлежности Зеленчукской надписи до последнего времени мешает плодотворному и объективному

изучению средневековой истории многочисленных народов Северного Кавказа»

Данные «замечания» станут излюбленными для его последователей, но «читавших» надпись на других современных северокавказских языках. Однако насколько они верны?

А. Ж. Кафоев наглядно демонстрирует свое понимание «элементарных правил расшифровки», которое не имеет ничего общего с действительным научным исследованием эпиграфических памятников [Абаев В. И., Кузнецов В. А. 1965. С. 154]. Им также создается рисунок «Зеленчукской надписи с поправками, внесенными Миллером и др.» (рис. 16), и таблица неправильно транскрибированных, необоснованно внесенных, замененных и не прочитанных букв. Обратимся к построчному анализу.

Строки 1-2. Не отрицая, что сокращения IC XC и IC XC NIKA хорошо известны в христианской эпиграфике, автор задается вопросами-сомнениями о периоде, с которого такие сокращения применялись в христианстве, кто (Византия или Рим) ввел эти сокращения, откуда такое пренебрежение к Иисусу Христу, что его имя сокращали. Он предлагает учитывать возможность распространения христианства на Северном Кавказе, как из Европы, так и из Малой Азии. Постановка этих вопросов [Кузнецов В. П. 1997. С. 25; Минаева Т. М. 1971. С. 155] указывает только на то, что А. Ж. Кафоев не имел ни малейших представлений о том, о чем пытался говорить. Видимо, мы имеем дело с «побочным эффектом» атеистического воспитания и образования советского периода, что никоим образом не оправдывает автора. Далее А. Ж. Кафоев, отрицая изображение креста на Зеленчукской плите как христианского символа (его, как и IC XC NIKA, он произвольно трактует как заимствование из язычества в христианство), предполагает, что IC XC могло бы быть своеобразным символом, как и нехристианский крест, и предлагает читать IC XC NIKA как «ищхъэц икхъэ» – «изголовье могилы». Собственно IC XC «читается» как «ищхъэц».

Нетрудно заметить, что само прочтение «ищхъэц» исходит из произвольных умозаключений, не имеющих иных письменных примеров, никак не соотносится с греческой графикой.

Остается также непонятным, например, почему под сокращение при «переводе» попала только Э. Да и «изголовье» по-кабардински не «ищхъэщ», а «пиэщхъэг» [Абаев В. И., Кузнецов В. А. 1965. С. 154], плэщхъэг [Карданов Б. М., Бичаев А. Т. 1955. С. 250], плэшьхъэгъ (плэшьхъагъ), т. е. «верхняя часть, верх (шъхъэгъ, шъхъагъ) постели (плэ)» [Шагиров А. К. 1977а. С. 46-47]. Кроме того, по факту, А. Ж. Кафоев использует именно византийско-христианское ІС ХС ΝΙΚΑ для «перевода» с кабардинского, причем, не замечая, что никакого ΝΙΚΑ, вопреки его утверждению, им самим в Зеленчукской надписи не наблюдается.

Курьезным выглядит и написание греческого ΝΙΚΑ как ΝΙΚΑ, т. е. с использованием русской (кириллической) буквы Н. Он даже не замечает, что в надписи нет ІС, т. к. вторая С была поглощена выбоиной. Исходя из логики самого А. Ж. Кафоева, это должно бы было послужить первым «примером» необоснованно внесенных в надпись букв. Но автор не делает этого, т. е. он с готовностью использует восстановление именно христианского сокращения имени Иисус. А. Ж. Кафоев никак не оговаривает наличие в строках 1-2 знаков сокращения титло. Кроме того, его сокращение «ищхъэщ» оставляет без объяснений причину сокращения только этого слова во всей «кабардинской надписи».

В строках 1-2 мы, несомненно, имеем дело с принятым в греческих христианских надписях сокращением имени Иисуса Христа – Ι(ησου)<ς> Χ(ριστου)ς.

Показательно и заявление автора: «... В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Б. А. Алборов, Г. Ф. Турчанинов буквы надписи «І», «Н», «И» читают одинаково... Возникает вопрос: какая из трех букв надписи, по мнению исследователей, передает русское «И»: «І», или «Н», или «И»? Исследователи не разъясняют причин столь произвольного транскрибирования букв надписи. Произвольное толкование отдельных букв древнего текста может свидетельствовать только о произвольном обращении исследователей с текстом Зеленчукской надписи» [Кафоев А. Ж. 1964. С. 7].

Во-первых, никто из упомянутых исследователей никогда не «читал» в тексте кириллическую букву И. Во вторых, те же греческие буквы Ι(ι) и Η(η), как передающие один и тот же звук -и,

[Яйленко В.П. 1995а. С.247, сн. 99] например, были одновременно в таком качестве изначально заимствованы в кириллицу. В то же время, например, в различных греческих граффити храма Софии Киевской XI-XII вв. для передачи звука -и предпочтение отдается то исключительно I(i), то исключительно Н(η) [Евдокимова А. А. 2008]. Видимо, А. Ж. Кафоеву следовало бы удивиться «произвольной» передаче звука -и в современном греческом языке не только тремя буквами греческого алфавита I(i), Н(η), Υ(u), но и тремя дифтонгами ει, οι, υι («итацизм») [Рытова М. Л. 1994. С. 7; Славятинская М. Н. 2003. С. 31; Доровских Л. В. 2011. С. 8]. Если бы он обратился к известным научным исследованиям, то нашел бы в них и многие раннесредневековые примеры передачи данного звука различными греческими буквами и сочетаниями [Moravcsik Gy. 1983. S. 191; 1983а. S. 32, 33, 34, 35].

Согласно эпиграфическим данным, греческая Н(η) [Фридрих И. 1979. С. 129-132] еще сохраняла свое древнее значение для передачи ε, как минимум, до конца V в. н. э. В частности, в боспорских надписях римского времени представлены и примеры замены η на ε [Тохтасьев С. Р. 2010. С. 367]. Одновременно уже с первых веков нашей эры она начинает передавать и ι (во II в. н. э. произошло также уравнение ι и ει). В целом, переход η>/ι/, смешение η с ι отмечается с рубежа нашей эры [Белоусов А. В. 2012. С. 208]. Преобладающим же такое значение станет не ранее V в. н. э. [Кулаковский Ю. 1891. С. 15, 16; 1896. С. 29; Латышев В. В. 1892. С. 37; 1896. С. 32, № 24; Шкорпил В. В. 1910. С. 3; Созник В. В., Туровський Є. Я., Иванов А. В. 1997. С. 71].

Одновременное использование букв I(i) и Н(η) для передачи одного и того же звука наблюдается на раннесредневековых христианских памятниках [Латышев В. В. 1896. С. 74, № 69]. Использование η вместо ι представлено и на бронзовом литом кресте 1067 г. из района самого Зеленчука [Скржинская Е. Ч. 1962. С. 121], что в то время было более характерно для периферии Византии, а в центре, вероятно, встречалось в виде немногочисленных исключений в области официальной эпиграфики [Пуцко В. Г. 1974. С. 211]. Забавно отметить, но такие безграмотные замены греческой буквы Ν (ν) на русскую букву Н, а грече-

ской Н (η) – на русскую И наблюдались на подделках греческих надписей юга России, появившихся в конце XIX в. [Бертье-Делагард А. Л. 1896. С. 39].

Строка 3. Определяется наличие 4 букв, которые объявляются непрочитанными предшественниками. Но уже в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» им приписывается третья буква Г. Причем, она вновь курьезно передается в форме прописной строчной русской буквы г. А. Ж. Кафоев «читает» строку как ОАГΣ (или с вариантом все той же прописной строчной русской г) – кабардинское «уаджэщ». Значение такого кабардинского слова... самому автору остается неизвестным. В нем он распознает только отрицание «дж». Автору известно греческое ὁ ἅγιος – «святой» (оно и фигурировало у его предшественников – А. Т.), но ему просто ближе кабардинские слова с отрицанием «дж». Он вообще полагает, что ΙС ΧС ОАГΣ появилось в Зеленчукской надписи совершенно самостоятельно, независимо от византийского периода христианизации народов Северного Кавказа. Скорее, оно появилось на воображаемой надписи А. Ж. Кафоева, вне любой истории. В своем «прочтении» А. Ж. Кафоев пропускает все слово ОАГΣ, ставя вместо него троеточие.

Сложно понять, почему А. Ж. Кафоев считал буквы не идентифицированными предшественниками, если в рисунке отводит им прочтение буквы г (на самом деле, γ – А. Т.). С другой стороны, все четыре приводимые им буквы ОАГΣ также имели свою предшествующую идентификацию. Кроме того, тот же В. Ф. Миллер исходил из прочтения не γ, а более скорописных греческих γι, которые и уничтожаются А. Ж. Кафоевым в его рисунке. Остается необъяснимым со стороны А. Ж. Кафоева, почему первая О передает звук -у, третья Г – сочетание или звук -дж. Исчезает в «прочтении» следующая Э (сравни со строкой 2).

В строке 3 мы, несомненно, имеем дело с греческим ὁ ἅγιος – «святой», в котором две последние буквы были ошибочно переставлены местами при нанесении надписи.

Строка 4. Объявляется отсутствие первой буквы Ν, которая рассматривается как замена предшественниками действи-

тельно представленной в надписи буквы. Им же приписывается необоснованное внесение второй буквы I. Первое замечание выглядит странным даже с точки зрения знакомства самого А. Ж. Кафоева, судя по его сноскам, со «Сборником греческих и латинских надписей Кавказа» И. В. Помяловского. В нем представлены эпиграфические примеры написания N в форме, соответствующей форме первой буквы строки 4 Зеленчукской надписи. Получается, что автор использовал «Сборник» без понимания его содержания. Вторая буква i восстанавливалась вполне аргументировано (возможна и η – А. Т.), а ее пропуск в имени N(i)κόλαος фиксируется и по другим эпиграфическим памятникам. Остается без объяснений А. Ж. Кафоева прочтение двух букв O как -уэ, тогда как в строке 3 он читал O как -у.

Сам А. Ж. Кафоев читает первую букву строки 4 как Я. Никакого основания к тому не приводится. Как справедливо заметил Л. Згуста, такой букве нет соответствия в греческом алфавите, заставляя подозревать, что само толкование навеяно буквой русского алфавита Я. Учитывая и выше приведенные примеры, следует согласиться с Л. Згустой, т. к. А. Ж. Кафоев неоднократно произвольно и ничем необоснованно задействует в своей публикации именно русский алфавит. Заметим, что и последнюю букву строки 5 он передает в форме C, хотя она уже у В. Ф. Миллера дана в форме греческой конечной ς. Создается впечатление, что для работы с греческой графикой автор полагал возможным опираться на свое школьное образование.

Парадоксально, но А. Ж. Кафоев, отрицая христианский характер надписи, говорит о нанесенной на него «христианской эмблеме». По А. Ж. Кафоеву, Зеленчукская надпись содержит христианские символы и сокращения, но нехристианского происхождения и содержания. Все эти и выше приведенные рассуждения и заключения сходятся между собой в безвыходном клинче, что и не удивительно, т. к. они не имеют ничего общего с исторической действительностью. А. Ж. Кафоев рассуждает над невозможностью «без натяжек и поправок» прочесть имя Νικόλαος. Постановку исследователями знака вопроса после слова «святой» он расценивает как признание слова непрочи-

танном, а связь непрочитанного слова с отсутствующим в надписи именем Νικόλαος считает непригодным для датировки памятника исследователями.

Во-первых, датирование памятника производилось исследователями совсем по другим данным. Во-вторых, знак вопроса, появившийся впервые у В. Ф. Миллера в «Οατς (?)», а затем у В. И. Абаева в «Οα ...ς (?)», отражал профессиональную осторожность исследователей, которой лишены любители. Его появление связано с обстоятельствами, не понимаемыми А. Ж. Кафоевым. Причем, В. Ф. Миллер полагал наличие в строке пяти букв, что более склоняет к принятию греческого ὁ ἀγιος, которое принимает В. И. Абаев.

В. Ф. Миллер работал на основании данных рисунка Д. М. Струкова и оттиска Г. И. Куликовского, которые расходились между собой в фиксации последней в строке 3 буквы Ο. Именно она позволяла бы полностью восстановить греческое слово, но, видимо, уже отсутствовала или четко не проявлялась в оттиске. Именно оттиску, как профессиональный исследователь, объективно отдал предпочтение В. Ф. Миллер, хотя для дешифровки он вносил дополнительные трудности.

Как уже отмечалось, исследователь полагал наличие в строке именно 5 букв (ο, α, γ, ι, σ), что вело бы к ὁ ἀγιος, что впоследствии принял В. И. Абаев. Но, сами по себе, 5 букв (οαγισ) не поддавались вразумительной дешифровке, так как четко различались только буквы ο, α, ς. Поэтому исследователь сверх осторожно и предположил два возможных варианта решения. Причем, под вопросом, исходя из той же научной осторожности, он, в конечном итоге, поставил другой вариант – «Οατς (?)», который вообще остался незамеченным А. Ж. Кафоевым.

Сегодня мы объективно можем снять все эти трудности. Таким образом, в строках 4-5 мы, несомненно, имеем дело с греческим именем Ν(ι/η)κόλαος, которое принадлежит христианскому святому и к которому относится ὁ ἀγι(ος) предшествующей строки 3. Значение всех первых строк 1-5 полностью соответствует сопровождающему их изображению христианского креста («георгиевский/мальтийский крест», различные варианты

которого широко распространяются с VI-VII вв.), а формы приводимых в них слов написаны в соответствии с византийской христианской традицией.

Строки 6-7. Первые буквы строк С и Р подвергнуты в рисунке А. Ж. Кафоева заметным изменениям. Но они не влияют на их идентификацию. Автор выделяет слово ΣΑΧΗΡ как кабардинское сэхыр, из «сэх» в именительном падеже с аффиксом именительного падежа -р, – «изваяние», «памятник». В общем же переводе оно дается в форме «сахыр». Таким образом, вторая буква А читается то как -а, то как -э. Остается только вспомнить замечание Л. И. Лаврова по поводу данного решения А. Ж. Кафоева, что кабардинское «сэх» означает «каменные столбы». Заметим, что кабардинское слово «сэх» имеет значение «столб (воротный)», в котором оно заимствованно и в дигорский диалект осетинского языка. Его значение и этимология [Шагиров А. К. 1977а. С. 60; Абаев В. И. 1979. С. 98] категорически препятствуют указанной трактовке для Зеленчукской надписи.

Четвертая буква Н читается А. Ж. Кафоевым как -ы, хотя уже следующая (вторая в строке 7) Н будет прочитана как -и. Собственно, посылом к такому подходу служит то, что «... один из исследователей (Г. Ф. Турчанинов), признав слово Σαχηρ (6-я строка) кабардинским, не попытался расшифровать текст зеленчукской надписи с позиций кабардинского языка».

А. Ж. Кафоев утверждает, что строка 7 заканчивается буквами ΦΟΙ, а исследователи «преобразовали» (заменяли) Ι в υ (ипсилон) и добавили (необоснованно внесли) буквы ΡΤ: «... чтобы в этой строке прочесть необходимое слово, исследователи реставрируют этот знак как «V» (ипсилон) и пополняют строку неизвестно откуда взятыми двумя буквами «ΡΤ»... Таким образом, произвольно изменив (реставрировав) отдельные буквы и необоснованно пополнив текст надписи, исследователи подготовили (написали) нужное и необходимое им слово «ΦΟΥΡΤ». Следовательно, ученые заготавливают для дешифровки новый текст Зеленчукской надписи для «чтения», хотя дешифровке подлежит древний текст, зафиксированный на Зеленчукской плите».

Таким образом, по А. Ж. Кафоеву, ученые, якобы, вставили

отсутствующие в строке 7 буквы vPT, чтобы прочесть здесь слово «фоурт», т. е. дигор. «фурт» – «сын». Также утверждается, без всякой аргументации, что в Зеленчукской надписи вообще нет соединения (дифтонга) ou. Сам А. Ж. Кафоев читает O как -y или -эy, т. е. дает уже третий вариант ее прочтения. Знак I объявляется им разделительным без указания на основания такой трактовки. А. Ж. Кафоев усматривает в НФО ифу (фэу), составленное им из притяжательного местоимения третьего лица «и», «фэ» – «память», «лицо» и аффикса «уэ». Почему при соединении фэ с уэ полагается окончание в формах -y, -эy не объясняется. Тем более не объясняется, как в данном случае буква O Зеленчукской надписи объединила в себе передачу гласных корня и аффикса.

Все эти заявления сопровождаются путаницей с графической передачей букв греческого алфавита. Ипсилон – это греческая u, а не y – гамма. В приводимом vPT первая буква не u (ипсилон), а v (ню). Возражение по поводу дифтонга ou возражает... самому греческому написанию, в котором дифтонг ou передает звук -y [Smith W.H. 1956. P.13]. Поэтому исследователи и читали не «фоурт», а furt, что имело закономерное и для Зеленчукской надписи фурт, т. е. они читали по правилам греческого написания. Монофтонгизация одного из восьми основных дифтонгов ou была достаточно давним явлением (с конца V в. до н. э.), но на письме дифтонг продолжал сохраняться (в таком виде он вошел и в кириллицу). В случае раздельного произношения над u ставилась трема (две точки).

Исследователи, вопреки утверждению автора, ничего не заменяли и не добавляли. Ими использовались данные оттиска И. Г. Куликовского, которые четко фиксировали последнюю в строке 7 букву Y (ипсилон), а не желаемый А. Ж. Кафоевым знак I, который бы, в первую очередь, должен был идентифицироваться с буквой I (йота). Над последними в строке 7 буквами OY и были нанесены еще две, более мелкого масштаба буквы рt, исправлявшие их ошибочный первоначальный пропуск или использовавшие метод выноса в надстрочное положение последних букв слова в конце строки. В. Ф. Миллер, как и большинство других исследователей, учли данный факт. Но В. Ф. Миллер не

отразил его на своей репродукции Зеленчукской надписи, как, например, позднее сделал на своей репродукции надписи А. Х. Бязыров. В целом, решение А. Ж. Кафоева свидетельствует только о том, что он не имел ни малейшего представления и понимания об источниковой базе исследования Зеленчукской надписи. В таком положении можно бы было и не продолжать дальнейший анализ «чтения» А. Ж. Кафоева.

Строка 8. Посылком к ее «прочтению» избираются первоначальные трактовки Г. Ф. Турчанинова, чтобы пытаться «переводить» с позиций кабардинского языка. Все пять знаков строки объявляются не прочитанными предшественниками. Однако первая буква строки Х была идентифицирована всеми ими. Вторая буква О восстанавливалась Г. Ф. Турчаниновым. Показательно, что в рисунке А. Ж. Кафоева «Зеленчукская надпись с поправками...» данная буква представлена как полноценная О, тогда как во всех известных к тому времени дериватах надписи сохранялась ее разомкнутая форма. Таким образом, для создания своего рисунка А. Ж. Кафоев уже, несомненно, пользовался прочтением Г. Ф. Турчанинова, который также справедливо идентифицировал третью букву как В (β). Четвертая буква им же идентифицировалась как С (впоследствии как О), а пятая – как Н. Собственно, сам А. Ж. Кафоев полностью пользуется идентификациями Г. Ф. Турчанинова, но вносит все буквы в разряд не прочитанных предшественниками.

Из идентифицированных Г. Ф. Турчаниновым букв строки 8 А. Ж. Кафоев составляет «Хъубс – адыгское имя», приводя и имя Хъупс из некоего фольклорного текста бжедугов. Оставляем в стороне вопрос соотношения «перевода» надписи с кабардинского языка за счет не паспортизированного бжедугского источника. Заметим, что ни форма Хъубс, ни форма Хъупс не могут привлекаться к прочтению, т. к. В (β) строки 8 могла передавать только звук -в, тогда как для варианта Хъубс А. Ж. Кафоева на ее месте должна была бы стоять П (известны и случаи, когда в определенном положении β передает звук -у). О приписывании А. Ж. Кафоевым букве О передачи различных звуков говорилось выше.

Строка 9. 4 буквы строки А. Ж. Кафоев вновь объявляет непрочитанными предшественниками. Однако три последние буквы строки 9 РНФ давно получили свою правильную идентификацию у всех предшественников. Для своего «прочтения» автор использует последнюю букву Н строки 8, которую соединяет с 3 первыми «буквами» строки 9, получая ИОСРИ, соответственно «читаемое» как «иосри».

При таком прочтении остается непонятным, какие 4 буквы, как непрочитанные, имел в виду А. Ж. Кафоев. Если даже исходить из его «прочтения», то в строке представлено 5 букв (ОСРИФ). Но 3 из них, как буквы (РНФ), идентифицированы до А. Ж. Кафоева, хотя он упоминает о такой идентификации только для буквы Ф. Да, и для начальных ОС, по А. Ж. Кафоеву, была уже опора в работе Г. Ф. Турчанинова. В целом, математические несостыковки, видимо, лишь говорят о желании автора увеличить «инновационную долю» своего исследования.

Оставляем в стороне вопрос об использовании автором русской буквы И вместо греческой эта – Н (η). А. Ж. Кафоевым она вновь читается как -и, хотя ранее уже читалась и как -ы. Для О теперь используется четвертый вариант «прочтения» как -о. Таким образом, отдельно взятая О ставит своеобразный «рекорд» для своего прочтения – -у, -уэ, -эу, -о. Показательно, что в данном случае А. Ж. Кафоев игнорирует определенное Г. Ф. Турчаниновым в начале строки 9 наличие лигатуры от и буквы О (точнее, лигатуры ото – А. Т.). Вместо нее он «читает» две первые «буквы» ОС.

Но такой трактовке прямо противоречит даже только соединительная между ними линия, являющаяся в данной лигатуре верхней частью буквы т. Кроме того, для своей первой «буквы» О он использует форму замкнутого верхнего левого окончания лигатуры, которая впервые появилась в каплевидной форме в деривате В. И. Абаева, видимо, за счет небольшой неточности при перерисовке репродукции В. Ф. Миллера, в которой данное окончание разомкнуто. А. Ж. Кафоев еще и искусственно доводит в своих рисунках «Зеленчукской надписи с поправками...» и «Зеленчукской надписи, подлежащей де-

шифровке» данное окончание до формы правильной окружности. Интересно, что также отдельно для строки 9 поступит позднее Г. З. Чеджемов, преследуя получение возможности для собственной трактовки.

Заметим, что в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» А. Ж. Кафоев очерчивает те части надписи, которые, по его мнению, содержат неправильно транскрибированные, необоснованно внесенные, замененные, вообще непрочитанные его предшественниками буквы. В такое очерчивание у него попадает вся строка 8 и строка 9 без последней буквы Ф. Безосновательность такого «определения» автора очевидна.

Строка 10. Для своего «прочтения» автор использует последнюю букву Ф строки 9, которую соединяет с 4 буквами строки 10, т. е. следует словоразделу своих предшественников. Вместе с тем, он возражает им, что вторая буква строки 10 не похожа на ипсилон (правда, вместо ипсилон – u, как и ранее, ставит гамму – y). Эту букву А. Ж. Кафоев считает сигмой. Причем, сигму он представляет как конечную сигму – ç. Во-первых, если это ç, то она должна стоять в конце слова. Но тогда сам А. Ж. Кафоев не может предлагать своего «чтения» единой лексемы, в которой сигма должна стоять внутри слова – σ. Во-вторых, А. Ж. Кафоев в своем рисунке «Зеленчукской надписи, подлежащей расшифровке» искусственно придает второму знаку строки 10 дополнительные изогнутые верхнее и нижнее окончания, что, кстати, случайно приближает к отдельным формам i и u минускульного письма, хотя А. Ж. Кафоев вообще не задумывался над вопросами возможных типов письма. Но таких окончаний нет ни на одном из изображений Зеленчукской надписи.

Данный факт говорит только о том, что автор преднамеренно искажает знак, стремясь добиться его визуального сходства с буквой ç. Мы можем полагать, что к таким действиям его подтолкнул второй дериват Зеленчукской надписи В. И. Абаева, опубликованный в «Осетинском языке и фольклоре» в 1949 г. В нем при перерисовке репродукции В. Ф. Миллера (или в результате типографской помарки) и появился дополнительный изгиб у нижнего окончания знака (подобное изменение знака, но не

влияющего на его идентификацию, представлено, например, на дериватах надписи Г. Ф. Турчанинова и А. Х. Бязырова). Вновь приходится констатировать, что А. Ж. Кафоев не имел ни малейшего представления и понимания об источниковой базе исследования Зеленчукской надписи.

А. Ж. Кафоев утверждает, что вторую букву *ς* строки 10 нельзя подменить буквой *ι*, не искажая текста, а потому невозможно прочесть «фоурт». Но дело в том, что именно А. Ж. Кафоев преднамеренно заменяет второй знак строки на искусственно созданную им *ς*. Кроме того, второй знак строки идентифицируется с буквой *υ*, составляющей лигатуру со следующей буквой *ρ*, в пользу чего говорит и сама форма *ρ*, что и дает чтение *φοурт*, т. е. *furt*, а не «фоурт». А. Ж. Кафоев, как и его последователи, не осознает, что «фоурт» является кириллической буквенной транскрипцией греческого *φοурт*. Чтение же данной лексемы в латинской, фонетической транскрипции имеет форму *furt*.

Сам А. Ж. Кафоев, объединяя последнюю букву *Φ* строки 9 с четырьмя буквами строки 10, «читает» лексему *ΦΟΣΡΤ* как «фэусырт». Ее он составляет из префикса *фэ-* адыгейского языка, при *хуэ-* кабардинского языка, и корнями «усэ», «усын». Вновь оставляем в стороне вопрос соотношения «перевода» надписи с кабардинского языка за счет привлечения теперь уже не бжедугского, а адыгейского источника. Только отметим, что вновь «не везет» букве *О*. Теперь она должна объединить в себе конечную гласную префикса *фэ-* и начальную гласную корней «усэ», «усын». Для *-ы* вообще нет буквенной фиксации.

Строка 11. А. Ж. Кафоев заявляет, что все исследователи читали первую букву *Π* как *Б*, трактуя такой подход как замену ими буквы. Но в данном случае исследователи исходили из наблюдения о передаче буквой *Π* звука *-б*, которого не было в византийско-греческом языке. Подтверждением тому служили и иные письменные источники, составленные на основе византийско-греческой графики. Причем, продолжая свою линию, А. Ж. Кафоев вновь курьезно в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» заменяет *Π* в строках 11, 12, 15, 16 на русскую печатную заглавную букву *Б*.

В строке 11 автор усматривает имя Пакъэ адыгоязычных народов, в котором пэ – «нос» и суффикс къуэ. Таким образом, по А. Ж. Кафоеву, вторая буква строки А передает звук -а, а четвертая буква строки А передает уже звук -э или -уэ, т. е. в последнем случае, тот звук, который ранее приписывался им букве О. Остается без объяснений, почему в Пакъэ при привлечении «пэ» и «къуэ» происходит переход э→а, уэ→э. Интересно также отметить, что в своей таблице неправильно транскрибированных, необоснованно внесенных, замененных, вообще непрочитанных его предшественниками букв А. Ж. Кафоев не находит для строк 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11 неправильно транскрибированных букв. Видимо, так навсегда останется неизвестным, что вообще представлял себе А. Ж. Кафоев научной работой.

Строка 12. Выделяются начальные три буквы ΘΑΡ, которые интерпретируются как адыгское название бога «тхъэ» с аффиксом именительного падежа -р – тхъэр. Оставляем в стороне вопрос о подтверждении формы тхъэр. Ничем не аргументируется возможность передачи греческой Θ как тхъ, если только она не «подсказана» латинской транскрипцией для греческой Θ – th. А. Ж. Кафоев утверждает, что предшественники начальную букву строки Θ передают как букву Т, полагая, что обе буквы передают один звук. Автор настаивает, что при передаче одного и того же звука должна бы была использоваться одна буква. Таким образом, автор не понимает наблюдения В. И. Абаева, что в надписи двояко передается придыхательное t, включающее зависимость от его положения, в одном случае, внутри слова – θ, во втором случае, на исходе слова – т.

Отметим еще одну несообразность в «чтении» А. Ж. Кафоева. Для строки 11 он отмечал замену предшественниками буквы П на Б (о ее русской форме уже говорилось), что «зафиксировал» в своих таблице и рисунке «Зеленчукской надписи с поправками...». Та же «фиксация» повторяется им и для строки 12. Для той же строки в таблице замена Θ на Т, отраженная и в рисунке «Зеленчукской надписи с поправками...», определяется как неправильное транскрибирование. Однако по тексту речь идет о, якобы, замене букв. Получается, что сам А. Ж. Кафоев путается в

собственных критериях понятий транскрибирования и замены букв.

Остается также без четкого определения звуковое содержание второй буквы А. Этимологическое решение А. Ж. Кафоева усугубляется его попыткой трактовки Ос-Багатар, как содержащее название северокавказских народов Ос, Бага – Пако и Тар – неправильное произношение адыгского слова Өар. Правильным автор считает произношение в Зеленчукской надписи: Пака Өар, т. е. Пакъэ тхъэр – «богоподобный Пако». В комментариях не нуждается.

Строка 13. Последние две буквы строки 12 ПА и две первые буквы строки 13 КА вновь объединяются в ПАКА. Затем вновь следует соответствующее чтение ӨАР. Курьезность такого «прочтения» заключается еще и в том, что для чтения ӨАР в данной строке отсутствует буква Р. Однако легко понять, откуда она взялась у А. Ж. Кафоева. Автор, указывает, что В. И. Абаев, искажая текст надписи, заменил последнюю букву И строки 13 на букву Р. В таблице А. Ж. Кафоева это отражено как замена буквы, а в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» – уже как необоснованно внесенная.

Не будем вновь говорить о том, что последняя буква строки 13 не русская буква И (такая форма придается и в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...»), а греческая буква Η (η). В. И. Абаев не заменял Η на Р. Он полагал, что в надписи перед Η была пропущена буква Р, в чем могло сказаться проявление такого фонетического явления, как выпадение r между гласными. Данный момент в «прочтении» А. Ж. Кафоева ярко демонстрирует то, что его автор занимался не дешифровкой Зеленчукской надписи, а подбирал для своей трактовки любые известные ему примеры, в том числе из исследований предшественников. Такой подход стал возможен только на том основании, что А. Ж. Кафоев не понимал разницы между источником и его научным изучением. В результате, он, видимо, уже бессознательно, смешивал данные источника и данные научных дешифровок, причем, при непонимании аргументации последних.

Строка 14. Последняя буква Н строки 13 и первые две буквы ФО строки 14 вновь «читаются» А. Ж. Кафоевым как НФО строки 7. Последние три буквы строки УРТ «читаются как «уэрат», «уэрт» – «именно ты есть», «ты был есть», составляясь из «уэ» – «ты», указательного местоимения «ар» – «он», «это», «то» и суффикса утверждения т. Оставляем в стороне тот факт, что в тексте работы УРТ передается как үРТ, т. е. с начальной гаммой – ү, а не с ипсилон – u. В трактовке А. Ж. Кафоева Ү выражает «уэ», т. е. звук, выражение которого ранее приписывалось им букве О или букве А. Остается без объяснения объединение в таком выражении в Ү гласных на стыке «уэ» и «ар». Остается без объяснения появление в «уэрат» гласного а перед согласным т. Если исходить из приведенного А. Ж. Кафоевым примера «сэрат» – «я был это есть», как подтверждающего наличие а, то без объяснения остается отсутствие его буквенной фиксации в УРТ.

В контексте собственного «прочтения» строки 14 А. Ж. Кафоев пытается возражать прочтению здесь «осетинского слова «фурт». Так прочел слово еще В. Ф. Миллер (в передаче А. Ж. Кафоева – фоврт или фоврт, т. е. с греческими ню – v или гаммой – ү, вместе ипсилон – u). А. Ж. Кафоев указывает, что в Зеленчукской надписи слово «фоврт» состоит из 5 букв, тогда как осетинское слово «фурт» состоит из 4 букв. Как уже отмечалось, А. Ж. Кафоев настаивал на отсутствии в надписи дифтонга ou, передающего звук -у, тогда как его предшественники использовали именно такой дифтонг (в передаче А. Ж. Кафоева, оу, т. е. с гаммой – ү, вместо ипсилон – u, сравни его үРТ), полагая, что «надпись на Зеленчукской плите выполнена на осетинском языке при соблюдении греческого правописания».

Возражения автора могли бы быть значимыми только вне контекста самой Зеленчукской надписи с ее греческим письмом. Впрочем, во многом именно вне такого контекста и реализуются трактовки самого А. Ж. Кафоева, в том числе, в отношении дифтонга ou, искусственно разделяемого им для отдельных лексем. Следует отметить, что для «осетинской версии» передача дифтонгом ou звука -у надежной основой служат не только примеры из ономастики городов Северного Причерноморья, но так-

же данные по аланской фразе Иоанна Цеца (σαουυυε<σαουυεν – «священник», дигор. sawgin – «священник», «поп», заимствовано в кабардинский язык), аланские маргиналии (πητζινακ χουτζαου παυ – «воскресенье», дигор. хисаwbon – «воскресенье», дословно «бог-день»), а также в аланской надписи, нанесенной на сердоликовую гемму железного перстня из погребении № 18 (конец II-первая половина III вв.) Жинвальского могильника (Грузия) – ΒΑΚΟΥΡ.

Строки 15-16. А. Ж. Кафоев читает как АНПАЛΑΝΑΠΑ – анэ-пальэнапэ – «мать+равный+лицо». Слово предлагается понимать как «честь кормилицы», что задействует хорошо известную в языках кавказских и иных народов, в том числе в осетинском языке, идеосемантику «лицо»→«совесть». Оставляем в стороне вопрос о передаче буквой П соответствующего звука, поскольку А. Ж. Кафоев игнорирует значение составления надписи греческим письмом. Автор также заявляет, что «... Абаев... после букв λαNa, ссылаясь на ошибку писца, вставляет букву N (в слове «А(н)балана») и этим искажает текст надписи». Этим, видимо, объясняется наличие «необоснованно внесенной буквы» в таблице А. Ж. Кафоева. Во-первых, слово имеет форму А(N)ΠΑΛΑΝΗ. Во-вторых, В. И. Абаев корректно отмечал, что пропуск буквы мог быть как ошибкой резчика, так и проявлением фонетического явления – носовое произношение начального -а в конкретном имени. К сожалению, А. Ж. Кафоев в очередной раз демонстрирует непонимание лингвистической стороны исследования надписи, стараясь вообще опускать аргументацию тех, с кем он «спорит».

Для первого слова «мать», которое может содержаться, по А. Ж. Кафоеву, в АН, более близко, например, черкесское «ан(э)». Поскольку автор «переводит» с кабардинского языка, то следует брать кабардинское «анэ» [Шагиров А. К. 1977. С. 61] и задаваться вопросом о конечной гласной. Если же напомнить, что А. Ж. Кафоев вполне доброжелательно относился к утверждению Г. Ф. Турчанинова о фиксации в строке 8 начального придыхательного X, свойственного в такой позиции кабардинскому языку, то тогда, по его же логике, следовало бы ожидать написание «хан».

Для третьего слова «лицо/совесть», которое может содержаться, по автору, в НАПА, следует подразумевать кабардинское «напе», составленное по схеме «на» – «глаз» + «пе» – «рот» [Шагиров А. К. 1977а. С. 9; Карданов Б. М., Бичаев А. Т. 1955. С. 778], т. е. по схеме, также хорошо известной в языках кавказских и иных народов, в том числе в осетинском языке. Получается, что буква А передает два разных звука. Впрочем, в приводимом А. Ж. Кафоевым для сопоставления примере нэпэлэлъэщІ для понятия «глаз» дается форма «нэ», а не «на».

Строка 17. Все буквы строки ЛАННФ в соединении с первой буквой О строки 18 «читаются» как ллэныфлэу, составленное из ллэ, соединительного суффикса и, флэ, суффикса наречия у. В таком «соединении» остается без объяснения буква Н, а буква О в очередной раз объединяет в себе передачу гласных разных частей слова.

Строка 18. «Читается» очередное үРТ – «уэрат».

Строка 19. Первые две буквы ЛА «читаются» как лла строки 4, для которой безосновательно отвергалось чтение имени Ν(ι/η)κολαος. Не требует пояснений. А. Ж. Кафоев указывает, что «третью букву девятнадцатой строки – К проф. Абаев по непонятным причинам читает как Г, тогда как во всех остальных случаях (в строках 4, 11, 13) он читает ее правильно». В своей таблице автор относит букву к неправильно транскрибированным, а в рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...» ставит на ее месте русскую букву Г. На самом деле, В. И. Абаев рассматривал К как последнюю букву отдельной лексемы. Такой конечный к, вместо ожидаемого ү, легко объяснялся им тем, что звонкие согласные в паузе оглушаются. Вновь следует отметить, что, к сожалению, А. Ж. Кафоев в очередной раз демонстрирует непонимание лингвистической стороны исследования надписи, стараясь вновь вообще опускать аргументацию тех, с кем он «спорит».

Строка 20. Последние две буквы КА строки 19 и все буквы ННТЭНР строки 20 «читаются» как КАННТЭР – «къантазыр», составляясь из «къан» – «воспитанник» и «тазыр» – «судьба», «рок». Оставляем в стороне вопрос о заимствованном из тюркских

языков характере слова «къан» и о позднем времени такого заимствования [Абаев В. И. 1973. С. 262], а также само значение и происхождение кабардинского «тазыр» [Шагиров А. К. 1977а. С. 67]. Лишней в «переводе» А. Ж. Кафоева остается первая из двух букв Н. Для «тазыр» остается только ТЭР, что явно говорит уже о «дефиците» букв. В Зеленчукской надписи буквы Т и Э соединены между собой, что указывает на несомненное наличие лигатуры тџ, передающей один звук -ц. А. Ж. Кафоев в своих рисунках «Зеленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке» убирает данное соединение, т. е. совершает их произвольное, искусственное расчленение. Но и при такой манипуляции в его «прочтении» букв отдельно для «тазыр» отсутствует буква А. Непонятно, куда девалась вторая Н, которой должно приписываться «чтение» -ы.

Строка 21. Три первые буквы ӨЄО «читаются» отдельно как «хэйуэ», составленного из наречия от прилагательного «хэй» – «честный» и суффикса уэ. При четко фиксируемой в надписи букве Х остается непонятным, почему на ее месте у А. Ж. Кафоева оказывается буква Ө. Причем, ранее автор приписывал этой букве передачу -тхъ.

Вторая буква Є, по автору, передает -эй. Причем, никаких аргументов для такого «прочтения» не приводится. Остается подозревать, что А. Ж. Кафоев использует, но без указания, наблюдение Г. Ф. Турчанинова, что Є может быть сопоставлено с ясской краткой формой глагольной связки, равной дигор. æj, ирон. i, в которой i, следовавшая за ε (æ), была ошибочно не вырезана резчиком. Таким образом, А. Ж. Кафоев «приспособил» к «кабардинскому прочтению»... прочтение на основе аланского (иранского) языка. Остается отметить, что, исходя из утверждений самого А. Ж. Кафоева, вместо Є у него должна была бы фигурировать А.

Кроме того, А. Ж. Кафоев игнорирует тот факт, что после букв ӨЄ стоит точка, вероятно, разделительного характера, что отрицает наличие в его трактовке единой лексемы ӨЄО. Курьезно, что А. Ж. Кафоев, вопреки действительности, приписывает своим предшественникам игнорирование наличия данной точки,

снимая ее изображение в своем рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...». Она появляется в его рисунке «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке». Но, как мы видели, в его собственном «прочтении» она «не подлежит расшифровке».

Далее А. Ж. Кафоев в своих рисунках «Зеленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке» придает букве С форму конечной сигмы – с, как он делал по отношению к другому знаку строки 10. Следовательно, автор не осознавал, что тем самым он отмечает конец слова, что противоречит его же «прочтению». На основе данных примеров можно вновь констатировать, что А. Ж. Кафоев занимался не дешифровкой Зеленчукской надписи, а подбирал для своей трактовки любые известные ему примеры, в том числе из исследований предшественников. Он не осознавал разницы между источником и его научным изучением, смешивая данные источника и данные научных дешифровок, не понимая аргументации последних.

Последние три буквы строки 21 А. Ж. Кафоев представляет как ΘΣΛ и «читает» как «щылъ» – «лежи», составленному из префикса «щы» и отглагольного корня «лпы». Таким образом, получается, что А. Ж. Кафоев нашел в надписи для Θ передачу уже третьего звука, причем, наиболее курьезного – никакого. Автор далее объясняет, что в Зеленчукской надписи С передает то звук «с», то звук «ш». Но в данном случае обращается к звуку «щ». Возможно, для его передачи ему следовало бы рассмотреть сочетание ΘΣ. Но тогда понадобилось бы обосновать такую трактовку, что автор не делает. Остается только заметить, что при привлечении «щы» и «лпы» звук -ы дважды остается без своего буквенного выражения. А. Ж. Кафоев не отмечает, что, по оттиску Г. И. Куликовского, в строке 21 над буквой С фиксируется знак сокращения – титло, который также препятствует предложенному автором словоразделу.

Остается только отметить некоторые «данные» рисунка «Зеленчукской надписи, подлежащей расшифровке». Этот рисунок являет собой пример произвольного обращения с источником и создания деривата надписи за счет субъективных представле-

ний о ней. В рисунке формы букв подвергнуты определенной авторской переработке. В целом, они не изменяют общего состава букв, но наблюдаются и заметные искажения. В строке 3 вместо более скорописных ψ остается только ψ . В строке 5 конечная ς заменена на ς . В строке 8 второй знак восстановлен как Θ . В строке 9 верхнему левому окончанию лигатуры придана форма правильной окружности. В строке 10 второму знаку придана форма конечной ς . В строках 14, 18 у буквы Υ отсутствует нижний горизонтальный отрезок. В строке 20 лигатура ТЭ ($\tau\zeta$) представлена как две отдельные буквы Т и Э. В строке 21 букве С придана форма конечной ς , а следующему за ней конечному знаку строки форма буквы λ .

Следует полностью согласиться с заключением Л. Згусты: «Кафоев публикует измененный вариант копии Миллера... Публикация Кафоева – не репродукция Миллера, а рисунок, как показано в тексте. Этот рисунок не может использоваться для дальнейшей интерпретации, т. к. это дериват и измененный». Только добавим, что нельзя использовать и измененный А. Ж. Кафоевым дериват В. Ф. Миллера.

Л. Згуста, отметив сильное изменение форм греческих букв в рисунке А. Ж. Кафоева, также указал на приведенные выше заметные изменения в строках 5, 8, 10, 21 (для ς). Далее в форме единой таблицы Л. Згуста произвел транслитерацию всех букв «перевода» А. Ж. Кафоева на латиницу в сопоставлении с греческими буквами Зеленчукской надписи и «черкесской кириллицей». Скрупулезный анализ данных таблицы и дополнительные наблюдения позволили Л. Згусте аргументировано заключить:

«Эта таблица наглядно показывает несостоятельность прочтений... произвольные прочтения мотивированы только желанием получить подходящую черкесскую интерпретацию... фонетические значения были определены буквам с этой целью... метод, которым была достигнута интерпретация, отдельные сравнения и идентификации – неудовлетворительны. Сама интерпретация неудовлетворительна также в целом... абсолютно аномальное содержание и структура предложенного текста надписи... Дериваты отдельных слов и их интерпретации не ме-

нее произвольные... Нет необходимости следовать далее; интерпретация не может быть принята».

Причины столь неудовлетворительного и ненаучного результата работы А. Ж. Кафоева заключаются в игнорировании или изначальном незнании этапов исследования эпиграфических памятников и их содержания [Абаев В. И., Кузнецов В. А. 1965. С. 154]. «Претензии» автора к работам своих предшественников представляются латентной формой переключивания на труды «оппонентов» собственных квазинаучных «методов», позволивших ему придти к заключению, что можно «... читать зеленчукскую надгробную надпись на кабардинском языке, причем для этого не требуется вносить в первоначальный текст никаких поправок и дополнений. Надпись читается свободно, и слова текста в новой расшифровке подчиняются логике языка, язык – логике писца, писец – логике событий».

Эпиграфический этап работы А. Ж. Кафоева ограничивается только заявлениями о неких «эпиграфических трудностях», «эпиграфических данных». Иными словами, вся эпиграфическая часть работы А. Ж. Кафоева заключается только в заявлении о ней, при полном отсутствии такой работы. На данной «основе», игнорирующей целый корпус иных памятников, «палеографические данные», например, позволяют ему датировать памятник V в. и голословно связывать его с прямыми потомками синдов, которые оказались под сильным влиянием греческих городов-колоний, о чем, якобы, свидетельствует один образец письма. Несомненно, А. Ж. Кафоев не имеет никаких представлений, например, о наглядном различии раннего и позднего унциалов, о существовании минускула, лигатур и т. п. Он, как и его идейные последователи, вообще не имеет никаких представлений о данных греческой палеографии, которые, в действительности, категорически препятствуют желаемой для автора датировке, но позволяют принять датировку специалистами памятника XI-XII вв. А. Ж. Кафоев не осознает, что древняя Синдика располагалась совсем в ином месте, на черноморском побережье (его г. Горгиппия находилась на месте современного г. Анапа), а сама история Синдики

закончилась за многие столетия до времени создания Зеленчукской надписи.

А. Ж. Кафоев изначально заявил об отказе проведения лингвистического этапа работы. Однако его работа отражает имитацию такого этапа. Причем, автор даже не задается вопросом об историческом развитии языка, который, например, закономерно представлен в «осетинской версии» прочтения. Вместо этого, А. Ж. Кафоев, «читая» надпись по-кабардински, просто задействует примеры из других родственных кабардинскому языкам западнокавказской группы, дополняя их собственными произвольными конструкциями отдельных слов. Такой подход, в целом, давно получил в науке определения «сирены созвучий» и «лингвистической алхимии».

А. Ж. Кафоев также игнорировал филологический этап исследования, который полагает введение изучаемого памятника в круг аналогичных по типу памятников с целью установления его назначения, а также содержания, структуры, формул и словосочетаний его текста. Причем, для данного этапа любой исследователь имеет в своем распоряжении достаточно представительный корпус христианских эпиграфических памятников, в том числе, близких по времени и месторасположению Зеленчукской надписи. Вместо этого А. Ж. Кафоев занимался субъективными рассуждениями об истории христианства на Северном Кавказе, что понятно с той точки зрения, что без игнорирования соответствующего корпуса памятников невозможно бы было собственное произвольное «чтение». В результате автор произвольно и составил текст надписи с произвольной композицией, с произвольными формулами, с произвольными дериватами слов и т. д.

Заключительный этап исследования эпиграфических памятников – историческая интерпретация памятника – требует привлечение конкретных данных нарративных и археологических источников, их научных исследований. Вместо его проведения А. Ж. Кафоев предлагает общие рассуждения о том, что аланы и осы были не только прямыми предками современных осетин, а так назывались все народы Северного Кавказа, поэтому в аланском племенном объединении были и предки адыгского народа, ко-

торым и принадлежит Зеленчукская надпись. Автор данных сентенций явно не осознает различия в характере использования названия аланов в письменных источниках и его конкретного этнического, географического, полиэтничного содержания, зависящего от характера информации каждого конкретного источника.

Не осознает он и постулирования существования некоего единого адыгского народа, как противопоставления его же представлениям об аланах. Причем, при таком подходе у него одновременно, по факту рассуждений, выделяются синды как предки кабардинцев. Заявления об отсутствии данных о приходе аланов и привлечение сведений Аммиана Марцеллина об объединении аланами различных народов свидетельствует, как об общем незнании аланской проблематики, так и частного непонимания книжного характера сведений Аммиана Марцеллина, объединившего под названием аланов народы, давно сошедшие с исторической арены.

Отсутствие научного подхода в исследовании Зеленчукской надписи А. Ж. Кафоева демонстрируется и тем, что заключительный этап исследования эпиграфических памятников у него, в отмеченной своеобразной форме, предваряет саму работу. Причем, в данном положении вновь в латентной форме на предшественников перекладываются не свойственные им собственные подходы, когда субъективные представления об истории диктуют субъективный «перевод» конкретного памятника. Уровень же лингвистических и исторических знаний А. Ж. Кафоева, в их «плодотворном единстве», наглядно продемонстрирован в другой части его работы. Он объявляет термин «осетин» неустановленным наукой и составляет его из ос – название северокавказских народов, е – соединительный звук, дин – «религия», т. е. «осетин» – «религия осов». Без комментариев.

Навсегда оставшись сторонником «лингвистической алхимии», что видно и по его последующим работам [Кафоев А. Ж. 1999], А. Ж. Кафоев вполне может сетовать: «А в наше время кавказоведы (осетиноведы) пытаются доказать, что аланы являлись не разноязычными, а ираноязычными. Делается это, ссылаясь на сомнительное чтение Зеленчукской надписи (на над-

гробной плите, обнаруженной в долине реки Зеленчук – приток р. Кубань), язык которого остается до сих пор неустановленным (существует около 10 вариантов чтений этой надписи с позиций языка четырех народов). Несмотря на это, признав алан ирано-язычными, осетиноведы делают далеко идущие выводы» [Кафоев А. Ж. 1999. С. 54].

Остается только «радоваться», что спустя годы автор уже не настаивает и на своем «чтении». С сожалением следует констатировать, что цитированное А. Ж. Кафоевым определение И. Фридриха, что «... из ничего нельзя ничего дешифровать. Если не за что ухватиться, если опора пока еще не найдена, значит, серьезных результатов достичь невозможно – остается лишь простор для беспочвенных фантазий дилетантов», точно отражает суть «прочтения» Зеленчукской надписи самим А.Ж. Кафоевым.

В своем автореферате А. Ж. Кафоев заявлял: «Автор диссертационного исследования «Адыгские памятники» в меру своих сил и возможностей пользуется таким методом, привлекает к работе древнюю историю Кавказа, археологию, этнографию, эпиграфику, географию, палеографию, философию, фольклор готов, славян, скандинавов, фольклор и язык адыго-кабардино-черкесов. В этом собственно и заключается методика автора в исследовании древних памятников. Чтобы система аргументации была убедительной, на всех этапах изложения материала автор диссертационной работы строго стремился руководствоваться марксистско-ленинским диалектическим методом... Наряду с нашей методикой чтения древних текстов... автор диссертационной работы придерживался этих указаний (И. Фридриха – А. Т.) и осуществлял как дешифровку, так и интерпретацию надписей комбинаторским методом» [Кафоев А. Ж. 1964. С. 4, 22]. Стоит удивляться, что никаких научных «методик» и «методов», как минимум, в части работы А. Ж. Кафоева по Зеленчукской надписи не прослеживается? Удивились ли такому положению члены диссертационного совета? Вывод может быть только один. «Чтение» А. Ж. Кафоева должно быть категорически отвергнуто как не имеющее никакого научного основания.

2. «Прочтения по-тюркски»

Следующим после А. Ж. Кафоева интерпретатором Зеленчукской надписи выступил М. Кудает [Кудает М. 1965. С. 3; 1965а]. Автор объявил прочтение В. Ф. Миллера неудовлетворительным, как и прочтения его последователей. Подхватив не соответствующие действительности заявления предшественника, М. Кудает «заметил», что последователи В. Ф. Миллера смогли только создать набор имен, но и для этого им, якобы, пришлось добавлять отсутствующие в надписи буквы и игнорировались наличествующие буквы. Кратко раскритиковав А. Ж. Кудаета за его «чтение» на кабардинском языке (ИΣ ΧΣ – известное сокращение на христианских памятниках, «къан» – тюркское слово, «тазыр» – арабское слово), сам критик «прочел» ее на карачаево-балкарском языке, точнее, на диалекте балкарцев Черекско-го (Малкарского) ущелья. Автор дважды «транслитерировал» свой «текст» надписи, как он сам указывает, сначала современным балкарским алфавитом, затем на основе современной речи Балкарии и Карачая. Надуманность такого «метода» исследования очевидна. В результате М. Кудает конструирует такие собственные «тексты»:

1. «Иисус Христос. Ёгс Ыколаос. Цах эриф ой ховсэ. Орсыф Осрт бакъатар ба. Къатаиф Юртан Бал Ана баланыф. Юртлака нэтер Тейри? 79 зл».

2. «Иисус Христос. Ёгюс Ыколаос. Чакъ эриб юй къойубса. Урушуб Осрт багъатыр бла. Къатайыб джуртдан Бал Ана балланыб. Журтлагъа не этер Тейри? 79 джыл».

«Перевод»:

«Иисус Христос. Бык Ыколаос. Вспухнув и растаяв, оставил ты дом. Сразившись с богатырем Осртом. Усопшись с селения (во время) Бал Ана. Что теперь сделает с селениями Тейри (бог)? 79 год».

М. Кудает сообщает, что содержание его статьи было представлено в форме доклада 23 октября 1964 г. на заседании сектора балкарского языка и археологии КБНИИ. Было бы, конечно, интересно узнать о заключении специалистов института, хотя бы по поводу произвольного избрания языковой основы

для «интерпретации» и полного отсутствия сколь-нибудь реального соответствия «содержания» надписи, по М. Кудаву, структуре и содержанию средневековых христианских эпитафий. Для иллюстрации своей работы М. Кудав избрал репродукцию В. Ф. Миллера, обозначив ее как рисунок Д. М. Струкова, опубликованный В. Ф. Миллером (рис. 17), что изначально свидетельствует о непонимании автором источниковой базы для исследования.

Обратимся к построчному рассмотрению «чтения» М. Кудаве. Нас, как и в предыдущем случае, интересует, прежде всего, вопрос соответствия буквенного содержания надписи предлагавшимся фонетическим и лексическим данным, а также выяснение приемов «работы».

Строки 1-2. Оставляется в силе прочтение специалистов «Иисус Христос».

Строка 3. Первые греческие буквы О, А без всякого обоснования интерпретируются, как передающие -ё. Вместо лигатуры ү учитывается только Г и опускается I (i), что соотносится с манипуляциями А. Ж. Кафоева. В целом, ОАГΣ «читается» как Ёгс, что подразумевает Ёгюз – «Бык». Таким образом, без объяснений опускается еще и Ю. Букве Σ соответствует -з, хотя для строк 1, 2 признавалось соответствие с -с, а для передачи -з в греческом алфавите есть буква Ζ (ζ).

Строки 4-5. Вместо первой буквы Ν минускульного письма подставляется буква Η (η), которая читается как -ы. Последней букве ς вновь соответствует -с, как в строках 1, 2, а не -з, как в строке 3.

В целом, строки 3-5 «читаются» как Ёгюз Ыколаос, что М. Кудав считает двумя именами, принадлежащими одному усопшему, что, само по себе, в такой «связке», не имеет никаких оснований, тем более, для христианского памятника. Автор полагает, что имя Ёгюз приводится с целью подчеркнуть национальную принадлежность умершего. Нетрудно заметить, что М. Кудав в данном случае использует ничем не аргументированную «подсказку» Б. А. Алборова именно для строки 3. Таким образом, «Святой Николай», вопреки действительному содержанию Зе-

ленчукской надписи, ее структуре и характеру, превращается в два имени покойного.

Строка 6. Первая буква С «читается» как -ц, хотя в таком случае использовалось бы сочетание TZ (τζ). С другой стороны, букве приписывается уже третье значение, в сравнении со строками 1, 2, 3, 5. Для четвертой буквы Н теперь также дается, по сравнению со строкой 4, второе значение – -и. Букве Х приписывается значение -кь, т. е. уже второе значение, по сравнению со строкой 2, что остается без всякого объяснения.

Строка 7. Вторая греческая буква Н (η) превращается... в букву И русского алфавита. Полностью пропускаются нанесенные над окончанием строки буквы ρτ. Также и последний знак строки, вновь вопреки данным оттиска Г. И. Куликовского, интерпретируется как Ι, «читаясь» как -й. Предшествующая буква Ο, в конечном итоге, в отличие от строки 4, «передает» -ю, которую автор пропускал для строки 3. Греческая буква Φ, как оказывается, передает -б, что ничем не может быть оправдано, тем более на фоне передачи соответствующего звука в надписи через Π.

Строка 8. Букве Х вновь приписывается значение -кь. Для последней буквы Н дается уже третье значение – -э. Если ко всем данным произвольным «прочтениям» добавить и сопоставительную «транслитерацию» М. Кудаева современным балкарским алфавитом и на основе современной речи Балкарии и Карачая «Цах эриф ой ховсэ» – «Чакь эриб юй кьойубса», то нетрудно заметить, как произвольно меняются фонетические значения и переходы, а также дополнительно подменяются и варьируются для конкретных букв Зеленчукской надписи фонетические соответствия.

Строка 9. Буквы выстраиваются в порядке ΟΡΣΗΦ. Нетрудно заметить, что в таком построении полностью игнорируется наличие в начале строки лигатуры οτο. Не обращается внимания на то, что даже для его интерпретации следовало бы объяснить такие формы и месторасположение букв Ο, Σ, их соединение отрезком. Но дело в том, что, фактически, М. Кудаев повторяет «чтение» А. Ж. Кафоева. Вопреки даже иллюстрирующей его ра-

боту репродукции В. Ф. Миллера, он «читает» не существующую в строке первую букву О, искусственно созданную А. Ж. Кафоевым. Таким образом, второй раз выявляется факт следования М. Кудаемым не данным источника, а молчаливому использованию «идей» предшественника, причем, ошибочных и не обоснованных, в целях собственной субъективной интерпретации.

Появление в своей интерпретации третьей буквы Р на месте второго знака строки 8 М. Кудает «объясняет» тем, что резчик ранее ошибочно пропустил ее. Нам остается вспомнить «интерпретацию» Г. З. Чеджемова о соответствующем «исправлении» в строке 9 своей ошибки резчиком. Г. З. Чеджемов прямо не упоминает А. Ж. Кафоева и М. Кудаета, производя подобные манипуляции. Но, в любом случае, показательное использование одних и тех же «методов», соответственно, приводящих к различным «результатам», зависящим от личных желаний авторов.

В данной строке для буквы Н использует ее упоминавшееся третье значение – -э. Для не существующей буквы О дается значение -о, приводящее, в конечном итоге, к -у, как один из вариантов А. Ж. Кафоева. Для буквы С дается значение -с, как в строках 1, 2, 5, а не -з, как в строке 3, и не -ц (-ч), как в строке 6. С учетом отмеченных замечаний для сопоставительных «транслитераций» М. Кудаета, приведем очередную сопоставительную «транслитерацию» для строки 9: «Орсыф» – «Урушуб».

Строка 10. Вторая буква «читается» как Σ, т. е. вновь как в строках 3, 5, 9, а не как в строке 6. Но в данном случае более показательное другое наблюдение. Никакой буквы Σ в строке 10 нет. Она здесь «появилась» в результате манипуляции А. Ж. Кафоева. Таким образом, М. Кудает вновь занимается не анализом данных самой Зеленчукской надписи, а молчаливо использует чужие «идеи», приспособивая их под свою субъективную интерпретацию. В результате он «читает» в своей строке 10 имя Осрт, которое, по М. Кудаету, говорит о том, что его носитель был из нетюркоязычных народов. Понять основания для последнего заявления не представляется возможным. «Имя» оказывается вне любого сопоставительного материала или этимологического решения.

Строки 11-12. Четыре буквы строки 11 и три буквы строки 12 читаются как одно слово ПАКАӨАР – «богатырь», т. е. М. Кудав в данном случае следует направлению В. Ф. Миллера и его последователей, которые, по самому интерпретатору, «смогли только создать набор имен». Причем, М. Кудав, давая в переводе значение «богатырь», рассуждает о том, что Бакъатар было именем, собственным или родовым. Таким образом, мы получили бы еще одного носителя сразу двух имен, только ему также не повезло с определением «национальной принадлежности». Остается также вспомнить о наличии в балкарском и карачаевском языках только тюркского «батыр» [РКБС. 1965. С. 42, 52, 70, 117, 379, 395, 584, 651, 692; Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. 1989. С. 122]. В целом, и данные балкаро-карачаевской ономастики [Алиев И. И., Алиева З. И. 2003. С. 16, 51, 52, 56-57, 93, 110, 119, 195-196] не выходят за пределы тюркской лексики.

Дело тюркологов оценить хотя бы падежные формы в «прочтении» М. Кудавеа. Сопоставительная «транслитерация» «бакъатар»-«багъатыр» выявляет еще один показательный момент. Букве К строки 11, в отличие от строки 4, приписывается передача -къ. Но такая передача приписывалась букве Х строк 6, 8, хотя для строки 2 она для М. Кудавеа бесспорно передает -х. Дальнейший переход -къ→-гъ нуждается в обосновании, которое не представлено. Для последней гласной в слове снова представлен переход, -а→-ы, который также ничем не обосновывается. Кроме того, даже для «бакъатар» М. Кудавеа сопоставительной является только форма дигор. bæḡatær, свободная от возможного влияния тюрко-монгольских языков. Но, собственно, сама форма «бакъатар» не имеет своего исторического основания. Последние две буквы строки 12 ПА «читаются» как союз «бла» (и), который, по М. Кудаву, в некоторых современных тюркских языках произносится как «ба». Вынужденно оставляем другим возможность догадываться о значении произношений, о смысле и месте появления союза.

Строка 13. Все буквы данной строки объединяются с первой буквой строки 14 в одну лексему (в переводе статьи М. Кудавеа на русский язык [Кудав М. 1965а] третья буква Ө почему-то

передана как О – А. Т.). С учетом указанных замечаний приведем сопоставительную «транслитерацию» М. Кудаяева для полученного «чтения»: «къатаиф» – «къатайыб». Сразу обнаруживается, что первой букве К приписывается значение -къ, о чем уже говорилось выше. Последняя греческая буква Ф вновь безосновательно передает -б. Последняя, пятая буква строки 13, греческая Н (η) «читается» автором как буква И русского алфавита. Таким образом, курьезное использование русской буквы И в «прочтении» А. Ж. Кафоева (такая форма придана и букве в его рисунке «Зеленчукская надпись с поправками...»), обрело в «прочтении» М. Кудаяева, вновь не упоминающего в данном случае автора «идеи», свое воплощение как «факт». М. Кудаяев даже не заметил, что ему не надо было ничего теперь выдумывать, т. к. он уже читал в строке 6 греческую Н (η) как И (в других случаях как Ы). Теперь же у него одна буква получила два «воплощения», причем, на основе разных алфавитов.

Строка 14. Приведем сопоставительную «транслитерацию» М. Кудаяева, объединяющего четыре последние буквы строки 14 и две первые буквы строки 15 в одну лексему: «юртан» – «джуртдан» (в переводе статьи М. Кудаяева на русский язык [Кудаяев М. 1965а] на месте третьей буквы строки Υ (υ) почему-то появляется Г, что напоминает γΡΤ для данной строки у А. Ж. Кафоева – А. Т.). Таким образом, дифтонгу ou, передающему звук -у приписывается передача -ю. Напомним, что для строки 3 автор опустил его передачу. Если исходить из указания на «юрт» через «йурт», то нет фиксации для -й, которую сам автор «находил» для строки 7 в лице I (i). Здесь в его «балкарском прочтении» -ю оказалось передано через О. Собственно, для передачи -ю вполне хватало греческой u [Славова Т. 2009. С. 119]. Если избирать передачу -дж, поскольку М. Кудаяев «читает» по-балкарски, то в надписи следовало бы ожидать использование греческих ΔΖ или Ζ. Впрочем, «чтение» М. Кудаяева часто исходит из какого-то «подразумевания», которое, например, для Т строки 14 ведет к -т и -тд.

Строки 15-16. Последние две буквы строки 15 ПА и первая буква строки 16 Λ объединяются в одну лексему, с которой свя-

зывается еще одна лексема, составленная из второй, третьей и четвертой букв строки 16 – ANA. В целом, «читается» как ПАЛ ANA – «Бал Ана», в котором второе слово сопоставляется со значением «мать» в названиях божеств (вспомним «прочтение» А. Ж. Кудяева? – А. Т.). В результате, без всякой аргументации, «Бал Ана» определяется как имя. Заметим, что данная лексема известна также в западно-кавказских и в восточно-кавказских языках. Представлена она и в осетинском лексическом фонде (papa, æpa – «мама», «бабушка»), в финно-угорских языках, входя в конечном итоге к индоевр. ana – «кормилица», «мать».

Строка 17. Последние две буквы строки 16 ПА и все буквы строки 17 ЛАННФ складываются в одну лексему, которую, уже привычным способом представим в сопоставительной «транслитерации»: «баланыф»–«балланыб». Оставим в стороне знакомые «подразумевания» для Л – л и -лл, для Н (η) – -ы, для Ф – уже очередное -ф и -б. Необъяснимым представляется передача -б в одном слове двумя разными буквами. Вновь вынужденно оставляем другим возможность догадываться о значении и наслаждаться логикой М. Кудяева по поводу его объяснения, что «... именем «Бал Ана» обозначено время, когда умер человек, «Бал Ана балланыф» несет значение «когда скот поднимается вверх».

Строки 18-19. В целом, в строке 18 «читается» знакомое уже «юрт». Только теперь к нему добавляется еще одно «подразумевание» «журт» на месте прежнего варианта «джурт». Лексема представляется как единое целое со всеми буквами строки 19, получающими форму в сопоставительной «транслитерации» «юртлака»–«журтлагъа» (в переводе статьи на русский язык в очередной раз на месте буквы с Ү представлена буква Г – А. Т.). Как и для строки 11 представляемый дальнейший переход -къ→-гъ остается без обоснования.

Строка 20. М. Кудяев выстраивает следующий порядок букв всей строки – ННТЭНР. Сразу можно отметить, что в Зеленчукской надписи буквы Т и Э (Z) соединены между собой, указывая на несомненное наличие лигатуры TZ (тз), передающей один звук -ц. Как уже отмечалось, А. Ж. Кафоев в своих рисунках «Зе-

ленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке» убирает данное соединение, т. е. производит их произвольное, искусственное расчленение, чтобы добиться собственного «прочтения».

Таким образом, М. Кудяев в очередной раз использует манипуляции А. Ж. Кафоева, без указания на их авторство. Но их он «приспосабливает» для собственного «прочтения», в очередной раз оригинально развивая и другие «идеи» А. Ж. Кафоева. Он заявляет, что мы имеем дело с буквой Э русского алфавита: «В этой надписи есть две буквы, отсутствующие в греческом алфавите: Э и И. Эти две буквы есть в старославянском алфавите, составленном болгаринном Кириллом (Константином)».

Приведенное заявление не имеет под собой никакой основы. Буква Э с двумя параллельными горизонтальными отрезками использовалась для передачи старославянского -е в глаголице. Изредка Э вместо Є начинается появляться в югославянской кириллице только в XIII-XIV вв. или в XIV в. В конце XIV в. в связи с военно-политическими событиями происходит бегство некоторых югославянских грамотеев на восток. С данными событиями и связано появление в кириллических записях Э в XV в., точнее с конца XV в., в Западной Руси для выражения Э в начале слога. В гражданскую азбуку данная буква вошла только при Петре I [Карский Е. Ф. 1979. С. 186-187; Щепкин В. Н. 1967. С. 118, сн. 45, 125, 131]. Таким образом, нет никаких оснований пытаться устанавливать для Зеленчукской надписи наличие буквы Э.

Представим сопоставительную «транслитерацию»: «нэ-тер»—«не этер». Русская буква Э, в понимании М. Кудяева, еще и сопрягается с русской буквой Е. В то же время вторая буква строки Н (η) передает не то -э, не то -е и -э (сравни со строками 8, 9 – А. Т.), т. е. имеет то же значение, что и придуманная Э русского алфавита. Остается напомнить, что ранее М. Кудяев уже «читал» Н как -и и -ы, т. е. и для буквы Н он нашел уже третье значение. Причем, значение, которое в той же строке сразу будет передавать его придуманная буква Э русского алфавита. Что касается следующей за ней буквы Н, то для нее М. Кудяев находит уже четвертое значение – никакое. Вспомним, что эту же букву

«потерял» в своей интерпретации и А. Ж. Кафоев, который для второй из букв Θ той же строки 21 аналогично нашел третье для нее значение – никакое.

Строка 21. Первые две буквы $\Theta\epsilon$ М. Кудаев представляет как сокращение ТЭЙРЭ. Таким образом, буква ϵ становится уже третьей буквой, в понимании М. Кудаева, передающей -э – Н, Э, ϵ . В строках 1, 2 М. Кудаев признавал наличие сокращения $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma$ – Иисус Христос. Следовательно, он признавал христианский характер надписи. Но что делает рядом с Иисусом Христом языческий Тейри? Почему так продолжают опасаться именно Тейри, или Иисус терпел и не такое? Если допустить, что Тейри теперь представляет Бога монотеистической религии, то как с ней соотносится конструкция «перевода»?

Кроме того, указывая на «сокращенные сочетания $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma$ », М. Кудаев забыл или изначально не понимал, что в самой Зеленчукской надписи данные сокращения обозначены знаком сокращения – титло. Никаких знаков сокращения для его выдуманного сокращения $\Theta\epsilon$ надпись не имеет. Остается без объяснений, почему ТЭЙРЭ должно быть сокращено. Или просто по аналогии с $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma$? Или $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma$ и ТЭЙРЭ одно и то же?

Для следующих в строке букв $\Theta\Theta$ (в переводе статьи на русский язык они переданы как $\Theta\Theta$ – А. Т.) дается значение 79. Таким образом, используется греческий способ передачи буквами цифр ($\Theta=70$, $\Theta=9$). Причем, М. Кудаев признает приемлемой датировку В. Ф. Миллера 1013 г.

Но, во-первых, В. Ф. Миллер не датировал Зеленчукскую надпись 1013 г. н. э. Речь шла о том, что рядом с местом обнаружения Зеленчукского камня находились обширные развалины древнего христианского города. На его кладбище, возле церкви, был обнаружен крест с надписью, начертания букв которой, по наблюдениям В. Ф. Миллера, мало отличались от начертания букв в Зеленчукской надписи. Надпись на каменном кресте датировалась 6521 г. от Сотворения мира, что соответствует 1013 г. н. э. современного летоисчисления. Поэтому с определенной долей уверенности В. Ф. Миллер датировал Зеленчукскую надпись XI-XII вв. н. э. или XI в. н. э.

Во-вторых, датировка М. Кудаемым 79 г. («другая не подходит», как он замечает), при его признании справедливой датировки В. Ф. Миллера, также должна исходить из летоисчисления от Сотворения мира. Таким образом, М. Кудавев «достойно» и завершает свое субъективное «прочтение» Зеленчукской надписи, датируя ее не началом XI в. н. э., как он себе представлял, а около середины VI тыс. до н. э., точнее 5429 г. до н. э.

Последние две буквы строки 21 М. Кудавев представляет как ΣΛ и переводит их как «год». Остается вновь вспомнить, как Б. А. Алборов, также как М. Кудавев, не задумываясь над проблемой введения в греко-византийскую датировку слова «год», идентифицировал последнюю букву строки с Α, утерявшей «брюшко», чтобы сопоставить ее с сокращением дигор. anz – «год» или цифрой. Кроме того, по оттиску Г. И. Куликовского, над Σ (C) стоит знак сокращения – титло.

Приведем сопоставительную «транслитерацию» М. Кудавеа: «зл»–«джыл». Для -ы в его ΣΛ нет места. Но поскольку М. Кудавев ничего не знает о знаке сокращения титло над Σ, то его «сокращение» изначально произвольно. Σ, как и в строке 3, идентифицируется с -з, тогда как в строках 1, 2, 5, 9 – с -с, в строке 6 – -ц (-ч). Для сопоставления с -дж остается вспомнить о «подразумеваниях» М. Кудавеа в строке 14.

Остается непонятным, зачем для передачи -з использовать букву Σ, если греческий алфавит имел букву Ζ (ζ). Что касается -дж, то для его передачи вполне достаточно той же буквы Ζ или сочетания ΔΖ, ΤΖ. Следует отметить, что именно такая буквенная передача звуков многократно представлена в различных средневековых греческих текстах, в которых приводятся тюркские этнонимы, антропонимы и т. д. [Moravscik Gy. 1983a. S. 33, 35]. С другой стороны, например, в болгарской надписи греческими буквами из церкви в г. Преслав звонкая аффриката ž передается буквой Ζ (ζ), глухая аффриката ś – лигатурой ΤΖ (τζ), шипящая аффриката č – лигатурой ΣΧ (сχ), что, видимо, является упрощением трехбуквенного сочетания тсχ [Мудрак О. А. 2005. С. 85]. Соответствующая передача звука в тюркских словах через τζ имеет и другие подтверждения [Славова Т. 2009. С. 119].

Ранее упоминалось, что на одном из камней с изображением креста из района, где была найдена сама Зеленчукская надпись [Помяловский И. В. 1881. С. 8, № 12, таб. 3], исследователи определили слово ΔΖΟΥΒΑΡ, сопоставимое с осет. dzuar – «крест» (заимствовано из грузинского языка и в другие северокавказские языки – А. Т.). Таким образом, не только расширяется круг памятников алано-язычной, христианской эпиграфики, но для нас он дает и пример полагаемого ΔΖ. Исследователи для новой зеленчукской находки указали и на параллель в лице аланских маргиналий [Виноградов А. Ю. 2006. С. 121, сн. 75; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 25, сн. 55], которая, к сожалению, пока известна нам только в латинской транслитерации tzu var (τζουβαρ? – А. Т.) по интернет-обращению автора находки С. Энгберг с соответствующим пояснением «крест».

В своей статье М. Кудаев отмечает, что и некое ОΣ он читает как русское -ю (йу), но пример тому обнаружить в его «чтении» не удалось. Для ОΣ строки 5 он не дает подобных значений, также как и для строки 10 с ее выдуманной буквой Σ. Что касается -ю, то в строках 14, 18 М. Кудаев путано обнаруживал ее в других сочетаниях. Получается, что М. Кудаев не только приписывал одним и тем же буквам передачу различных фонем, а одной и той же фонеме – передачу различными буквами, но и одним и тем же фонемам – различные сочетания букв. «Чтение» М. Кудаева представляет христианскую эпитафию, структура и содержание которой не имеют ничего общего с подобными реальными памятниками. Автор отмечает и находки раннесредневековых тюркских рунических надписей на Северном Кавказе. Но и среди них мы не обнаружим никаких параллелей для нашего вопроса. В целом, мы вообще не находим параллелей и в иных тюркских эпиграфических памятниках. С другой стороны, если подразумевать в надписи отражение христианизации местных тюрков, которое уже, по самому М. Кудаеву, должно стоять за греческой графикой надписи, упоминанием в ней Иисусу Христа и изображением креста, то почему надпись в своей основе не имеет ничего общего с христианской традицией?

Трудно сказать, насколько комфортно чувствовали себя сотрудники научно-исследовательского института, заслушивая доклад М. Кудяева. Сама работа М. Кудяева не имеет никакого отношения к научному исследованию, полностью разделяя все те замечания, которые высказаны по отношению к работе А. Ж. Кафоева. Собственно, и «прочтение» М. Кудяева является «идейным дериватом» продукции предшественника. Не стоит, как делают некоторые современные исследователи, подрывать доверие к собственным оригинальным работам упоминанием «иной интерпретации надписи» М. Кудяевым, в сравнении с ала-но-осетинской, как «перевода с тюркского» [Прокопенко Ю. А., Лубова С. Ф. 2010. С. 28; Прокопенко Ю. А. 2013], и иных примеров [Беляев Л.А. 2000. С.250, сн.131].

Продолжателем идеи «прочтения» Зеленчукской надписи как тюркоязычной выступил И. М. Мизиев [Мизиев И. М. 1986. С. 110-116]. Он заявил, что «В. Ф. Миллер внес в надпись плиты 8 дополнительных букв (своеобразная, ложная по сути, «мантра» для самого И. М. Мизиева [Мизиев И. М. 1991. С. 292] и его последователей – А. Т.), которых на плите не было, и без которых он не мог ее прочесть. Эти правки опубликовал А. Ж. Кафоев». Сам И. М. Мизиев, «не останавливаясь более на различных манипуляциях с буквами и словами надписи, к которым прибегали все его (ее? – А. Т.) касавшиеся исследователи...», перешел к собственным манипуляциям и сконструировал собственный «текст»:

«Иисус Христос Оавг Николаос Сахириф ой Хобси Дуло, Батбай, Адван, Суван ыйф [обозначены тамгой] ос адван (т) пакатар пак ата йюуртан палапан алан йюуртлака интенрте от зл».

«С позиций цокающего диалекта балкарского языка...»:

«Иисус Христос явгу Николай цахырыф юй Хобсны (Дуло, Батбай, Адван, Суван) ыйиф ез Адван Бакатар Бек Ата Журтан белянюб алан журтлагъа итинер де. Егюз зыл».

«Перевод»:

«Иисуса Христа заместника Николая призвав от дома Хобса (Дуло, Батбай, Адван, Суван) объединения один сам адван(т) Бакатар бек от отцовского юрта (ата юрт – родина, отчизна) отде-

лившись в юрт аланов (степей, долин) стремится».

Мы подробно останавливались на вопросе «опубликованных правок А. Ж. Кафоева», что освобождает теперь от объяснения субъективных и ложных заявлений И. М. Мизиева. Важным представляется иной момент в работе самого И. М. Мизиева. Напомним справедливое замечание Л. Згусты: «Кафоев публикует измененный вариант копии Миллера... Публикация Кафоева – не репродукция Миллера, а рисунок, как показано в тексте. Этот рисунок не может использоваться для дальнейшей интерпретации, т. к. это дериват и измененный». Но в своем «прочтении» И. М. Мизиев опирается не на источники, которые к его времени были представлены не только репродукцией В. Ф. Миллера, но и рисунком Д. М. Струкова, а именно на «дериваты» надписи А. Ж. Кафоева (рис. 18), что изначально обесценивает его попытку и выводит из круга научных исследований.

Обратимся несколько более подробно к «прочтению» И. М. Мизиева с позиций, указанных ранее к «прочтениям» А. Ж. Кафоева и М. Кудаева. Но, если, идя навстречу последним, мы не привлекали данные рисунка Д. М. Струкова только по причине времени написания их работ (само по себе, недопустимо для верификации действительного содержания надписи), то теперь их привлечение представляется обязательным.

Строки 1-2. Признается обычное христианское сокращение ΙΣ ΧΣ.

Строки 3-5. По И. М. Мизиеву в строке 3 «... легко читается OAVΓ как явгу, т. е. тюркский титул «исполняющий обязанности», «наместник». В самой строке, в действительности, представлено греческое ὁ ἅγι(ος) – «святой». И. М. Мизиев исходит из искусственной правки οαυσ. Таким образом, И. М. Мизиев «читает» первые две буквы οα как -я, столь же бездоказательно, как М. Кудаев читал их как -ё. Для «третьей», в трактовке И. М. Мизиева, буквы υ дается значение -в. Но такое бесспорное значение имеет В строки 8.

В действительности, в строке 3 нет никакой буквы υ, которой искусственно подменяют две более скорописные греческие буквы υι, составляющие лигатуру. Собственно, А. Ж. Кафоев

в своем деривате пытался представить γ , которую И. М. Мизиев без объяснений выдает за υ . Остается подозревать, что «поводом» послужило искаженное изображение на деривате надписи Г. Ф. Турчанинова. Но в таком положении его собственная буква Г в ОАВГ уже не имеет никакого основания. Для последнего -у в бесосновательно привлекаемом «явгу» вообще нет опоры. Две последние буквы С и О строки 3 также пропускаются. Таким образом, в «прочтении» И. М. Мизиева из 6 букв строки 3 в действительности учтены только 2 первые буквы оа, которым написано бездоказательное значение, а 4 буквы либо искажены, либо вообще не учтены, что с самого начала ярко демонстрирует антинаучный характер «прочтения».

Необходимо оговорить и саму форму «явгу», привлекаемую И. М. Мизиевым. Известный тюркский титул является давним заимствованием из иранского – высший юэчжийский (также кангюйский и усуньский) титул знатности «ябгу» (yabgu, yaqbu), который фиксируется в китайских источниках как хи-хэу/сихоу (hi-hou, his-hou), титул кушанских царей yavuga (<yam – «возглавлять», «ведущий», «вождь» и суффикс -uca). С ним связано и название «юэчжийского рода Чжаову» китайских источников [Баскаков Н. А. 1987. С. 4; Clauson G. 1972. P. 257, 873; Bailey H. W. 1958. P. 136; 1979. P. 464-465; Frye R. N. 1984. P. 251, n. 7; 265, n. 62; Golden P. B. 1992. P. 55, 56, 60; Tezcan M. 2002. P. 257, 266, 267, 268; Dorneich Ch. M. 2010. P. 53; Добрович М. 2013. С. 172].

Закономерной формой заимствования в тюркские языки была форма «джабгу/джебгу», «ябгу», но не «явгу», что подтверждается данными письменных источников [Гаджиева Н. З. 1979. С. 228]. Непосредственно для истории Северного Кавказа она, например, своеобразно представлена в материалах кабардинских нартовских сказаний, в которых фигурирует правитель Ябгашха. Его имя давно было сопоставлено с именем Акабгу, под которым в московских версиях кабардинских родословных князей Черкасских выступает князь Инал, что позволило выделить в обоих именах тюркский титул «ябгу», который носил наместник кагана в стране адыгов [Гадло А. В. 1978. С. 25-33; 1994. С. 22-25]. Возможно, следует указать и на балкаро-карачаевское

мужское имя Джабакку, если отбросить его предлагавшуюся фантазийную этимологию [Алиев И. И., Алиева З. И. 2003. С. 74]. В конечном итоге, для передачи -в в желаемой И. М. Мизиевым лексеме потребовалось бы использование иной буквы. Остается заметить, что в VII-X вв. для передачи тюркских звуков -з и -дж использовалась греческая ζ, что опровергает тюркоязычные «прочтения» Зеленчукской надписи. Именно она использовалась при написании в соответствующей форме «джабгу» – Ζιέβηλ и др. [Moravcsik Gy. 1983a. S. 129, 130-131; Golden P. B. 1992. P. 127, n. 65, 236; Виноградов А. Ю., Комар А. В. 2005]. Кроме того, следует заметить, что у тюркских народов титул следует за именем, а не наоборот.

Таким образом, сама привлекаемая И. М. Мизиевым лексема некорректна по своим форме и месту расположения. Кроме того, автор «читает» в строках 1-5 «Иисуса Христа наместника Николая...». Оставляем для тюркологов проблему согласования между собой представленных лексем. Но поскольку И. М. Мизиев признает в строках 1-2 византийско-греческое христианское сокращение ΙΣ ΧΣ, но увязывает его с продолжением на тюркском языке, то тогда и форма была бы не Ιησους Χριστος, а Ιησου Χριστου, что требовало иной формы сокращения. Иной бы была и форма имени Ν(ι/η)κόλαος (строки 4-5), которая явно греческая и стоит в именительном падеже.

Следует констатировать, что И. М. Мизиев произвольно и недопустимо манипулирует с традиционной византийско-греческой частью Зеленчукской надписи, в конечном итоге, подменяя ее, без всякого на то основания, выдуманным «содержанием», которое не может быть оправдано ни данными эпиграфических источников, прежде всего, христианских, ни самой христианской традицией. Его «прочтение», прямо противоречащее структуре и содержанию христианских эпитафий, основано на игнорировании самого источника, фальсификации его данных и на вольной, субъективной трактовке таких сфальсифицированных данных. В принципе, дальнейшее рассмотрение «чтения» И. М. Мизиева можно бы было и не продолжать, т. к. оно не имеет никакого отношения к научному исследованию.

Строки 6-7. «Читаются» как «сахириф ой» («цахырыф юй»), предварительно уточняя, что «... Миллер внес в седьмую строку дополнительные три буквы – «VPT». Уточнение является уже известной нам формой фальсификации действительных данных. Поэтому «чтение» строк 6-7 можно категорически отвергнуть. Кроме того, «чтение» «цахырыф» в греческой графике открывало бы τζ.

Однако И. М. Мизиев далее замечает, что, «если же прав В. Ф. Миллер, который добавил в 7-ю строку слово VPT, тогда строка читается *призвав юрт* или *журт* и означает «призвал дома» (Земли, Родины)». Таким образом, И. М. Мизиев готов «прочсть» и как -ю, тогда как в строке 3 «читал» ее как -в. Вместо 3 букв теперь говорится о слове VPT, видимо, чтобы было проще самому себе «прочсть» слово «юрт/журт», причем, придав ему значение не «жилище», т. к. такое значение уже отведено для «ой/юй» (без объяснения, но, по М. Кудяеву, переход о→ю), а «земля», «родина». Заметим, что «поправка» И. М. Мизиева внутренне противоречива, т. к. она подразумевает замещение I на V, т. е. отрицает его же «чтение» ой/юй. «Поправка» И. М. Мизиева показательна в том плане, что она выдает не только знание автора о действительном содержании букв в строках 6-7, но и готовность на таком фоне сознательно их фальсифицировать для достижения субъективной трактовки.

Строка 8. «Хобси», т. е. фонема -б приписывается греческой В, что не соответствует действительности. Причем, И. М. Мизиев дает «чтение», «как и Алборов, Турчанинов и Кудяев», не указывая, что данные «чтения» были обусловлены абсолютно разными подходами, имели разные формы, но в равной степени не имели научного обоснования. Г. Ф. Турчанинов к тому времени и отказался от своей интерпретации. Вместо этого И. М. Мизиев заявляет, что, как и его предшественники, «читает» имя Хобсы, которое затем приобретает у него форму Хобс. Таким образом, последняя в строке буква Н произвольно «читается» как -и или -ы, либо вообще не читается. Автор объявляет имя весьма близким имени Уобос грузинских хроник.

Автор обращается к сведениям из «Жизни картлийских ца-

рей» Леонти Мровели, в которых под именем Уобос выводится мифический персонаж, олицетворяющий предков осетин, которые в грузинских источниках представлены под названием «овс». В «Патмутюн Врац» («История Картли»), армянской версии данного источника, имя имеет форму Уовбос (Робос, Роубос). В «Описании царства грузинского» Вахушти Багратиони оно принимает форму Урбанос.

Само грузинское название осетин «овс» восходит к аланскому этнониму *Ās*, который, признавая всю сложность вопроса, может быть сопоставлен с авест. *âsu* – «быстрый», «проворный» [Vasmer M. 1923. S. 33; Ахвледиани Г. С. 1960а. С. 33; Thordarson F. 1987. P. 764; Абаев В. И. 1958. С. 80; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. С. 317; Loma A. 2002. S. 61]. Предлагались и иные, более сомнительные этимологии [Bailey H. W. 1946. P. 2-3; Vernadsky G. 1959. P. 49]. Таким образом, формирование грузинского «овсы» является примером оформления эндоэтнонима в иноэтнической среде при возможном посредничестве, включавшем ложноэтимологическое осмысление *Ās* [Ахвледиани А. 1960. С. 212; Волкова Н. Г. 1973. С. 107; Кварчия В. Е. 1982. С. 47-49; Chirikba V. A. 2003. P. 73; Дзиццойты Ю. А. 2009. С. 221, сн. 45]. Некоторая специфика, возможно, представлена и в формировании армянского Робос/Роубос [Гадло А. В. 1979. С. 25].

«Выбор» имени для «сопоставления» И. М. Мизиевым вполне понятен, т. к. он и его сторонники пытаются развивать антинаучную идею изначального тюркоязычия исторических аланов. С таких позиций они утверждают, что и название асов было тюркским, что обусловлено лишь самой тенденциозностью подхода, но не отрицает действительного участия ираноязычных асов, аланов в этногенезе различных тюркоязычных народов [Севортян Э. В. 1966. С. 115-119; Еремеев Д. Е. 1970. С. 140; Хауссиг Г. В. 1977. С. 64, сн. 44; Бушаков В. А. 1991. С. 118, 9-10 (прилож.); Golden P. V. 1992. P. 53, 142; Голден П. Б. 2013. С. 140; Малахов С. Н. 2002. С. 91-96; Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. 1998. С. 31-32, 80-81, 170-171; Agajanov S. G. 1998. P. 65; Комар А. В. 2001. С. 17, 19-23; Илюшин А. М. 2007. С. 108-118; Бубенок О. Б. 2000а. С. 50-75; 2003. С. 26-43; 2005а. С. 5-19; 2011.

С. 134-140; 2012. С. 16-18, 33-37; Vubenok O. B. 2002. P. 86-89, 169 и др.]. Сама такая трактовка имени близка по подходу к первоначальной трактовке Г. Ф. Турчанинова, разделяя и высказанные по его поводу замечания. «Чтение» И. М. Мизиевым строки 8 может быть отвергнуто.

Строка 9. И. М. Мизиев утверждает, что «в первых трех знаках 9-й строки... трудно увидеть какую-либо букву». Действительно, «трудно увидеть», тем более игнорируя данные палеографии. Если же обратиться к последним, то нетрудно определить наличие здесь греческой лигатуры $\sigma\theta$, тем более, что Г. Ф. Турчанинов уже представил такой подход в определении лигатуры $\sigma\theta$. Таким образом, И. М. Мизиев умалчивает об указанном решении. Вместо этого, он, используя дериват А. Ж. Кафоева, предлагает «объединенные родовые тамги». Вопросы подобного «тамгообразования», уместности или хотя бы реального исторического прецедента для такого «предложения», с учетом структуры и характера конкретного памятника, автора «идеи» не волнуют.

Данное «прочтение» вновь подтверждает тот факт, что И. М. Мизиев «читает» источник вне самого источника. Показательно и его утверждение, что его предшественники необоснованно «... знак φ читали как букву Р» или «... знак φ читали как звук Р». Поэтому он сам «знак φ » строки 9 объявляет тамгой.

В действительности же, на рисунке иеромонаха Серафима верхняя часть буквы Р строки 9 имеет форму овала. Нижняя часть в форме слабо изогнутой черты соединяется с ней в крайней правой части. На рисунке Д. М. Струкова овал приобретает более округлую форму, а нижняя часть – форму более прямой линии. На репродукции В. Ф. Миллера верхняя часть передана уже в форме круга и соединяется с прямой линией нижней части в средней точке нижней части круга. Несомненно, мы имеем дело с буквой ρ ($\rho\theta$), которая в силу незначительного изменения в деривате В. Ф. Миллера стала лишь похожа на букву φ (коппа), что не выходило и за рамки известных форм буквы ρ [Thompson E. M. 1912. P. 194]. Данные наблюдения вновь доказывают, что И. М. Мизиев «читает» источник вне самого источника и вне его палеографических признаков.

Последние две буквы строки 9 НФ И. М. Мизиев «читает» как «иыф», т. е. означает «собрав», «объединив» на йокающем диалекте» или ыйиф «с позиций цокающего диалекта балкарского языка». Разница между «предложениями» в количестве звуков – 2 или 3 – для одной буквы Н, которая ранее им читалась как -и или -ы.

Строка 10. Две первые буквы И. М. Мизиев «читает» как «ос»–«ез». Данное «прочтение», опуская вопрос о приписывании букве О значений -о и -е, букве С – значения -з, является еще одним «моментом истины». Как уже отмечалось, И. М. Мизиев использует для своих интерпретаций не сами источники по Зеленчукской надписи, а дериват А. Ж. Кафоева, в который уже были внесены изменения. Так, на месте второго знака строки 10, являющегося составной частью лигатуры *ur*, появилась не существующая буква С (о значении данной буквы говорилось выше, что освобождает нас от разбора утверждения И. М. Мизиева, что В. Ф. Миллер внес дополнительную букву «V»). Но И. М. Мизиев в своем деривате еще более изменяет форму второй буквы, придавая ей форму латинской буквы S. Таким образом, И. М. Мизиев не только осознанно использует данные, не имеющие отношения к реальному источнику, но и осознанно идет на дальнейшие фальсификации. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Третий знак строки 10 И. М. Мизиев вновь представляет как тамгу рода Адбан/Адван, которую он «рассмотрел» и в строке 9 вместо греческой буквы р. Но даже для такой идентификации, допуская недопустимый подход И. М. Мизиева, нет никаких оснований. И. М. Мизиев вновь пользуется дериватом надписи А. Ж. Кафоева, в котором обе буквы строк 9, 10 приобретают одну и ту же форму в виде правильной окружности с коротким вертикальным отрезком внизу. Но в самих источниках формы букв строк 9, 10 различаются некоторыми собственными чертами. О букве строки 9 уже было сказано. Форма буквы строки 10 на рисунках иеромонаха Серафима и Д. М. Струкова имеет заостренное окончание с некоторым наклоном влево, что подтверждает ее вхождение в состав лигатуры. На репродукции В. Ф. Миллера она приобретает

подквадратную форму. Таким образом, «прочтение» И. М. Мизиева, даже с его собственных позиций, невозможно.

Последнюю букву строки 10 И. М. Мизиев трактует как «... аффикс «т», как и во многих тюркских этнонимах, образует множественное число». Но в его «чтении» на балкарском языке он отсутствует, т. е. балкарский язык, вопреки самому подходу И. М. Мизиева, тогда не имеет отношения к надписи. Кроме того, трактовка И. М. Мизиева исходит из родового названия, а не из этнонима. Трактовка окончательно дискредитирует себя тем, что, оказывается, мы, якобы, имеем дело со словом «адван-т» (показательно, что в своем итоговом «прочтении» автор для строки 9 приводит пояснение – «[обозначены тамгой]», а для строки 10 его нет).

В отдельных научных исследованиях предпринимались попытки рассматривать тамгообразные знаки как части текстов, о которых И. М. Мизиев не упоминает или ничего не знает. Например, предлагалось читать стоящее рядом с тамгообразным знаком слово из Ольвии, как «староосетинское «царь» [Турчанинов Г. Ф. 1971. С. 65]. В отношении ряда (около 15) сарматских тамгообразных знаков возле изображения дерева и взнузданного коня из Березани римского времени предполагалось, что они могли быть словесными знаками (словами), дополненными пиктографическим изображением, примерно того же типа, что существовали в ряде древних письменностей и очень хорошо иллюстрируются чукотским письмом Теневиля первой трети XX в., где соединялись словесные знаки и пиктография.

Последовательное расположение знаков наводило исследователей на мысль, что в данном случае граффити представляли собой не просто механическое сочетание знаков собственности, а словесно-пиктографическое сообщение, т. е. письменность. Отмечались и другие примеры последовательного размещения тамгообразных знаков – стела из Новочеркасска, керченский склеп 1872 г. Во втором случае в «текст» были также включены изображения животных. На данном основании и предполагалось, что березанское граффито могло быть словесно-пиктографическим письмом, в чем видели подтверждение давнего пред-

положение ряда исследователей о том, что «сарматские» знаки могли использоваться для письменности [Яйленко В. П. 1987а. С. 149, рис. 6, 152-153]. Данные наблюдения носили только предположительный характер, не имея доказательной основы, и исходили из иных форм письменности. Но специализированные исследования свидетельствуют против трактовки использования тамгообразных знаков в качестве письменности [Яценко С. А. 2001], тем более фонетического письма.

Нанесение тамгообразных знаков на надписи, в том числе и на надгробные, хорошо известно, например, по более ранним памятникам Боспорского царства. Кроме того, например, вполне вероятно, что первое знакомство какой-то части сарматского или аланского населения с иудаизмом произошло достаточно рано. Так, в Фанагории со второй половины II в. н. э. по археологическим данным наблюдается усиление сарматского присутствия, сопровождаемое резким увеличением числа иранских имен, что фиксируют местные эпиграфические памятники. Причем, иранские имена, переданные древнееврейским письмом, и тамги, близкие сармато-аланским, фиксируются и на местных иудейских надгробиях [Даньшин Д. И. 1993. С. 665]. Но нет никакого основания для их «чтения».

Также, например, тюркские тамгообразные знаки представлены на плитах обкладок могил крымских раннесредневековых некрополей (Судак-II, IV). Рядом с ними нанесены изображения креста и миноры [Майков В. В. 2005. С. 239, рис. 1, 5, 6], что свидетельствует о принятии представителями тюрков христианства и иудаизма. Представлены они и на надгробиях в Партенит-Карасане (Крым). Тамгообразные знаки, например, представлены на монетах Рюриковичей и «брактеатах» тмутараканских правителей. Тамгообразные знаки представлены на тарной керамике из Хазарии, граффити которых связывают со своеобразным «коммерческим языком» [Медынцева А. А. 1998. С. 176-193].

Тюркские тамгообразные знаки сопровождают и тюркские рунические надписи, в том числе эпитафии, в других регионах Евразии [Кормушин И. В. 2004]. Они, за редчайшим исключением, имеют иное взаиморасположение с самими надписями и не

входят в состав собственно рунических текстов. Тамги и письмены у тюрков четко различались, а, например, в енисейской письменности тамги более не используются в XI-XII вв., имена записывались буквами [Кызласов Л. Р. 1960. С. 93-120; 1965. С. 38-49; Кызласов И. Л. 1994. С. 38, 51, 68, 96-97, 181, 188, 202-203, 225, 227-230, 239, 311-312; Кляшторный С. Г. 2001. С. 203-206]. Таким образом, вновь нет никаких оснований для их подобного «чтения», исходя и из самих тюркских традиций. Тамгообразные знаки были представлены и на раннесредневековых крестах с греческими надписями на р. Уруп [Ложкин М. Н. 2008. С. 262; 1984. С. 59, рис. 19, 1-2; 2008. С. 262; Ложкин М. П., Малахов С. Н. 1998. С. 136-140; Яценко С. А. 2001. Рис. 36, 40-44], т. е. территориально и хронологически близких Зеленчукской надписи. Но и в данном случае нет никаких оснований придавать им вербальное значение или читать внутри текста.

Однако и приведенные замечания не имеют прямого отношения к «решению» И. М. Мизиева, т. к. он производит «прочтение тамг» через преднамеренное искажение, т. е. подделки, греческой лигатуры и через трактовку греческой буквы как тамги за счет использования деривата надписи. И. М. Мизиев предлагает собственное и разовое, только для Зеленчукской надписи, избретенное им «слово», сконструированное из «тамги» и «морфемы» – фт. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строки 11-12. Читает, вслед за «критикуемыми» им исследователями, как Бакатар. Но данная форма, с позиций самого И. М. Мизиева о языковой основе надписи, не может быть тюркской, имея соответствие только в дигорской (осетинской) лексеме. Последние две буквы строки ПА и первая буква К строки 13 «читаются» как «пак», что дает автору значение «бек». Следовательно, букве А, на шестой раз ее использования в надписи (без учета ее произвольного включения в строке 3 в некий дифтонг, передающий -я), приписывается новое, второе значение – -е.

Заметим, что запись тюркского титула «бек» в греческой графике имеет формы πεχ, μπεχ, πευ, βήυι, возможно, βήγγη/βήγγης [Aalto P. 1955. P. 11; Белый А. В., Соломоник Э. И. 1984. С. 174; Golden P. В. 1992. P. 240; Виноградов А. Ю. 2009. С. 262-271]. Тот же В. Ф.

Миллер не исключал его наличия (тѣк) на известном изваянии Дука-бека [Миллер В. Ф. 1893а. С. 123-124; Турчанинов Г. Ф. 1957. С. 250]. И. М. Мизиев не приводит никаких доказательств в подтверждение соответствующей интерпретации ПАК, хотя на них можно и указать [Moravscik Gy. 1983а. S. 250]. Но, если не считать единственного случая [Doerfer G. 1965. S. 8; Moravscik Gy. 1983а. S. 77], то остальные либо являются исключительным вариантом [Moravscik Gy. 1983а. S. 68], либо относятся уже к XIII-XV вв. [Moravscik Gy. 1983а. S. 54, 68, 77, 170, 293, 310]. Однако отмеченный северокавказский пример более важен для исследования.

Строка 13. Три последующие после К буквы АТА «читаются» как «ата», в значении «отец». Таким образом, букве А сразу возвращается ее прежнее значение -а, что делает перебой со значением -е еще более неестественным в такой плотной череде представления данной буквы.

Строка 14. Последняя буква строки 13 Н и все буквы строки 14 составлены в одну лексему «НФОВРТ» как «тюркское *йюурт* или *жоурт*» на йокающем и джокающих диалектах тюркских языков», которое читается «по законам греческой фонетики». Своим предшественником в таком «прочтении» автор называет М. Кудаяева. Однако М. Кудаяев исходил из несколько иных, сконструированных им форм. Что касается «законов греческой фонетики», то из «чтения» И. М. Мизиева полностью выпадает Ф, которое стоит перед ОУ, передающему в действительности звук -у, но никак ни «юу» или «оу».

Кроме того, заметим, что в строках 6-7 И. М. Мизиев уже «читал» данное слово, только в форме «юрт/журт», придавая ему значение не «жилище», а «земля/родина». Теперь такое значение прилагается к «ата юрт», что представляется избыточным для такого короткого текста. Заметим также, что лексема «ата» не является собственно тюркской. Она для обозначения старших родственников класса отца была заимствована из индоевропейских языков, а после параллельного существования вытеснила собственно тюркское къанг – «отец» [Егоров В. Г. 1983. С. 18; Clauson G. 1972. P. 40, 630]. Данная лексема известна у многих народов, а на Кавказе она отмечается и у представителей

абхазо-адыгского мира [Шагиров А. К. 1989. С. 75]. Кроме того, как полагают некоторые исследователи [Дёрфер Г. 2011. С. 156], данное слово появилось в тюркских языках достаточно поздно и далеко от Северного Кавказа, впервые фиксируясь в поэме «Кутадгу Билиг», написанной Юсуфом Хас Хаджибом (Баласагуни) в 1069-1070 гг. в г. Кашгар. Учитывая высказанные возражения [Pritsak O. 1982. P. 445, n. 102], все же следует отметить, что возможная европейская фиксация лексемы хронологически следует за отмеченной поздней датировкой [Doerfer G. 1965. S. 5-8; Moravcsik Gy. 1983a. S. 77].

Строка 15. Первые две буквы AN отнесены к ранее указанному сконструированному «слову». Последние две буквы строки ПА и 5 букв строки 16 АНАП «прочтены» как «палапан», а «с позиций цокающего диалекта балкарского языка...» как «белюнюб». Не останавливаясь на перестановке местами в «палапан» двух последних согласных, отметим, что теперь букве А одновременно дается ее второе, по И. М. Мизиеву, значение -е, а затем сразу, уже третьему значению – -ю.

В «чтении» И. М. Мизиева и предшествующих строк проявлялась одна особенность, на которую теперь необходимо четко указать. Видимо, с «подсказки» М. Кудаева, у него представлены параллельно две формы «прочтения». Только, если М. Кудаев приводил сначала «транслитерацию» буквами современного балкарского алфавита, а затем теми же буквами «читал» на диалекте балкарцев Черекского (Малкарского) ущелья, то И. М. Мизиев «усовершенствовал» подход. Он первым своим вариантом «читает» на некоем неопределенном тюркском языке, а затем – на балкарском языке.

Оба исследователя полностью игнорируют проблему исторического развития языка, хотя в распоряжении науки в отношении обширной группы тюркских языков данные материалы надежно представлены. Это игнорирование позволяет обоим авторам сепаратно привлекать для своих «прочтений» отдельные лексические материалы из различных современных тюркских языков, не заботясь о научной обоснованности таких привлечений для исследования конкретного эпиграфического

памятника. Сопоставление двух «прочтений» И. М. Мизиева демонстрирует принципиальность такого подхода для их автора, т. к. неопределенность первого языка позволяет ему обходить явные противоречия его форм с формами «чтения» на балкарском языке и произвольно конструировать «текст».

Сам данный «подход» не имеет ничего общего ни с научным изучением эпиграфических памятников, ни с наукой, в целом. Игнорирование вопроса исторического развития языка позволяет произвольно подбирать фонетические соответствия, при этом подразумевая, что язык надписи напрямую связан с современным балкарским языком. Целью же этого антинаучного подхода является утверждение, которое раскрывается в «чтении» строки 17.

Строка 17. Последняя буква А строки 16 и три первые буквы ЛАН строки 17 «читаются» И. М. Мизиевым как «алан». Предваряет данное «чтение» следующее заявление: «... напоминаю лишь слова Миллера: «Хотя имени Анбалан у осетин мы не можем указать, но оно звучит вполне по-осетински»... Это не довод, хотя бы потому, что такое слово не может звучать по-осетински, так как в словарном фонде осетин нет слова алан».

В действительности В. Ф. Миллер писал: «Имя отца нашего Анбала читается Анбалан, и хотя такого осетинского имени мы не можем указать, но оно звучит вполне по-осетински. Оно восходит, по-видимому, к тому же корню, как предыдущее, но отличается от него другой предложной приставкой». Как мы видим, И. М. Мизиев не только преднамеренно искажал знаки Зеленчукской надписи с целью подгонки их под собственное «прочтение», но преднамеренно искажал и высказывание В. Ф. Миллера, хотя приводил его в форме цитаты, которая требует строгого дословного воспроизведения. Такое искажение представлено и в одновременно демонстрируемом приеме вырывания уже преднамеренно искаженного высказывания из общего контекста.

Для В. Ф. Миллера «звучание по-осетински» определялось самим наличием соответствующих сопоставительных лексем в осетинском языке, с их прозрачной этимологией, словообразо-

ванием, самими корнем и приставкой, с их надежно устанавливаемыми праформами. К наблюдениям В. Ф. Миллера можно добавить и надежность определения в Авлапав суффикса -ap, который закономерно в осетинском языке представлен суффиксом -op, т. е. то, что Л. Згуста называл «продуктивными процессами в осетинском языке». Но самое главное – в данной дешифровке В. Ф. Миллера никакой связи с «алан» не подразумевалось. Так, с какой целью понадобилось И. М. Мизиеву ничем не мотивированное утверждение о такой связи, сопровождаемое указанием на отсутствие слова «алан» в осетинском языке при его собственном «прочтении» данного слова в Зеленчукской надписи?

Дело в том, что И. М. Мизиев, как и его последователи, стоящий на позициях всеобъемлющего тюркоцентризма, стремится развивать антинаучную идею об изначальном тюркоязычии и аланов [Golden P. B. 2007. P. 37, n. 129; 2011. P. 21-22, n. 23, Галиев А. А. 2007. С. 109; 2010. С. 50 и др.]. Ее реализация достигается путем субъективной выборки из сведений письменных источников и научных работ при их тенденциозных трактовках. В данном русле привлекаются и «сведения» по Зеленчукской надписи, т. е. мы сталкиваемся не с примером конкретного научного анализа конкретного эпиграфического памятника, а со «сведениями» о памятнике в череде других, которые, по задумке автора, должны служить доказательством его общей идеи.

Одним из «аргументов» в ее пользу служит утверждение, что само слово «алан» является тюркским по происхождению. Еще на заре становления аланистики среди различных предположений о происхождении этнонима «алан» предлагались и соответствующие тюркские источники (смотри их обзор [Bielmeier R. 1977]). Один из них и используется И. М. Мизиевым, судя по его «переводу» – «в юрт аланов (степей, долин)». Но сегодня надежно установлено и признано профессиональными исследователями, что alan представляет собой, что наиболее вероятно, закономерное развитие древнеиранского прилагательного единственного числа *āryāna [Bartholomae Chr. 1904. Col. 198], производного от *ārya > индоевр. *aryo-, стоящего в именительном падеже, или прилагательного множественного числа *āryānām,

стоящего в родительном падеже [Hübschmann H. 1887. S. 41; Sze-merenyi O. 1951. P. 213, n. 1; Оранский И. М. 1979. С. 8, сн. 5; Golden P. B. 1992. P. 50; 2011. P. 22, n. 23; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. С. 223-224; Witzel M. 2001. P. 13; Ньюли Г. 2002. С. 30; Чёнг Дж. 2008. С. 34, 55, 177, 210; Тохтасьев С. Р. 2005. С. 294; 2005а. С. 82, сн. 126; 2013. С. 580, сн. 87 и др.].

Соответственно, общепринятой считается реконструкция $alan \leftarrow *al(y)ana \leftarrow *āryāna$ (или $*āryānām$) $\leftarrow *ārya$ [Абаев В. И. 1949. С. 156, 214, 246; 1958. С. 47; 1995. С. 675], в которой представлен закономерный переход $l(i), ll < *ri(ry)$, т. е. появление вторичного $l < r$ [Абаев В. И. 1969. P. 24; Абаев В. И. 1995. С. 328, 331] за счет следующего за r гласного $i(y)$, что отмечалось в приложении именно к осетинскому языку еще В. Ф. Миллером [Миллер В. Ф. 1992. С. 658]. Некоторые современные рассуждения, пытающиеся возражать научным фактам [Гасанов З. Г. 2011. С. 63], находятся на том же уровне и пользуются теми же «методами», что и упоминаемые ими сторонники квазинаучного тюркоцентризма. Древнеиранское $*āryāna$ закономерно дало в осетинском языке $allon$ через промежуточные формы $*al(y)ana$, $allan$ [Абаев В. И. 1949. С. 247; 1958. С. 101; Абаев В. И. 1985. P. 801-803; Gershevich I. 1955. P. 486; Zgusta L. 1955. S. 264; Ахвледиани Г. 1960. С. 217; Гагкаев К. Е. 1967. С. 199; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984. С. 755; Оранский И. М. 1988. С. 72; Яйленко В. П. 1995. С. 66; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. С. 223-224 и др.]. Речь идет о закономерном в осетинском языке переходе $a \rightarrow o$ перед носовым $-n$, что, кстати, еще не представлено в $Avlallan$ Зеленчукской надписи, сохраняющему суффикс $-an$, чье развитие позднее и приведет к суффиксу $-on$ осетинского языка.

Осетинское $allon$ неоднократно фиксируется в осетинском языке. Оно служит определением героев Нартовского эпоса и некоторых других фольклорных произведений осетин ($allon-ballon$, $allon-bellon$, $allon-mallon$, $allon-billon$, $allon-qillon$) Данное определение прилагалось, например, непосредственно к живым родственникам умершего в осетинском (дигорском) обряде посвящения коня [ПНТО. 1992. С. 172, 173, 331]. Оно фигурирует в клятвенных словах мужчин весеннего ритуала осе-

тин-дигорцев, который своим происхождением связывался с эпическими предками нартами, и является, по мнению исследователей, отголоском культа поклонения Аресу-мечу, зафиксированному для традиций скифов и аланов. Использовалось оно и в обыденной речи. Интересно отметить, что, по представлениям осетин-дигорцев, их эпические предки нарты происходили от *altantæ*, пришедших в места нынешнего проживания народа из района Бештау и земель к северу от него [Собиев И. 1893-1899. Л. 212-213].

Осетин-дигорец, уходивший в военный поход, как и его предки нарты, на общем собрании мужчин клялся на *narti ġolon lædzæg* – «нартов пестрая палка» (*narti artxwæræn lædzæg-ġelæ* – «нартов клятвенная палка-шест», *somigænæn ġolon lædzæg* – «клятвенная пестрая палка», *ġolon lædzæg* – «пестрая палка», *ġolon ġædæ* – «пестрое древо»). Как и их предки нарты, осетины-дигорцы клялись перед *ġolon ġelæ-lædzæg* на общем собрании мужчин при судебных разбирательствах в знак особой верности своего слова. Осетин-дигорец в знак того, что собирается мстить, всегда носил с собой *ġolon lædzæg*.

Само название предмета клятвы указывает на то, что он рассматривался как штандарт эпических предков народа. Его украшало изображение оленя и пучок высохшей беловатой травы, которую называли *Xæmicî rexæs* («Борода Хамица»), по имени знаменитого нарта, отца *Batraz'a*, или *Astun*. Вполне объективным представляется сопоставление другого штандарта, украшенного разноцветными лентами, *farny qîl* («шест фарна»), игравшего специфическую роль в среде молодежи, со знаменитыми знаменами-драконами ираноязычных кочевников Евразии. Данное заключение следует распространить и на *ġolon lædzæg*, который, в отличие от *farny qîl*, сохраняет изначальное значение символа воинского объединения.

В Нартовском эпосе осетин зафиксирована еще одна форма обозначения героя – *allon-qillon* [НК. 2003. С. 28], во второй части которой, что наиболее вероятно, представлена контаминация с осет. *qîl* (*ġelæ*) – «шест». Поклявшийся на *ġolon lædzæg* получал название *all*, т. е. то же название, которым обозначал

себя осетин-дигорец во время упоминавшегося весеннего ритуала [НА СОИГСИ. Ф. Черджиева Х. С. Оп. I. Д. 27. Т. V. Л. 3, 15]. Интересно, что название *al* носит ход в дигорских шашках, которым жертвуется шашка для получения выигрышной позиции. Остается вспомнить наблюдение исследователей, что формы заимствований в нахских языках не исключают существования в «аланском языке» двух параллельных форм *ala* и *alan* [Ньоли Г. 2002. С. 32], для первой из которых есть примеры в северопричерноморской ономастике [Тохтасьев С. Р. 2013. С. 601].

В осетинском языке кроме формы *allon* представлена и форма *ællon*. Данные формы восходят к нескольким различным основам – **āryana* и **ǎryana* [Абаев. 1927. С. 106]. Следует отметить наличие осетинской (дигорской) лексемы (j)*ellon* [ПНТО. 1992. С. 114, 115, 270, 409], которая справедливо идентифицирована с *allon*. Форма (j)*ellon* восходит не к **ārya*, а к эпентетической форме **airyā*, что полагается, например, при анализе имени главы аланских переводчиков *᾽Нрæкæç* 208 г. н. э. из Гермонассы [Абаев В. И. 1949. С. 245] и может быть сопоставлено с другими наблюдениями лингвистов [Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. 2006. С. 183]. Аналогичная основа полагается для имени царя Малой Скифии из Добруджи *Αιλίς* (при *l < ry*) [Тарасюк Л. И. 1956. С. 28; но Тохтасьев С. Р. 2005а. С. 92]. Возможно, следует обратить внимание и на дигорскую лексему *alluag*.

Таким образом, заявление И. М. Мизиева об отсутствии в осетинском языке слова «алан» не соответствует действительности. Оно неоднократно и в различных формах представлено в осетинской (иранской) лексике, причем, в формах, фиксирующих закономерное развитие своих древнеиранских праформ. Последующие рассуждения о форме *allon* [Мизиев И. М. 1991. С. 292] демонстрируют полное отсутствие научного подхода. «Критика» И. М. Мизиева и его последователей сопряжена с утверждением, что тюркоязычные балкарцы и карачаевцы до сих пор используют особое обращение *alan*, которому они пытаются приписать значение самоназвания. Но исследователями было давно отмечено, что данное обращение не несет в себе этнического определения, воспринимаясь как «друг», «товарищ» (реже

«человек») [Кокиев Г. 1926. С. 18; Алиев У. 1991. С. 55; Кумыков Т. Х. 1960. С. 31; Калоев Б. А. 1972. С. 23; Гуриев Т. А., Тулатова Е. А. 1977. С. 132; Гуриев Т. А. 1987. С. 186-187; Шагиров А. К. 1989. С. 74; Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. 1989. С. 48; Шнирельман В. 2010. С. 98-99; Golden P. B. 2011. P. 383, n. 16]. Оно используется и при обращении к представителю любой другой национальности, если обращающийся считает, что тот владеет его языком [Малкондуев Х. Х. 2001. С. 6-7].

Никто из профессиональных исследователей никогда не отрицал, что в различные родоплеменные и государственные объединения ираноязычных аланов могли входить и представители иноэтничных групп. Никто из них не отрицал, что аланы находились в различных по уровню, характеру и интенсивности контактах с иноэтничными группами, что приводило в таких взаимоотношениях и к определенным последствиям для всех вступавших во взаимодействие сторон. Одним из таких результатов была ассимиляция ираноязычными аланами представителей различных иных этнических групп, протекавшая на различных территориях и в различные периоды, что в ходе этногенетических процессов привело к формированию собственно осетинского этноса. Другим результатом была ассимиляция групп аланского населения в иноэтничной среде, что в ходе собственных и многокомпонентных этногенетических процессов вело к формированию других северокавказских этносов. Данные процессы протекали на различных территориях, в том числе, на территориях современных Карачая и Балкарии.

Несомненно, формирование особенно балкарского этноса и, в сравнительно меньшей степени, по заключению исследователей, карачаевского этноса включало в себя ассимиляцию значительной части ираноязычных аланов тюркоязычным населением. Данные процессы в формировании, например, балкарского этноса имели достаточно продолжительный период. Они охватывали период не только взаимодействия аланов с тюркоязычными предками балкарцев, но и более поздний период взаимодействия между собственно балкарцами и осетинами, что нашло отражение еще в российских источниках периода

освоения Российской империей Северного Кавказа. Окончание данного периода приходится на не столь далекое прошлое, когда одна часть осетинского населения была окончательно ассимилирована в балкарской этнической среде, а другая часть мигрировала к своим соплеменникам в Дигорию.

Поэтому нет ничего необъяснимого в обращении *alan* карачаевцев и балкарцев. Понятно, почему у мегрелов оно, означая «друг», «герой», «удалец», прилагается и к карачаевцам (экзоэтноним). Нет ничего удивительного в осетинских *Asy*, *Asi* (*Ustur Asi*), *Assi*, *asiag*, *æsson* – «Балкария», «балкарцы», «балкарец». Оно сохранилось и в некоторых балкарских выражениях, то с положительной, то с отрицательной характеристикой. Вполне объяснимо, в частности, почему осетины-дигорцы называли парный пастушеский счет своего родного языка *asson nimædzæ* – «асский (балкарский) счет», а пользовавшиеся им балкарцы – «дигорским счетом» (*дюгер санау*) и т. д.

Приведенные пространные наблюдения являются вынужденными, т. к. без них сложно понять ту идейную подоснову, которая на самом деле стоит за, якобы, дешифровкой Зеленчукской надписи И. М. Мизиевым. Именно эта подоснова и диктует ее «содержание», не имея никакого отношения к научному анализу самой надписи. Для И. М. Мизиева изобретенные им «объединения тамг», «тамгослово» и «алан» служат своеобразными «этническими маркерами», которыми он «помечает» надпись, якобы, составленную изначально тюркоязычными аланами на своем тюркском языке, с которым преемственно связан язык современных балкарцев, прямых потомков таких аланов по языку и самоназванию.

Причем, показательно, что И. М. Мизиев, как его предшественник и его последователи, не только избегают объяснения различий между их транслитерацией надписи на неком тюркском языке и «прочтением» на балкарском языке, но полностью избегают привлечения, хотя бы для подтверждения собственных соотношений букв и фонем, данных, например, болгаро-дунайских надписей, в том числе христианских, на основе греческой графики, или данных письменных и эпиграфиче-

ских источников на греческом языке, сохранивших, например, тюркские имена, этнонимы, титулатуру и т. д. Не привлекаются фразы на «скифском языке» (язык куманов, что поясняется интерлинейной глоссой, выполненной киноварью в cod. Vindob. Phil. gr. 118) и «персидском языке» (язык турков-сельджуков, что поясняется такой же глоссой для понятия «персы»), приведенные в «Теогонии» Иоанна Цеца [Moravscik Gy. 1983a. S. 18-19]. В последнем случае они вообще не замечаются, тогда как «аланская фраза» из той же «Теогонии», несомненно, ираноязычная, также подвергается сторонниками идеи тюркоязычия аланов соответствующему «переводу».

Строка 18. Последние две буквы НФ строки 17 и все буквы ОУРТ строки 18 объединяются во второй раз в одну лексему (смотри строку 14).

Строка 19. Все буквы строки ЛАКА присоединяются к предшествующей лексеме. Остается вспомнить замечание самого И. М. Мизиева, что В. Ф. Миллер везде читал букву К, а в строке прочел букву Г. Видимо, самому И. М. Мизиеву тогда следовало бы объяснить, откуда в его «прочтении по-балкарски» появляется гъ, а в том же «прочтении» представлена форма «Бакатар», которая отсутствует в балкарском языке, но представлена в дигорском диалекте осетинского языка в форме *bæġatær*. Остается вспомнить, как М. Кудавев обыграл такое «прочтение» предположением об иноплеменном происхождении персонажа надписи, причины чему вполне понятны.

Строка 20. Все буквы строки ННТЭНР (*νητζηρ*) читаются одним словом, которое в сопоставительной транслитерации получает формы «интенр» – «итинер». В «прочтении» первая греческая буква Ν оказывается русской буквой И, что напоминает о «чтении» М. Кудавева, хотя о нем не упоминается. Вторая греческая буква Η (*η*) превращается в русскую букву Н или пропускается первая буква Ν и читается только греческая Η. Вслед за А. Ж. Кафоевым игнорируется лигатура τζ, произвольно разделяемая на две отдельные буквы. В результате «читается» буква Э, которая объявлялась М. Кудавевым русской буквой, передающей -e. Соответственно, «читается»

-е, вновь без упоминания М. Кудаяева, или -и. Далее греческая Н (η) «читается» как русская Н. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 21. Первые две буквы ΘΕ «читаются» как «те», объясняясь тюркоязычным завершением речи «дескать», «сказал, мол» и т. д., которое иллюстрируется формами дэ, дэди, дэй из языков других тюркских народов. В сопоставительной транслитерации даются формы «те» – «де». Реальной сопоставительной формой, следуя самому И. М. Мизиеву, является только «дэ». Использование для нее греческой Θ, передающей глухой -t, более чем сомнительно, учитывая и наличие греческой Δ для передачи звонкого -d.

Далее И. М. Мизиев опускает наличие точки, которая отделяет последние четыре буквы строки и сигнализирует о переходе, как минимум, к следующей лексеме. Третью и четвертую буквы ОӨ И. М. Мизиев «читает» как от/ут, что трактуется как «год Быка» в древнетюркских надписях. Последние две буквы даются как Sλ и одобряется «распознавание» в нем М. Кудаяевым тюркского слова «зыл» – «год». Таким образом, греческой Σ приписывается передача -з и пропускается -ы. Остается только указать, что появление нетипичного для тюркских языков -з в абсолютном начале слов в балкаро-карачаевском языке связано с проявлением иносистемного, ираноязычного алано-осетинского субстрата [Чеченов А. А. 1997. С. 14-15].

Можно и не обсуждать вопроса о необходимости нанесения слова «год» при «чтении» в предшествующих буквах «год Быка», как и балкарскую лексему «ёгюз», не имеющую отношения к от/ут. Показательно, что И. М. Мизиев предварительно вновь «цитирует» В. Ф. Миллера в отношении «4 букв ОТЗЛ», хотя у В. Ф. Миллера речь шла о «4 буквах ОӨСЛ». О самом характере цитат И. М. Мизиева, применимом и в данном случае, говорилось выше. Вновь показательно, что И. М. Мизиев, ранее отметив объективную воздержанность В. Ф. Миллера от возможности прочтения в конце надписи даты, используя рассуждения ученого по данному вопросу при гипотетической замене букв, готов принять отвергнутую возможность датировки В. Ф. Милле-

ром, чтобы связать ее с историей тюркоязычных народов раннего средневековья.

«Прочтение» И. М. Мизиева являет собой яркий образец антинаучного подхода к вопросам дешифровки эпиграфических памятников. Он не имеет ничего общего ни со структурой, ни с характером, ни с содержанием надписи, ни с вопросами графического и фонетического характера Зеленчукской надписи. Только при таком «подходе» стало возможным его утверждение, что «... текст надписи ... – не обычное надгробие мальчишки, а серьезный исторический документ, завет и наставление потомкам крупного объединения племен...».

Только при таком подходе можно было заявлять, что «... осетиноведы могли прочесть эту надпись только с помощью дигорского диалекта осетинского языка с характерным цоканьем». Никакого значения такому признаку дигорского диалекта (свойственен и говорам иронского диалекта на севере и юге Осетии [Бекоев Д. Г. 1985], один из которых в 1934 г. был положен в основу литературного осетинского (иронского) языка) при дешифровке Зеленчукской надписи не придавалось и не подразумевалось. Разве что И. М. Мизиев, как и его последователи, пытаются выдать современных осетин-дигорцев за некое, позднее иранизированное, но изначально тюркоязычное население, языку которых и присуща такая характеристика – еще одно известное звено в тюркоцентристских построениях. С другой стороны, здесь видна и реакция на наблюдения, что данный признак верхне-балкарского говора определялся влиянием осетинского (аланского) языка [Караулов Н. А. 1908. С. 133; Абаев В. И. 1949. С. 274]. Но данный вывод подтвержден и последующими лингвистическими исследованиями [Чеченов А. А. 1997. С. 14-15, 20, 54-55]. За любыми пределами объективности, если не сказать большего, лежит утверждение (сравни с заявлением М. Кудяева), что прочтение В. Ф. Миллера–В. И. Абаева – «бессмысленный ряд личных имен» [Мизиев И. М. 1991. С. 292]. Полагаю, что давно вполне объективно вслед за другими исследователями писать о новом «прочтении» И. М. Мизиева [Гаглойти Ю. С. 2010. С. 323] только в кавычках.

Еще одна попытка «прочтения» Зеленчукской надписи на тюркском языке была предпринята Ш. Ф. Фаттаховым [Фаттахов Ш. Ф. 1990. С. 43-56], который сконструировал и свой «текст»:

«Iisus Xristos. O'aty N(i)kola. Össä! Kisi jog b(a)sqar(y)a jurt baq(q)a. Tarbagataj jur(t)an (b)alany balany jurtly qan etä erde. Ot zʸ(ʸ)l».

«Иисус Христос. Имя Никола. Если бы вырос! Нет человека опекать главенствующий юрт. Из юрта Тарбакатая алана – дитя владетельным ханом должны были сделать. Год Лошади».

Строки 1-2. Оставляется в силе прочтение специалистов «Иисус Христос».

Строка 3. Автор изначально игнорирует $\text{ʰo } \acute{\alpha}\nu\iota(\text{o}\varsigma)$, что, как минимум, упускает букву О. Вместо лигатуры $\nu\iota$ он подставляет букву τ , а вместо буквы σ подставляет букву η , в которой, якобы, «... для полноты имитации скорописи в конечном строчном η (эта) элемент, обычно опускающийся вниз, в нижней части загнут вправо от пишущего, что вполне обоснованно при письме слева направо». Само значение «имя» ничем не объяснимо для эпиграфических памятников подобного рода.

Можно указать на его введение в тексты тюркских рунических надписей, включающих эпитафии, например, «его мужское имя» [Кызласов И. Л. 1994. С. 182; Кляшторный С. Г., Кубарев Г. В. 2002; Кляшторный С. Г. 2001. С. 203-206; 2007. С. 207-211]. Но семантика такого указания [Кызласов И. Л. 1994. С. 195] вряд ли могла быть присуща христианской традиции, если не прямо противоречила ей. И в целом, и в частных трактовках нет ничего общего с самой надписью, что полностью отвергает такое «чтение». Следует также заметить, что «чтение» своеобразно «стилизовано» под тюркские эпитафии. Но если обратиться к действительным образцам раннесредневековых тюркских эпитафий [Савинов Д. Г. 2013. С. 279-284], то возникнет много вопросов к такому «чтению» и с их стороны.

Строка 4. «Читает» имя N(i)kola, рассуждая, что «многие народы канонические имена применяли и применяют без греческого суффикса -oς... этот мнимый суффикс, препятствуя правильному чтению, служил психологическим барьером целое

столетие, вследствие чего дальнейшее чтение становилось заведомо ошибочным». Вновь нет ничего общего с самой Зеленчукской надписью, т. к. «заведомо ошибочным» было уже и предыдущее «прочтение», что только усугубляется «прочтением» строки 4, окончательно делая все «прочтение» Ш. Ф. Фаттахова «перспективным» только в случае полного абстрагирования от самой надписи. Что касается рассуждений автора, что «создается впечатление, что строчное «п» с пропущенной гласной «i» приписано позже, в ущерб первично задуманной симметрии. К тому же, из-за малолетства царевича, его, видимо, называли просто Кола», то их «научный смысл» остается понятен только самому автору.

Строка 5. Две ее буквы объединяются с двумя первыми буквами строки 6 в одно слово. Судя по транслитерации букве О придается уже второе значение Ö, как и букве А – ä. Конечная сигма – ç строки 4 уже сама по себе препятствует ее включению внутрь слова. Ш. Ф. Фаттахов вообще не представляет элементов своей конструкции, используя две конечных сигмы – осса. «Прочтение» является произвольным и должно быть отвергнуто.

Строка 6. Последние две буквы строки 6 и первые две буквы строки 7 объединяются в одно слово. Судя по транслитерации, греческой букве Н придается теперь значение не -у, а -i. Буква Х «читается» как -к, т. е. ей тоже придается уже второе значение, которое ничем нельзя оправдать. Само же «прочтение» κηση, вновь с конечной сигмой в середине слова, служит не только «моментом истины», характеризующим непонимание автора самого вопроса исследования эпиграфических памятников, но и «моментом истины» для его источниковой базы. Заявление, что «фонема «х» вм. «к» непосредственно под крестом... употреблена не в силу необходимости, а с целью имитации креста в миниатюре», вновь лежит в пределах субъективных представлений и за пределами научного исследования.

Ш. Ф. Фаттахов заявляет, что В. Ф. Миллер и В. И. Абаев «... проходят мимо исправленной резчиком ошибки в слове kisi «человек» (7-я строка), где зачеркнута ошибочно закругленная часть знака, похожая на греческо-русское «р», вследствие чего

отчетливо читается «s». Откуда взял Ш. Ф. Фаттахов, как он его «оригинально» называет, «греческо-русское «р»? Автор, несомненно, использует дериват В. И. Абаева. Точнее, он использует второй дериват В. И. Абаева, в основе которого лежит репродукция В. Ф. Миллера, опубликованный в «Осетинском языке и фольклоре» в 1949 г.

На данном деривате в результате авторской или типографской помарки появились два отрезка, не соединенные между собой, словно перечеркивающие по одной линии контуры верхнего овала буквы р и ее загнутого нижнего окончания. Ш. Ф. Фаттахов не только убирает на своем деривате загнутое нижнее окончание, но и соединяет отрезки с деривата В. И. Абаева в один отрезок, что визуально придает вид перечеркнутой одним отрезком верхней части буквы (рис. 19).

Таким образом, мы констатируем, что Ш. Ф. Фаттахов не только не работал с источниками, но шел, как и его предшественники, на сознательную фальсификацию. Его аргументация достойна наблюдений за исправлением ошибок в тетрадах современных школьников (вспомним «корректорскую работу» М. Кудяева и Г. З. Чеджемова) и не имеет ничего общего с практикой составления эпиграфических памятников. Но даже если допустить возможность такого исправления, то для конкретного памятника – Зеленчукской надписи – оно не имеет никакого основания. Один только пример с «дешифровкой» начальной буквы строки 7 полностью дискредитирует все «исследование» автора.

Строка 7. Окончание строки 7 и первую букву X строки 8 Ш. Ф. Фаттахов «читает» как фок, т. е. жоq – «нет». Его утверждение, что у В. Ф. Миллера и В. И. Абаева «... добавлено отсутствующее сочетание -rt, поскольку авторы и в этом слове видят осет. furt «сын», вновь указывает на то, что автор не имеет никакого представления об источнике надписи. Утверждение, что «...как и в слове jurt, вместо начального «j» употреблена фонема «ф». Таким образом, справедливость наших соображений аргументируется аналогиями из самого текста», является отражением субъективных «соображений» и не более, в которых потерялась

и придуманная автором третья буква его слова ι . Ш. Ф. Фаттахов «читает» ϕ как j вслед за И. М. Мизиевым, считая, что «... ϕ выполняет функцию йоты и представляет собой лишь дань явно существовавшим греческим артикуляциям и орфографическим традициям». Автор, видимо, окончательно забыл о своей только придуманной для текста йоте (ι), отдавая «дань» сам не представляя чему. Чтение должно быть отвергнуто.

Строки 8-9. Последние три знака строки 8 и три первых знака строки 9 «читаются» как $\beta\alpha\varsigma\kappa\alpha\rho\kappa - b(a)\varsigma\kappa\alpha\rho(y)\kappa$. Не будем уже останавливаться на привычной самому Ш. Ф. Фаттахову конечной сигме внутри слова. Автор объявляет, что мы имеем дело с «...целым комплексом символов, центром которого является фонема «b» – начальная буква слова...». Поскольку здесь нет никакой фонемы «b», а есть фонема $-v$, то «слово» уже может быть отвергнуто с самой начальной «буквы». Сам «комплекс символов», видимо, вдохновляется «идеей символов» И. М. Мизиева.

Но Ш. Ф. Фаттахов «видит» в них свои символы, к чему подключает воображаемую строгую подчиненность симметрии. По обеим сторонам от «B» он видит сочетания ks или xs . Увидеть во втором и третьем знаках строки 8 такие сочетания можно, наверное, только каким-то «внутренним зрением».

Далее следуют вновь привычные для автора «рассуждения», что такие сочетания могут передавать следующие понятия: $kisi$ «человек, люди, народ», т. е. глава в «окружении» народа; теоним Христос; $k\omicron z$ «глаз» в его образном восприятии и т. п. Может быть и так, что несколько образных понятий слиты в единую символическую композицию. Все четыре «k», в совокупности имитирующие крест и расположенные с четырех сторон от центра, отражены с отклонениями от нормы явно преднамеренно, что увеличивает их сходство с крестом в миниатюре. Причем фонема «k», расположенная слева от «B», «почтительно» развернута в сторону главы (башкарык(a)). Справа, второе от начала, маленькое развернутое «s» написано условно, чтобы и с правой стороны передавать символ ks (xs). Судя по всему, его следует воспринимать как обычный греческий диакретический знак, использованный

в иной функции. Графема «s», с левой стороны от «B», хотя и является полноценной фонемой, уменьшена в размерах явно с тем же стремлением к симметрии. Причем с этой же целью в компоненте *bas* пропущена гласная фонема. В начале 9-ой строки ... фонема «a» (имеется в виду лигатура *oto* – А. Т.), т. к. находится между «k» и «r». Ее круглая часть как бы выпрямлена и выведена наверх с определенной целью – для «придерживания» еще одной условной фонемы «s», чтобы в ногах «главы» отразить третий символ *ks* (*xs*). В центре нижнего символа – фонема «r», но ее округлая часть выведена не вбок, как обычно, а наверх. По мнению И. М. Мизиева, такое отражение фонемы «p» (*r*) передает родовую тамгу. Добавим – тамгу юрта Тарбагатай. При этом надо отдать должное писавшим надпись – они сумели довольно оригинально воспользоваться сходством буквы и родового знака. Таким образом, знак *o* явно выполняет в тексте две функции – это и фонема и родовая тамга. Но с какой целью передана в 10-й строке еще одна тамга в той же функции? Оказалось, что при чтении снизу вверх через эту тамгу опять получаем сочетание *ks*... Как видим, хотя сам текст читается довольно легко, толкование символики, в виду особенности исполнения, представляет определенные трудности. При этом создается впечатление, что расположение знаков текста предварительно было хорошо продуманно и верхняя часть эпитафии подгонялась под заранее обусловленную модель символов, как бы лишний раз свидетельствуя о том, что перед нами царская эпитафия».

Приведенная пространная цитата ярко демонстрирует всю абсурдность построений автора, не имеющих никакого основания и научной опоры. Только собственная «продуманность» автора позволяет ему «подгонять» некие «части текста» под свое «прочтение», не имеющего ничего общего с реальными частями текста и с самой христианской эпитафией Зеленчукской плиты. Только за счет игнорирования действительных источников по надписи можно выдумывать фиксацию «понятий», включая даже те, которые ранее автор уже «прочел» словами, приписывать буквам желаемое «прочтение», подчинять «буквы» собственных

соседних слов символике разбираемого «слова», для которой «объяснять» и причины пропуска букв, их размеры и формы, находить одновременно и фонемы, и тамги т. д. Действительно, можно «отдать должное», но только не составителям надписи, а самому Ш. Ф. Фаттахову, за то, что он «довольно оригинально воспользовался» собственной фантазией. «Чтение» можно даже не отвергать, т. к. его нет.

Строка 10. Последняя буква Ф строки 9 и все буквы строки 10 «читаются» как jurt. Бессмысленность такой трактовки начальной согласной уже отмечалась для строки 7. Но Ш. Ф. Фаттахов и здесь не изменяет себе. Он вновь «довольно оригинально воспользовался» собственной фантазией: «... в индоевропейских и других нетюркских языках, в анлауте перед монофтонгом наблюдается появление протетических звуков v~f... Судя по всему, аналогичный артикуляционный принцип лежит и в основе отражения лексем jurt и joq, в анлауте не соответствующий реальному тюркскому произношению, а являющийся резонансом графического контакта с нетюркскими народами. В этой связи напрашивается вывод, что вместе с религией и письменностью, аланами была воспринята и греческая орфографическая традиция отражения на письме соответствующих тюркских звуков и звукосочетаний. Очевидно, последующее использование «ф» вм. «j» перед йотированными гласными не встречало никаких препятствий, ибо в других случаях звук «ф» неприменим, ввиду его полного отсутствия в консонантной системе тюркских языков».

В этой пространной цитате мы сознательно опустили примеры Ш. Ф. Фаттахова тюркских заимствований в русский и иранские языки. Нет задачи разбирать каждое из них. Но, даже без них, «ценность» наблюдений Ш. Ф. Фаттахова высока, т. к. он читает надпись по-тюркски за счет предполагаемых форм заимствования в иные языки. Полный абсурд, как и объяснение, что мы имеем дело с «резонансом графического контакта с нетюркскими народами» (вспоминать первоначальную трактовку Г. Ф. Турчаниновым Ховс? – А. Т.). Заметим, что такой «резонанс» у Ш. Ф. Фаттахова никак не связан с его русскими и иранскими примерами, а может быть связан только с гипотети-

ческими греческими, которых и не наблюдается. Причем, тогда бы пришлось использовать греческую β , но ее Ш. Ф. Фаттахов уже «прочел» иначе.

Автор, в отличие от своих идейных предшественников, просто понимал, что присутствие в надписи только одной, но четырехжды повторяющейся буквы, согласной Ф (смотри также: [Clau-son G. 1962. P. 121, 167, 169-170; 2005. P. 105; Хакимзянов Ф. С. 1987. С. 31; Баскаков Н. А. 1988. С. 99-100, 126, 132-134, 137, 142, 144; Бубенок О. Б. 1992. С. 130; 2009. С. 38 и др.] – А. Т.), осложняло его тюркоязычную трактовку. Данное замечание относится и к «переводу» И. М. Мизиева (сравни далее с «переводами» с нахских языков – А. Т.). Появление в консонантной системе балкаро-карачаевского языка Ф [Гузеев Ж. М. 2009. С. 79-80] и других нетипичных для стандартного тюркского языка звуков связано с влиянием ираноязычного алано-осетинского субстрата. Причем, тюркизация аланского субстрата началась не ранее конца XIV в. [Чеченов А. А. 1997. С. 12-15, 20]. Таким образом, фонетические изменения и само их время в балкаро-карачаевском языке четко препятствуют «переводу» И. М. Мизиева. Решение же Ш. Ф. Фаттахова противоречит и реальным образцам передачи «j» в тюркских словах. Сравни, например, имя дяди по отцу Аттилы 'Ωηβάρσιος – тюрк. *oj-bars [Moravscik Gy. 1983a. S. 350; Pritsak O. 1982. P. 442; Тенишев Э. Р. 1996. С. 53], имя или титул ВОУНЛА на сосуде из клада, найденного в с. Надь-Сент-Миклош, соответствующий титул ВОНЛА в надписях из Плиски, которые можно связать с тюркским титулом *vujla*, отраженном в греч. βοιλάς, βοηλάς [Moravscik Gy. 1983a. S. 18, 93-94; Менгес К. Г. 1979. С. 84-86, 91; Татаринцев Б. И. 1994. С. 168].

Во второй букве строки Ш. Ф. Фаттахов признает *u* и читает сочетание *ou* как «*у*». Таким образом, он отходит от трактовок своих предшественников, но никак не объясняет своего выбора, тем более, что даже по его деривату надписи *u* требует объяснения. Получается, что автор молчаливо признает прочтение В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, которых он активно критиковал, но, видимо, в данном случае их решение подходит ему для собственной трактовки.

Строка 11. Все буквы «читаются» как baq(q)a – «смотреть», «опекать». Таким образом, звук b, по автору, передается в надписи двумя разными буквами – В (строка 8) и П. Третья буква К «читается» как q, но, как мы помним, в строке 4 она оставалась в своем значении К. Значение К приписывалось и букве Х строки 6, тогда как в строке 2 она оставалась в своем значении Х. Значение q приписывалось и последней букве строки 8, греческой Н. Заметим, что в трактовке строк 8-9 автор произвольно пользовался фонемами «k», «x», «q» в приложении к одним и тем же буквам. Но в своем абстрактном стиле «прочтения» Ш. Ф. Фаттахова допускает, по мере необходимости, искать для одних и тех же фонем и различные буквенные воплощения.

Строки 12-13. Оставляем в стороне чтение согласных букв и не ищем, в частности, объяснений, почему Θ идентифицируется с Т, уже представленной в строке 10, а К, вопреки прежним «прочтениям», – с g. Достаточно только указать, что конечная согласная, греческая Н строки 13 получает свое новое значение j, за которое так «боролся» автор для Ф.

Строка 14. Все буквы строки и две первые буквы строки 15 «читаются» как jur(t)an – «из юрта (владения, царства)». О «прочтении» говорилось выше. Пропуск при написании второй t в jur(t)an, как и второй q в baq(q)a ранее «объяснялось» тем, что «... их отсутствие не наносит ущерба семантике, что учитывалось, по-видимому, и писавшими надпись». Учитывая весь «символизм» и «семантику» надписи, следует признать, что такое «прочтение», действительно, ничему не вредит, т. к. вредить нечему.

Строки 15-17. Последние две буквы строки 15 и четыре первые буквы строки 16 «читаются» как (b)alany. Также «читаются» следующие последние две буквы строки 16 и первые 4 буквы строки 17. Автор получает общее прочтение balany balany – «алана – дитя». В первом слове значение -у приписывается, таким образом, греческой А, что ничем нельзя объяснить. Такое же значение приписывается и конечной букве второго слова, греческой Н, уже испытывавшей на себе ранее иные трактовки автора. Чтение следует отвергнуть.

Нас уже не удивляет стремление автора «прочесть» «этно-термин «алан». Для формы *balan* Ш. Ф. Фаттахов вновь находит «оригинальное» объяснение: «По-видимому, начальный согласный (смычный) появился под влиянием протезированного произношения имени нетюркскими народами...». Смотри строку 10. Дальнейшие «рассуждения» автора об «этнотермине» уже, действительно, ничем не удивляют. Не удивляет и то, что Ш. Ф. Фаттахов предварительно «цитирует» В. Ф. Миллера: «Хотя имени Анбалан у осетин мы не можем указать, но оно звучит вполне по-осетински». Как мы уже указывали, мы имеем дело не с цитатой, а с ее искаженным переложением И. М. Мизиевым. Следовательно, Ш. Ф. Фаттахов достойно представляет линию своих идейных предшественников, вне источника и вне научного исследования.

Строка 18. Последняя буква Ф строки 17, все буквы строки 18 и первые две буквы ЛА строки 19 «читаются» как *jurtly* – «имеющий юрт, владение», т. е. «владелец». Смотри строку 10. Конечной букве А вновь приписывается значение -у. «Чтение» должно быть отвергнуто.

Строка 19. Последние буквы строки 19 КА и первая буква N строки 20 «читаются» как *qan* – «царь, владыка». Для первой буквы смотри строку 11.

Строка 20. Все последующие после N буквы строки и первые две буквы строки 21 «читаются» как *ητηρθε* – *etä erde* – «должны были сделать». Ш. Ф. Фаттахов предварительно заявил, что В. И. Абаев заменил для своего чтения букву ε на ζ. Таким образом, Ш. Ф. Фаттахов использует фальсификацию Зеленчукской надписи, произведенную А. Ж. Кафоевым, который искусственно расчленил лигатуру *тζ* на две отдельных буквы, зафиксировав данную манипуляцию в своих рисунках «Зеленчукская надпись с поправками...» и «Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке».

Аналогичным образом поступил и М. Кудяев, который заявил, что имеет дело с буквой Э русского алфавита. В таком же направлении действовал и И. М. Мизиев. Только на основании выявленной указанной фальшивки «чтение» Ш. Ф. Фаттахова

обязано быть отвергнутым. Показательно «объяснение» Ш. Ф. Фаттахова «разворота» второй буквы лигатуры ζ в обратную сторону, «превратившую» ее в ε: «... конечная гласная «почтительно» развернута в сторону слова qan и дублирует аналогичный разворот «q» в сторону «главы» (башкарык(a) в 8-ой строке).

Остается только заметить, что Ш. Ф. Фаттахов для греческой Н дает значение -е, т. е. еще одно новое «прочтение». Искусственно превратив ζ в ε, «читает» ее как ä, т. е. как ранее «читал» А в строке 6. Ту же букву ε уже в следующей строке 21 уже «читает» как -е. Как мы видим, Ш. Ф. Фаттахов, как и его предшественники, приписывает различным буквам передачу одной и той же фонемы. Первая буква Θ строки 21 «читается» как d. Таким образом, и Θ приписывается новое значение, что производил ранее И. М. Мизиев, «забывая» о наличии греческой Δ для передачи звонкого -d. Все «прочтение» не имеет никакого отношения к научному исследованию.

Строка 21. «Читается» как Ot zʸ(ÿ)l – «Год Лошади». Уже и не стоит говорить об уместности такой «календарной датировки», дополняя ее сравнением с соответствующей известной формой [ДТС. 1969. С. 281], в христианской эпитафии и об излюбленной Ш. Ф. Фаттаховым конечной ç теперь в начале «слова». Дальнейшие «рассуждения» автора о «причинах» различной передачи начальных гласных в O^aty (строка 3) и Ot (строка 21), которые «являются абсолютными омонимами», о пропуске гласных в b(a)sqar(y)q (строки 8-9) и zʸ(ÿ)l (строка 21) (видимо, автор забыл в первом случае еще и о своем пропуске а – А. Т.), о передаче звука «ы», то греческой Н, то греческой А, о передаче греческой Н «тюркских гласных i, y, e» столь же основательны, как и его обшая «идея» в трактовке надписи:

«... текст написан настолько грамотно, насколько позволял греческий алфавит, не приспособленный для передачи некоторых тюркских согласных и гласных звуков. Поэтому эпитафию следует читать, не прибавляя и не убавляя ни одной согласной буквы, за исключением обоснованного удвоения в местах схождения одинаковых звуков основы и суффикса и одного диакритического знака... Ввиду определенных трудностей, связанных

с передачей богатого тюркского вокализма средствами греческого алфавита, речь, в основном, может идти лишь о гласных звуках... Зеленчукская эпитафия открывает занавес над семантикой названия первой хазарской столицы Баланджер ... «земля (место, территория)» алан... Создается впечатление, что полное отражение некоторых слов в одной строке, по возможности, умышленно избегалось. Это явление, на наш взгляд, можно отнести на счет каких-то мистических соображений ввести в заблуждение силы зла, отвести их от царского рода и юрта в будущем... столь явный «уклон» в мистику выглядит вполне уместным. Например, под этим углом зрения как поступить со словом *oau*, которое в данном случае целесообразно отразить в одной строке? Но выход был найден – вторая часть «завуалирована» скорописью. Ясно, что с этой же целью вторая часть слова *össä* перенесена на следующую строку. Интересно, что здесь, судя по всему, еще действовал тонкий расчет – пустить непосвященного по ложному следу, создав видимость греческого суффикса, т. е. своего рода «приманку», безотказно действующую фактически в течение целого столетия. Если продолжать эту мысль, то для слова *jurt* «страховки» и не требовалось, так как иноязычное фонетическое оформление само отвечало целям «конспирации». Явно эти же цели преследовались и в передачи символики... В нашей надписи с титулами передается только теоним Иисус Христос, а в остальных же случаях использованы другие методы «конспирации». Но их эвфемистическая суть прослеживается довольно отчетливо. Явно преднамеренная дезориентация особенно удачно достигнута в слове «*qan*», где последняя буква, при избытке места умышленно перенесена на следующую строку, отчего при соответствующем чтении она исчезает... Итак, отнесение языка эпитафии к конкретному тюркскому языку не входит в задачу автора... этот язык наиболее близок к половецкому, мишарскому (тат. диалект) и ногайскому языкам... Зеленчукская надпись, написанная на чистом тюркском языке, доносит нам весть о языке древних алан и ставит перед лингвистами и историками совершенно новый круг проблем, представляющий немалый интерес. Средневековый

город, близ обширных руин которого была найдена плита, судя по тексту и захоронению царевича, являлся столицей царства. Но где искать следы тюркоязычных жителей – христиан, способных строить города и церкви, исповедовавших одну из великих религий, писавших греческим письмом и оставивших столь хитроумную эпитафию – ребус? В заключении отметим, что хотя предлагаемое чтение текста находит мало общего с чтением Вс. Ф. Миллера, благодаря которому получил известность ценный исторический документ, думается – он прав в главном, его уже упоминавшиеся слова о том, что Зеленчукская эпитафия «получает особенное значение для определения национальности», на наш взгляд, бесспорны и соответствуют действительности».

Мы сознательно при цитировании не следовали разбивке текста на абзацы, чтобы дать возможность свободно литься «поток мысли и фантазии автора», тому потоку, который является единым для сторонников тюркоязычного «прочтения» Зеленчукской надписи. Данное «прочтение» преследует не научные цели дешифровки конкретного эпитафического памятника, а совсем иные квазинаучные цели. Поэтому и сама «дешифровка» надписи производится за счет сознательного насилия над памятником и различных манипуляций. Пожалуй, данное направление «дешифровки» является на сегодняшний день самым дискредитированным среди самих квазинаучных направлений, дискредитирующим себя изнутри. Показательно, что данная «дешифровка» прошла путь от кандидата физико-математических наук, через кандидата исторических наук, до кандидата филологических наук. Тем самым она продемонстрировала, как квазинаучные идеи порождаются вне поля научного знания и получают свою поддержку уже среди отдельных представителей соответствующих отраслей научных знаний, которые ради общей квазинаучной идеи используют общие со своими единомышленниками ненаучные «методы».

Данная «дешифровка» являет собой частный пример тому, насколько гуманитарная наука «проницаема», как извне, так и изнутри. Основой такой «проницаемости» в данном случае служит не сама наука, а, видимо, ложно понимаемое чувство патрио-

тизма и желание занять особое место в «патриотических рядах». Но следует повторить, что «проницаемость» науки изнутри не имеет ничего общего с самой наукой. Она только прикрывается ее авторитетом, выдавая за научные методы исследования свои «методы», а порой просто субъективные толкования. Показательным является тот факт, что никто из профессиональных лингвистов-тюркологов никогда не включал Зеленчукскую надпись в фонд памятников тюркоязычной эпиграфики – четкая и однозначная научная оценка выше приведенным «упражнениям».

Видимо, не стоит удивляться тому, что научная оценка подобных «дешифровок» [Кузнецов В. А. 1987. С. 134] порой носит субъективно-оценочный характер [Макитова Т. Т. 2013. С. 4]. Авторами таких «дешифровок» становятся те, кто стремятся стать «великими учеными» в глазах общественного мнения [Егоров Н. И. 2008. С. 31]. Именно поэтому они действуют по принципу *argumentum ad hominem* [Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М. 2006. С. 81], стремятся донести свои публикации, облачая их в наукообразные формы, в первую очередь, до «простого читателя». Такая встреча наукообразных «исследований» с «простым читателем» и дает авторам желаемый ими эффект. Речь идет о «простом читателе» из определенной этнической среды, которому «идеи» автора должны льстить.

Не совсем точными представляются наблюдения об отношениях между сторонниками квазинаучных тюркоцентристских идей, у которых «академическая репутация... несколько подмочена, зато их популярность вне профессиональной среды выросла», и их оппонентами [Кореняко В. 2000. С. 36]. Во-первых, псевдолингвистические опусы первых пытаются просто подменить собой действительные лингвистические исследования, на которые опираются и представители иных гуманитарных научных дисциплин. Во-вторых, частные примеры с «прочтением» Зеленчукской надписи демонстрируют методы таких подмен, когда оппонентом избирается наука, которая, в свою очередь, опираясь на собственные достижения, которые не опровергаются, а порой просто не понимаются, не видит стороны для оппонирования, поскольку та лежит вне научного поля.

Одним из последних продолжений тюркоязычного «прочтения» надписи является работа М. Ч. Джуртубаева, в которой «получился связный и ясный текст на черекском диалекте кар.-балк. языка, составленный в полном согласии с его синтаксическими нормами» [Джуртубаев М. Ч. 2010. С. 98, 147, 183-184, 187, 198-206, 390, 391, 401, 790]:

«Исуу ХС, аус Николаос сахириф, ой: Хоб-су таиф, о урт, Пакатарпака таиф, о уртан, паланап, аланиф, о уртлака интеир де. От сл.

Совр. текст:

Иса ХС, уас Никкол(ну), цахырыф, айт: Коб-суу таиф, ол зурт, Багъатырбекге таиф, ол зуртдан бёлюнюф, алланыф, ол зуртла-гъа итинибди. От зыл».

«Перевод»:

«Иисус Христос, святой Николай, призвав (их), узнай (о том, что) Хоб-суу переменяло (русло), и то поселение, к Пакатару склоняясь, и, от того места отделившись, направиться в те (дальние) места намерено уйти. Год Быка».

Пожалуй, в этот раз, действительно, уже нет никакой необходимости подробно разбирать «чтение». Только само его начало, основывающееся на «подсказке» рабочего, историка-любителя А. Г. Алишева из Нальчика (к сожалению, данная публикация [Алишев А. 1988], осталась недоступной), увидевшего на месте механической выбоины, поглотившей букву С в строке 1, элемент ребусного письма – кувшин, из которого льется вода, что приводит к значению кар.-балк. суу – «вода», – сразу отрицает все предложенное «чтение». Автор может рассуждать о совмещении неграмотным резчиком буквенного и ребусного письма для получения Исуу, т. е. «Иисус», о замещении одного резчика другим, что видно ему по смене начертаний букв, не учитывающих различные графики письма, полностью игнорировать данные греческой палеографии, рассуждать о работе Л. Згусты через данные Т. А. Гуриева, публиковать изображение Зеленчукской плиты из монографии В. А. Кузнецова, но уже, видимо, со своими неряшливыми пометками и исправлениями и т. д. и т. п. Не стоит уже обращаться и к иным подобным «чтениям» [Хасанов Б.И.]

3. «Прочтения по-нахски»

Еще одним направлением в интерпретации Зеленчукской надписи стало «прочтение» Я. С. Вагапова на «нахском языке» [Вагапов Я. С. 1980. С. 100-117]:

«Ис Хс ОАГИОСО (?) или 6471 шо (?) НИКОЛАОС. Сахири фу(р-то)й: Хоб(а) Шитлери фурт, Багатар Багатаи фурт, Анбалан(а) Абалани фурт. Ла кланитие ирте. Ладо».

«Перевод»:

«Иисус Христос Святой (?) или 6471 год (?). Николай. Сахири (рода) сыновья: Хоб(а) Шитлаев сын, Багатар Багатая сын, Анбалан(а) Абалана сын. Погибли молодцы на равнине. Ладо».

«Прочтение» Я. С. Вагапова было подробно проанализировано Л. Згустой [Zgusta L. 1987. P. 21, 23-24, 28, 30, 31, 35, 41-46]. Исследование Л. Згусты освобождает нас от столь же подробного обращения к «дешифровке» Я. С. Вагапова. Позволим себе остановиться только на некоторых ее составляющих, часть из которых была отмечена Л. Згустой.

Строка 3, несомненно, содержит греческое ὁ ἀγί(ος) – «святой». Утверждения о том, что перед С «нет никакой возможности прочитать О», «чтение лигатуры, находящейся между ОА и СО как ГО или даже Г (с пропуском О) трудно обосновать палеографически», выстраивание последовательности для прочтения ὁ ἀγίος как ОАГИОСО, достаточно путанные. В надписи, если передавать ее по схеме Я. С. Вагапова, последовательность выглядит как ОАГИСО, в которой ошибочно переставлены местами две последние буквы, но никак не ОАГИОСО. Для предположения Я. С. Вагапова о наличии даты (6471 шо – «6471 год», т. е. 963/964 г. н. э.) нет основания. Также нет основания превращать лигатуру үі, с более скорописным нанесением ү, в лигатуру иф, тем более, с «сигмой», повернутой наоборот в лигатуре». Палеографическая обоснованность наличия именно лигатуры үі не вызывает сомнений.

Для имени ΣΑΧΗΡ строк 6-7 автор считает исходной формой не Сахир, а сопоставляет его с нахским именем Сагари, образованным из нахских са – «доход, прибыль» и суффиксов -ха (гІ – звонкий вариант х) и ри. Появление и во втором слоге объяс-

няется регрессивной ассимиляцией гласных, характерной для нахских языков. Сами приводимые автором «сопоставления» опровергают его искусственную реконструкцию. Современная форма Сағлари отвергает наличие регрессивной ассимиляции гласных, а звонкое *ŋ* невозможно приписывать букве *χ* Зеленчукской надписи. Решение автора интересно сопоставить с решениями Р. Бильмайера и Ю. А. Дзиццойты. Вместе с тем, учитывая и приведенные наблюдения в отношении последних, предложенное дигор. *saxir* точно соответствует ΣΑΧΗΡ Зеленчукской надписи, в том числе, для передачи греческой *Χ*, значение которой строго устанавливается строкой 2. В приведенных же примерах задействована иная фонема, выражение которой в надписи связано с *Κ*.

В отношении окончания строки 7 Я. С. Вагапов заявляет, что чтение иранистами «фурт... предположительное, поскольку для этого в строке 7-й не хватает трех букв... Последние три буквы 7-й строки вслед за иранистами мы рассматриваем как сокращенное написание слова *фурт*, но не в форме именительного падежа ед. ч., а в форме именит-го падежа мн. ч. *фуртой* – сыновья». Данные заявления являют образец преднамеренного искажения данных.

Чтение *фурт* исходило из реальной фиксации всех букв оттиском Г. И. Куликовского, о чем умалчивает Я. С. Вагапов. Его собственное «чтение» построено именно на преднамеренном игнорировании действительных данных. Фактически он субъективно подбирает под свое «прочтение» необходимые ему буквы, т. е. упускает надстрочные *rt*, а конечную в строке *Υ* превращает в *l*. Причем, и в таком «прочтении» он сам, а не его предшественники, допускает пропуск сразу 4 букв из 7 – *φο(урто)l*. «Объяснение» такой формы лексемы произведенным сокращением ничем не аргументируется, да и не может быть аргументировано. В конечном итоге, сокращение поставило бы вопрос о наличии знака сокращения. «Прочтение» следует категорически отвергнуть.

Я. С. Вагапов попытался доказать нахское происхождение слова *фурт* – «сын», заявив о его заимствовании в осетинский

язык из нахских языков. Л. Згуста не только продемонстрировал беспочвенность нахской этимологии слова, но и справедливо указал на оригинальность осетинской лексемы, развитие которой представлено, в том числе, в древней эпиграфике Северного Причерноморья, на что неоднократно указывали исследователи, в том числе и В. Ф. Миллер [Миллер В. Ф. 1886. С. 243, 252; 1913. С. 86; 1962. С. 18; Justi F. 1895. S. 106, 156, 257; Vasmer M. 1923. S. 48, 55; Абаев В. И. 1949. С. 177; 1979а. С. 274, 299, 313, 315, 332; 1995. С. 326; Zgusta L. 1955. S. 185, 249; Harmatta J. 1970. P. 88, 89; Шелов Д. Б. 1974. С. 88; Bailey H. W. 1979. P. 243-244; Даньшин Д. И. 1990. С. 54; Bielmeier R. 1989. S. 240; Gershevitch I. 1992. P. 165-166; Testen D. 1997. P. 707, 709; Huysse P. 1998. S. 186, 188, am. 124, Lubotsky A. 2006. P. 172-173; 2008. P. 14; Алемань А. 2003. С. 225; Цымбурский В. Л. 2006. С. 3, 4; Чёнг Дж. 2008. С. 54, 66; Эдельман Д. И. 1986. С. 174, 185; Schmidt R. 2000. S. 485; Цаболов Р. Л. 2001. С. 76; PED. 2007. P. 2440-2441; Шапошников А. К. 2007. С. 296; Wendtland A. 2009. P. 178, tab. 8; Тохтасьев С. Р. 2013. С. 582; Novak L. 2013. P. 171-172, 173, 175]. Интересно, что в IV в. царь квадов носил имя Фуртиос (Dio. Cass. LXXXI, 13, 3), которое исследователи также связывают с аланским влиянием [Maenchen-Helfen O. 1957. P. 281].

Нет никаких сомнений, что осет. *furt/fyrt* восходит к **puθra* – «сын». Как отмечают исследователи, в осетинском языке эволюция древнеиранского **p*- завершилась полной победой **f*- (внутри слова и *v*), что четко выделяет осетинский язык вместе с сарматским предком из всех известных иранских языков. Северопричерноморский ономастикон показывает, что переход происходил не только в аланском [Абаев В. И. 1995. С. 325-327; Bielmeier R. 1989. S. 240; Lubotsky A. 2006. P. 172-173; Kümmel M. J. 2006. S. 7; 2008. S. 11; Skjærvø P. O. 2009. P. 51], но и в других сарматских наречиях. В некоторых из них переход **f*-<**p*- отмечается около рубежа н. э., четко фиксируется во II-III вв. н. э., но еще не повсеместно. Отдельные исследователи не исключают, что данное изменение впоследствии повлияло и на фонетику мадьярского языка [Вереш П. 1984. С. 380].

Наблюдаемая метатеза древнеиранского **θr*>**rθ* (>осет. *rt*) также фиксируется уже в северопричерноморском ономасти-

коне. Судя по данным осетинской лексики, эта метатеза произошла еще раньше, чем переход *ri, *ry(i)>*l, *l(i) (> осет. l) [Skjærvø P. O. 2009. P. 51], из всех иранских языков представленный только в сарматском (аланском), который наследует осетинский язык. Первые же свидетельства перехода относятся к рубежу III-II вв. до н. э. Кстати, этот же переход представлен и в τζηρθ Зеленчукской надписи [Тохтасьев С. Р. 2013. С. 582, 584, 590, 592, сн. 182, 593; Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. 2006. С. 185, сн. 32]. Таким образом, форт – «сын» Зеленчукской надписи, бесспорно, представляет аланскую (иранскую) лексему.

Как показал Л. Згуста, именно осетинская лексема была заимствована в нахские языки [Zgusta L. 1987. P. 44-45; Абаев В. И. 1958. С. 500]. Подтверждением тому могут служить и другие наблюдения лингвистов в отношении консонантной системы нахских языков [Услар П. К. 1888. С. 5-6; Алборов Б. А. 1929. С. 90-91; Мальсагов Д. Д. 1941. С. 56-57; Дешериев Ю. Д. 1953. С. 32; 1963. С. 85, 223, 229; Чокаев К. З. 1987. С. 107-108; 2011. С. 184; Абаев В. И. 1959. С. 106; 1958. С. 486; Гониашвили Т. Б. 1977. С. 65; Имнайшвили Д. С. 1977. С. 186-188; Ужахов М. Р. 1979. С. 62; Уарзиати В. С. 1987. С. 94; Алироев И. Ю., Маргошвили Л. Ю. 2010. С. 40-41; Гадиев У. Б. 2013. С. 77; Тимаев А. Д. 2013. С. 225]. Собственно, сам Я. С. Вагапов отмечает, что фонема «ф» встречается только в отдельных западных говорах ингушского языка – лам-аккинском и орстхойском (маьлхи, млайстой, орстхой? – А. Т.).

Для строки 8 Я. С. Вагапов выбирает направление, предложенное Б. А. Алборовым. «Перевод» явно ошибочный, т. к. греческая В не может передавать звук -б. Следование за Б. А. Алборовым в строке 9 повторяет вольную трактовку лигатуры ото, приведившую к необоснованному отрицанию самого ее наличия при субъективной трактовке как «сложно-фигурной буквы». Сам Я. С. Вагапов заявляет, что «... первый знак 9-й строки, представляющий собой лигатуру из двух букв, Турчанинов без всякого основания читает как три буквы, а для получения нужного слова добавляет после лигатуры еще и букву ипсилон. Подобное обращение с подлежащей изучению надписью не может привести к успеху в установлении объективной истины».

Вновь налицо преднамеренное искажение действительного положения. Установление Г. Ф. Турчаниновым наличия в начале строки лигатуры от с последующей буквой о (на самом деле лигатуры ото – А. Т.) и пропуск, а не вставка, буквы и, подтверждались им данными других эпиграфических памятников. Для второго случая, как указывалось выше, возможно и иное решение. Следует также отметить, что в основу своей работы Я. С. Вагапов положил рисунок Д. М. Струкова, хотя его перерисовка автором несколько неаккуратна. В данном случае у лигатуры на его дериIVATE изменена форма левого верхнего окончания и пропало верхнее правое окончание, что превратило лигатуру в отдельную букву Т (рис. 20). Таким образом, автор произвел преднамеренное искажение надписи.

Вместе с тем, Я. С. Вагапов бездоказательно трактует первый знак как лигатуру из двух букв. Остается напомнить, что трактовка Б. А. Алборова не только противоречила открывающей строке 9 лигатуре, но и не имела опоры для -æ, на месте которой у Я. С. Вагапова появляется -е. По умолчанию автора можно предполагать, что он ограничивается лигатурой тѣ. Но ее форма в самой Зеленчукской надписи ничем не подтверждается. Однако, возможно, автор представил себе лигатуру тр, т. е. с пропуском -е. «Прочтение» следует категорически отвергнуть.

Для строк 11-18 Я. С. Вагапов признает правильным направлением работы предшественников, в которых определялось перечисление имен и отчеств покойников. Вместе с тем, его выбор в пользу последовательности «имя-отчество» за счет примеров эпиграфики из древних городов Северного Причерноморья, в которых отражалась греческая традиция, не может служить безусловным основанием. О трактовке автором слова «фурт», повторяющегося в этих строках, уже говорилось выше.

В отношении прочтения иранистами «Багатар Багатаи фурт, Анбалан Абалани фурт» автор заявляет, что оба имени встречаются, как у осетин, так и у вайнахов. Во-первых, наличие подобных нахских имен ничем не подтверждается, если только под ними не подразумевать имена известного нам тюркского происхождения в соответствующей им форме [Арсмаков Б. И.

2012. С. 136; Гусейнов Г.-Р. А.-К. 2012. С. 146], которые встречаются и у других народов Северного Кавказа. Во-вторых, приведенные формы имен опускают действительную их реконструкцию. Далее Я. С. Вагапов утверждает, что иранисты настойчиво заменяют имена Анбал, как и имя Анбазук «Картлис Цховреба», на имена Амбал и Амбазук и делают на этой основе выводы об их этимологии. Перенесение осетинского имени Амбал («товарищ», «спутник») на аланское имя Анбал автор считает фонетически невозможным.

Во-первых, включение в рассмотрение имени Амбазук для конкретного эпиграфического памятника – Зеленчукской надписи – ничем не мотивированно. Несогласие с его конкретной иранской этимологией также ничего не аргументирует, тем более, что это не единственная предложенная иранская этимология для данного имени. Кроме того, Я. С. Вагапов просто не знает, что рукописи «Картлис Цховреба» дают формы имени Anbazuk, Anzabuk, Ambazuk, а в ее армянской версии – Anbazowk, Abazuk, Abazok, Ambazuk (имя его брата-соправителя, соответственно, Bazuk, Bazuki, Bazowk, Barzok, Bazaov). С данным именем исследователи сопоставляют и имя предводителя гуннов, контролировавших, по Прокопию Кесарийскому, Дарьяльский проход, – Αμβαζούκης [Moravcsik Gy. 1983a. S. 65; Алемань А. 2003. С. 422-423, 424]. Таким образом, Я. С. Вагапов вновь вводит в заблуждение.

Во-вторых, форма Анбал для Зеленчукской надписи точно соответствует дигорской форме лексемы, о чем Я. С. Вагапов умалчивает, используя иронскую форму, т. е. вновь вводя в заблуждение. В-третьих, иранская этимология имени Анбал, его конструкция достаточно прозрачны и надежно установлены. В то же время попытки этимологизировать аланские и осетинские имена со стороны Я. С. Вагапова производятся за счет произвольно привлекаемых нахских лексем, за счет представления приставки а(н) как сросшимся с именем артиклем определенности, с указанием на данные «чеченского литературного языка» – и. Заметим, что указание на осетинские параллели, некорректно, т. к. речь может идти об указательном местоимении а

– «этот», имеющем иранское происхождение, и о предположительном определенном артикле *i*, имеющем соответствующее происхождение от относительного местоимения [Абаев В. И. 1958. С. 23, 538-539].

Все это нагромождение «фактов» и позволяет автору придти «... к успеху в установлении объективной истины» и «... признать, что аланское имя Анбал – древняя форма нахского имени Бала». К стати, отметим, что «выбор» для основы имени «нахского нарицательного слова «бал» – «вишня» умалчивает о том, что данное слово в северокавказских языках, включая чеченский, ингушский и осетинский, заимствовано из грузинского языка, который, в свою очередь, заимствовал его из персидского языка [Абаев В. И. 1958. С. 233; Дешериев Ю. Д. 1963. С. 29; Климов Г. А. 1986. С. 108, 190; Алиев И. И., Алиева З. И. 2003. С. 149]. Кроме того, имя Бала, согласно «Сводному словарю личных имен народов Северного Кавказа», является женским [Гусейнов Г.-Р. А.-К. 2012. С. 154].

В отношении прочтения строки 20 Я. С. Вагапов замечает, что «в 19-21-й строках буквы вырезаны четко, кроме одной к-рая на наш взгляд, явл-ся лигатурой букв Т и Е, повернутой наоборот – Э», а его предшественники «... не смогли привести ни одного примера в пользу чтения лигатуры из Т и Э как ч. Что могло натолкнуть резчика на передачу этого звука лигатурой из согласной и гласной букв?». Автор явно запутался в собственных представлениях.

Во-первых, речь шла о начальной Ц, а не Ч, т. к. исследователи обращались к осет. *cirt/cyrt*, а не к чечено-ингушскому *čirt*. Причем, второе является известным заимствованием из осетинского языка. У исследователей речь шла о лигатуре из двух согласных т̣ц, передающей звук -ц, что неоднократно представлено на эпиграфических памятниках. Передача ζ в форме Э также допустима для эпиграфических памятников. Я. С. Вагапов либо не заметил, либо по умолчанию следует за своими предшественниками, которые либо прямо, либо, как и он, по умолчанию, подменяли ζ кириллической гласной Э, чтобы добиться собственного «прочтения». Кроме того, уже в следующей стро-

ке 21 представлена эpsilon – Є. Без сомнения, «прочтение» Я. С. Вагапова должно быть отвергнуто.

В строке 21 Я. С. Вагапов не учитывает точку, сигнализирующую о следовании за ней другой части текста. Вместо него он «читает» имя Ладо, которое сопоставляет с нахским именем Лада и Latla. Показательно, что, как и некоторые его предшественники, автор обращается к «тайнописи», кроме того, в своем деривате надписи последней букве строки автор придает форму именно буквы л. Игнорируется наличие знака сокращения над С. Согласно «Сводному словарю личных имен народов Северного Кавказа», имя Лада является женским [Гусейнов Г.-Р. А.-К. 2012. С. 156].

Следует согласиться с замечанием Л. Згусты: «Вновь интерпретация очень сильно инспирирована желанием автора получить здесь вайнахское имя». Что касается, в целом, работы Я. С. Вагапова, то следует вновь согласиться с аргументированным и однозначным заключением Л. Згусты: «... невозможно признать вайнахскую интерпретацию убедительной». Что касается самой цели «прочтения» надписи Я. С. Вагаповым, то она очень проста: «... в основной своей массе кавказские аланы были нахоязычным населением, аборигенами Кавказа. В ходе бурных исторических процессов, происходивших на Кавказе, они, очевидно, были частью оттеснены на восток, а частью ассимилированы адыгами, тюрками и иранцами (осетинами)».

Продолжением подобного направления интерпретации Зеленчукской надписи, но как составленной именно на чеченском языке, является работа Х. А. Хизриева [Хизриев Х. А. 1997. С. 58-63]:

«1400 шо. 18 шо Чколаос Сахири фой (вой) хьовсчи таиф урд Пакатар Пака таиф урд Анпалан Апбланиф урд Ла канитэ Ир(ч) де отсл (оцл)».

«1400 шо. 18 шо Чколаев Сахири. Вай хьавьсчи тайпан тлаьхье: Пакатар Паки тайпан тлаьхье, Анпалан Абланипа тлаьхье. Ле клант. Ирча де оццул!».

Перевод:

«1400 год. 18 лет Сахири Чколаеву. Если мы посмотрим ро-

дословную: Потомок рода Паки Пакатаровича, Наследник Абланифа Анбаловича. Скончался сын. Столь (какой) тяжкий день!».

Автор повторяет за своими предшественниками «мантру» о том, что В. Ф. Миллер и В. И. Абаев внесли в надпись 8-10 новых букв и приводит впечатляющую «статистику», по примеру А. Ж. Кафоева, о том, что «... из 92(93) букв не прочитанными остались 28-30». Г. Ф. Турчанинову вменяется в вину, что он пропустил первые 5 строк надписи, а Б. А. Алборову, что тот не расшифровал 11-14 строки. Оба утверждения не соответствуют действительности, т. к. Г. Ф. Турчанинов исходил из признания в строках 1-5 греческой надписи «Иисус Христос, святой Николай», а Б. А. Алборов четко представил свою дешифровку всех строк надписи.

Поскольку выше уже приведены примеры «дешифровок» авторов, которые в обязательном порядке «отмечали» внесение В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым в надпись новых букв, то отметим один частный, но показательный пример. Никто из них не возражал против идентификации последней буквы строки 18 с буквой Т. Но данная идентификация появилась на деривате В. Ф. Миллера, отсутствуя на рисунках надписи. Видимо, В. Ф. Миллер восстановил букву по оттиску Г. И. Куликовского, также как восстанавливал буквы и в других частях надписи. По логике указанных авторов, мы должны иметь дело с таким примером. Но они этого не делают. С одной стороны, пример свидетельствует о готовности авторов использовать для «дешифровки» подходящее для их «идеи» реконструкции. С другой стороны, он выдает отсутствие понимания у них источниковой базы по Зеленчукской плите при субъективном желании «дискредитировать» исследования ученых, чтобы «расчистить» путь для собственных построений, в которых «игра с буквами» превосходит даже выдуманные ими «изменения» в надписи ученых.

Интересно, что Х. А. Хизриев, приводя примеры дешифровок В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Б. А. Алборова, приписывает им некорректную форму «Исус», давая правильную форму «Иисус» для «дешифровок» Я. С. Вагапова и М. Кудяева. «Наиболее удачными» из научных работ Х. А. Хизриев объявляет работы В. Ф. Миллера

и Я. С. Вагапова, хотя, как мы видели, работу последнего трудно признать за таковую, а непосредственным продолжением научного исследования В. Ф. Миллера является исследование В. И. Абаева, которое Х. А. Хизриев в данном случае отделяет.

Х. А. Хизриев утверждает, что, «если бы были выписаны все буквы памятника и был бы произведен их палеографический анализ, то это позволило бы установить истину и на протяжении долгих лет читателей не вводили бы в заблуждение». Данное заявление, во-первых, вполне раскрывает направленность работы на восприятие ее не специалистами, а некими «читателями». Во-вторых, в такой ситуации само заявление о палеографическом анализе выглядит сомнительным, напоминая о «палеографическом анализе» А. Ж. Кафоева, т. е. об его отсутствии.

Сомнения, к сожалению, оказываются не безосновательными, т. к. весь «палеографический анализ», «палеографическое разъяснение» Х. А. Хизриева заключается только в том, что он «... убежден, что текст Зеленчукского памятника написан не греческим письмом, а на основе кириллицы... мы убеждены, что Зеленчукская надпись является памятником аланского кирилловского письма...». Таким образом, курьезное «введение» в текст надписи двух букв кириллицы М. Кудавым, что в собственных целях использовалось и в других «дешифровках», нашло свое окончательное, абсурдное завершение.

Именно «убеждение», а не палеографический анализ, ведет к ничем не обоснованным утверждениям, что надпись исполнена кириллицей, полууставным письмом рубежа XIV-XV вв., греческие Ν и Η объявляются кириллической Ч, греческая Ρ строки 9 – кириллической А, византийская курсивная α строки 16 – кириллической Б, греческая ζ, вслед за идейными предшественниками, – кириллической Э, которая, якобы, «... в аланском письме существует с самого начала, что говорит о самостоятельности и оригинальности этого письма». Некорректным для исследования эпиграфического памятника является утверждение, что «в греческом алфавите прописная сигма (С) пишется знаком Σ, а строчная в начале и середине слова передается знаком σ и только в конце слова – ς».

Последние сведения, вполне объективные, почерпнуты автором из учебников по греческому языку. Но форма греческой лунарной (округленной) сигмы вполне обычна [Созник В. В., Туровский Е. Я., Иванов А. В. 1997. С. 69, рис. 3] и может быть подтверждена многочисленными источниками, в том числе эпиграфическими памятниками. В частности, видимо, один из самых ранних примеров лунарной С на территории нашей страны представлен в надгробной боспорской надписи 14/15 г. н. э. [Латышев В. В. 1899. С. 59-60] или даже ранее [Иванчик А. И. 2008. С. 57], т. е., как минимум, примерно, за 1000 лет до создания Зеленчукской надписи. Вполне убедительны и другие примеры из боспорской эпиграфики [Кулаковский Ю. 1891. С. 15; Latyshev V. MCMXVI. P. 342-343. № 377; Болтунова А. И., Книпович Т. Н. 1962. Таб. II, III, IV; Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. 2006. С. 189, 206, рис. 2]. В целом, форма лунарной С еще древнее указанных примеров [Кенуон F. G. 1899. P. 129], встречаясь в курсивных формах граффити и дипинти даже в конце слов [Stolba V. F. 2002. P. 228; Rusjaeva A. S. 2010. P. 503, 509, 511, 513, 515].

Не передавался, вопреки утверждениям Х. А. Хизриева, звук -ц сочетаниями ΘС, ТС. В самой кириллице он передавался буквой «цы», а в греческом написании для иностранных слов, в том числе и русских [Черепнин Л. В. 1966. С. 89], использовалось сочетание тζ. Данное сочетание в передаче славянских слов могло одновременно передавать и -ж [Moravcsik Gy. 1983a. S. 20]. Автор утверждает, что «переход П=Б действительно имеет место, но не во всех случаях, а при строгом соблюдении грамматических правил. Звук П озвончается в «б» после М и N, как в слове «Анбал». Сведения вновь почерпнуты из учебников, судя даже по отсутствию указания на два исключения из правила (ουμлтψμα, λεμлтос).

Х. А. Хизриев также не уточняет, что в своих рассуждениях обращается к системе Рейхлинова произношения. И. Рейхлин (1455-1522 гг.) полагал, что читать древнегреческие тексты надо с соблюдением правил современного греческого языка. В отличие от него Э. Роттердамский (1467-1536 гг.) указывал, что язык со временем меняется, и меняется произношение, что подкреплялось им

указаниями на передачу греческих слов в латинском языке (Эразмово произношение). Собственно, «замечание» Х. А. Хизриева ничего не обуславливает и в его «решениях». Но оно почему-то не заставляет самого автора в ходе собственной «дешифровки» учитывать эти разные системы чтения. Собственно, озвончение происходит в буквосочетании *ml* [Moravscik Gy. 1983a. S. 32, 34; Рытова М. Л. 1996. С. 7; Славятинская М. Н. 2003. С. 31; Доровских Л. В. 2011. С. 8]. Отсутствие научного анализа, а, точнее, самой научной базы, ясно видно и по утверждению, что в греческом алфавите «буква «б» передается через «в». Заметим, что представление Х. А. Хизриевым, например, формы «Пакатар» логично только с позиций его подхода, но единственной исторически сопоставимой формой является дигор. *bæḡataæ*, подтверждающее соответствующую фонетическую составляющую, тогда как сама «Пакатар» не имеет никакого основания. Учитывая же выше приведенную позицию автора, следует, например, указать на упоминавшееся в 1329 г. имя персидского полководца *Μπαχάτουρης* [Moravscik Gy. 1983a. S. 205; Славова Т. 2009. С. 129].

Только «убеждение» может вести к утверждению, что в строках 1, 3 представлены «цифровые буквы», а потому выводить знак титло как признак кириллического письма. Датировка по «цифровым буквам» 1400 г. «от Рождества Христова, а не от Сотворения мира, как было принято в Византии и на Руси», совершает целый «переворот» в истории распространения христианства в Алании, не имеющий ничего общего с исторической действительностью. Заметим, что ближайший и, видимо, пока единственный пример датировки от Рождества Христова 1412 г. (?) происходит из генуэзского Судака (Крым) [Виноградов А. Ю., Джанов А. В. 2004. С. 410-411, № 5]. Известные датировки «от Рождества Христова» северокавказских эпиграфических памятников явно ошибочны [Каштанов Д. В. 2010. С. 174-175]. Отсутствие палеографических оснований подтверждается заявлением автора, что «У» (*ou*) в тексте представлена через дифтонг, т. е. в кириллическом исполнении» и т. д.

Совершенно некорректно заявление, что «... когда В. Ф. Миллер писал свою работу, исследователи и мысли не могли

допустить о наличии у горцев в период раннего средневековья своей письменности, тем более на основе кириллицы (из-за слабого развития кавказоведения). Потом над ними довлел уже авторитет первооткрывателя. Может быть, среди них были и такие, кто хотел подольше сохранить некую завесу недоступности, научной тайны». Исследователи, в том числе, и В. Ф. Миллер, В. В. Латышев, Л. Г. Лопатинский и др., неоднократно пытались привлекать для дешифровок эпиграфических памятников данные по языкам северокавказских народов, что находило свое продолжение и в работах советских специалистов.

Видимо, автор, либо не знает, либо умышленно искажает, что одинаково плохо, историю изучения эпиграфических памятников. Но его субъективные убеждения несколько не оригинальны, продолжая линию тех предшественников, которые стремились дискредитировать научные исследования, чтобы «расчистить» путь для собственных «дешифровок», не имеющих ничего общего с научным анализом, но ждущих своего «читателя». Для работы самого Х. А. Хизриева полностью подходит та оценка, которую он сам дал «дешифровкам» А. Ж. Кафоева и М. Кудаева.

О том, что Х. А. Хизриев более чем далек от знакомства с такой научной дисциплиной как палеография свидетельствуют его же заявления: «... интереснее всего поступили с буквой «Э» из 20-й строки – ее перевернули и превратили в знак «Є». Что касается буквы «С», то с ней и считаться не стали, как будто в греческом письме так и должны были писать... резчик письма был хорошо образованным мастером своего дела, прекрасно разбирающимся в палеографических изменениях своего времени».

Еще первый исследователь Зеленчукской надписи В. Ф. Миллер имел основательные знания по вопросам палеографии, обладая и практическим опытом непосредственной работы с эпиграфическими памятниками средневековья, например, в Алуште [Латышев В. В. 1896. С. 80-81]. Справедливо полагая соответствующий уровень знаний своих коллег, он, действительно, не прибежал к излишним подробным объяснениям причин той или иной идентификации букв Зеленчукской надписи. Ему

трудно бы было догадаться, что спустя десятилетия такие объяснения понадобятся, т. к. за «дешифровку» возьмутся иные по подготовке «специалисты». Как отмечал В. П. Яйленко по поводу изучения эпиграфических памятников на Северном Кавказе, «не последнюю роль в том, что северокавказские памятники изучены слабо, играет и отсутствие местных специалистов по греческой эпиграфике» [Яйленко В. П. 1987. С. 161]. Такая, объективно сложившаяся ситуация, помноженная на незнание или преднамеренное игнорирование тех же данных греческой палеографии, и позволяет некоторым «специалистам» манипулировать с «дешифровкой» Зеленчукской надписи.

Своеобразным «толчком» для развития «идеи» от двух букв кириллического алфавита до кириллического алфавита, в целом, у Х. А. Хизриева служит сообщение «Фахр ад-дина Мубарек-шах Мерверруди», которое, по его мнению, «... подтверждает наличие кириллического письма у хазар, под которыми подразумевались и аланы». Речь идет о компилятивном в своей основе сочинении по всеобщей истории «Тарих-и Мубарак-шах», которое писалось 13 лет, было окончено в 1206 г. в индийском Лахоре и преподнесено в дар султану Гийас ад-Дину Махмуду (1206-1221 гг.). До настоящего времени сохранилась только одна рукопись произведения (*Şajara-ye ansâb-e Mobârakâhî, Bahr al-ansâb*), датируемая XV-XVI вв. Создателем сочинения, ошибочно изначально отождествленным с поэтом Мерверруди, является персидский автор Мохаммад ибн Мансур ибн Са'ид ибн Абу-л-Фарах ибн Халаф ибн Ахмад ибн Ша'иб ибн Тальха ибн 'Абдаллах ибн 'Абд ар-Рахман Абу Бакр ас-Сидик ат-Тийими ал-Курайши, прозванный Мобарак-шах и известный под литературным псевдонимом Фахр-е Модаббер [Storey С. А. 1972. Р. 1165-1168; Eir. 1999. Р. 164].

В предварительной публикации открывателя данного сочинения Е. Д. Росса перевод интересующего нас отрывка был дан в следующем виде [Ross E. D. 1922. Р. 406]:

«The Khazars also have an alphabet, which is derived from that of the Russians and a branch of the people of Rum who live near them employ this writing, and they call Rum Rus. It is written from left to right. The letters do not join one another. They have only 22

letters. Here follows a third table, the letters represented being a, b, j, d, h, w, z, h, t, y, k, l, m, n, s, gh, f, q, r, sh, t, th. Most of these Khazars who use this writing are Jews (30 b)».

Вышедший несколько позднее авторский перевод части сочинения [Ross E. D. 1927. P. 46] сопровождался некоторыми пояснениями:

«The Khazars also have an alphabet, which they have taken from the Russians, and this alphabet is also employed by certain people of Rum (Byzantium) who live near them and are called «Rum-Rus». It is read from left to right, and the letters, which are not joined in writing, number twenty-one (actually twenty-two are given). A, B, J, D, H, W, A, KH, T, Y, K, L, M, N, S, T, F, Q, R, SH, T, TH. The Khazars who employ this alphabet are mostly Jews. (The alphabet referred to is probably Cyrillian, certainly not Hebrew. By the Rum-Rus, the Bulgarians are probably intended)».

Отрывок из сочинения Мобарак-шаха самому Х. А. Хизриеву известен по двум публикациям Б. Н. Заходера и В. В. Бартольда, соответственно:

«И у хазар есть письмо, заимствованное от русских, и некоторые народы Рума, которые близки им, пишут этим письмом и их называют рум-и-рус, и они пишут слева направо, и буквы друг с другом не соединяются, и букв не больше, чем двадцать одна».

«У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русско-го; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них, употребляет это письмо, и они называют румийцев руссами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22; <больше букв нет>; большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо, – иудеи».

Оба исследователя осознавали неясность данного сообщения. Б. Н. Заходер, указав, что в источнике вслед за сообщением приводятся в двух строках в порядке абджаджа арабские буквы с их числовым значением (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 100, 200, 300, 400, 500), заметил, что текст может говорить о распространении глаголицы среди народов бывшего когда-то могущественным Хазарского каганата [Заходер Б. Н.

1967. С. 153]. В. В. Бартольд указывал, что известие о письменности у хазаров, исповедовавших иудаизм, конечно, относится не к периоду жизни персидского автора, а взято им из книг. Русское происхождение приписывается хазарскому алфавиту, вероятно, по недоразумению. Ко времени принятия русскими христианства хазарское царство уже утратило всякое значение, но очень правдоподобно, что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника – от греков. Из слов Мерверруди можно заключить, что хазары употребляли алфавит греческого происхождения. Исследователь отметил и сведения о деятельности на Северном Кавказе славянского просветителя Константина (Кирилл) [Бартольд В. В. 1968. С. 466-467; Артамонов М. И. 1962. С. 268-269; Кляшторный С. Г. 2005. С. 102; Кипрушкин В. А. 2001. С. 38, прим. 83].

Кстати, Б. Н. Заходер в первом томе своей монографии, который почему-то вообще упускается Х. А. Хизриевым, также связывал сообщение источника со сведениями из жития Кирилла (Константина) о находке просветителем в Крыму русского псалтыря. В целом, исследователь полагал, что сообщение Мубаракшаха «... не может быть иначе трактовано, как сообщение о русской письменности до изобретения и введения кириллицы» [Заходер Б. Н. 1962. С. 162-163]. Таким образом, речь шла не конкретно о глаголице, а о некоем письме докириллического периода. Что касается первого приведенного заключения исследователя, то оно воспроизводит изначальный перевод источника, который Б. Н. Заходер давал ранее в связи со сведениями о русах Марвази, и также, «не входя в обсуждение по существу этого не совсем ясно известного», полагал, что, «как видно из текста», речь шла о «распространении глаголицы среди народов некогда могущественного Хазарского каганата» [Заходер Б. Н. 1943. С. 40, 46, прим. 82]. Данная работа также упускается Х. А. Хизриевым.

Несколько странным представляется упущение Х. А. Хизриевым статьи И. И. Умнякова (его изначально упускал и Б. Н. Заходер), посвященной изданию и первому переводу источника. Исследователь также приводит его перевод и дает некоторые комментарии:

«У хазар тоже есть письмо, и это письмо происходит от русского: ветвь народа Рума, живущая вблизи них, пользуется этим письмом, и у них румийцы называются руссами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22 (в тексте сказано 21, а дается перечень 22), больше букв нет». Далее автор передает хазарский алфавит в арабской транскрипции, которая, к сожалению, не дает нам представлений о фонетике языка. Алфавит этот следующий: a, b, w, d, h, dj, z, kh, ṭ, i, k, l, m, n, s, gh, f, ḳ, r, sh, t, th. Свое замечание о хазарской письменности автор заканчивает словами: «Большая часть этой ветви, которые употребляют это письмо – евреи».

Кроме того, И. И. Умняков отмечал, что источник не везде правильно передавал хазарский алфавит, и указывал, что седьмую букву следует читать не «а», а «z», а шестнадцатую букву вместо «t», вероятно, надо читать «gh», если допустить, что в рукописи вместо «айн», как показано в издании, стоит «гайн». Исследователь также отметил мнение Е. Д. Росса, что под «румрус» надо, вероятно, подразумевать болгар, а речь идет о кириллице, но, конечно, не о еврейском письме. Отметив мнение В. В. Бартольда, сам исследователь полагал, что хазары могли подвергнуться русскому влиянию и заимствовать у них письмо, которое русские имели еще до начала деятельности миссионеров среди хазар [Умняков И. И. 1938. С. 113].

Упущен был и перевод интересующего отрывка А. М. Щербака:

«У хазар... есть также письмо, которое происходит от русского.; ветвь румийцев., которая находится вблизи них, употребляет это письмо и они... называют румийцев руссами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква. Та ветвь хазар., которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство...» [Щербак А. М. 1959. С. 366-367].

Исследователь обратился к данному отрывку по поводу находки двух надписей в Саркеле. Они были выполнены кириллицей, но без характерных для нее букв (юсы, ъ, ь и др.). По наблюдению А. М. Щербака, определяемые в надписи слова явно неславянские, что может говорить о каком-то другом или сме-

шанном языке. Исследователь приводит мнения В. В. Бартольда о возможности получения русскими и хазарами алфавита от греков и Е. Д. Росса о связи алфавита с кириллицей и подразумевании под румийцами-русами болгаров. Показательно, что А. М. Щербак несколько не настаивает на соотношении сведений письменного источника с двумя обнаруженными надписями, расшифровать которые, при признании хазарского языка тюркским, ему не удается.

Нетрудно заметить, что Х. А. Хизриев просто подобрал под свою «идею» вариант со славянской письменностью. Сама «идея» сопоставима, например, с замечанием Е. Д. Росса, переданным И. И. Умняковым. Заметим, что попытка кратко дополнительно обосновать возможность использования хазарами-иудеями кириллицы [Liget L. 1981. P. 7-8], не известная Х. А. Хизриеву, не представляется убедительной. В то же время, видимо, известны примеры использования кириллицы для передачи краткого тюркоязычного текста, если принимать дешифровку билингвы XI в. из Киева [Прицак О. И. 1988. С. 49-61]. Но и она относится к совершенно другому историческому контексту.

Сведения о письменности у хазар известны нам и по другим источникам. Так, ал-Надим Багдадский в конце X в. свидетельствовал о распространении в Хазарии еврейского языка и письменности (по мнению исследователей, еврейские купцы и стеклодувы жили и в Алании). Одновременно он указывал на отсутствие письменности у хазар и аланов (данное противоречие не учитывается А. Алемани – А. Т.). Образец такого письма, видимо, представлен в рекомендательном письме конца IX-начала X вв. проживавших в Киеве хазар-иудеев, в котором отмечена и краткая приписка тюркскими рунами [Голб Н., Прицак О. 1997. С. 62-64; Франклин С. 2010. С. 209-210].

Сложно объяснить, зачем хазарам-иудеям было необходимо заимствовать письмо у русов. Или данные сведения каким-то образом были связаны с такими представлениями, которые передавал, например, Насир Хусрав (1004-1088 гг.), что некие русы почетали Тору? Или представлениями анонимной «Муджмаль ат-Таварих» 1126 г. об изначальном едином происхождении

русов и хазар? Или рассматривать сообщение Мобарак-шаха в ином аспекте собственно славянской истории [Рыбаков Б. А. 1953. С. 132]? Следует вспоминать о примерах тесного этнокультурного взаимодействия евреев и славянства [Петрухин В. Я. 1997. С. 205-206]? Порой и образ русов оказывается сложен для объяснения, если вспомнить утверждения «Истории Ирхана», что население сс. Хадар и Авар были «чистые русы». Видимо, не стоит забывать и о том, что под русами в средневековых источниках подразумевались варяги, которые затем слились со славянами, передав им и свое название. Известно, что русы, как и другие нетюркские народы, в некоторых источниках причислялись к тюркам [Голубовский П. 1884. С. 51; Дёрфер Г. 2011. С. 149], как, например, к тюркам были причислены аланы [Галлойти Ю. С. 2010. С. 307-310, 737] и русы Абу'л-Фидой, заимствующим ошибочные сведения о первых у Ибн Са'ида ал-Магриби [Коновалова И. Г. 2008. С. 273; 2009. С. 15, 27, 116, 119]. Тюрками оказываются русы у ал-Идриси и Ибн Халдуна. Симптоматично, что такое положение вело к появлению некоторых оригинальных научных гипотез [Березовец Д. Т. 1970. С. 59-74].

Ал-Масуди в X в. писал о преобладании среди хазар мусульман, о наличии в Хазарии мусульманских школ, мечетей, что может свидетельствовать о распространении арабского языка и письменности. Известно об использовании тюркскими народами рунического (руноподобного) письма, многие образцы которого, кстати, обнаружены и на Северном Кавказе. В данном случае даже не касаемся попыток выявления иных образцов средневекового «аланского (ас-аланского) письма» [Турчанинов Г. Ф. 1990; Войников Ж. 2011; Hosszu G. 2013]. Во-первых, их научная обоснованность не представляется убедительной. Во-вторых, такая «письменность» была бы исторически бесперспективной в условиях христианизации Алании под византийским влиянием.

Видимо, следует указать на примеры хазарских подражаний византийским монетам и арабским дирхемам, содержащим соответствующие легенды. Кроме того, выявляются хазарские серебряные подражания ранним халифатским дирхемам с двойными легендами, содержащими подражания арабографиче-

ским надписям и надписи тюркским руническим письмом, свидетельствующим о государственном статусе тюркского языка и письма. Они же, вероятно, содержат и тамгообразные знаки, а также знак разделения слов и окончания надписи в виде точки [Кызласов И. Л. 2012. С. 218-238], что напоминает об одном из знаков Зеленчукской надписи.

Хазарские владения в Крыму в VIII-начале IX вв. свидетельствуют о наличии там тюркских колонистов-христиан, тюркских наместников-христиан, а также об использовании ими греческой письменности [Виноградов А. Ю., Комар А. В. 2005а. С. 38-56; 2010. С. 90-119]. Граффити на тарной керамике из Хазарии представляют и знаки в виде букв, имеющих сходство с греческими буквами и лигатурами, имевшими и цифровое значение, и кириллическими буквами. Представлены и тамгообразные знаки и инициалы как обозначения собственника. Исследователи полагают их использование в качестве своеобразного «коммерческого языка» купцами из различных народов [Флерова В. Е. 1997. С. 72-80; Медынцева А. А. 1998. С. 176-193; Плетнева С. А. 2003. С. 179, 237, таб. 70].

Сообщение Мобарак-шаха, действительно, достаточно расплывчато, имея и некоторые внутренние противоречия. Ничто, не мешает, например, отметить, что само указание на владение таким письмом греками (румийцами) отрицает его кириллическое происхождение. Указание же на называние румийцев, живущих рядом с хазарами, русами объясняет, почему письмо «происходит от русского». Рассуждения Х. А. Хизриева о том, что Константин Философ (Кирилл) «будучи в Алании...», видимо, решил исполнить свою давнишнюю мечту и создать для алан письменность с помощью знавших язык образованных алан (это был его первый опыт еще до создания славянской кириллицы)», ничем не обоснованы. Кроме того, по мнению специалистов, Кирилл изобрел не кириллицу, а глаголицу [Медынцева А., Попконстантинов К. 1985. С. 78].

Утверждение источника о наличии в алфавите 21-22 букв может быть, например, достаточно близко к истине, т. к. в византийском алфавите было 24 буквы. Указание Х. А. Хизриева на то,

что В. В. Бартольд, якобы, говорил только о согласных буквах, не соответствует действительности. Поэтому и рассуждения автора, что арабская графика не отражала гласных букв, и «поэтому для полной картины нужно добавить хотя бы 9 гласных и букву Ч», является только безосновательным оправданием подтягивания «информации» под свою «идею» и кириллическую азбуку. Указание в том же переводе В. В. Бартольда, что «больше букв нет» может свидетельствовать именно об ограниченном и указанном ранее количестве всех букв. Кроме того, в различных вариантах кириллицы насчитывалось около 40 букв, от 38 до 43 [Франклин С. 2010. С. 178], 24 из которых и были заимствованы из византийского уставного письма, а остальные буквы соблюдали уже собственно кириллический стиль. Глаголица также имела около 40 букв, формы которых заметно отличались от кириллических, а по проблеме их происхождения имеются различные гипотезы. В то же время известны образцы особого вида кириллицы и греческо-кириллических надписей.

Упомянутые рассуждения Х. А. Хизриева о том, что Константин Философ (Кирилл) решил создать для аланов письменность, минуют и данные его Жития, в которых просветителем указываются народы, «имеющие письменность и славящие Бога на своем родном языке». Среди многих таких народов конкретно называются өрмени (армяне), перси, авазги (абхазы), ивери (грузины), соугди (согдийцы), готфи (готы), обри (авары), турси (тюрки), козари (хазары), аравиани (арабы), египтяни (копты), сури (сирийцы). Свои сведения о таком положении у перечисленных народов Кирилл мог почерпнуть, как находясь в Византии, так и во время своих путешествий.

Не вызывает сомнений свидетельство о литургическом языке у армян, грузин, коптов, арабов, сирийцев (средневековые несториане Центральной Азии также вели службы на сирийском языке и имели священные книги на сирийском языке, но не знали его). Хорошо известны памятники согдийского письма, созданного на основе арамейского алфавита, в том числе христианского, но не литургического характера. Письменная традиция в Персии имела многовековую предшествующую исто-

рию, а несториане в Персии пользовались сирийским языком. О согдийском письме, как и об арабском, Кирилл мог узнать в Багдаде. О письменности у готов он мог узнать, как из произведений раннехристианских авторов, так и во время своего пребывания в Крыму. Во время пребывания в Паннонии он мог узнать о письменности у аваров. Речь может идти о тюркском руническом письме, с которым, не исключено, связано и его свидетельство о тюрках и хазарах. Сведения по хазарам Кирилл мог получить, находясь непосредственно в Хазарии. С его путешествием в Хазарию могут быть связаны и сведения по абхазам, но они ошибочны. Абхазы не имели собственной письменности и собственного литургического языка. Возможно, ошибка Кирилла была продиктована незнанием им самого абхазского языка.

Исследователи, кроме указанной ошибки с характеристикой абхазов, отмечали и непонятное умолчание Кириллом о сведениях о письменности у эфиопов и индийцев [Флоря Б. Н. 1981. С. 135-137]. Но для нашей темы особое значение имеет полное молчание о кириллическом письме у хазаров и отсутствие в списке аланов. Получается, что «создатель» письменности у аланов, «создатель» той письменности, которой, якобы, пользовались хазары, по Х. А. Хизриеву, забыл о своем деле. Но все гораздо проще. Никакого отношения к истории письменности и христианской церкви в Алании Кирилл не имел. Более того, включение хазаров в число народов, уже имевших письменность, прямо противоречит возможности ее создания для хазаров Кириллом. Стоит также отметить, что утверждение некоторых авторов, что в Житие среди упомянутых народов фигурируются и аланы [Блиев М. М., Бзаров Р. С. 2000. С. 113-114; Мамиев М. Э. 2005. С. 12; 2011. С. 3; Бзаров Р. С. 2014. С. 16; 2014а. С. 246-247; Дзампаева Ж. Т., Таучелова Р. И. 2014. С. 21], не имеет никакого основания.

Приведенные наблюдения не отрицают возможности появления на Северном Кавказе образцов русской письменности. В данном случае речь, прежде всего, может идти о Тмутараканском владении, в котором наряду с византийской письменностью использовалась и русская, о чем свидетельствуют эпитафии

фические и нумизматические источники (но не стоит преувеличивать вес славянского этнического компонента во владении [Чхаидзе В. Н. 2012. С. 152-156]). Исследователями отмечены и примеры изготовления здесь подражаний византийскому серебру. Подражания золотым византийским монетам представлены в крымских владениях Хазарии. О соответствующем влиянии на местное население, видимо, свидетельствует кириллическая надпись из храма Софии Киевской Дедалица-касога [Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А. 2005. С. 155-158].

Русские правители Тмутараканского владения, как и византийские императоры, включали в свою титулатуру упоминание уже сошедшей с исторической арены Хазарии. Например, князь Олег (Михаил) Святославович, женатый на Феофано, представительнице знатного греческого рода Музалон, был поставлен непосредственно византийским императором и при поддержке византийских войск во главе Тмутараканского владения, которое рассматривалось как владение Византии. Сам Олег именовался «архонтом Матрахии, Зихии и всей Хазарии», а его супруга – «архонтиссой Росии». Русские князья, возможно, и Олег, носили хазарский титул хаган (каган) [Новосельцев А. П. 2000а. С. 367-379].

Следует отметить, что хазары, хотя уже давно сошли с исторической арены, но их упоминания продолжали присутствовать в различных средневековых источниках. В 1089 г. в «Повестях временных лет» упоминается о попытке поднять восстание хазарской общиной Тмутараканского владения, подавленной Олегом. Йакут упоминает хазар среди народов, с которыми столкнулись монголы в 1222-1223 гг. Пишут о хазарах ал-Идриси, Ибн Са'ид ал-Магриби, Абу'л Фида. В византийских и еврейских источниках Хазарией продолжает именоваться Восточный Крым. Нил Доксопатр называет Хазарию в составе Константинопольской патриархии. Все это также свидетельствует о сложности исторического контекста [Могаричев Ю. М. 2013. С. 338-342], в который может быть включено и сообщение Мобарак-шаха.

Например, исследователи указывали на свидетельство «Паннонского Жития» Кирилла и Мефодия конца IX в. В нем

сообщалось, что Кирилл как доверенное лицо византийского императора, посланный в Крым к хазарскому кагану, изучал там древнееврейский и самарянский языки. В Херсонесе он обнаружил псалтырь и евангелие. Как сказано во всех 22 списках Жития, «роускими (росьскы) письмены писано» (в 2 списках «роушским письменем»).

Ученые в данной связи указывали, что исследования в Среднем Поднепровье зафиксировали наряду с глаголицей и кириллицей надписи типа «резов и черт», аналогичные славянскому письму Подунавья. Эта система письма была более древняя, чем глаголица и кириллица. Но она бытовала и в IX-XI вв. По своим типологическим признакам она ближайшим образом отвечала графической системе хазарского (руноподобного – А. Т.) письма, что, по мнению некоторых исследователей, и находится в прямом соответствии с сообщением Мерверруди о родстве хазарского и русского письмен и общности их происхождения [Петров В. П. 2001. С. 361-363; 2002. С. 38-40, 166-167].

Подобное решение не является исключительным. Сообщение Мобарак-шаха, в том числе, входит в круг различных комбинаций взаимоотношений славянской, тюркской, готской, сирийской и аланской письменностей, как видно, порой зависящих от умонастроения конкретного автора [Иванова Т. А. 2004. С. 29-30, 33-37, 49, 92-93; Турчанинов Г. Ф. 1990. С. 168-169; Боровский Я. Е. 1991. С. 69-75; 1997. С. 245, 247; Войников Ж. 2011. С. 39-40; Гриневич Г. С. 1991. С. 3-28; Добродомов И. Г., Кривко Р. Н. 2002. С. 67-68; Петрашенко В. О., Козюба В. К. 2008. С. 93; Петров В. П. 1963. С. 29; Брайчевський М. Ю. 2009. С. 637; Гусейнов Г.-Р., Мугумова А. Л. 2010. С. 148-152 и др.].

О том, что славяне не имели письмен (книг), а для чтения и гадания использовали «черты и резы», свидетельствовал в X в. болгарский монах, черноризец Храбр (известно 73 списка двух основных редакций XIV-XVIII вв.). После крещения славяне еще многие годы пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами «без устройства», пока Кирилл не создал алфавит из 38 букв, 24 из которых были подобны греческим буквам. Но, конечно, и происхождение данных сообщений

не имеет до сих пор своего окончательного научного объяснения [Срезневский И. И. 1885. С. 43-49; Карский Е. Ф. 1979. С. 159; Лавров П. А. 1914. С. 1-2; Черепнин Л. В. 1966. С. 76-80; Флоря Б. Н. 1981. С. 115-117; Медынцева А. А. 2000. С. 230-231, 234; Кравченко Н. М., Абашина Н. С. 2001. С. 144-147; Дудко Д. М. 2009. С. 171-186; Франклин С. 2010. С. 165-166 и др.]. Видимо, не следует усложнять проблему и примерами находок скандинавских рунических надписей и рунообразных знаков на различных предметах, включая монеты [Мельникова Е. А. 1977; 1998; 2001].

Сообщение Мобарак-шаха в совокупности с другими сообщениями письменных источников, в том числе «Паннонского Жития» Константина и черноризца Храбра, и археологическими данными позволили современным исследователям развивать давно высказанное мнение о наличии у восточных славян протокирилловского письма на основе греческого алфавита [Боровский Я. Е. 1991. С. 69-75; 1997. С. 245, 247]. В свою очередь, данное мнение, несмотря на высказанные возражения к самому подходу [Иванова Т. А. 2004. С. 33-37], получило дальнейшее развитие. Сведения Мобарак-шаха интерпретировались как указание на соседство русов с хазарами в районе Тмутараканского владения или Крыма. Состав хазарского алфавита из 19 греческих и 3 специальных букв – Б, ДЖ, Ш, – указывающих на славянское происхождение русов, был сопоставлен с набором собственно славянских букв Софийской азбуки [Высоцкий С. А. 1985. С. 119-120]. Приведенная параллель вызвала интерес и у других исследователей, но справедливо отметивших, что «... вопрос заслуживает более основательного дополнительного исследования» [Зализняк А. А. 1999. С. 556, 574-575, сн. 5]. Действительно, «не совсем ясное известие» Мобарак-шаха, по определению исследователей, вызывает к себе многие вопросы, которые требуют глубокого и аргументированного исследования. Но данное известие не вызывает никаких вопросов у Х. А. Хизриева...

Утверждение Х. А. Хизриева, что в сообщении под хазарами «подразумевались и аланы», не более, чем его субъективное убеждение. Любые рассуждения, причем, инициированные

достаточно туманными сведениями, не имеют никакого доказательного значения на фоне многочисленных свидетельств эпиграфических памятников о распространении в Алании греко-византийского языка и письма. О том же свидетельствуют письменные источники, указывающие, например, на переписку между правителями Византии и Алании. Сама Зеленчукская надпись, несомненно, составлена с использованием византийско-греческого языка и графики. Кроме того, заметим, что к указанным И. И. Умняковым замечаниям следует добавить и другие наблюдения. Так, некоторые исследователи полагают, что в другой части труда Мобарак-шаха русские, как и китайцы, ошибочно отнесены к числу тюркских народов [Мухаммад ибн Мансур Мерверруди. 1988. С. 91; Пилипчук Я. В. 2013. С. 83], чему противопоставляется, хоть и менее убедительно, «аорсская версия» [Golden P. В. 1997. P. 120-121], поддерживаемая и другими исследователями [Lewicki T. 1976. P. 31-33; Кумеков Б. 1990. С. 122]. Пожалуй, приведенные наблюдения более склоняют в пользу признания за сообщением автора глухого отголоска прошлого использования в Хазарии греко-византийского, а не кириллического письма.

Следует указать, что редакция журнала «Научная мысль Кавказа», в котором была опубликована статья Х. А. Хизриева, сопроводила ее издание справедливым замечанием: «Что касается предлагаемой трактовки графики надписи, то, по мнению кафедры общего языкознания Ростовского государственного университета, ее, скорее всего, следует признать близкой к греческому алфавиту, точнее, к византийскому унциалу, уставному письму. Часть букв написана по образцу греческой скорописи. Однако встречаются знаки, которые отсутствуют и в византийском алфавите (вверху над крестом и ниже в самом тексте). Кириллическую данную надпись вряд ли возможно признать, ибо в ней не представлены специфические славянские буквы, которые отсутствуют в византийском письме...».

Заметим, что к знакам, «отсутствующим и в византийском алфавите» над изображением креста, видимо, следует отнести наблюдения над строкой 3, в которой, как указывалось выше,

сегодня нет препятствий для идентификации греческой лигатуры $\upsilon\iota$, с более скорописным нанесением υ . Трудность с идентификацией по статье Х. А. Хизриева заключается в том, что он использует дериват В. Ф. Миллера, в котором соединение $\upsilon\iota$ с последующей С перенесено ближе к средней части буквы, тогда как на рисунках Д. М. Струкова и иеромонаха Серафима соединение отмечено в нижней части буквы С. Ниже изображения креста, по тем же причинам, могла смущать, например, форма буквы ρ в строках 9, 10, неопознанность лигатуры строки 9, ζ строки 21 и т. д. со стороны специалистов кафедры, не занимавшихся специальным изучением источников по Зеленчукской надписи, а обратившихся только к представленной для статьи Х. А. Хизриева иллюстрации.

Кроме того, утверждение автора об исполнении надписи кириллическим полууставом абсолютно ничем не подтверждается даже на каком-либо частном примере самой Зеленчукской надписи. Например, в данном полууставе буква К («како») обычно имеет форму не соединенных между собой вертикальных прямого и плавно изогнутого отрезков. Но все четыре примера использования данной буквы в Зеленчукской надписи никоим образом не соответствуют такой форме.

Собственно, кириллический полуустав появляется в некоторых южнославянских документах с конца XIII в. Соответствующие изменения начинают фиксироваться и в русском уставе с начала XIV в. Они выражались в потере буквами своих строгих геометрических форм, получении ими разнообразных форм в одном и том же документе, наметились признаки словораздела, лигатурирования, возрастало количество сокращений и выносных букв, что и привело к формированию старшего полуустава XV-XVI вв. Идеи о его формировании под внешним влиянием для некоторых исследователей не выглядят столь бесспорными [Левочкин И. В. 2003]. Ни один из указанных признаков полуустава в работе Х. А. Хизриевым не прослежен и не установлен.

Оценка кафедрой общего языкознания Ростовского государственного университета именно «трактовки» Х. А. Хизриева вполне объективна. В конечном итоге, достаточно обратиться

к образцам кириллического письма, чтобы наглядно убедиться в том, что Зеленчукская надпись не имеет никакого отношения ни к уставному [Беляев И. С. 1907. Таб. XIII], ни к полууставному [Беляев И. С. 1907. Таб. XII] кириллическому письму. Был объективен и В. Ф. Миллер, который, в отличие от Х. А. Хизриева, профессионально изучал и славянскую азбуку [Миллер В. Ф. 1884. С. 1-35].

Конечно, сам автор может и далее переопубликовывать свою статью [Хизриев Х. А. 2008], оставаясь уверенным в том, что «... единственный текст аланского языка, дошедший до нас на Зеленчукском надгробии и считавшийся ираноязычным (осетинским), более удачно расшифровывается на чеченском языке» [Хизриев Х. А. 2008а; 2008б; 2010]. Можно узнать даже из академических изданий, что «еще 15 лет тому назад он расшифровал «Зеленчукскую надпись» с надмогильной плиты на чеченском языке и издал статью в журнале «Научная мысль Кавказа» (Ростов-на-Дону)» [ВАНЧР. 2011. С. 242]. Но для ученых критическая оценка его «расшифровки» вполне очевидна [Багаев М. Х., Гапуров Ш. А., Магамадов С. С. 2010; Мамаев Х. М., Гапуров Ш. А. 2010; Багаев М. Х. 2012]. Данная оценка позволяет изначально отвергнуть «дешифровку» Х. А. Хизриева. Но остановимся только на некоторых моментах в такой «дешифровке».

Х. А. Хизриев недоумевает, как исследователи смогли не увидеть знаки сокращений (титло) над буквами в начале надписи. Но ученые их достаточно четко идентифицировали. Что касается форм знаков сокращения в кириллическом письме, то они хорошо известны [Карский Е. Ф. 1901. С. 240-242; 1979. С. 231-232; Рыбаков Б. А. 1964. С. 9-10] и не поддерживают «решение» Х. А. Хизриева. Не смогли они увидеть там кириллическую У, по поводу чего Х. А. Хизриев замечает, что «во всяком случае буквы «С», как полагали раньше, здесь нет». Буквы С к моменту находки памятника и не было, т. к. в данном месте памятник был поврежден выбоиной, и буква С аргументировано восстанавливалась по наличию хорошо известного византийско-христианского сокращения IC XC, сопровождавшегося знаками сокращения и самим изображением христианского символа – креста. Таким

образом, Х. А. Хизриев определил букву У, в прямом смысле, на пустом месте.

Полагать для букв С строк 2, 3 передачу Ш, для чего, якобы, применялась черточка влево от верхней части буквы или сочетание С с йотированной І, нет никакого основания. В самом греческом письме для передачи, например, русского Ш вполне могла применяться С. Также обстоит дело и с передачей звука в тюркских словах [Черепнин Л. В. 1966. С. 89; Федотов М.Р. 1979. С.5-6, 9-10]. Применение в кириллице некоторых знаков касалось, например, обозначения мягкости согласных Р, Л, Н, К, Г, Х. Данные знаки наносились непосредственно над буквами в форме небольшой дуги, точки, запятой (особая форма была для мягкого Г в сербском письме) или присоединялись к правому верхнему окончанию буквы в форме горизонтального отрезка с загнутым вниз окончанием. Впоследствии данный знак мог следовать в строке за самой буквой [Срезневский И. И. 1885. С. 114, 118, 125, 126, 145, 152, 160, 161; Лавров П. А. 1914. С. 16, 142, 174; Карский Е. Ф. 1901. С. 239-240; 1979. С. 230].

Ничего общего данные знаки не имеют с «решением» Х. А. Хизриева, если только не подсказывают его источник. Остается без объяснения, почему, при наличии в кириллице буквы Ш используется такой усложненный вариант буквы С, который не подтверждается никаким иным источником. Причем, подобное «чтение» дается и для буквы С строки 3, лишенной любых дополнительных элементов.

Кроме того, реальная форма кириллической даты для 1400 г., которая рассчитывалась от Сотворения мира, а не от Рождества Христова [Карский Е. Ф. 1901. С. 231; 1979. С. 223], также не имеет ничего общего с данными Зеленчукской надписи. Заметим, в частности, что при кириллическом датировании буквами-цифрами (также заимствованно из византийской традиции) между ними ставились точки. Точки дополнительно отделяли и всю дату от остального текста [Карский Е. Ф. 1979. С. 225; Щепкин В. Н. 1967. С. 149]. Ничего подобного в Зеленчукской надписи не наблюдается.

В надписи представлено обычное для византийского письма

соединение букв. Столь же абсурдно букву Х строки 2 объявлять перекрещивающимися знаками сокращения. Усмотреть в строке 3 букву У можно было только за счет использования ошибочной трактовки Я. С. Вагапова буквы как греческой *υ*.

Трактовать первую греческую букву Ν строки 4 как кириллическую Ч можно только при полном отсутствии палеографических оснований. Странность такого решения усугубляется еще и тем, что такая форма византийской Ν представлена и в работах по русской палеографии [Щепкин В. Н. 1918. С. 18, рис. II; 1967. С. 29, рис. 2]. Х. А. Хизриев, видимо, чтобы оправдать свое решение, утверждает, что у кириллической Ч «... в разное время черточка от дуги проводилась в середине, слева (как в данном случае) и справа (как в предпоследней букве 8-й строки)».

Не будем касаться вопроса об обратном расположении черточки для строк 4, 8 в трактовке самого Х. А. Хизриева. Следует пояснить, что форма современной Ч была формой кириллической буквы «цы», которая со временем трансформировалась в форму современной буквы Ц. Сам Х. А. Хизриев ведет речь о кириллической букве «червь», которую исследователи считают производной от указанной буквы «цы». Изначально она представляла собой «чашку», передаваемую плавной линией или прямыми отрезками, которая в своей нижней центральной части соединялась с вертикальным отрезком, что при передаче, в целом, прямыми отрезками близко форме У (иногда V).

В немногих рукописях XIII в., изредка и ранее, наблюдается нарушение симметрии «чашки» в сторону более развитого левого отрезка. Правый отрезок становился меньше, иногда составляя единую линию с нижним окончанием. Такое развитие односторонней (в левую, а не в правую сторону) буквы «червь», напоминающую формы современных Ч и У, относят к концу XIII в. Односторонняя форма станет преобладать только в XV в., попадая со второй четверти этого же века и в Россию, в том числе, под югославянским влиянием («новая Ч») [Срезневский И. И. 1885. С. 109, 125, 161, 185, 211, 216, 218, 234, 261; Лавров П. А. 1914. С. 10, 31, 233, Черепнин Л. В. 1966. С. 97, таб. 1, 155, таб. 2,

158, 163, таб. 3, 245, таб. 4, 252, таб. 6, 255, таб. 7, 363, таб. 9, 366, таб. 10; Щепкин В. Н. 1967. С. 110, рис. 56, 115, 126, рис. 58, 130-131; Карский Е. Ф. 1901. С. 208; 1979. С. 166, 202].

Таким образом, история развития кириллической буквы «червь», ее односторонняя (в левую сторону) форма не дают никакого повода сопоставлять ее с первой буквой строки 4 Зеленчукской надписи. В данном случае не стоит и обращаться к примерам новгородской письменности, исчезающим в XV в., когда на месте буквы «червь» появлялась буква «цы», причем, в развернутом на 180° положении [Черепнин Л. В. 1966. С. 252, таб. 6; Медынцева А. А. 1978. С. 289, рис. 133; 2000. С. 203, рис. 56], сближающим ее с формой буквы Зеленчукской надписи – греческой Ν.

Х. А. Хизриев, помня, что в греческом алфавите конечная сигма имеет форму σ, не замечает ее для последней буквы строки 5. В строке 7, что уже не удивительно, автор пропускает надстрочные ρτ. Для строки 8 утверждается, что «последние две буквы этой строки исследователи читали как «И», а на самом деле там две буквы – полууставные «Ч» и йотированная «I». Обоснование такому «прочтению», видимо, оставлено искать «читателю». Для строки 9 вместо открывающей ее лигатуры, «читается» Т. Причем, ее форма, вопреки даже приводимой самим автором репродукции В. Ф. Миллера, воспроизводится без верхнего правого окончания, т. е. как на деривате Я. С. Вагапова. Приходится повторить, что данная работа стоит в ряду тех работ, которые изучали Зеленчукскую надпись вне самих источников по данной надписи, ставя перед собой не научную цель ее дешифровки, а совсем иные задачи.

Следующая за лигатурой форма буквы ρ указывает на знакомство Х. А. Хизриева с рисунком Д. М. Струкова. Но ее он трактует как кириллическую А. Причем, в тексте работы чуть изогнутому нижнему окончанию буквы придается более изогнутая форма, что дополняется изменением размера и формы верхней части буквы. «Работа» Х. А. Хизриева с данной буквой Зеленчукской надписи весьма показательна. Автор утверждал, что Зеленчукская надпись составлена «на основе кириллицы»,

«четко выраженным полууставным письмом». Для трактовки же рассматриваемой буквы он обращается к... скорописным вариантам кириллической А XV-XVII вв. [Карский Е. Ф. 1901. С. 189; 1979. С. 181; Беляев И. С. 1907. С. 12; Шляпкин И. А. 1913. С. 42, рис. 16, 46; Щепкин В. Н. 1967. С. 140, рис. 59, 249, таб. 5, 362, таб. 9, 365, таб. 10], которые и старается имитировать в своей работе. Но и данная имитация не имеет ничего общего с реальной буквой надписи.

У второго знака строки 10 также «авторски» меняется форма. Фактически, репродукция В. Ф. Миллера оказывается для Х. А. Хизриева просто некой иллюстрацией, а «чтение» ведется в отрыве от нее, на основе субъективных умозаключений. Далее в своей «дешифровке» Х. А. Хизриев произвольно приписывает греческой Н значения кириллических то И, то Н. Для греческих Θ и Т произвольно «устанавливается» переход в Д или передача Д, аналогично для Ф – в В, с сохранением В для строки 8.

Конечная прописная а строки 16 трактуется как б, хотя в предыдущей строке так прочитана была П. При таком «прочтении» последние три буквы строки 16 выстраиваются в русской транскрипции как АПБ, что абсолютно бессмысленно, как с позиции «перевода» самого Х. А. Хизриева на чеченский язык – АБ, так и его замечания об озвончении П после М и Н. Если же мы обратимся хотя бы к тем работам по кириллической палеографии, которые стоят в списке литературы статьи Х. А. Хизриева, то легко обнаружим, что ни в уставном, ни в полууставном, ни в скорописном письме такой формы буквы Б нет [Карский Е. Ф. 1901. С. 184; 1979. С. 182; Беляев И. С. 1907. С. 12, таб. XII, XIII; Шляпкин И. А. 1913. С. 45, рис. 18-26; Черепнин Л. В. 1966. С. 154, таб. 2, 244, таб. 4, 249, таб. 5, 362, таб. 9, 365, таб. 10]. Затем, как и его идейные предшественники, Х. А. Хизриев, нарушая «презумпцию невиновности» самого Зеленчукского памятника, насильно разрывает лигатуру тѣ, превращая ее в две отдельные буквы Т и Э.

Далее автор, заявив, что Ц передается через θС, «прочел» в строке 21 слово «отсл», «через сочетание «ТС», по греческой традиции». Получается, что по мере необходимости, одни могли привлекать для «чтения» на основании греческой графики

буквы кириллического алфавита, а другие для «чтения на основе кириллической графики» – «греческую традицию». Причем, Х. А. Хизриев, посвятив много места «разбору» наличия в Зеленчукской надписи знаков сокращения, уже не вспоминает о его наличии над буквой С строки 21. Как ранее замечалось, звук -ц никогда не передавался сочетанием ΘС или ТС. Как и в случае с «прочтением» буквы С строк 3, 4 как Ш, остается без объяснения, почему при наличии в кириллице буквы Ц необходимо было привлекать «греческую традицию», причем, не существующую.

Следует признать, что «дешифровка» Х. А. Хизриева, как в целом, так и в ее отдельных составляющих, не имеет ничего общего с научным анализом и должна быть отвергнута. Что касается ее отдельных составляющих, то, например, вполне симптоматично следующее замечание исследователей: «В реконструированном тексте надписи Х. А. Хизриев употребил производное от социального термина «тайп, тейп» слово «тайпан», при этом прочтя его перед этим почему-то по-арабски «таиф». Так что же все-таки написано на плите? И как тогда все это совмещается с представлениями исследователей об исторически недавнем и значительно более позднем, нежели предлагаемая дата зеленчукской надписи, появлении самого термина «тайп» в чеченской среде» [Мамаев Х. М., Гапуров Ш. А. 2010. С. 162].

Нетрудно заметить, что чтение «таиф» соотносится с попытками известных предшественников дезавуировать «неудобное» для них наличие в тексте Зеленчукской надписи четырежды повторяющейся буквы Ф. Сама работа Х. А. Хизриева «дает» много нового для представлений исследователей о времени появления термина «тайп», фамилий, фонетических признаков и т. д. Основная цель «исследования» Х. А. Хизриева, как и у его предшественников, лежит вне научной дешифровки конкретного эпиграфического памятника. Чтобы понять ее и сравнить с уже приводившимися, процитируем общие «рассуждения» и «выводы» Х. А. Хизриева:

«Надпись не требует никаких поправок и дополнений!.. Видимо, памятник был установлен на месте гибели юноши. Такая традиция широко практикуется у народов Северного Кавказа,

в частности у чеченцев. В связи с этим обращает на себя внимание выбитая в нижней части памятника точка между буквами после слов о кончине юноши. Не свидетельствует ли этот знак об убийстве юноши, т. е. о его неестественной смерти? Характерной особенностью подобных памятников, в отличие от обычных, являлось то, что на них выбивалась более пространная информация о погибшем или сообщались подробности гибели... Текст доступен и понятен любому человеку, знающему чеченский язык без дополнительных разъяснений, несмотря на то, что прошло 600 лет... Таким образом, при полном и правильном чтении надписи мы получаем текст связанной чеченской речи, полной тяжкого сострадания по поводу безвременной гибели наследника, с указанием его фамилии, имени и возраста, а также имен и отчеств родоначальника и отца; наконец, дана и дата памятника. Место установки, форма и содержание памятника полностью соответствуют погребальной традиции чеченцев. Теперь он является уникальным историческим памятником аланского (старочеченского) письма и языка. Текст написан с соблюдением грамматических правил, лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса чеченского языка на основе кириллицы (в старочеченском языке богато был представлен звук «Ф»). Наш вывод не противоречит общепринятому мнению ученых о том, что ираноязычные осетины и тюркоязычные карачаевцы и балкарцы сложились на основе кавказского субстрата в результате смены языка. Зеленчукская надпись может служить еще одним аргументом в пользу того, что, по крайней мере, часть алан была нахоязычной. Вывод ученых о том, что осетины, карачаевцы и балкарцы по культуре и антропологическому типу являются кавказцами и только по языку – иранцами и тюрками, остается неизменным... Мы отдаем себе отчет в том, что не все и не сразу воспримут тезис, что аланы были нахоязычными. Но от этого истина не перестает существовать, и она со временем станет общепринятой».

Не стоит уже касаться вопросов и их аргументации, якобы, «соблюдения грамматических правил, лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса» в «прочтении» Зеленчукской надпи-

си, «общепринятого мнения ученых» по вопросам этногенеза и т. д. Идея вполне ясна и доступна за счет антинаучного подхода – «текст доступен и понятен любому человеку, знающему чеченский язык без дополнительных разъяснений», «... истина не перестает существовать, и она со временем станет общепринятой». Впрочем, «чтение» Х. А. Хизриева надмогильной эпитафии по своей аргументированности вполне соответствует, например, давним трактовкам семантики изображений на чеченских надгробиях: «К числу существенных вопросов антирелигиозной работы, которому почти не уделяется внимания, следует отнести вопрос о надмогильных памятниках (чуртах)... Большой интерес в этом отношении представляет памятник с изображением двух голубей на круге (кладбище сел. Ведено), символизирующий, как у всех народов земного шара, идею мира и дружбы между народами – известную мечту народов» [Хизриев Х. А. 2008а. С. 95-96].

4. «Прочтение по-абазински»

Наконец, последней по времени «дешифровкой» Зеленчукской надписи с позиций теперь «абхазо-абазинского языка», «языке Абаза» является работа Т. А. Муртазова [Муртазов Т. А. 2013. С. 4-50]:

«ИАСА КЪАСА АНЧВА ИПШЦАГЫЛУ -АНАЗ- НЫКОЛА УС (НИКОЛАОС) ГЗ АХЪРИ ЙФОД 1145 (1222) ЗКВУ ИАША ИКЫТ ПАКЪА ТАРПА КАТАН ФУРАТ АНПАЛА НАПАЛА НЫШ УАВАРЦАЛА ХАН ИТДЗЫРТА(ТА) УАТСЫЛ».

Перевод:

«ИИСУС ХРИСТОС НА НЕБЕСНОМ ТРОНЕ -КНЯЗЬ МИРА- НИКОЛА СВИДЕТЕЛЬ ИСТИНЫ СТОИ (И) БОЛЬ СНЕДАЮЩИЙ 1145 (1222) ЗКУ ЯША ОТ СЕЛЕНИЯ ПАКА ТАРПА КАТАН ФУРАТ ПО СЫНОВНЕМУ ДОЛГУ ПО СОВЕСТИ ЗЕМЛЕ ПРЕДАВАЯ ХАНСКИМ ДОМОМ (ПУСТЬ БУДЕТ) ПРИКОСНИСЬ».

«Гомилетика (раздел богословия, рассматривающий теоретические и практические вопросы церковной проповеди – А. Т.) эпитафии»:

«Князь Мира Иисус Христос, мы передаем его под твое покровительство, на земле он имел печали и скорби, свидетельствует святой Николай, дай ему на Небе ограду».

Вся работа автора насыщена его «суждениями» и «утверждениями» по различным вопросам истории, археологии, лингвистики и т. д. Но мы обратимся только к той части, которая посвящена непосредственно Зеленчукской надписи. Особо не удивляет, что у автора, в первую очередь, «... вызывает очевидные сомнения, в частности – осетинский язык перевода». Удивиться же можно его утверждению, что «... в надписи не отобразили христианскую эпитафию. Приводится лишь перечисление имен: «сын сына... сын сына» и т. д., с отображением верования на уровне языческих представлений». Поэтому Т. А. Муртазов решил восполнить 100-летнее молчание «абхазо-абазинских лингвистов», оригинально полагая, что «... историография, этнология, археология и т. д., являются отдельными, но все-таки науками. Следовательно, нет в этих науках ничего законченного, догматического. «Общепринятые» положения являются всего лишь парадигмами, заменяемыми другими, не менее «законными» гипотезами...».

Так, походя «расчистив» себе дорогу для «дешифровки», Т. А. Муртазов, черпая, насколько можно понять, сведения сугубо из интернета «по поводу все-таки наук со сменяющимися парадигмами», продолжил собственную оригинальную линию в представлении своих «источников» по надписи. Им приводятся «Варианты прорисовки надписи: оригинальный рисунок надписи Струкова; интерпретации Миллера и Кафоева» [Муртазов Т. А. 2013. С. 7, рис. 2]. Легко заметить, что «оригинальный рисунок надписи Струкова», на самом деле, является его дериватом из публикации Л. Згусты. «Интерпретация Миллера» также взята из работы Л. Згусты, представляя собой дериват В. И. Абаева.

Далее автор [Муртазов Т. А. 2013. С. 9] приводит «идентификацию» текста, которая, в действительности, является «идентификацией» Г. Ф. Турчанинова, взятой из последней публикации исследователя по Зеленчукской надписи. Рядом с ней помещается то, что, якобы, «Миллер читает». Т. А. Муртазов по поводу

первой же буквы надписи заявляет, что греческая *ι* пишется без точки. Но данное замечание не соответствует действительности [Срезневский И. И. 1876. С. 49; Thompson E. M. 1893. P. 175]. С другой стороны, такое написание *ι*, как уже отмечалось, позволяет склониться к поздней, в рамках определения В. Ф. Миллера и Л. Згусты, датировке надписи.

Для строки 3 пропускается знак вопроса, о причинах постановки которого В. Ф. Миллером говорилось выше. Для строк 6-7 даются выдуманные формы прочтения «Сахэрэ фоурт». Форма «фоурт» представляется и в других строках. Выдуманная форма «X... рэ» строк 8-9 относится только к строке 8, а строка 9 сопровождается знаком вопроса, т. е. как, якобы, упущенная в прочтении В. Ф. Миллером. Избранная Т. А. Муртазовым подача «чтения» в русской транскрипции делает, на первый взгляд, непонятным представление последней буквы строки 13 как *Н*, хотя следует ожидать *И*. Но здесь все объяснимо, т. к. просто бессознательно оставляется греческая буква *Η* (*η*). Для строк 16-17 дается не существующая у В. Ф. Миллера форма «Напаланэ», а для строк 19-21 такие же выдуманные формы «лаканэ тзерте эрте».

Далее Т. А. Муртазов помещает то, что, якобы, «Абаев читает». Для строки 3 также пропускается знак вопроса. Последнее слово строки 7 дается в форме «фou[рт]», что в сравнении с предшествующим «Миллер читает» создает впечатление введения двух последних букв. Для строк 8-9 приводится форма, не имеющая ничего общего с представленным в действительности у В. И. Абаева «[X ...ρ], [X] ... ρη». В строках 12-13 представлено «Пакатай» вместо представленного в действительности у В. И. Абаева «Пакаθα(ρ)η». Для строк 16-17 также искаженно передается действительное «A(v)παλανη», а для строк 20-21 – «τζηρθε».

Далее Т. А. Муртазов в череде своих размышлений упоминает некоего специалиста по надписям И. Г. Каменецкого, цитирует, что «по мнению многих специалистов, на плите отчетливо читается дата 1018 г. н. э.». Наконец, посетовав, что специалисты не удосужились раскопать могилу, неожиданно заявляет, что они «должны были обратить внимание на отсутствие арте-

фактов захоронения – это традиции абхазо-абазинских этносов того периода, которым присущи, как сожжение инвентаря вместе с покойниками, обязательная ритуальная порча вещей. Так, в черте ограды экспедицией Кузнецова, были найдены черепки, железный шлак, кусок обожженной глины» [Муртазов Т. А. 2013. С. 11, 93]. Такие заключения, рисуя виртуальную реальность в духе самих сносок на сведения из интернета, не имеют ничего общего с результатами работы экспедиции В. А. Кузнецова, которая вообще не нашла следов ни погребения, ни самого кладбища. Кроме того, сама идентификация погребений по обряду сожжения как исключительно абазинских свидетельствует о незнакомстве автора с современными археологическими исследованиями.

Т. А. Муртазов утверждает: «Л. Згуста поднимает еще одну проблему: почему ни Струков, и ни Куликовский не перевернули камень, не взглянули на обратную сторону. Вес камня, по оценкам Згусты, не превышал 70 кг. Возможно, обнаружили бы, что надпись отображена билингвой – параллельное написание на двух языках, например, греческим койне» [Муртазов Т. А. 2013. С. 12]. Но Л. Згуста в своей работе не поднимал такой проблемы. Он лишь выразил удивление, что Д. М. Струков не замерил ширину плиты. Исходя из пропорций рисунка, исследователь полагал, что средняя ширина плиты была около 25 см [Zgusta L. 1987. P. 14]. Не мог профессиональный исследователь «взвешивать» плиту, тем более полагать наличие на обратной стороне билингвы, дешифровавшую саму двуязычную надпись, исполненную одной греческой графикой, или говорить о греческом койне.

Далее Т. А. Муртазов, полагая, что «прорисовку» Г. Ф. Турчанинова «трудно отнести к оттиску Куликовского», обозначает ее как «автографию» и приводит на своем рисунке... «Оттиск (автография) Куликовского (по Турчанинову)», создавая параллельно компьютерные «Вид утраченного оттиска» и «Фотографию» нового объекта» [Муртазов Т. А. 2013. С. 13, рис. 4]. Здесь сложно увидеть что-то, кроме полного непонимания источниковой базы исследования эпиграфического памятника и желания

произвести впечатление «научного подхода» в своей работе. Последующие рисунки «восстановлений» столь же обоснованы. Кроме того, их появление ничего не дает, да и не может дать даже самому автору для его же «дешифровки».

Т. А. Муртазов обращается к переводам исследователей, включающим их восстановление надписи в греческой графике [Муртазов Т. А. 2013. С. 18-19]. Для перевода В. Ф. Миллера он дает неправильные формы в единственном числе «Юноши памятник» и в именительном падеже «Анабалан». Далее приводится «обратный перевод примененных имен на греческий алфавит», в котором почему-то дается форма родительного падежа Νικόλαου, остальные имена даны, если использовать подход самого автора, «на латинском алфавите». Причем, среди них представлена форма Sahir, с оригинальной для такого случая второй согласной, и Bakataya, отражающей форму... русского перевода для родительного падежа. Для перевода В. И. Абаева появляется некий знак перед словом «Святой». В «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» вновь стоит греческая форма Νικόλαος, «латинская» форма Sahir и формы... русского перевода для родительного падежа – Bakatara, Anbalana.

Для перевода Л. Згусты используется восстановление надписи в греческой графике, в которой, в отличие от выше указанных примеров, учитывалось не только приведение отдельных лексем, но и разбивка по строкам. Данная разбивка, сопровождавшаяся нумерацией строк, опускается, что придает восстановлению искаженный характер. В «переводе» указываются не существующие формы именительного падежа «Сахир», «Истур» и т. д., что можно объяснить только искажением Т. А. Муртазовым приведившегося Л. Згустой порядка представления имен и отчеств погребенных, что даже приводит, в частности, к такой бессмыслице как «Истур сына Бакатара». Автором также приводятся не существующие в работе Л. Згусты формы «Хоис», «Мбалан», «Лега».

Особенно «оригинально» приписывание Л. Згусте такого «перевода» окончания надписи: «Для них этот надмогильный памятник. Победа Бога над смертью». В действительности Л. Згу-

ста переводил как «их памятник». Что касается второго предложения, то Л. Згуста дешифровал греческое сокращение «Бог побеждает», в том числе за счет полагаемого им восстановления последней буквы надписи Ν – ο Θ(ε)ς [ν](ικα). Данная христианская литургическая формула выражала веру в победу Бога над смертью. Курьезно, но Т. А. Муртазов далее даже пытается вывести по-гречески фразу «Победа Бога над смертью» [Муртазов Т. А. 2013. С. 46, 92]. Таким образом, у Т. А. Муртазова происходит подмена непосредственно перевода формулы ее семантикой. В «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» вновь стоит «латинская» форма Sahir, неизвестно откуда взявшееся Jouse и формы Mbalana, Mbalan, Lega.

Для перевода Г. Ф. Турчанинова дается почему-то в скобках (æ(й)). Перевод «Доблестных осетин скорбная могила» подменяется переводом «Доблестных алан скорбная могила». В результате, в «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» у Т. А. Муртазова появляются не только Bakatara, Anbalana, но и Alan.

Оставляя в стороне дальнейшие суждения Т. А. Муртазова о «переводах» И. М. Мизиева, А. Ж. Кафоева, М. Кудаева, Ф. Ш. Фатахова, Я. С. Вагапова, Х. А. Хизриева, а также рассуждения по другим вопросам, приходим к неутешительным выводам. Работа Т. А. Муртазова являет собой пример полного отсутствия непосредственного знакомства с источниками и исследованиями по дешифровке Зеленчукской надписи. Налицо игнорирование источниковедческого и историографического аспектов проблемы, которая подменяется некритическим использованием информации из различных интернет-ресурсов. Таким образом, в работе доводится до абсурда линия квазинаучных дешифровок за счет окончательного разрыва с действительным научным исследованием эпиграфических памятников и «инновационного» введения в свои построения научно беспомощных «сведений» из интернета. Последующее заявление, что «анализ предыдущих трудов по переводу надписи отображает еще один нюанс «доказательной базы», как принадлежности надписи осетинскому языку» [Муртазов Т. А. 2013. С. 91], не может скрыть того

«нюанса», что прежде необходимо бы было внимательно ознакомиться с такими трудами.

Обратимся к построчному анализу дешифровки Т. А. Муртазова, основываясь на ее окончательном варианте.

Строка 1. Автор рассматривает ее как рисунок – образ Небесного Трона, образ Иисуса Христа. О том, что мы имеем дело с выбоиной, поглотившей букву С, автор даже не догадывается. Вряд ли такое могло произойти, если бы автор предварительно позволил себе хотя бы бегло ознакомиться с научными исследованиями. Остается только вспомнить о «чтении» А. Ж. Алишева–М. Ч. Джуртубаева. Без комментариев.

Строка 2. Автор трактует как «Иисус Христос на языке Абаза – Иаса Кьаса». Вопрос соотношения с «переводом» наличия знака сокращения, буквы Х надписи для передачи Кь, формы сокращения ХС для Кьаса, основы для представления единого образа в форме рисунка строки 1 и имени строки 2 остаются вне абстрактных рассуждений автора. «Чтение» строк 1-2 следует отвергнуть.

Строка 3. Использовано отдельное «изображение» строки неизвестного происхождения, видимо, вновь извлеченное из интернета. Первая и последняя буквы О строки произвольно трактуются как круговые знаки, отделяющие слово от остального текста. Лигатура үи также произвольно представляется через русскую букву «Н» и деталь графемы «\», окончательно идентифицируемой затем с буквой α, а буква С как ζ. В результате таких манипуляций, никак не соотносящихся с палеографическими признаками строки, выводится слово «Аназ» как «производной от титула – Князь». Причем, в окончательном «чтении» одновременно сохраняется и АНЧВА, взятое из авторских рассуждений о фиксации образа Верховного бога абхазо-абазинского пантеона, чье имя просто не могло быть выражено буквами греческого алфавита. В окончательном «чтении» приводится и загадочное ИПЩЦАГЫЛУ. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строки 4-5. Первая буква строки N, по Т. А. Муртазову, не прочитывается, что не удивительно на фоне игнорирования им данных греческой палеографии, ярко продемонстрированной

в «дешифровке» строки 3. Последняя буква вновь произвольно трактуется как ζ. В конечном итоге, автор, видимо, «дополнив отсутствующие знаки буквами «НИ», «озвучивает» как НЫКОЛА УС – «Дела путешественников», что на «языке Абаза» прочитывается не как имя, а как функция святого – «надзор и помощь людям в их пути». «Чтение» должно быть отвергнуто.

Строки 6-7. Использовано отдельное «изображение» строки, источником которой является дериват рисунка Д. М. Струкова, приведенный в работе Л. Згусты. Но очертания знаков, видимо, вновь свидетельствуют об извлечении изображения из интернета. Первая буква строки 6, после неуместных в данном случае рассуждений о формах греческой С, вновь произвольно идентифицируется с ζ, дополняясь «возможностью» озвучивания ГЗ. Первая буква строки 7 идентифицируется как ε, что невозможно даже с учетом изменения ее очертаний у Т. А. Муртазова.

В этой же строке 7 конечная черта, представленная на рисунке Д. М. Струкова, которая является частью буквы Υ, фиксировавшейся оттиском Г. И. Куликовского, с последующей точкой, немотивированно появившейся лишь в издании Л. Згусты, объявляются вместе с «оконечной выемкой» буквой Δ. Т. А. Муртазов голословно заявляет, что точку В. Ф. Миллер, ссылаясь «на загадочный оттиск Г. И. Куликовского, и В. И. Абаев заменили на буквы рт, которых нет «в приведенной выше Турчаниновым автографии Г. И. Куликовского (в чем большие сомнения)». Пожалуй, нет никаких сомнений в отсутствии понимания предмета обсуждения у самого автора.

Строки «читаются» как ГЗ АХИР ЭЙФОД, хотя в окончательном общем «прочтении» ГЗ АХЬРИ ЙФОД, что «буквально «Стон (и) боль снедающий» – функция Св. Николая как утешителя и покровителя людей на Земле. В целом, Т. А. Муртазов, если исходить из данных только первых «прочитанных» им строк, приписывает одной букве С значения С, ζ и γζ, букве Х – Кь и Хь, возможно, и Х, учитывая вариативность его «прочтений». При такой вариативности могут пропадать греческие буквы Η строки 6 (АХЬРИ) или строки 7 (АХИР). Даже выдуманной первой бук-

ве строки 7 ε приписываются одинаково произвольно значения ЭЙ или Й. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 8. Использовано отдельное «изображение» строки, видимо, вновь извлеченное из интернета. Третий и четвертый знаки, являющиеся остатками букв в результате разрушения плиты, объявляются «скорее кавычками» в несколько измененном варианте, с возможным значением выделительного знака «умножить на два». Далее в рассуждениях к трем оставшимся буквам прилагаются значения цифр в математических вычислениях, для X – «анаграмма Христа», латинское 10, счета от Рождества Христова, для B – знак «Великого индиктиона» и т. д. «Рассматриваются» даже предложения В. Ф. Миллера и В. И. Абаева в конце строки рϩ за счет явного незнания с их работами.

Датировки, в результате «рассуждений» над 8 вариантами, «определяются» в рамках 1100-1290 гг., но с пояснением: «Все способы счисления базируются на трудно идентифицируемых знаках и неуклюжей хронологии, поэтому получение однозначной датировки памятника таким путем невозможно вследствие различной конфигурации данных элементов. Тем не менее, этим выражаем лишь несогласие с предыдущими авторами перевода текста надписи, в особенности его датировки, решение которых необходимо увязывать с общей средой бытия, с учетом многих неопределенностей». В конечном итоге, автор останавливается на появлении кометы Галлеи в 1145 или 1222 гг. Даже нечего принимать или отвергать.

Строка 9. Приводится два «изображения» знаков строки, которые объявляются «оригиналом Струкова» и «искаженной копией Миллера с оригинала». В действительности, первый не является никаким «оригиналом Струкова», имея в сравнении с ним заметные искажения. Видимо, «изображение» вновь извлечено автором из интернета. Второе «изображение» также не является репродукцией В. Ф. Миллера. Его источник ближе к деривату надписи В. И. Абаева, но с несколько измененными очертаниями знаков. Скорее, имеет тот же источник появления.

Указание Т. А. Муртузова, что «Миллер не читает эту строку. Абаев пишет: «... РИФ», непонятно с какого источника эта за-

пись», подтверждает отсутствие знакомства автора с самими исследованиями. О том же положении, усугубленном полным отсутствием представлений об источниковедческом, историографическом аспектах вопроса, о данных греческой палеографии, свидетельствуют дальнейшие «рассуждения» автора: «У Струкова читается «т» достаточно четко... У Миллера данный знак превращается в лигатуру непонятного смысла... Знак у Миллера «q» – коппа... Струков пишет «q», Миллер читает «реш», однако данный знак читается так, лишь в древнееврейском или финикийском алфавитах. Знак «X» у Струкова преобразуется у Миллера в «H». У Струкова Ф, как финикийский знак «куф» [q], представлен у Миллера как «ф» греческого алфавита «фи». Странно, в слове из четырех букв, четыре идентифицированы ошибочно». В конечном итоге, «в слове из четырех букв» автор разглядел, по-иному и не скажешь, «ЗКВУ ИАША» – «носитель истины», «небесный глас». Вывод только один. Даже «чтение» не состоялось.

Строка 10. Первые буквы рассматриваются как оі со значением звучания русского ударного «И». Вторая буква, видимо, через признание в ней ϕ (коппа) объявляется буквой «К». Далее просто предполагается пропуск еще одних оі, но уже как «Ы». Повезло идентификации только последней буквы – Т. В результате автор выводит «ИКЫТ» – «от его селения». Пожалуй, как и в выше приведенных примерах, здесь уже даже неважно ни на каком языке «прочитано», ни какая графика использована в самой надписи. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 11. ПАКА. Предлагается идентифицировать с еще недавно распространенным у абазин мужским именем Пакъа. Таким образом, вторая буква строки К идентифицируется с Къ, тогда как в строке 4 – с К. В строке 10 второе значение добивалось через идентификацию с ϕ (коппа). В строке 8 появление К могло иметь тот же «источник», но зависело просто от авторского «чтения». Остается вспомнить «чтение» Къ для X строки 2.

Строка 12. ТАРПА. Предлагается идентифицировать с абхазским именем, с распространенной фамилией среди горных абхазов Тарба. Утверждение, что «Згуста записывает именно так» – Тар-Па, можно опустить в связи с вышеуказанными причинами.

Вопрос о передаче начального звука через Θ , при признании его передачи через T строки 10, не приводит ни к каким пояснениям. Сохранение при окончательном переводе формы «Тарпа» ставит вопрос о действительном соотношении передачи через P звуков -б или -п.

Строка 13. Т. А. Муртазов утверждает: «По Миллеру пишется – КАТАН». Утверждение столь же обоснованно, как и другие утверждения в отношении знакомства с работой В. Ф. Миллера. Даже на приводимом самим Т. А. Муртазовым изображении строки видно, что последняя буква никак не может быть идентифицирована с буквой N . Здесь, несомненно, представлена греческая буква η . Вопрос о соотношении в передаче звуков первой буквой K и третьей буквой Θ в сравнении с предшествующими примерами уже и не стоит ставить.

Строка 14. ФУРАТ. Т. А. Муртазов предваряет свое решение следующим заявлением: «Буква «v» – «ню», или «u» у Струкова, которая у Миллера обращается в русскую букву «у». Возможно, «q» – «коппа» у Струкова, в «p» – «ро» у Миллера. Игнорируется некая косая черта. Из шести знаков фактически лишь «Ф и Т» идентифицируются. Далее автор, «принимая «ou» = У, ... плохо скопированную черточку как «a», ... идентифицируя четвертый знак как «p», читаем: ФУРАТ... Данные варианты устойчивых словосочетаний выберем за основу имен: ПАКА, ТАРПА, КАТАН, ФУРАТ. Возможно, сыновья или близкие родственники усопшего. Не исключено, что они выборные представители села (акыт)».

Здесь мы сталкиваемся не только со всеми ранее указывавшимися провалами в представлениях об источниковедческом, историографическом аспектах вопроса, о данных греческой палеографии, но и с полным противоречием с известными образцами христианских эпитафий. На таком фоне уже не имеет значения сам подбор имен, в том числе и такие нюансы, что у абхазов и абазин представлена иная форма мужского имени Катина, а для Пака ближе, хоть и не идентичные, другие формы абхазских мужских имен [Экба Н. Б. 2012. С. 35; Амичба В. А. 2012. С. 57, 69]. «Чтение», а точнее выдача неких субъективных представлений о содержании какого-то абстрактного эпиграфического памят-

ника за «дешифровку» всех 14 строк конкретной христианской эпитафии, должно быть категорически отвергнуто.

Строки 15-16. АНПАЛА. Автор в определенной степени использует наработки своих идейных предшественников, но пытается продолжить «чтение» в русле собственных субъективных представлений. АН – «мать», ПА – «сын», все вместе – «по сыновнему долгу перед матерью». Отсутствие должного основания в данных христианских эпитафиях вновь приводит к «логическим объяснениям»: «Здесь в наивном виде отображается, что сыновний долг, по отношению к уходящему родителю, должен уступить место сыновству Небесной Матери – АНЧВА. Что в целом не противоречиво с функциями христианского долга, отраженного результатами и тенденциями внедрения византийского православия».

Строки 15-16. НАПАЛА. Следует соответствующее «объяснение»: «НАПА – лицо (аналог адыгского). НАПАЛА – это «с открытым лицом»/«не теряя лица». То есть, исполнить нечто «по совести, по чести». Бытующий элемент старинного абазинского этикета, кодекса чести, впоследствии частично замененного адаптированной абхазо-адыгской нормой поведения – Кьабзала/Кьабла-ла, Намыс-ла. Здесь, долг перед творцом и совестью, перед людьми веры – вечного Божественного Закона».

Строки 17-19. ННФОУРТЛА. Как и у идейных предшественников не вызывает никаких вопросов восстановление буквы Т. Вместе с тем, В. Ф. Миллеру почему-то приписывается чтение двух первых букв как «НЭ». Сам автор читает «абазинский термин: НЫШ ОУРТЛА («ныш ауртла», современное чтение), что означает «Земле придавая». В результате, букве Ф приписывается теперь значение Ш, вместо ранее «принимаемого «ou» = У» теперь «читается» ОУ без объяснения перехода к современному АУ.

В окончательном тексте «дешифровки» появляется УАВАРЦАЛА, которое, видимо, связано с дальнейшими «рассуждениями» автора в отношении НЫШОВАРЦА-ЛА («наш уаварцала/уаварцала», современное звучание) – абхазо-абазинский термин, что переводится на русский язык, как «Земле отдавая». Видно,

что и первый, и второй вариант идентичны». Для получения такого «результата» Т. А. Муртазов прибегает к заявлениям об идентификации букв с буквами финикийского письма, чтобы получить желаемые «прочтения» Ш и В. Ему удается «разглядеть» букву – «У» которая в международном фонетическом алфавите транскрибируется как [g]».

Все эти «вариативности» за счет абстрактных манипуляций с «идентификацией» и «допусками», к которым автор постоянно и прибегает в ходе своего «исследования», служат «основанием» для получения запланированного результата «дешифровки», не имеющего ничего общего с научным исследованием конкретного эпиграфического памятника. В отношении восстановления В. Ф. Миллером буквы Т автор заявляет: «Вполне допустимо, что на этом месте отображалась сочетание «тσ», что передает звук «Ц», или «Ч». Обращает на себя внимание, что у Струкова еще есть место для написания «ΛΑ», во втором ряду этого фрагмента, у Миллера же нет этого пространства». Вновь следует отметить незнание автора с источниками, что именно ему дает «место», т. е. простор, для собственных «построений». Чтение должно быть отвергнуто.

Строки 19-21. ΚΑΝΤΕΝΡΘΕ. Как и во всех предшествующих случаях, автор прибегает к использованию «изображения», видимо, извлеченному из интернета. В очередной раз В. Ф. Миллеру приписывается некорректное чтение ΚΑΝΕ ΤΖΕΡΤΕ, В. И. Абаеву – ΚΑΝ ΙΤΖΙΡΤΕ. Вместо ζ, составной части лигатуры τζ, безосновательно утверждается о наличии ς (сампи). В результате, автор «читает» ΧΑΝ ΤΔΖΙΡΤΑ, «по-абазински, буквально – «Ханским домом пусть будет». О вариативности «прочтения» Χ и вопроса о соотношении в тексте Т и Θ говорилось выше. Основания для наличия ΤΔЗ и трактовки конечной Ε как Α, для отсутствия фиксации точки остаются понятны, видимо, только самому автору. «Чтение» должно быть отвергнуто.

Строка 21. ΟΘΣΛ. Трактуются как οθζλ. О наличии знака сокращения даже не вспоминается. В результате «читается»: «ΟΤΣΛ или современное звучание – УАТСЫЛ [w-t-s-l], что по-абазински переводится буквально – ПРИКОСНИСЬ, имея в

виду прохожего. Возможно, что слово из языка садзов – «утс» – садись (посиди прохожий у могилы). С учетом выявленного присутствия у абхазо-абазин христианских ритуалов эзотерического содержания, допускается, что речь идет о Святом Духе, и просьбе – «прикоснись ко мне своим теплом», или «Прикоснись к Небесам» – как наставление для уходящего». «Чтение» должно быть отвергнуто.

Чтобы понять и сравнить «чтение» и его «идейную основу» Т. А. Муртазова с уже приводившимися, процитируем некоторые общие «рассуждения» и «выводы» автора [Муртазов Т. А. 2013. С. 51-105]:

«Исторически, из всех народов Северо-Западного Кавказа, лишь абазги и владели греческим письмом в наивысшей степени... Во всех вариантах перевода надписи на многочисленные языки кавказских этносов, сталкиваемся с неумной языческой фантазией, никак не привязанной с внешней атрибутикой памятника... Исследователи памятника не разглядели на прилегающих районах Архыза такой массивный пласт этнокультуры этноса «Абаза»... можно предполагать: Аланы встретились с общиной анахоретов абазгов, обитавших в Архызе еще с IV века... Скорее, данную местность захватили Аланы (или Хазары), впоследствии, после их изгнания внешними силами, вновь стало местом проживания абазин... Аланы, это конгломерат народов, с лабильными во времени и пространстве границами представительства многих этносов... На присутствие в аланском войске воинов из числа местных племен абазгов в VI веке... могут указывать восходящие к позднекобанским формам виды вооружения (боевые топоры, кинжалы)... незначительно заявлять, будто абазины переселились на Северо-западные склоны Кавказа в XIV-XVII веках. Отдельные горные общества абазгов были на описываемых территориях в составе Алании много раньше X века, и были микшированы генетически с ними... Более того, абазины-ашхарцы были отдельным населением Архыза, по крайней мере, с IX-X веков... населением Архыза до конца Кавказской войны были абазины, которые проживали здесь, по крайней мере, с X века... все-таки столицей была Нижне-архыз-

ское городище в X-XIII веках, можем данное название перевести на абазинский язык... хронология христианства на Северном Кавказе указывает на влияние абазгов в христианизации Алании, и, их присутствие в данном регионе в означенное время... Необходимо было учитывать, что у народов Северного Кавказа в то время практиковался синкретизм – сплав языческого верования с христианством. Данное мировоззрение, скорее отображено в головной части надписи, где просматриваются удивительные познания эзотерики веры и космология, для расшифровки которых требуется использования метода иконографии, и раскрытия этнокультурной среды... И в эзотерике надписи прослеживается влияние народа Абаза... Абазины, наряду с абхазами и адыгами с древнейших времен хоронили усопших «воздушным погребением», далее – вторичным захоронением в дольменах... Позднее, с осторожностью перешли к образам памятников в виде менгир... (Все эти признаки обнаруживаются в «Зеленчукском камне»)... Алфавит надписи относится к греческой письменности, но с использованием финикийской азбуки. Возможно, что речь идет о финикийско-греческом алфавите среднего периода (VIII-IX века н. э.), где использовались финикийские знаки. В надписи просматриваются рисунчатые силлабы – слоги, не выделенные исследователями (например, кипрский силлабарий)... Обнаруживается, что историческая наука находится на стадии, которая обрисовывается как кризисная, когда аномалия ее развития становится слишком явной... Действительный, неформальный источниковедческий анализ «Зеленчукской надписи», воссозданный в данной работе, открывает, – что надпись, все-таки, осуществлён на языке абазгов... присутствие абазин в Архызе обосновывается тем, что еще во II тыс. до н. э. на Северном Кавказе проживали общие предки абхазо-адыгских народов АШУИ... Известно, что именно абазги строили храмы Архыза и Теберды... Приходили из-за гор новые партии строителей и оставались здесь. Достаточно многочисленное население представлялось не только строителями, но и служителями храмов. И те и другие могли создать монашескую общину, выходцем, которого представлен монах

Зку Яша (Облаченный Истиной) – кому посвящена эпитафия.... Именно лишь здесь, в структуре и гомилетике надписи абазинской версии перевода, обнаруживается тождество атрибутики надписи и глубинное содержание эпитафии текста – крест, монограмма и образ Небесного Трона, раскрывающее эзотерику их содержания... При всем том, некоторые термины переводятся на современный абхазо-абазинский язык, не вполне однозначно. Понятно, что никакой живой язык не может оставаться без модификации сотни лет... Поэтому, в отличие от других, у нас нет уверенности в истинности перевода... Многие факты, отраженные в надписи, не относятся к научным данным, оставаясь принадлежностью менталитета автора надписи. Так, индивидуальные качества произнесения звуков и понимание слов говорящего, а также невозможность отображения тонкостей лингвистики – одна из присутствующих в то время особенностей речи, не решенных до настоящего времени окончательно, предуготовивших возможные ошибки, в возможных вариантах перевода. Невнятность произнесения всех фонем, всех звуков слова один за другим, полностью их, артикуляция – это другая особенность, в совокупности определивших ошибки в надписи... Сложность надписи и невнятность прочтения связывается еще с несовместимостью языка надписи с графическими возможностями алфавита письма».

Что можно сказать о данном «потоке мысли и фантазии автора»? Однажды известный исследователь Отто Менчен-Хелфен заметил по поводу использования в научных исследованиях фальшивой греко-алано-тюркской надписи: «Actually the «inscription» is a galimatias...» [Maenchen-Helfen O. 1973. P. 385, n. 82]. Надеюсь, что слово «galimatias» не требует «дешифровки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается подвести некоторые итоги нашей работы, касающиеся вопросов дешифровки Зеленчукской надписи. К настоящему времени представлено несколько псевдодешифровок надписи, которые можно условно назвать «кабардино-черкесской», «балкарской», «татаро-ногайской», «нахской», «чеченской» (не берем в расчет отдельные утверждения, что надпись написана по-ингушски [Кодзоев Н. Д. 2011. С. 87; 2012. С. 94], т. к. в них просто заменяется само обозначение), «абхазо-абазинской». Научная дешифровка определила Зеленчукскую надпись как двуязычную христианскую эпитафию, составленную на византийско-греческом и аланском (иранском) языках с использованием греческой графики. Конечно, не стоит надеяться, что наукой положен конец попыткам создания псевдодешифровок.

Они продолжались и, видимо, к сожалению, будут продолжаться, находя взаимную поддержку и своих голословных сторонников [Мизиев И. М. 1990. С. 88-89; 1991. С. 292; 1995. С. 83; 2014. С. 13-14; История. 2010. С. 420; 2010а. С. 71-72, 159, 176-179, 268; 2010б. С. 412-413, 423; Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. 1993. С. 102; Кубанов А. Х. 2004. С. 110; Лайпанов К. Т. 1967. С. 211-212; 2014. С. 55-56, 57; Калоев Б. А. 1967. С. 164; Хаджилаев Х.-М. И. 1970. С. 9-12; Хабичев М. А. 1971. С. 21-22; Закиев М. З. 1995. С. 42-43; 2003. С. 168-169; 2008; Ахматов И., Койчуев А., Лайпанов К. 1997. С. 78; Лайпанов К. Т. 2007. С. 70; Байрамкулов А. М. 1996. С. 202-204; Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. 2002. С. 72; Дроздов Ю. Н. 2008. С. 32-33; 2011. С. 48-44; Чотчаев Д. Д. 2010. С. 294-298; Дени Баксан. 1999. С. 153; Кодзоев Н. Д. 2000. С. 81-82; 2002. С. 98-99; 2006. С. 391; 2011. С. 87; 2012. С. 94; Ильясов Л. М. 2004. С. 90-92; Тимерханов Ю. 2004. С. 9; Акиев Х. 2005; Кучинаев М. 2010. С. 183; Джуртубаев М. Ч. 2010. С. 198-206; Плиев Р. С. 2011; Гадаев Р. В. 2012. С. 32-33; Ясаков Р. К. 2015. С. 221, 234 и др.], для которых принципиален не вопрос научного познания, а общие «этнические выводы» из таких псевдодешифровок с далеко идущими «выводами» по вопросам древней и средневековой истории Северного Кавказа.

Примечательны сами действия подобных авторов. Они всеми силами стараются опровергнуть именно «осетинский характер» Зеленчукской надписи, что, само по себе, весьма показательно. Даже по частным вопросам дешифровки их научная сторона либо просто игнорируется [Кодзоев Н. Д. 2002. С. 98], либо грубо отвергается [Тимерханов Ю. 2004. С. 9], что происходит на фоне явного незнакомства с предметом «дискуссии». Последнее замечание относится и к некоторым современным публикациям, жанр которых вообще трудно определить [Дзокаева Т. 2010. С. 212-214; 2012. С. 3; 2012а. С. 3]. Данное направление, находящее живой отклик в околонучной среде, пытается, кроме того, создать иллюзию, что аланское (иранское) прочтение Зеленчукской надписи было, якобы, обусловлено засильем иранских концепций и невозможностью в силу определенных исторических обстоятельств в нашей стране иных национальных «прочтений», или оно поддерживается и продвигается исключительно учеными Осетии, а не международным научным сообществом. Самым радикальным решением является даже отрицание существования когда-либо такой надписи.

Подобное положение, как отмечалось выше, обусловлено «проницаемостью» гуманитарных наук. Причем, как показывает практика, они проницаемы не только извне, но и изнутри, когда некоторые дипломированные специалисты озабочены не проблемами научного исследования, а совершенно другими, в решении которых они и смыкаются со своими сторонниками, вообще далекими от науки. Мы же специально столь подробно остановились на проблеме исследования надписи на Зеленчукской плите, чтобы наглядно продемонстрировать один непреклонный факт.

То научное направление, которое было заложено трудами В. Ф. Миллера, полностью доказало свою верность и объективность, а приданный исследователем более 100 лет назад импульс к развитию данного направления до сих пор действенен в работах современных специалистов. Видимо, В. Ф. Миллеру удалось провести и ту черту, которая отделяет истинную науку от квазинаучных упражнений. Кроме того, некоторые совре-

менные публикации, отличаясь крайней скудостью представлений об истории научного изучения надписи и заключая в себе некоторые неточности даже в передаче содержания столь ограниченного круга исследований [Перевалов С. М. 2011. С. 7-8], не позволяют представить объективную картину современного состояния проблемы.

Вместе с тем, следует остановиться на некоторых научных публикациях, которые могли бы вызвать определенные затруднения в восприятии у исследователей в будущем. В своей совместной с М. Д. Черчесовой рецензии на исследование Л. Згусты, вышедшей в 1990 г. (повторно в 1991 г.), В. А. Кузнецов признал, отвечая на замечание Л. Згусты, что Зеленчукская плита была открыта Д. М. Струковым в 1888 г., а не в 1886 г., как он писал раньше [Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 298; Совенко С.Н. 2010. С.313-313; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 68]. В. А. Кузнецов датировал 1886 г. рисунок Д. М. Струкова и в своей копии этого рисунка, подаренной Научному архиву СОИГСИ. Однако в некоторых дальнейших своих работах автор продолжал придерживаться ошибочной датировки – 1886 г. [Кузнецов В. А. 2008. С. 218], параллельно давая и корректную дату – 1888 г. [Кузнецов В. А., Чеченов И. М. 2000. С. 80; Кузнецов В. А. 2004. С. 140]. Видимо, просто опиской является датировка находки 1880 г. [Кузнецов В. А. 2013в. С. 23]. Но данное недоразумение не столь существенно по сравнению с другими.

В той же рецензии вполне справедливыми, в общих чертах, представляются следующие замечания: «... в настоящее время четко определилась парадоксальная ситуация, которую можно определить как невероятную: один текст читается на четырех языках, принадлежащих к разным языковым группам. Случай беспрецедентный, а развернувшаяся вокруг Зеленчукской надписи дискуссия обнажила не только низкий уровень филологической науки на Северном Кавказе, но и совершенно определенную тенденцию некоторых исследователей к узконациональному подходу, когда строгая научная объективность и трезвость приносятся в жертву местному «патриотизму»... Дискуссия о Зеленчукской надписи длилась 25 лет. Монография Л.

Згусты, которая может быть во многих отношениях образцом научного исследования, кладет ей конец. Новые спекуляции вокруг Зеленчукской надписи возможны, но они, как нам кажется, отныне теряют всякий смысл» [Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. 1990. С. 298, 301; 1991. С. 203, 211].

Данное заключение созвучно, например, и мнению Т. А. Гуриева в отношении попыток прочесть надпись на основании адыгских, балкаро-карачаевских, нахских языков: «Что можно сказать по поводу приведенных трех гипотез? Только одно: в науке конца XX века это – случай из ряда вон выходящий, скандальный... внимательно рассмотрел ученый (Л. Згуста – А. Т.) аргументы других авторов и пришел к выводу, что попытки А. Кафоева, М. Кудаяева и Я. Вагапова, мягко говоря, неубедительны... Как будто инцидент исчерпан. Но можно ли утверждать, что последнее слово уже сказано, что памятник средневекового письма прочитан безукоризненно? На поставленный вопрос ответят будущие исследователи» [Гуриев Т. А. 1995. С. 18-19].

Казалось бы, исследование Л. Згусты, которого В. А. Кузнецов признал своего рода «третьей стороной», а его выводы, в образцовом во многих отношениях научном исследовании, по мнению самого В. А. Кузнецова, в пользу близости языка надписи к дигорскому диалекту осетинского языка обоснованными, действительно, кладет конец беспочвенной дискуссии (следует отметить, что Л. Згуста подробно не анализировал «тюркскую версию» М. Кудаяева, т. к. знал о публикации только по краткому и не всегда точному пересказу Я. С. Вагапова). Однако в одной из последних своих работ, представляющей переработанное переиздание давней монографии, В. А. Кузнецов сохраняет свои прежние оценки, заставляя вслед за Т. А. Гуриевым задать сформулированным им вопросом. В. А. Кузнецов, отмечая критику алано-осетинского варианта прочтения Зеленчукской надписи сторонниками иных интерпретаций, указывает, что осетиноведы серьезно ее не воспринимают и убеждены в ираноязычности надписи.

В такой формулировке, волей-неволей, проглядывает отмеченное указание исследователя на узконациональный подход,

который для неискушенного читателя может ассоциироваться и с осетиноведением. Но кого, в таком случае, автор считает осетиноведом? Такая специализация, кстати, слишком узкая уже для пионера прочтения надписи В. Ф. Миллера, по тем же причинам не подходит для всемирно известного ираниста В. И. Абаева. Нельзя «втиснуть» в нее и такого крупного лингвиста, как Л. Згуста, именно который, в принципе, и не принял иные интерпретации на основании их непосредственного анализа.

Не принимал их и сам В. А. Кузнецов, вряд ли, претендующий исключительно на звание осетиноведа. Не претендовали на это звание, например, историки Б. В. Скитский и О. Б. Бубенок, фольклорист А. Х. Бязыров, археологи Т. М. Минаева, В. Н. Каминский, И. М. Чеченов, археолог и историк А. В. Гадло [Скитский Б. 1947. С. 35, 61, 67; Минаева Т. М. 1951. С. 301; Кузнецов В. А. 1987. С. 134; Каминский В. Н. 1988. С. 273-274; Чеченов И. М. 1990. С. 148; Гадло А. В. 1994. С. 168, 170, 196, 197], лингвисты Т. З. Козырева и Г. Ф. Турчанинов, действительно, несколько патетично заявлявший об осетинском происхождении надписи. Не являются осетиноведами и Л. И. Лавров, Я. А. Федоров, У. Ю. Эльканов, резко отвергнувшие попытки иных дешифровок.

Остается загадкой остальной список не принимавших «критику» осетиноведов, если только не включать в него упоминавшихся в нашей работе исследователей, которые занимались собственным анализом надписи, а не спорами. В конечном итоге, эти исследователи не просто отказывались «серьезно воспринимать» опусы сторонников иных дешифровок, а просто их игнорировали. Такое положение предвещал В. И. Абаев, что является в определенных условиях достаточно ясной оценкой научного сообщества, представители которого в данном случае далеки от узконациональных пристрастий.

Кроме того, к моменту публикации указанного замечания В. А. Кузнецова (1987 г.) круг «серьезно не воспринимающих» был гораздо ограниченной по составу (Л. И. Лавров, В. И. Абаев, В. А. Кузнецов, Г. Ф. Турчанинов), который нельзя строго относить ни к осетиноведческому, ни к узконациональному по происхождению. Необходимо помнить, что не только простые читатели, но

и исследователи не всегда имеют возможность уследить за всеми публикациями или получить к ним доступ. Поэтому следует более внимательно относиться к переизданию своих замечаний, тем более, что они изначально были не совсем корректны.

Содержат они неточности и в другой части. Во-первых, Зеленчукская надпись читается не по-осетински, а является двуязычной, читаясь соответственно с византийско-греческого языка и аланского языка, которому исторически наиболее близок современный дигорский диалект осетинского языка. Как отмечалось выше, современный дигорский диалект осетинского языка сохраняет более архаичные черты по сравнению с иронским диалектом. В плане исторического развития осетинского языка это позволяет теоретически рассматривать их как две последовательные стадии развития одного и того же языка. Поэтому и аланский язык времени составления Зеленчукской надписи оказывается более близок к современному дигорскому диалекту осетинского языка. Во-вторых, «чтения» по-кабардински, по-нахски, по-тюркски, в принципе, таковыми не являются, а представляют собой субъективные, далекие от науки фантазии их авторов.

Ранее В. А. Кузнецов в совместной работе с И. М. Чеченовым объективно отмечал: «В дальнейшей версия В. Ф. Миллера была поддержана и развита филологами В. И. Абаевым, Б. А. Алборовым, А. Х. Бязыровым. Со времени Миллера Зеленчукская надпись вошла в научное обращение как памятник алано-осетинского письма» [Кузнецов В. А., Чеченов И. М. 2000. С. 80-81]. Таким образом, взвешенная и научно объективная оценка в данном случае вполне корректно определяет указанных ученых как филологов.

Справедливой представляется и следующая оценка сложившегося положения В. Н. Каминским: «Многочисленные переводы надписи с различных языков лишней раз показывают несовершенство работы историков и лингвистов над этим памятником» [Каминский В. Н. 1988. С. 273]. Она вполне перекликается и с другим заключением В. А. Кузнецова: «Парадоксальность этого невероятного положения свидетельствует о низком филологи-

ческом уровне дешифровок и порождает мысль о субъективистском подходе исследователя к дешифровке. А это может привести ученого к серьезной ошибке, ибо вслед за определением языковой принадлежности обычно следуют далеко идущие исторические выводы» [Кузнецов В. А. 1987. С. 134].

Кроме того, в этом заключении вполне справедливо отмечается собственно «низкий филологический уровень дешифровок», а не «низкий уровень филологической науки на Северном Кавказе», как пишет автор в другой своей рецензии. У науки нет ни национальных, ни территориальных признаков. Пример же с «дешифровкой» Ш. Ф. Фаттахова, в частности, показывает, что мы имеем дело не с «филологической наукой на Северном Кавказе», а с проявлением иных «идей», которые только пытаются прикрыться авторитетом науки. Нельзя допускать, чтобы борьба с паранаукой превращалась в самоцель или в «модное» направление. Несколько отклоняясь от нашей темы, следует также отметить, что не стоит идти на поводу, как делают некоторые современные авторы [Атаев А. В. 2012. С. 45-46], субъективных и некорректных взглядов на состояние современной аланистики как научного направления.

В. А. Кузнецов, ранее утверждавший, что долгая дискуссия вокруг Зеленчукской надписи завершена работой Л. Згусты, затем опять отмечает, что полемика еще не завершена. Вместе с тем, автор полагает, что пока алано-осетинский вариант, убедительно обоснованный Л. Згустой, остается самым аргументированным. Мы вновь сталкиваемся с двусмысленностью формулировок. С одной стороны, алано-осетинский вариант признается убедительно обоснованным. С другой стороны, он рассматривается как самый аргументированный, что, по умолчанию, свидетельствует о признании иных интерпретаций как имеющих научную основу разработок. Остается только заметить, что и до выхода в свет исследования Л. Згусты вполне принципиальными и точными были определения исследователей таких попыток как «любительских упражнений», «слишком фантастических», «неубедительных попыток», относимых к категории «научных анекдотов» [Лавров Л. И. 1966. С. 17; 1968.

С. 219; Абаев В. И. 1986. С. 207; Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. 1978. С. 106].

В принципе, для православной церкви и для беспристрастного международного научного сообщества, одним из авторитетных представителей которого является сам В. А. Кузнецов, основополагающим в оценке Зеленчукской надписи остается ее прочтение В. Ф. Миллером–В. И. Абаевым [Гатуев А. 2007. С. 32; Пчелина Е.Г. 1946. Л.24; Алексеева Е. П. 1971. С. 20, 87, 94, 103, 148; 1988. С. 69; 1993. С. 11; Минаева Т. М. 1955. С. 119; 1971. С. 21-22, 29, 200-201; Гедеон. 1992. С. 24; Кузнецов В. А., Гуриев Т. А. 1987. С. 118-119; Шихсаидов А.Р., Алексеева Е.П., Виноградов В.Б., Кузнецов В. А., Чеченов И.М. 1988. С. 179-180; 2010. С. 47; Christol A. 1992. З. 426; Биджиев Х. Х. 1993. С. 162; Testen D. D. 1997. З. 708; Alemany A. 1997. P. II-III; Huyse P. 1998. S. 187, am. 117; Иванов С. А. 2003. С. 257; Шнирельман В. А. 2003. С. 138, 2008. С. 106; 365, 463; 2010. С. 119; 2013. С. 121; Бубенок О. Б. 2005. С. 132; Dodykhudoeva L. R. 2003. P. 3; Schulze W. 2007. S. 9; Golden P. B. 2009. P. 72; 2011. P. 250, n. 14; Gadilia K. 2011. P. 31-32; Erschler D. 2011. P. 126, n. 4; Камболов Т. Т. 2013а. С. 114-116; Пилипчук Я. В. 2012. С. 78; Novak L. 2013. P. 16; Шутёмова Н. А. 2014; Чибиров Л. А. 2014. С. 33; Кузнецов В. А. 2001. С. 174, 176, 185; 2014. С. 121-124, 132 и др.]. Бесспорно, ее разделяет и сам В. А. Кузнецов, столь же четко и резко определяющий уровень «разработок» оппонентов, как и его предшественники: «... Д. М. Струков обнаружил в самых верховьях Большого Зеленчука каменную надгробную плиту с надписью на дигорском диалекте осетинского языка. Об этом свидетельствовали В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, но окончательно установил чешский ученый Ладислав Згуста... Л. Згуста отверг все упомянутые выше дилетантские фантазии касательно чтения надписи и убедительно подтвердил алано-осетинский вариант В. Ф. Миллера. Теперь желающие предложить иное чтение надписи обязаны доказать несостоятельность чтения В. Ф. Миллера–Л. Згусты, но таких опровержений нет» [Кузнецов В. А. 2004. С. 124, 140].

В одной из своих газетных статей В. А. Кузнецов был более лаконичен и прям: «Создалась ситуация, когда один письмен-

ный памятник дешифруется с позиций совершенно разных языков. Ясно, что научным может быть только один. Какой?.. Труд Л. Згусты не только расставил все по своим местам в чисто научном плане, но явился прекрасным подарком осетиноведению к 100-летию открытия Зеленчукской надписи». Следовательно, В. А. Кузнецов полностью отдает себе отчет в том, что единственно *научным* прочтением Зеленчукской надписи является ее «алано-осетинский вариант». Поэтому иные «прочтения» не имеют никакого отношения к науке, не могут претендовать даже на «низкий филологический уровень», не говоря уже о «филологической науке», «филологии».

В другой своей работе исследователь отмечает: «Итак, в северокавказской филологии определилась парадоксальная ситуация – один текст «легко» читается на четырех языках, принадлежащих к различным языковым группам... Разве это не свидетельство простора для «беспочвенных дилетантов»? Развернувшаяся вокруг Зеленчукской надписи дискуссия вскрыла явную тенденцию некоторых авторов к узко-национальному подходу, определяемому происхождением дешифровщика. Научная объективность и трезвость суждений приносятся в жертву местному «патриотизму» (не будем говорить о применяемых исследовательских методах)... В роли третьей стороны выступил американский лингвист профессор Л. Згуста... В конечном итоге Л. Згуста подтверждает, хотя и с некоторыми поправками, алано-осетинский вариант В. Ф. Миллера и дает наиболее вероятное и детально аргументированное чтение Зеленчукской надписи с позиций алано-осетинского языка... По нашему мнению, после выхода в свет исследования Л. Згусты полемику за «обладание» столь желанной для некоторых Зеленчукской надписью можно считать завершенной. Но поскольку новые попытки ревизии надписи полностью не исключены, подчеркнем неизбежную необходимость предварительного опровержения исследования и выводов Л. Згусты, без чего такие попытки не могут претендовать на научность» [Кузнецов В. 1988. С. 4; Кузнецов В. А., Чеченов И. М. 2000. С. 82-83]. Исследователь также заключал: «Плита с надписью... была опубликована В. Ф. Миллером

и прочитана с позиций осетинского языка... С тех пор эта версия не только не поколеблена, но получила полную поддержку в тщательном исследовании Ладислава Згусты» [Кузнецов В. А. 2013в. С. 23].

Как мы видим, приведенные определения, в целом, перекликаются с обсуждаемым определением автора в одной из его недавних работ. Но в последней исчезает его четкость, что все-таки исподволь вводит «дилетантские фантазии», «спекуляции» «беспочвенных дилетантов», «дилетантов в самом худшем понимании этого слова» в одно научное поле с алано-осетинским определением характера Зеленчукской надписи, пусть и с признанием их меньшей аргументированности. Подобная нечеткость в определении и может дать повод для дальнейшей «дискуссии». В данном случае это не предвидение, а констатация факта.

Например, тот же И. М. Мизиев, сам не останавливающийся перед фальсификацией положений работы В. Ф. Миллера [Каминский В. Н. 1988. С. 274], уже использовал подобную и прежде проскальзывающую нечеткость определений В. А. Кузнецова именно как знак признания такой же научности иных прочтений надписи, как и алано-осетинской [Мизиев И. М. 1990. С. 107-108]. Такое положение продолжает порождать «рассуждения» и тех, кто не представляет самого предмета собственных «рассуждений» [Дзокаева Т. 2010. С. 212-214; 2012. С. 3; 2012а. С. 3; Садулаев Г. 2012. С. 76-80; Kısamov N. 2014. P. 51].

Пожалуй, «дискуссия» может не прекратиться не только в силу указанных выше причин. Источниками научного анализа Зеленчукской надписи на сегодняшний день могут служить только рисунок Д. М. Струкова, рисунок иеромонаха Серафима и репродукция В. Ф. Миллера, с учетом приводимых исследователем данных оттиска Г. И. Куликовского (рис. 3, 7-9). За прошедшее время было издано заметное количество дериватов Зеленчукской надписи, в которых невольно или при сознательном вмешательстве авторов появились изменения. Данные дериваты не должны использоваться в научных исследованиях.

Порой создается такое впечатление, что подобные дериваты живут, словно, своей жизнью. Они сопровождают публикации различных авторов (рис. 23), становясь какой-то обыденной иллюстрацией, вроде, всем известной и не требующей внимательного к себе отношения. Кажется, что зачастую их помещение в публикациях «отдается на откуп» издателям, которые используют непонятно откуда берущиеся дериваты. Даже в различных публикациях одних и тех же исследователей (рис. 14) или изданий (рис. 21) можно столкнуться с различными дериватами Зеленчукской надписи.

Аналогичную ситуацию можно обнаружить, например, сравнив первое издание Зеленчукской надписи В. А. Кузнецовым по рисунку Д. М. Струкова (рис. 5) с другими публикациями им рисунка Зеленчукской плиты (рис. 22), последняя из которых сопровождается подписью «Зеленчукская плита. С рис. Д. М. Струкова» [Кузнецов В. А. 2008. С. 219] (сравни корректное воспроизведение в другой публикации [Кузнецов В. А. 2014. Рис. 21, 1] – А. Т.). К последствиям таких изданий уже можно отнести использование в публикациях других исследователей искаженной «копии» надписи. Причем, в последнем случае допускается и искажение в воспроизведении содержания надписи, когда вместо отмечаемой в ней лексемы *furt* приводится лексема *fyrт*, т. е. берется современная ироническая форма слова [Кузнецов В. А., Гутнов Ф. Х., Цуциев А. А. 2012. С. 286, 287].

К сожалению, наблюдаются и другие примеры подобного отношения к изданиям. Так, во Владикавказе в 2013 г. вышел в свет сборник, в который включили известные статьи о Зеленчукской надписи В. Ф. Миллера, В. А. Кузнецова, Г. Ф. Турчанинова, Л. Згусты. Обложку же книги с показательным названием «Памятники алано-осетинского письма» «украсил»... «дериват» А. З. Кафоева (рис. 24), который, используя репродукцию В. Ф. Миллера, внес в нее заметные изменения и «прочел» надпись по-кабардински. В самой статье В. Ф. Миллера о Зеленчукской надписи вместо его репродукции приведен... дериват его репродукции, выполненный В. И. Абаевым. Видимо, «обыденность» такого отношения к изображениям Зеленчукской надписи сказалось и на том,

что в рецензии на данное издание они остались не замеченными [Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. 2014. С. 66-67]. Остается только вспомнить замечание Л. Згусты по поводу невозможности использования «деривата» А. Ж. Кафоева и замечание самого В. А. Кузнецова, что парадоксальное разночтение Зеленчукской надписи отчасти объясняется тем, что никто из ученых ее не видел в натуре, и все пользовались лишь рисунком Д. М. Струкова.

Учитывая приведенные наблюдения, принципиально повторим, что нет никаких сомнений в научной позиции самого В. А. Кузнецова. Недавно она вновь была четко и однозначно выражена им. В. А. Кузнецов указывает, что «варианты прочтения З. Н. по-кабардински, балкаро-тюркски, вайнахски явно тенденциозны и научно несостоятельны, что продемонстрировано Л. Згустой». Ученый прямо определяет, например, «ревизию» чтения В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, предпринятую А. Ж. Кафоевым, как «изыскания», которые «носят выраженный дилетантский характер и к науке отношения не имеют». К кругу «квазинаучного спора» отнесено и «прочтение» Я. С. Вагапова. В. А. Кузнецов прямо определяет Зеленчукскую надпись как «... самый крупный памятник алано-осетинской письменности эпохи раннего средневековья, получивший международную известность».

В. А. Кузнецов строго полагает: «Развернувшаяся вокруг Зеленчукской надписи дискуссия вскрыла явную этноцентрическую тенденцию некоторых авторов, следующих не научному, а узко национальному подходу, определяемому этнической принадлежностью исследователя... Правда, справедливости ради, следует отметить, что в «битве» за Зеленчукскую надпись преобладали не специалисты-языковеды, а любители-дилетанты, смело идущие на штурм закоряченной академической науки... Момент истины настал в 1987 г., когда Австрийская Академия наук издала монографию... Ладислава Згусты. Итог его работы отражен уже в самом названии монографии – надпись осетинская. Ясно, что этот ученый, высокий профессионал, чужд кавказских пристрастий, как исследователь независим и предельно объективен... «битва» за Зеленчукскую надпись, несмотря ни на что,

продолжается. В этой борьбе с непрофессионализмом, борьбе, имеющей определенный резонанс в непростых межнациональных отношениях, исследование Л. Згусты имеет принципиальное значение. Оно необходимо для осуществления главной социальной цели науки – установление истины, какой бы она не была» [Кузнецов В. А. 2012а. С. 225; 2013б. С. 5-8]. Остается надеяться, что Зеленчукская надпись вновь привлечет к себе объективное внимание эпиграфистов и лингвистов, что и являлось одной из главных задач предлагаемого издания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ** – Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом
- ВАНЧР** – Вестник Академии наук Чеченской Республики
- ВВ** – Византийский временник
- ВДИ** – Вестник древней истории
- ВИ** – Вопросы истории
- ВНЦ** – Владикавказский научный центр Российской Академии наук
- ВРС** – Венгерско-русский словарь
- ВЯ** – Вопросы языкознания
- Древности** – Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества
- ДТС** – Древнетюркский словарь
- ЖМНП** – Журнал Министерства Народного Просвещения
- ИАА** – Историко-археологический альманах
- ИАС** – Ирон адæмы сфæлдыстад
- ИСКНЦВШ** – Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы
- ИСОНИИ** – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
- ИСОИГСИ** – Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований
- История** – История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева
- ИЧИННИ** – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
- ИЮОНИИ** – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
- КБН** – Корпус боспорских надписей
- КСИА** – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
- КСИИМК** – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
- КЭС** – Кавказский этнографический сборник
- МАК** – Материалы по археологии Кавказа
- МЗ** – Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского

государства: Каталог выставки

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

НА – Научный архив

НИАГЭ – Нартæ. Ирон адамы героикон эпос

НК – Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос

ОНП – Осетинские народные песни

ПНТО – Памятники народного творчества осетин

ППКО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах

ПСРЛ – Полное Собрание Русских Летописей

РА – Российская археология

РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь

СА – Советская археология

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

СТ – Советская тюркология

СЭ – Советская этнография

ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института

УЗ ИМУ – Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел историко-филологический

УЗ СОГПИ – Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Л. Хетагурова

Elr – Encyclopædia Iranica

NARTAMONGÆ – NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language

PED – Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Wörterbuch

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. Осетинские термины: iron, allon // Яфетический сборник. Л., 1927. V.
- Абаев В. И. Alanica // Известия Академии Наук СССР. М., 1935. № 9.
- Абаев В. И. Поправки к чтению древне-осетинской зеленчукской надписи // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1944. Т. V. № 2.
- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
- Абаев В. И. Глава I. §3 Этногенез осетин. Нартский эпос // История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.
- Абаев В. И. Осетино-вейнахские лексические параллели // ИЧИННИИ. Грозный, 1959. Т. I. Вып. 2.
- Абаев В. И. Примечания // Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.
- Абаев В. И. Этимологические заметки // Studia Linguistica Slavica Baltica. Canuto-Olavo Falk. Lundae, VCVLXVI.
- Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Абаев В. И. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
- Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979а.
- Абаев В. И. Блеск и нищета золотого тиснения (по поводу книги: А. М. Кумахов, З. Ю. Кумахова. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985) // ИЮОНИИ. Тбилиси, 1986. Вып. XXX.
- Абаев В. И. AVESTICA // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.

- Абаев В. И.* Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. Т. II.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995а.
- Абаев В. И.* Древнеосетинская Зеленчукская надпись // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.
- Абаев В. И., Кузнецов В. А. А. Ж. Кафоев.* Адыгские памятники. Нальчик. Кабардино-Балкарское книжное изд-во. 1963. 153 стр. Тираж 1 000. Цена 55 коп. // ВИ. М., 1965. № 12.
- Абдуллоев Д.* Торговые связи Востока и средневековой Руси (историко-лингвистический очерк) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929-19.02. 2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб., 2014.
- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.-IV в. н. э.). М., 1993.
- Авдиенко В. Г.* Этносфера Алании как фактор христианизации (к постановке проблемы) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Агнаев Г.* Осетинские обычаи (Ирон æгъдæуттæ). Владикавказ, 1999.
- Æгънаты Æхсар.* Не 'взаг – нæ истории. Ирон æвзадзы историйы зонадон-популярон очерктæ. Цхинвал, 1987.
- Айбабин Э. А., Хайрединова А. И.* Предметы христианского культа из раскопок 2003-2008 годов на городище Эски-Кермен // Труды Государственного Эрмитажа: Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). СПб., 2013. Т. LXIX.
- Акиев Х.* Не спешите «открывать Америку» (Рецензия на сборник статей «Вопросы истории Ингушетии». Вып. 1. Магас. 2004 г.) // Ингушетия. 29 января 2005. № 7.
- Аксенов В. С.* Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. М., 2003. Т. 2.

Аксенов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вып. IV.

Аксенов В. С. Новые материалы к распространению христианства среди аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонечья // Верхнедонский археологический сборник. Липецк, 2010а. Вып. 5.

Аксенов В. С. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово-та хозарознавства. Харків, 2013. Вип. 3.

Албегова З. Х.-М. Склеп Софии Нартовского эпоса // Проблемы осетинского Нартовского эпоса. Владикавказ, 2000.

Албегова З. Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I-XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М., 2007. Вып. 4. CD-издание.

Алборов Б. А. Всеволод Федорович Миллер, как лингвист-осетиновед (Род. 7-IV 1848 г., скончался 5-XI 1913) // Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Владикавказ, 1925. Вып. I.

Алборов Б. А. История осетинских письмен. Владикавказ, 1929.

Алборов Б. А. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии (К вопросу об осетино-ингушских взаимоотношениях в прошлом) // Сборник Научного Общества Этнографии, Языка и Литературы при Горском Педагогическом Институте. Владикавказ, 1929. Т. I.

Алборов Б. А. Первые памятники осетинской письменности. 1929а // НА СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. I. Д. 27.

Алборов Б. А. Древне-иранское святилище «Мизр-Богу» на территории Чечни // НА СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. I. Д. 29.

Алборов Б. А. Новое чтение надписи на зеленчукской над-

гробной плите // УЗ СОГПИ. Орджоникидзе, 1956. Т. XXI. Вып. 2. Серия общественных наук.

Алборов Б. А. Алано-асская надпись из села Цамад Алагирского ущелья Северной Осетии // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. История.

Алборов Б. А. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.

Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ, 2005. Кн. 2.

Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1960.

Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии // ТКЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. V.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.

Алексеева Е. П. К истории археологических обследований территории Карачаево-Черкессии (XVIII в.-1985 г.) // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Черкесск, 1988.

Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1993.

Алексеевко Н. Херсон-Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., 2012.

Алексеевко Н. А., Цецков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // Херсонесский сборник: Выпуск XVII. Сборник научных статей. Севастополь, 2012.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Алемани А. Язык алан: общая проблематика // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.

- Алиев И. И., Алиева З. И.* Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. М., 2003.
- Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и историко-экономический очерк. Черкесск, 1991.
- Алиева А. И., Исаев М. И.* Введение // Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования / В. Ф. Миллер. М., 2008.
- Алироев И. Ю.* История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
- Алироев И. Ю., Маргошвили Л. Ю.* Кистины. М., 2006.
- Алишев А.* Голос минувшего: поиски, находки, гипотезы // Кабардино-Балкарская правда. 9 октября 1988.
- Амичба В. А.* Абхазские имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М., 2012.
- Андреев В. М.* Віктор Петров: вирішення проблеми скіфської мови у науковому спадку вченого // Гуманітарний журнал. Дніпропетровськ, 2010. Вип. 3-4 (літо-осінь).
- Андроникашвили М.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966.
- Арсамаков Б. И.* Ингушские личные имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказ. М., 2012.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Археологические* известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. М., 1893. Т. I. № 1.
- Археологические* известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. М., 1893а. Т. I. № 2.
- Атаев А. В.* «Концепция аланского наследия» как фактор межконфессиональной и внутривосточной конфронтации // Вопросы истории Поурупья. Вып. I. Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (Станица Отрадная, 9-10 августа 2012 г.). Армавир, 2012.

Аутлев Н. Г. Нартовский эпос и народ // Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов «Нартский эпос и кавказское языкознание». Майкоп, 1994.

Ахвледиани Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.

Ахвледиани Г. С. Ossetica-Georgica // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1960а. Т. XXII. Вып. I (языкознание).

Ахматов И., Койчуев А., Лайпанов К. Новый взгляд на проблемы этногенеза татарского народа // Татарстан. 1997. № 6.

Бабаев К. Ф. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009.

Багаев М. Х. Автохтоны, аланы и Алания Северного Кавказа в свете археологических и иных источников // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Багаев М. Х., Гапуров Ш. А., Магамадов С. С. Аланы и нахи // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Байрамкулов А. М. Карачаево-Балкарскому народу – 2000 лет. Черкесск, 1996.

Бариев Р. Х. Древние и средневековые государства болгаров // Сокровища болгарского народа. Выпуск 1. Этногенез. История. Культура. СПб., 2007.

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов.

Басария-Анкваб И. Б. «Последний из могикан» ленинградской школы кавказоведения // Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. М., 1999.

Басилов В. Н., Кобычев В. П. Николайы кувд (осетинское празднество в честь патрона селения) // КЭС. М., 1976. Т. VI (Труды

Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 106).

Баскаков Н. А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunner Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987.* Istanbul, 1987. Vol. 1.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.

Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1985.

Белецкий Д. В. Заметки о нузальской церкви // Историко-филологический архив 2. Владикавказ, 2004.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // СА. М., 2004. № 3.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // СА. М., 2005. № 1.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства и Северо-западного Кавказа. М., 2011.

Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 // *Аристей.* М., 2012. Т. VI.

Белый А. В., Соломоник Э. И. Утерянная и вновь открытая Мангупская строительная надпись // *Нумизматика и эпиграфика.* М., 1984. Т. XIV.

Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV-XVIII столетий. М., 1907.

Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000.

Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.

Березовець Д. Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія.* Київ, 1970. Т. XXIV.

Берлизов Н. Е. Аланы-скифы // *ИАА.* Армавир-М., 1996. № 2.

Бертъе-Делагард А. Л. Подделка греческих древностей на юге России // *Записки Императорского Одесского Археологического Общества Истории и Древностей.* Одесса, 1896. Т. XIX.

Бзаров Р. С. Технологии формирования гражданской идентичности и поликультурный учебник // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: Материалы V Международной научной конференции, посвященной 90-летию СОГПИ. Владикавказ, 2014.

Бзаров Р. С. Из истории аланской культуры. М., 2014а.

Бибииков М. В. Византийские акты: проблемы классификации // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2-3 февр. 2012 г. М., 2012.

Бигулаев Б. Из истории осетинского письма // ИЮОНИИ. Сталинир, 1948. Т. XII.

Бигулаев Б. Б. Краткая история осетинского письма. Дзауджикау, 1952.

Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993.

Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для старших классов средней школы. Владикавказ, 2000.

Боглачев С. В., Кузнецов В. А., Маркелов М. В. Пятигорск в исторических очерках: История г. Пятигорска с древнейших времен до 1917 г. Пятигорск, 2010.

Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. III.

Боровський Я. Є. Біля джерел східнослов'янської писемності // Археологія. Київ, 1991. № 2.

Боровський Я. Є. Знаки на пряслицях // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Збірник наукових статей. Присвячений 100-річчю з дня народження Віктора Платоновича Петрова. Київ-Львів, 1997.

Боташева С. К. Этноконфессиональное сознание и его проявления в духовной культуре (на примере религиозного синкретизма карачаевского этноса). Дисс. ... канд. философ. наук. 09.00.13. Ставрополь, 2006.

Брайчевський М. Ю. Вибране. Т. II: Хазарія і Русь. Аскольд – цар київський. Київ, 2009.

Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-начало XIII вв.). Киев, 1992.

Бубенок О. Б. Поширення християнства серед аланів Північного Причорномор'я // Східний світ. Київ, 2000. № 1.

Бубенок О. Б. Аланы и этногенез тюркоязычных народов Северного Причерноморья (VI-XIII вв.) // Етноси України. Тюркський світ. Київ, 2000а.

Бубенок О. Б. Следы исчезнувших аланов Средней Азии // Східний світ. Київ, 2003. № 1.

Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XIV вв.). Киев, 2004.

Бубенок О. Б. Дані письмових джерел про поширення іудаїзму серед аланів у хозарський і післяхозарський періоди // Східний світ. Київ, 2004а. № 2.

Бубенок О. Б. Етничній та релігійний склад аланського населення Хазарського каганату в VIII-X ст. // Хазарський альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4.

Бубенок О. Б. Алани й аси під владою тюркютів // Східний світ. Київ, 2005а. № 3.

Бубенок О. Б. Анти: слов'яни чи ірані // Східний світ. Київ, 2005б. № 3.

Бубенок О. Б. Алани й іслам // Східний світ. Київ, 2007. № 2.

Бубенок О. Б. Хазары и мятежная Асия (к вопросу о хазаро-аланских взаимоотношениях) // Проблемы еврейской истории. Ч. I. Материалы научных конференций Центра «Сэфэр» по иудаике 2007 года. Памяти Профессора Джона Дойла Клира. М., 2008.

Бубенок О. Б. Источники сведений автора «Худуд ал-'Алам» о «буртасах» и «барадзасах» // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14-17 апреля 2009 г. Материалы конференции. М., 2009.

Бубенок О. Б. Прозелиты в хазарском каганате: исторический

обзор по вопросу позиций иудаизма в хазарском обществе // Українська орієнталістика. Спеціальний випуск з юдаїки. Київ, 2011.

Бубенок О. Б. Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI-XIV вв.) // Східний світ. Київ, 2012. № 4.

Бубенок О. Б. Основание Аланской митрополии и начальные этапы христианизации аланов Северного Кавказа // Дриновський збірник. Харків-Софія, 2012а. Т. II.

Бубенок О. Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // Rossica Antiqua. СПб., 2013. № 2/8.

Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительных слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб., 1869. Т. I.

Булгакова В. И. Византийские печати из находок в Крыму (по материалам частных собраний) // ВВ. М., 2004. Т. 63 (88).

Бутков П. О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями, в XII веке // Северный Архив. 1825. Ч. XIII. № IV.

Бутков П. О древнегреческих церквах в верховьях р. Большого Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным // Библиографические листы Кеппена. СПб., 1825а. № 30.

Бушаков В. А. Тюркская этноойконимия Крыма. Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.06. М., 1991.

Бязырты А. Х. Дæсæм æнусы иронау фыст // Советон Ирыстон. 28 ноября 1968. № 231 (10054).

Бязыров А. Х. Осетинская родословная X века // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.

Бязырты А. Х. Нарты эпос истории // Фидиуæг. Цхинвали, 1981а. № 3.

Бязырты А. Х. Нарты таурæгъты истори. Дзæуджыхъæу, 1993.

Вагапов Я. С. О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.

Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. Казанское востоковедение в архивных материалах: биография и наследие (XIX-начало XX вв.). Казань, 2010.

Ванеев З. Исторические известия об аланах-осах (Материалы

для древней и средневековой истории осетин). Введение, тексты и комментарии. Сталинир, 1941.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века (Историографический очерк). Орджоникидзе, 1975.

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

Васильев М. А. Особенности формирования и развития восточнославянского язычества // Интернет-журнал «Махаон», июль-август 2010. № 10 (http://history.vachaon.ru/all/number_10/analiti4/paganismprint/index.html).

Венгерско-русский словарь. М.-Будапешт, 1987.

Вереш П. Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа // Acta Ethnographia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1984. Vol. 33.

Верещагин Е. М. Вновь найденное богослужбное последование обретению мощей Климента Римского – возможное поэтическое произведение Кирилла Философа // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 4.

Вертоградова В. В. Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве Древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2002. Вып. 5.

Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2011. № 2 (15).

Виноградов А. Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Вып. 4.

Виноградов А. Ю. Очерк истории аланского христианства в X-XII вв. // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006.

Виноградов А. Ю. К вопросу о дате крещения алан // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Се-

верного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008.

Виноградов А. Ю. Надпись из Дабана-Дере: пятьсот лет спустя // Античная древность и средние века. К 60-летию доктора исторических наук, профессора В. П. Степаненко. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.

Виноградов А. Ю. Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII-IX веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011.

Виноградов А. Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. М., 2011а. № 4.

Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. Вып. I.

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Две «хазарские» надписи из Юго-Западного Крыма // РА. М., 2005. № 3.

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII-начале IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2005а. Вып. II.

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Строительная надпись тудуна и хагана из Горного Крыма. Republicatio et reconsideratio // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.

Виноградов А. Ю., Михеев С. М. Еще раз о нескольких надписях-граффити Софии Киевской: разбор чтений В. В. Корниенко и Н. Н. Никитенко // Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара 22-24 ноября 2010 года (Труды Государственного Эрмитажа. LXV). СПб., 2012.

Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Позднеантичная христианская надпись из Фанагории // ВДИ. М., 2012. № 3 (282).

Виноградов В. Б. Источники изучения взаимоотношений вайнахских племен с сармато-аланами (преимущественно в III в. до н. э.-V в. н. э.) // Материалы, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР.

- Баку, 1965.
- Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965а. № 1.
- Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю.* «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-харс) // СЭ. М., 1985. № 3.
- Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ. М., 1992. № 5.
- Войников Ж.* Алано-древнобългарското писмо. В памет на проф. Г. Ф. Турчанинов. В. Търново, 2011.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Вьель К.* Осетино-арийский героический мифоцикл // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2012. Vol. IX. № 1-2.
- Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI-XVII вв. Киев, 1985.
- Гагин И. А.* Русь, Булгария и половецкая степь (о значении брачных союзов при заключении политических договоров в эпоху раннего средневековья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6.
- Гагкаев К. Е.* Осетинско-русские грамматические параллели. Лексика, фонетика и морфология (пособие для преподавателей языка). Дзауджикау, 1953.
- Гагкаев К. Е.* Состав и функции осетинских личных имен // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1964. Т. XXIV. Вып. I. Языкознание.
- Гагкаев К. Е.* К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Гагкаев К. Е.* Об исследованиях Г. Ф. Турчанинова в области осетинской эпиграфики // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.
- Гагкаев К. Е.* Внешняя история индоевропейских языков. (Учебно-методические разработки). Орджоникидзе, 1982а.
- Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- Гаглойти Ю. С.* К истории северокавказских аорсов и сираков // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1968. Вып. XV.
- Гаглойти Ю. С.* Проблемы этнической истории южных осе-

- тин. Цхинвал, 1996.
- Гаглойти Ю. С.* О происхождении фамильного имени Алагата // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. V. I. Abaev on the Occasion of his 95th Birthday. Serie orientale Roma. Vol. LXXXII. Roma, 1998.*
- Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
- Гаглойти Ю. С.* Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I.
- Глагоева З. Д.* Осетинские фамилии. Цхинвал, 2002.
- Гаглойти З. Д.* Ирон мыггæгтæ. Цхинвал, 1995.
- Гадаев Р. В.* Формирование и развитие чеченской письменности: Дисс. ... канд. фил. наук. 10.02.02. Грозный, 2012.
- Гаджиева Н. З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
- Гаджиев М.* Штампы для просвиры из Дагестана // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010.
- Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006.
- Гадиев У. Б.* Историческое мифотворчество в книге «В поисках национальной идентичности». Магас, 2013.
- Гадло А. В.* В. А. Кузнецов. Алания X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971, 245 с. // ВВ. М., 1977. Т. 38.
- Гадло А. В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
- Гадло А. В.* Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X-XII вв. СПб., 1994.
- Газданова В. С.* Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ, 2007.
- Галиев А. А.* История Центральной Азии: письменность и миф

// Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. Алматы, 2007. № 4.

Галиев А. А. Мифологизация истории тюрков в Центральной Азии и Российской Федерации // Хабарши вестник. Серия «Исторические и социально-политические науки». Алматы, 2010. № 1 (24).

Гамбашидзе Г. О прочтениях и датировках надписей на штампах евхаристического хлеба (просвиры//просфоры) из Дагестана // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси-Гори-Батуми 27-30 сентября 2010 года. Тбилиси, 2011.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.

Гапо. Ирон кувд // Ног Цард. Двтцæг. 23 ноиаб. 1920 аз. № 16.

Гарданов Б. А. Исторический очерк // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I.

Гарданти М. Q. Рагон дигорон хадзари царда уаг (Нравы и обычаи дигорцев). 1901-1903 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 51. Д. 163. Т. 3.

Гарданти М. Q. Рагон Нарти æма уонæн сæ фæстагonti зæронд Дигори дин. Киристон-Гъæу, 1893-1924 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 51. Д. 144.

Гардтгаузен В. Греческое письмо IX-X столетий // Энциклопедия Славянской Филологии. Издание Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1911. Вып. 3.

Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. III.

Гатуев Алексей, протоиерей. Христианство в Осетии. Исторический очерк. Владикавказ, 2007.

Гасанов З. Г. К проблеме этнического происхождения скифов // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16-18 сентября 2010 г.). Чебоксары, 2011.

Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Осетинский язык // Осетины. М., 2012.

Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Изучение памятников алано-осетинской письменности как ценный вклад в научное осетиноведение (Памятники алано-осетинской письменности. – Владикавказ: Ир, 2013. – 191 с. Научный редактор – В. А. Кузнецов; составители – В. А. Кузнецов, Б. Б. Басаев, В. Х. Темираев, Л. А. Чибиров) // Вестник ВНЦ. Владикавказ, 2014. Т. 14. № 3.

Геденон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992.

Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.-Иерусалим, 1997.

Голден П. Б. К вопросу о происхождении племенных названий кипчаков // Сборник материалов международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященной 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013.

Голубев Л. А., Долечек Л. Л., Малахов С. Н., Пьянков А. В. Каменная стела с изображением креста из окрестностей поселка Архыз в Карачаево-Черкессии // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 2014.

Голубовский П. Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.

Гониашвили Т. Б. Специфика языковых связей нахской группы с иносистемным осетинским // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Готье Ю. В. Ясы-Аланы в ранней русской истории // Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии (бывш. Таврической Ученой Архивной Комиссии). Симферо-

- поль, 1927. Т. II (58-й).
- Гочияева С. А., Суюнчев Х. И.* Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
- Гранстрем Е. Э.* О связи кирилловского устава с византийским унциалом // ВВ. М., 1950. Т. III.
- Гранстрем Е. Э.* К вопросу о византийском минускуле // ВВ. М., 1958. Т. XIII.
- Гранстрем Е. Э.* Уникальный период византийской письменности // ВВ. М., 1968. Т. XXIX.
- Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана // История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Гриневич Г. С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (о результатах дешифровки праславянских письменных памятников) // Русская Мысль. М., 1991. № 1-12.
- Гудава Т. Е.* Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954. Вып. 30.
- Гузеев Ж. М.* Карачаево-балкарская фонетика. Нальчик, 2009.
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993.
- Гуриев Т. А. М. А. Хабичев.* К гидронимике Карачая и балкарии. Нальчик, 1982 // Этимология. 1985. М., 1987.
- Гуриев Т. А.* Наследие скифов и алан: Очерки о словах и именах. Владикавказ, 1991.
- Гуриев Т. А.* Памятник особого рода: язык. Владикавказ, 1995.
- Гуриев Т. А.* Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.
- Гуриев Т. А., Тулатова Е. А. Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974 // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1977.
- Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Чеченские личные имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказ. М., 2012.
- Гусейнов Г.-Р., Музумова А. Л.* Древние тюркские (булгарские) языки Балкан и Северо-Восточного Кавказа и происхождение славянской письменности // Диалог культур: Россия – Восток – Запад. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, тра-

- диции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» 18-19 мая 2010 года. М.-Ярославль, 2010.
- Гутнов Ф. Х.* Источниковедческие разыскания Л. П. Семенова // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Гутнов Ф. Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.
- Гутнов Ф. Х.* Аристократия алан. Владикавказ, 1995.
- Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы Юго-Восточной Европы // Известия высших учебных заведений Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1999. Вып. 3.
- Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Владикавказ, 2007. Ч. I.
- Гутнов Ф. Х.* Феодальные общества Северного Кавказа в предмонгольский период // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. № 1-2.
- Гутнов Ф. Х., Тменов В. Х.* Антропонимы предания об Ос-багатуре // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987.
- Даньшин Д. И.* Танаиты и танаисцы во II-III в. н. э. // КСИА. М., 1990. № 197.
- Даньшин Д. И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. М., 1993. № 1.
- Дарбинян М.* Материалы об аланах, извлеченные сотрудником Матенадарана в 1960 г. // НА СОИГСИ. Ф. I. Оп. I, Д. 137 «а».
- Дарчиев А. В.* О Таргитае – прародители скифов // Дарьял. Владикавказ, 2000. № 1.
- Дарчиев А. В.* Джавско-дигорские языковые схождения и вопросы этнической истории осетин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5 (23). Ч. II.
- Демаков А. А., Чумаков И. Л.* Об исторической интерпретации Верхнекубанской группы храмов X века // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Дени Баксан.* Следы Сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1999.

- Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
- Дешериев Ю. Д.* Бацбийский язык. М., 1953.
- Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы присхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Дёрфер Г.* О языке гуннов // Научный Татарстан. Казань, 2011. № 4.
- Джиоев Х. С. Г. Ф.* Турчанинов и вопросы письменной культуры у древних и средневековых осетин // Вопросы кавказской филологии и истории. К 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова. Нальчик, 1982.
- Джиты Хазби.* «Бæгъатыр»: Иæ равзæрд // Рæстдзинад. 3 январь 1979. № 2 (14920).
- Джуртубаев М. Ч.* Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов. Нальчик, 2010.
- Джусойты Нафи.* Искание истины или пересуды?.. // Пульс Осетии. 17 апреля 2012. № 14 (407).
- Джуаншер Джуаншеряни.* Жизнь Вахтанга Горгосала. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.
- Дзагуров Г. А.* Дигорское устное народное творчество. 1921-1926 // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 13. Ф. 106.
- Дзагуров Г. А.* Дигорское устное народное творчество. 1924 // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 15.
- Дзагуров Г. А.* Дигорское устное народное творчество. 1927 // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 19 «а».
- Дзагуров Г. А.* Дигорское устное народное творчество. 1927а // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 27.
- Дзагуров Г. А.* Дигорское устное народное творчество. 1928-1930 // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 21.
- Дзагуров Г. А.* Дигорско-русский словарь. 1940. Ч. IV // НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 64.
- Дзампаева Ж. Т., Таучелова Р. И.* История и культура народов Северного Кавказа: Методические указания к самостоятельной работе для студентов всех направлений. Владикавказ, 2014.

- Дзанайты Х. Г.* Общенародный язык – основа развития государственности ир-ас-аланского народа. Владикавказ, 2014.
- Дзиццойты Ю. А.* Этногенез южных осетин по данным диалектологии // ИЮОНИИ. Цхинвал, 1998. Вып. XXV.
- Дзиццойты Ю. А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
- Дзиццойты Ю. А.* К этимологии топонима K'wydar «Южная Осетия» // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2007. Vol. V. № 1, 2.
- Дзиццойты Ю. А.* Кавказская Скифия // ИЮОНИИ. Цхинвал, 2009. Вып. XXXVIII.
- Дзиццойты Ю. А.* К этнической истории Южной Осетии: эпоха особа // Вопросы истории и культуры народов России. Сборник статей к 80-летию профессора М. М. Блиева. Владикавказ, 2010.
- Дзиццойты Ю. А.* От составителя // Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. I: Дзауский район. М., 2013.
- Дзиццойты Ю. А., Кочиев К. К.* Нарты и ваюги в селении Лац: на границе двух миров // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2005. Vol. III. № 1, 2.
- Дзокаева Тина.* Осетины – потомки осетин. М., 2010.
- Дзокаева Тина.* «Зеленчукская надпись» и ее сомнительная трактовка. К вопросу о неправомерности отождествления «староосетинского» языка с так называемым «аланским» // Пульс Осетии. Владикавказ, 13 марта 2012. № 9 (402).
- Дзокаева Тина.* Ответ Нафи Джусоеву // Пульс Осетии. Владикавказ, 24 апреля 2012а. № 15 (408).
- Дзуцев Х. В., Смирнова С. Я.* Жизнь осетинской семьи. Владикавказ, 1993.
- Динник Н.* Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. Тифлис, 1899.
- Добрович М.* Силзибул // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. Алматы, 2013. № 4 (28).
- Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // СТ. Баку, 1980. № 2.

Добродомов И. Г. О некоторых гиппологизмах и созвучных словах. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 97). Чебоксары, 1980а.

Добродомов И. Г. Некоторые осетинско-чувашские параллели // Межъязыковые взаимодействия в Волго-Камье. Чебоксары, 1988.

Добродомов И. Г. Буртасский язык – исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // URALO-INDOGERMANICA. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18-22 июня 1990. М., 1990. Ч. II.

Добродомов И. Г. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Добродомов И. Г. Топонимика и источниковедение (Казань в хронологическом и этимологическом аспектах) // Вопросы географии. Сборник 132: Современная топонимика. М., 2009.

Добродомов И. Г., Кривко Р. Н. Русские письма в «Житии св. Константина» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М., 2002.

Дончева-Петкова Л. Золотой крест-реликварий из Плиски // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. М., 2005.

Доровских Л. В. Древнегреческий язык: учебное пособие. М., 2011.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Древне-христианские храмы и Св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь, в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта, Кубанской области Баталпашинского отдела. Издание Св. Александро-Афонской Зеленчукской пустыни (с

рисунками древних храмов). Одесса, 1896.

Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества М., 1890. Том тринадцатый. Вып. II. Протоколы.

Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества М., 1894. Том пятнадцатый. Вып. I. Протоколы.

Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества М., 1900. Том шестнадцатый. II. Протоколы.

Дроздов Ю. Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов. М., 2008.

Дроздов Ю. Н. Тюркскоязычный период европейской истории. М., 2011.

Дудко Д. М. Раннеславянское изображение божества с надписью из Фессалии и славяно-аланский образ пляшущего солнечного божества // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2009. Т. 8.

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.

Дядькин В. Г. Глава III. Алания в период феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия (XII-XV вв.). § 1. Алания в XII-XIII вв. // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие для учителей истории и учащихся старших классов школ Северо-Осетинской АССР (УЗ СОГПИ. Т. XXVII. Вып. I). Орджоникидзе, 1968.

Евдокимова А. А. Греческие граффити Софии Киевской (предварительная публикация) // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2006 г. Материалы конференции. М., 2006.

Евдокимова А. А. О месте знати в храме Святой Софии в Киеве (по материалам греческих граффити) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и

верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16-18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007.

Евдокимова А. А. Греческие граффити Софии Киевской (публикация) // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XIX. Аспекты компаративистики. Вып. 3. М., 2008.

Евдокимова А. А. Александрийская и византийская системы акцентуации в греческих акцентуированных надписях провинциального происхождения // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIII (чтения памяти И. М. Тронского)*. Материалы международной научной конференции, проходившей 22-24 июня 2009 г. СПб., 2009.

Егоров В. Г. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // *Исследования по этимологии чувашского языка*. Чебоксары, 1983.

Егоров Н. И. Феномен Федотова // *Духовное наследие академика М. Р. Федотова*. Чебоксары, 2008.

Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии // *Этнонимы*. М., 1970.

Завьялов С. Л., Пьянков А. В. О сребренике Ратибора с южного берега Краснодарского водохранилища // *Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника: Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.)*. Краснодар, 2012.

Закиев М. З. Татары: проблемы истории и языка. Казань, 1995.

Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003.

Закиев М. Аланы: кто они? // *Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа)*. Грозный, 2008. Вып. 1.

Залесская В. П. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // *ВВ. М.*, 1988. Т. 49 (74).

Залесская В. П. Изображения Михаила из Терапии и Лазаря-столпника из Эфеса на крестах-энколпионах XI века // *Труды Государственного Эрмитажа: Византия в контексте*

мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). СПб., 2013. Т. LXIX.

Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношения древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6.

Зализняк А. А. О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999.

Заходер Б. Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX-X вв. // Известия Всесоюзного Географического общества. М.-Л., 1943. Т. LXXV (75). Вып. 6.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Згуста Л. Староосетинская надпись из долины реки Зеленчук // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003.

Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. V. Мифология и фольклор. М., 2009.

Иванов С. А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10.

Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Иванова Т. А. Избранные труды. СПб., 2004.

Иванчик А. И. Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Кёлера // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава

- Витальевича Доманского (1928-2004). СПб., 2007.
- Иванчик А. И.* Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса (Новые данные о греко-иранском взаимодействии в Танаисе допалеолитической эпохи) // ВДИ. М., 2008. № 2.
- Известия СОИГСИ.* Владикавказ, 2008. Вып. 2 (41).
- Иерусалимская А. А.* Аланская реплика на византийский моливдул // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004.
- Иерусалимская А. А.* Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.
- Ильясов Л. М.* О двух надписях на аланском языке // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Магас, 2004. Вып. 1.
- Илюшин А. М.* Уникальное погребение асского воина в восточной части Дешт-и-Кыпчак // МИАСК. Армавир, 2007. Вып. 8.
- Имнайшвили Д. С.* Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
- Ирон адæмы сфæлдыстад.* Орджоникидзе, 1961. Дыккаг том.
- Ирон адæмы сфæлдыстад.* Дзæуджыхъæу, 2007. Дыккаг том.
- Ирон адæмы сфæлдыстад.* Дзæуджыхъæу, 2007а. Фыццаг том.
- Исаев М. И.* Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика, морфология. М., 1966.
- Исаев М. И.* Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974.
- Исаев М. И.* Осетинский язык // Основы иранского языковедения. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- Исаев М. И.* Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 1999.
- Исаев М. И.* Осетинский язык // Письменные языки мира: Российская федерация. Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000.
- Исаева З. Г.* Осетинская антропонимия. Личные имена. Орджоникидзе, 1986.
- Исаева З. Г.* Осетинский язык // Большая российская энцикло-

- педия. М., 2014. Т. 24. Океанариум-Оясио.
- Исаенко А. В.* Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.
- История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева.* Нальчик, 2010. Т. I.
- История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева.* Нальчик, 2010а. Т. II.
- История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева.* Нальчик, 2010б. Т. III.
- Кадеев В. И.* Средневековые граффити из Херсонеса // СА. М., 1968. № 2.
- Кадиева А. А.* Погребальный обряд могильника Кари Цагат (Дигорское ущелье, Северная Осетия) // ИАА. Армавир-Краснодар-М., 2011. Вып. 10.
- Кадыраджиев К. С.* Древнекумыкский теоним Хорс // КНКО: Вести. Информационно-аналитический бюллетень. 2002/2003. Махачкала, 2003. Вып. 8-10.
- Калинина Т. М.* Знать хазар по данным арабо-хазарских источников // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4.
- Калман Р.* Четыре слова из Глоссария Языгов // НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. I. Д. 84.
- Калоев Б. А. В. Ф.* Миллер – кавказовед. (Исследование и материалы). Орджоникидзе, 1963.
- Калоев Б. А.* Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа // СЭ. М., 1967. № 2.
- Калоев Б. А.* Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- Калоев Б. А.* Осетино-балкарские этнографические параллели // СЭ. М., 1972. № 3.
- Калоев Б. А.* Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996.
- Калоев Б. А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
- Калоев Б. А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 2004.

- Камболов Т. Т.* Очерк истории осетинского языка: Учебное пособие для вузов. Владикавказ, 2006.
- Камболов Т. Т.* Зеленчукская надпись // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.
- Камболов Т. Т.* Языковые свидетельства этногенеза осетинского народа // Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса (Владикавказ 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013а.
- Каминский В. Н.* Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 184 // СА. М., 1988. № 4.
- Каминский В. Н.* Аланская статуя из Краснодарского музея // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995.
- Каминский В. Н., Каминская И. В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // ИАА. Армавир-М., 1996. Вып. 2.
- Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В.* Византия и аланы (новые исследования христианских храмов малых форм IX-XIII вв. в верховьях Кубани) // Понтийские греки: Studia Pontocausasica. 3. Краснодар, 1997.
- Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе. Этнографический очерк // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
- Карданов Б. М., Бичаев А. Т.* Русско-кабардинско-черкесский словарь. М., 1955.
- Карсанов А. Н.* Аланское слово на сосуде из Саркела // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Карский Е. Ф.* Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901.
- Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
- Кафоев А. Ж.* О чем гласит зеленчукская надпись // Университетская жизнь. Нальчик, 1959. № 23.
- Кафоев А. Ж.* Тайна одной надписи // Московский университет. 1960. № 44.
- Кафоев А. Ж.* Адыгские памятники. Нальчик, 1963.

- Кафоев А. Ж.* Адыгские памятники. Автореф. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1964.
- Кафоев А. Ж.* Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик, 1999.
- Каштанов Д. В.* Греческая эпиграфика Северного Кавказа: проблемы датировки // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010.
- Каштанов Д. В.* Материалы для церковной истории Северного Кавказа // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. I.
- Каштанов Д. В., Пьянков А. В.* Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Каштанов Д. В., Чхаидзе В. Н.* Надгробие 1590 г. из Тамани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010.
- Кварчия В. Е.* Об абхазских этнонимах аиарс – «осетин», аʒ°апэиа – «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.
- Кипрушкин В. А.* [Примечания] // Кестлер А. Тринадцатое коллено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., 2001.
- Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Кляшторный С. Г.* Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологические Вести. СПб., 2001. Вып. 8.
- Кляшторный С. Г.* Хазарские заметки // Тюркологический сборник. 2003-2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Кляшторный С. Г.* «Второй памятник из Тувы» (Е 50): интер-

претация и дата // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007.

Кляшторный С. Г., Кубарев Г. В. Тюркские рунические эпитафии из чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 9-11 декабря 2002 г.). Новосибирск, 2002. Т. 2.

Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Ковалевская В. Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.

Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2005.

Кодзаев А. Древние Осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.

Кодзоев Н. Д. Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века. Назрань, 2000.

Кодзоев Н. Д. История ингушского народа: С древнейших времен до конца XIX века: Учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ. Магас, 2002.

Кодзоев Н. Д. Назрановская долина в древности и средневековье // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Магас, 2006. Вып. № 4.

Кодзоев Н. Д. Глава III. Ингушетия в I-XIV веках // История Ингушетии. Магас, 2011.

Кодзоев Н. Д. Глава II. Ингушетия в I-XIV веках // История Ингушетии. Ростов-на-Дону, 2012.

Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии (бывш. Таврической Ученой Архивной Комиссии). Симферополь, 1928. Т. II (59-й).

Козырева Т. З. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Козырева Т. З. Памятники родного языка // На древней земле Осетии. Владикавказ, 2014.

Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Ч. I.

Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Колесникова М. Е., Сергеев В. Д. Из истории Ставропольского епархиального церковно-археологического общества // ИАА. Армавир-М., 2000. Вып. 6.

Комар А. В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Комар А. В. Перецепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII-нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Сборник научных работ. Донецк, 2006.

Коновалова И. Г. Глава 10. Временная глубина пространства в текстах арабских географов // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008.

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М., 2009.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. (Archaeologica Petropolitana, XIV). СПб., 2003.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004.

Коробейников Д. А. «Владыка столиц руссов и алан»: «Византийское содружество государств» в переписке между мамлюкским Египтом и Византией // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008.

Коробков Д. Ю. Медная иконка из раскопок 1991 года (о реконструкции сюжета и трактовке образов) // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. Вып. VIII.

Коробов Д. С. Уллу-Дорбунла – средневековое городище в верховьях р. Подкумок // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова: сб. статей. М., 2013.

Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

Кравченко Н. М., Абашина Н. С. Докирилівський напис на пряслиці з ранньослав'янського поселення Обухів II //

- Археологія. Київ, 2001. № 2.
- Крупнов Е.* «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XII, ГИЗ Сев.-Осетинской АССР, г. Дзауджикау, 1948, стр. 256 // СЭ. М., 1950. № 4.
- Кубанов А. Х.* Ассия и Асгард на Кавказе или по следам Т. Хейердала. Очерки и заметки. М.-Ставрополь, 2004.
- Кудаев М.* «Зеленчук джазыуну» малкъар тилни мурдорунда окъуб кёрюю // Коммунизмге джол. 14 февраля 1965. № 31 (6574).
- Кудаев М.* «Зеленчук джазыуну» малкъар тилни мурдорунда окъуб кёрюю // Коммунизмге джол. 14 февраля 1965а. № 31 (6574). Перевод Т. Моллаева (http://si15523915.onlinehome.us/turkis/27_Scythians/zelenchukKudaevEnRu.html).
- Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М., 2002.
- Кузнецов Б. И.* Бон и маздеизм. СПб., 2001.
- Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе, Ставропольского края, в 1953 году // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1954. Вып. 6.
- Кузнецов В. А.* Средневековые дольменообразные склепы Северного Кавказа // КСИА. М., 1961. Вып. 85.
- Кузнецов В. А.* Археологические исследования в верховьях Кубани (1960-1961 гг.) // КСИА. М., 1963. Вып. 96.
- Кузнецов В. А.* Краткий отчет начальника экспедиционного отряда СОНИИ Кузнецова В. А. О работе разведочной экспедиции СОНИИ в верховьях реки Б. Зеленчук в КЧАО в мае 1964 г. (с приложением археологической карты и фотоснимков). Орджоникидзе, 1964 // НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 59.
- Кузнецов В. А.* Новые данные о Зеленчукской надписи X века // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII. Языкознание.
- Кузнецов В. А.* Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кузнецов В. А.* В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977.
- Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В. А.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.
- Кузнецов В. А.* Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической исто-

рии Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. 181 с. // ИСКН-ЦВШ. Ростов-на-Дону, 1987. № 3.

Кузнецов В. Бесценный памятник истории. К столетию открытия Зеленчукской надписи // Социалистическая Осетия. Орджоникидзе, 21 августа 1988. № 192 (20057).

Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X-XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.

Кузнецов В. А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993а.

Кузнецов В. А. Византия и аланы // Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV-IX вв.)». ТД. Симферополь, 1994.

Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Кузнецов В. А. Древности Верхнего Архыза // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки (Материалы и исследования по археологии России. № 3). М., 2001.

Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

Кузнецов В. А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ, 2004.

Кузнецов В. А. Русь и Северный Кавказ: первые контакты // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ, 2006.

Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск, 2008.

Кузнецов В. Нижний Архыз. Вчера и сегодня // Достояние поколений. Научно-популярный журнал. М., 2008а. № 1 (4).

Кузнецов В. А. Раздел 2. Глава 2. Аланы и хазары. Социальные процессы // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. Владикавказ, 2012.

- Кузнецов В. А.* Зеленчукская надпись // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2012а.
- Кузнецов В. А.* Древности Верхнего Архыза // Памятники ала-но-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.
- Кузнецов В. А.* Новые данные о Зеленчукской надписи X века // Памятники ала-но-осетинской письменности. Владикавказ, 2013а.
- Кузнецов В. А.* Предисловие // Памятники ала-но-осетинской письменности. Владикавказ, 2013б.
- Кузнецов В. А.* Археология и этногенез осетин // Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса (Владикавказ 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013в.
- Кузнецов В. А.* Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ, 2014.
- Кузнецов В. А.* Первые шаги ислама на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Нальчик, 2014а. Вып. 3.
- Кузнецов В. А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014б.
- Кузнецов В. А., Гуриев Т. А.* Глава VII. Алания в IX-XIII. Возникновение раннефеодальной государственности // История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т. I.
- Кузнецов В. А., Гутнов Ф. Х., Цуциев А. А.* Раздел 2. Глава 5. Алания в X-XII вв. Возникновение раннефеодальной государственности // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVII века. Владикавказ, 2012.
- Кузнецов В. А., Медынцева А. А.* Славяно-русская надпись XI века из с. Преградная на Северном Кавказе // КСИА. М., 1975. Вып. 44.
- Кузнецов В. А., Черчесова М. Д., Ladislav Zgusta.* The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk. Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1987, 68 p. // СА. М., 1990. № 1.
- Кузнецов В., Черчесова М.* Конец затянувшейся дискуссии //

- Дарьял. Владикавказ, 1991. № 3.
- Кузнецов В. А., Черчесова М. Д.* Рецензия на монографию Ладислава Згусты «Староосетинская надпись из долины реки Зеленчук» // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.
- Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История и национальное самосознание. Владикавказ, 2000.
- Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* Как создаются мифы о великих предках // Вымысел и истина. Пятигорск, 2010.
- Кузнецов В. П.* История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., 1997.
- Кузьмин А. А.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. М., 1974. № 11.
- Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и древних бактрийцев. М., 2002.
- Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1891. № 6.
- Кулаковский Ю.* Две керченские катакомбы с фресками. Приложение: христианская катакомба, открытая в 1895 году // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1896. № 19.
- Кулаковский Ю. А.* О христианстве Алан // Записки Императорского Одесского Археологического Общества Истории и Древностей. Одесса, 1897. Т. XX.
- Кулаковский Ю.* Христианство у Алан // ВВ. СПб., 1898. Т. V. Вып. 1, 2.
- Кулик А.* Евреи древней Руси: источники и историческая реконструкция // Ruthenica. Київ, 2008. Т. VII.
- Кулик А.* Евреи древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. М.; Иерусалим, 2010. Т. 1.
- Кулланда С. В.* Скифские варны // Археологические вести. СПб., 2014. Вып. 20.
- Кумеков Б.* Об этническом составе кипчаков X-нач.-XIII вв. по

арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М., 1990.

Кумыков Т. Х. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960.

Куссаева С. С. Предисловие // Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф. Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960.

Кучинаев М. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века. Нальчик, 2010. Кн. 1.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов И. Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАН, доктора исторических наук, профессора Б. А. Литвинского (Москва, 14-16 октября 1998 г.). М., 2001.

Кызласов И. Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа (сборник группы по археологии Кавказа). М., 2012. Вып. 1.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. М., 1960. № 3.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. М., 1965. № 3.

Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X-XVII вв. М., 1966.

Лавров Л. И. К чтению Аланской Зеленчукской надписи // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII. Языкознание.

Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.

Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского

- письма // Энциклопедия Славянской Филологии. Издание Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. Пг., 1914. Вып. 4.1.
- Лайпанов К. Т.* О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Лайпанов К. Т.* Тюркский мир: истоки и связи. Черкесск, 2007.
- Лайпанов К. Т.* Об аланском происхождении карачаево-балкарцев // Этногенез карачаевцев и балкарцев: Материалы «Круглого стола», проведенного на базе Карачаево-Черкесского госпединститута в сентябре 1994 г. Карачаевск, 2014.
- Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
- Лайпанов Х. О.* К истории балкарцев и карачаевцев. Черкесск, 1957.
- Ламанский В. И.* Заметка о ясахъ-аланахъ // Археологическія известія и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществомъ. М., 1899. Т. VII. №№ 8-10.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889-1891 годах // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1892. № 9.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892-1894 годах // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1895. № 17.
- Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С 18-ю таблицами. СПб, 1896.
- Латышев В. В.* Заметки к христианским надписям из Крыма. II и III. (Продолжение статьи XX-го тома) и дополнение // Записки Императорского Одесского Археологического Общества Истории и Древностей. Одесса, 1898. Т. XXI.
- Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895-1898 годах // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией. СПб., 1899. № 23.
- Латышев В.* Этюды по византийской эпиграфике. IV // ВВ. М.,

1899а. Т. VI.

Латышев В. Заметки о кавказских надписях // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1904. Вып. 10.

Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (с 12 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1907. Вып. 23.

Левочкин И. В. Основы русской палеографии. М., 2003.

Лелеков Л. А. К реконструкции раннеславянской мифологической системы // Советское славяноведение. М., 1973. № 1.

Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.

Литтлтон К. С., Малкор Л. А. От Скифии до Камелота. Владикавказ, 2007.

Ложкин М. П. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. М., 1979. № 4.

Ложкин М. П. Аланы на Урупе (Археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Ложкин М. П. О вновь открытых памятниках эпиграфики домонгольского времени в верховьях Кубани // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М., Ставрополь, 2008а.

Ложкин М. П., Малахов С. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // ИАА. Армавир-М., 1996. Вып. 2.

Ложкин М. П., Малахов С. Н. Средневековые каменные кресты Поурупья // ИАА. Армавир-М., 1998. Вып. 4.

Лопарев Хр. Византийская печать с именем русской княгини // ВВ. СПб., 1894. Т. I.

Мавродин В. В. Тмутаракань // ВИ. М., 1980. № 11.

Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.

Магомедов А. Х. Взаимодействие культур иранских (скифов,

сарматов и алан) и финно-угорских народов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Майков В. В. К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврии VIII-X вв. // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4.

Макалатия С. И. Хевсуретия. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси, 1940.

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907-1909 годов. С 5 таблицами и 113 рисунками // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1911. Вып. 43.

Макаров Н. А., Суворов А. В. Новые находки каменных образков и матриц прикладной печати из Вологды и Белоозера // РА. М., 2001. № 3.

Макитова Т. Т. Некоторые особенности реализации субъективно-оценочного значения при выражении несогласия в научном дискурсе // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 3 (www.evestnik-mgou.ru).

Малахов С. Н. Малоизвестное свидетельство об аланах в Житии Феодора Эдесского // Аланы: Западная Европа и Византия. ALANICA-I. Владикавказ, 1992.

Малахов С. Н. Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995.

Малахов С. Н. К истории Аланской митрополии Константинопольского патриархата (местонахождение византийской Ахохии) // Мир Православия: Сборник научных статей. Волгоград, 1998.

Малахов С. Н. Византийско-аланские отношения в середине XI века // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999.

Малахов С. Н. Аланский антропоним в «Житии Трифона Вятского» // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2002.

Малахов С. Н. К истории алано-византийских отношений в 1045-1055 гг. // Власть, общество и церковь в Византии: Сборник научных статей. Армавир, 2007.

Малахов С. Н. Эпилог византийской церковной книжности на Северном Кавказе (XVII-первая половина XIX вв.) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2009. Вып. 1.

Малахов С. Н. Материалы к церковной археологии Алании // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2010. Вып. 2.

Малахов С. Н. Материалы к церковной археологии Алании (2) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2011. Вып. 3.

Малахов С. Н. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. I.

Малахов С. Н. Материалы к церковной археологии Алании (3) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2014. Вып. 6.

Малахов С. Н. Вотивный крест с греческой надписью из Алании // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 2014а.

Малахов С. Н., Пьянков А. В. Моливдул архиепископа Зихии Антония // ИАА. Армавир-М., 2000. Вып. 6.

Малахов С. Н., Рудницкий Р. Р. Новые предметы средневековой мелкой пластики из Кабардино-Балкарии // ИАА. Армавир-Краснодар-М., 2012. Вып. 11.

Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001.

Малолетко А. Н. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск, 2004.

Мальсагов Д. Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941.

Мамаев Х. М., Гапуров Ш. А. Еще раз о Зеленчукской надписи (аланы в историографии современной Чечни) // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы

Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010.

Материалы по археологии Кавказа. М., 1898. Вып. VII.

Мамиев М. Э. Православное христианство в позднесредневековой Осетии (аланская традиция). Автореф. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005.

Мамиев М. Письменные источники о православном христианстве в средневековой Алании // Православная Осетия. Владикавказ, 2011, январь. № 1 (117).

Мамиев М. Хронология аланской христианской истории (I-XVI вв.) // Чырыстон Ир. Владикавказ, 2014. № 2 (3).

Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиции. М., 2014а.

Марковин В. И. Исследования Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // ИАА. Армавир-М., 1996. Вып. 2.

Мастепанов С. Д. Древности Хумаринского района // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII.

Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. Малоизвестные и неизданные стелы керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника (К 180-летию Керченского музея древностей). Керчь, 2006. Вып. 1.

Медведев А. П., Сафонов И. Е. Золотой бестиарий Липецкого кургана // Liber Archaeologicae: сборник статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону. 2006.

Медынцева А. А. Древние надписи Новгородского Софийского собора. XI-XIV века. М., 1978.

Медынцева А. А. Глава 8. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Медынцева А. А. Надписи на амфорной керамике X-начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998.

Медынцева А. А. Грамотность в древней Руси (По памятникам эпиграфики X-первой половины XIII вв.). М., 2000.

Медынцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой

- церкви в Преславе. София, 1985.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарии // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1977.
- Мельникова Е. А.* Надпись II из Белгорода // Культура славян и Русь. М., 1998.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарии // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 2001.
- Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки.* М., 2012.
- Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- Мизиев И. М.* История рядом. Нальчик, 1990.
- Мизиев И. М.* Ответ В. Н. Каминскому // СА. М., 1991. № 2.
- Мизиев И. М.* Глава III. Балкария с древнейших времен до XIV века // История Кабардино-Балкарии: Учебное пособие для средней школы. Нальчик, 1995.
- Мизиев И. М.* Новая концепция этногенеза карачаево-балкарского народа // Этногенез карачаевцев и балкарцев: Материалы «Круглого стола», проведенного на базе Карачаево-Черкесского госпединститута в сентябре 1994 г. Карачаевск, 2014.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Часть первая // УЗ ИМУ. М., 1881. Выпуск первый.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Часть вторая // УЗ ИМУ. М., 1882. Выпуск второй.
- Миллер В. Ф.* К вопросу о славянской азбуке (с таблицей) // ЖМНП. СПб., 1884. Март. Ч. ССXXXII.
- Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. СПб., 1886. Октябрь. Ч. ССXLVII. Отд. 2.
- Миллер В. Ф.* О сарматском боге Уатафарне // Древности Восточная. М., 1890. Том первый. Вып. II (отдельный оттиск).

- Миллер В. Ф.* Древне-осетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. III.
- Миллер В. Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. М., 1893а. Вып. III.
- Миллер В. Ф.* О Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского Учебного Округа. Тифлис, 1898 (перепечатано из Циркуляра по управлению Кавказским Учебным Округом за 1893 год № 7).
- Миллер В. Ф.* К иранскому элементу в Припонтийских греческих надписях // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1913. Вып. 47.
- Миллер В. Ф.* Язык осетин. М.-Л., 1962.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
- Миллер В. Ф.* В горах Осетии. Владикавказ, 2007.
- Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // Памятники алано-осетинского письма. Владикавказ, 2013.
- Милорадович О. В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА. М., 1963. № 114.
- Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.-Л., 1951. № 23
- Минаева Т. М.* Городище Адиюх в Черкессии // КСИИМК. М., 1955. Вып. 60.
- Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963.
- Михеев С. В.* 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI-XII веков из Новгорода // Slovo. Sv. 62. Zagreb, 2012.
- Мозгаричев Ю. М.* К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI-XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19-22 ноября 2013 г.). СПб., 2013.

- Мошинский А. П.* Средневековые погребения могильника Кари Цагат с двойным перемещением останков погребенных // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь, 2015. Вып. 7.
- Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979.
- Мудрак О. А.* Заметки о языке и культуре дунайских булгар // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности.* Вып. VI. Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., 2005.
- Муртазов Т. А.* Зеленчукская надпись. Перевод надписи на абхазо-абазинском языке. Пятигорск, 2013.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987.
- Мухаммад ибн Мансур Мерверруди.* Тарих-и Мубарак-шах // *Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв.* Перевод Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1988.
- Нарожный Е. И.* Антропоморфный саркофаг из Мостового района Краснодарского края // *Археологический журнал.* Армавир, 2010. № III-IV.
- Нарожный Е. И., Соков П. В.* Об аланском этнокомпоненте населения Горькобалковского могильника // *Пятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов).* Армавир, 1998.
- Нартæ.* Ирон адамы героикон эпос. М., 1990. Ч. 1.
- Нарты кадджытæ.* Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2003. Т. I.
- Нарты кадджытæ.* Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Т. IV.
- Научный архив СОИСГИ.* Отд. Истории. Ф. 33. Оп. 1. Д. 264.
- Научный архив СОИГСИ.* Ф. Абаева В. И. Оп. I. Д. 15.
- Научный архив СОИГСИ.* Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 54.
- Научный архив СОИГСИ.* Ф. 15 (лит.). Оп. I. Д. 28.
- Научный архив СОИГСИ.* Ф. Черджијева Х. С. Оп. I. Д. 27. Т. V.

- Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. П. 71. Д. 21.*
- Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.
- Никитенко Н. Н., Корниенко В. В.* Эсхатологический календарь в граффити на фресках Софии Киевской // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вып. V.
- Новаковская-Бухман С. М.* Произведения византийского прикладного искусства в коллекции Русского музея // Труды Государственного Эрмитажа: Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). СПб., 2013. Т. LXIX.
- Новосельцев А. П.* Древнейшие государства на территории СССР (некоторые итоги и задачи изучения) // История СССР. М., 1985. № 6.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А. П.* Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000а.
- Нурутдинов Ф. Г.-Х.* Часть I. История Булгар (С древнейших времен до начала XIII в.) // Бахши Иман. Джагфар тарихы. Оренбург, 1994. Том второй.
- Ньоли Г.* Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002.
- Обнорский С. П.* Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке // Язык и литература. СПб., 1900. Вып. 3.
- Опрышко О. Л.* Старые календарные системы кабардинцев и балкарцев // Ученые записки Кабардино-Балкарского на-

- учно-исследовательского института. Нальчик, 1967. Т. XXIV. Серия филологическая.
- Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963.
- Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1988.
- Осетинские народные песни.* М., 1964.
- Отчет* Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 год. Тифлис, 1889.
- Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. СПб., 1787.
- Памятники народного творчества осетин.* Владикавказ, 1927. Вып. 2.
- Памятники народного творчества осетин.* Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. Владикавказ, 1992.
- Панченко Б. А.* Печать багатура и баина Иоанна Хотина // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. София, 1905. Т. X.
- Панченко Б. А.* Каталог моливдулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе (с табл. II-VIII) // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. София, 1908. Т. XIII.
- Пахалина Т. Н.* Ваханский язык. М., 1975.
- Пахалина Т. Н.* Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М., 1983.
- Перевалов С. М.* Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 1998. Вып. V.
- Перевалов С. М.* Памятники аланского языка и аланской письменности: современное состояние вопроса // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. Материалы международной конференции. М., 2006.
- Перевалов С. М.* Из истории открытия Петербургской руко-

писи БАН Q 12 с аланскими глоссами // Вестник ВНЦ. Владикавказ, 2007. Т. 7. № 1.

Первалов С. М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНЦ. 2011. Т. 11. № 1.

Первалов С. М. Аланы // Российская историческая энциклопедия. М., 2011а. Т. I: Аалто-Аристократия.

Первалов С. М. Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНЦ. Владикавказ, 2012. Т. 12. № 4.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1989. Кн. 4.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал, 1991. Кн. 5.

Перфильева Л. А. Альбом рисунков художника и археолога Д. М. Струкова как исторический источник для изучения христианских древностей Северного Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе: Материалы V Международных Свято-Игнатьевских чтений. Ставрополь, 2013.

Пескова А. А. Древнерусские энколпионы XI-XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. М., 2005.

Петрашенко В. О., Козюба В. К. Нові дані про давньоруську писемність // Археологія. Київ, 2008. № 4.

Петров В. П. Слов'янська писемність за археологічними матеріалами // Питання походження і розвитку слов'янської писемності. Матеріали Наукової сесії АН УРСР, присвячені 110-річчю слов'янської писемності. Київ, 1963.

Петров В. П. Хазары в Крыму. Хазарское и русское письмо VI-IX вв. н. э. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Петров В. П. Хазары в Крыму. Хазарское и русское письмо VI-IX вв. н. э. // Східний світ. Київ, 2002. № 1.

Петрухин В. Я. Комментарии // Голб Н., Прицак О. Хазар-

- ско-еврейские документы X века. М.-Иерусалим, 1997.
- Петрухин В. Я.* «Русь и вси язици»: Аспекты исторических взаимодействий: Историко-археологические очерки. М., 2010.
- Пигулевская Н. В.* К вопросу о «письменных» народах древности // Древний мир. М.-Л., 1962.
- Пилипчук Я. В.* Суспільний лад та державна організація кипчаків IX–XIII ст.// Східний світ. Київ, 2012. № 4.
- Пилипчук Я. В.* Етнополітичний розвиток Дашт-і-Кипчак у IX–XIII ст. Київ, 2013.
- Плетнева С. А.* Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003.
- Плиев Р. С.* Хожделение нарта в орсы и росы. Назрань, 2011 (<http://prochtu.ru/text.php?avtor=1450&kniga=1&f=html&p=v>iew).
- Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Подосинов А. В., Скржинская М. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
- Полное Собрание Русских Летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией. СПб., 1846. Том первый.
- Полное Собрание Русских Летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией. СПб., 1843. Том второй.
- Полное Собрание Русских Летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией. СПб., 1851. Том пятый.
- Полное Собрание Русских Летописей*, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией. СПб., 1856. Том седьмой.
- Помяловский И. В.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
- Прицак О. И.* Тюрко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора Св. Софии в Киеве // ВЯ. М., 1988. № 2.

Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э.: Автореф. ...докт. ист. наук. М., 2006.

Прокопенко Ю. А. К вопросу о характере торговли и транспортных магистральных, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества в X-начале XIII вв. // ИАА. Армавир-Краснодар-М., 2011. Вып. 10.

Прокопенко Ю. А. О психологическом аспекте взаимоотношений населения Центрального Предкавказья с представителями иноземных регионов в эпоху раннего средневековья [Электронный ресурс] / Ю. А. Прокопенко // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. – СПб: Эйдос, 2013. – Режим доступа: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1170.

Прокопенко Ю. А., Лубова С. Ф. О психологической основе культурных контактов населения Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2010. Вып. 2.

Луцко В. Г. Греческая надпись из Воиня // Нумизматика и эпиграфика. М., 1974. Т. XI.

Пчелина Е. Г. Нузальская часовня в Северной Осетии. 1946 // НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20.

Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (По поводу находки сасанидского кубка) // Труды Отдела Истории культуры и искусства Востока. Л., 1947. Т. 4.

Пчелина Е. Г. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. Поездка на Большой Зеленчук // Археологический ежегодник АН СССР за 1959 г. М., 1960.

Пчелина Е. Г. Доклад на Ученом совете Северо-Осетинского научно-исследовательского института при Совете министров СОАССР. 1946 год // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.

Пьянков А. В. Таманский «брактеат» из фондов Краснодарско-

го музея-заповедника // ИАА. Армавир-Краснодар-М., 2013. Вып. 12.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1. а-ä.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2003. Т. 2. b-d.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2007. Т. 3. f-h.

Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

Романова Г. Б. К вопросу об арабских куфических надписях из Нижнего Архыза // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008.

Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. М., 1953. Т. XVIII.

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV веков // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1-44. М., 1964.

Рытова М. Л. Новогреческий язык. Практический курс. СПб., 1994.

Савенко С. Н. Еще раз о роли Д. М. Струкова в исследовании средневековых памятников Северного Кавказа (в связи со 100-летием со дня смерти) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010.

Савенко С. Н., Бурков С. Б. Новые находки зеркал с крестообразными изображениями в Ингушетии // Из истории куль-

- туры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2010. Вып. 2.
- Савинов Д. Г.* Историко-культурное значение древнетюркских рунических надписей-эпитафий // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 3 (23).
- Садулаев Г.* Прыжок волка: Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней. М., 2012.
- Салбиев Т. К.* В поисках создателя: мифология и традиционная культура осетин. М., 2013.
- Салбиев Т. К.* Концепт «Бога» в традиционной культуре осетин // Религия в современном мире. Светский и религиозный образы мира: историческая ретроспектива и современность (Владикавказ, 21 ноября 2013 г.): Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ, 2014.
- Санакоев М. П.* Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979.
- Санакоев М. П.* Хрестоматия по истории осетинского народа. Цхинвал, 1993. Т. I.
- Сатцаев Э. Б.* Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ, 2008.
- Севортян Э. В.* Тюркские ас, аскыр-, аст, асы и другие // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Сигаури И. М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997.
- Скворцов М. И.* К проблеме изучения иранского фонда чувашской лексики // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 97). Чебоксары, 1980.
- Скитский Б.* Очерки по истории осетинского народа с древ-

нейших времен до 1867 года // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1947. Т. XI.

Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956.

Скитский Б. В. Гл. II. § 2 Аланское раннефеодальное образование (IX-XII вв.) // История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.

Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Средневековой Алании (Северный Кавказ) // ВВ. М., 1962. Т. XXI.

Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев–Судак–С.-Петербург, 2006.

Скрынникова Т. Д. Проявление культа солнца у народов алтайской языковой семьи // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов. Барнаул, 2008.

Славова Т. Титулите багаин и багатур в раннесредневековна България // *Eslavistica Complutense*. 2009. № 9.

Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. М., 2003.

Спиридонов Т. Балкано-кавказки етнографски параллели // В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы). М., 2003.

Собиев И. Дигорское ущелье. 1893-1899 // НА СОИГСИ. Отд. Истории. Ф. 4. Оп. I. Д. 58 «а».

Собиев И. Т. Воспоминания об академике Всеволоде Федоровиче Миллере по случаю 100-летия со дня рождения его (1848-1948). 1948 // НА СОИГСИ. Ф. Лингвист. Оп. I. Д. 110.

Созник В. В., Туровський Є. Я., Иванов А. В. Нова християнська пам'ятка з некрополя Херсонеса поблизу Карантинної бухти // *Археологія*. Київ, 1997. № 1.

Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских языков. II. Осетинский, ягнобский и памирские языки. М.-Л., 1953.

Сосиев З. Станица Чернаярская // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1903 г. Владикавказ, 1903. Вып. 5.

- Срезневский И. И.* Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма // Приложение к XXVIII-му тому Записок Имп. Академии Наук. № 3. СПб., 1876.
- Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI-XIV вв. Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете в 1865-1880 гг. СПб., 1885.
- Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. XLIII.
- Таказов Ф. М.* Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.
- Таказов Ф. М.* Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009.
- Таказов Ф. М.* Этимология осетинских имен и фамилий. Владикавказ, 2009а.
- Таказов Ф. М.* Архетип мифонима Хуцау в религиозно-мифологических воззрениях осетин // Современные проблемы науки и образования. М., 2013. № 6 (www.science-education.ru/113-10801).
- Татаринцев Б. И.* Этимология тюркского названия богатыря (batur...~ bayatur...) // СТ. М., 1987. № 4.
- Татаринцев Б. И.* Тюркский титул *buĵla* (к вопросу об этимологии) // Этимология. 1991-1993. М., 1994.
- Тарасюк Л. И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. М., 1956. Вып. 63.
- Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М., Ставрополь, 2002.
- Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. XIV.
- Тенишев Э. Р.* Язык гуннов // Языки мира: тюркские языки. М., 1996.
- Терновская Г. А.* К истории сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана в конце III-IV вв. (по материалам археологии) // Отан тарихы/Отечественная история/History of homeland. Научный журнал ИИЭ им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК. Алматы, 2013. № 2 (62).

Терновая Г. А. К проблеме истории, религии и жизненного уклада государства Кангуй в конце III-IV вв. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2014. № 1 (43). Январь-Февраль-Март.

Техов Ф. Д. О происхождении имен Хæмыц и Батраз в Нартовском эпосе и осетинском языке // ИЮОНИИ. Тбилиси, 1990. Вып. XXXIII.

Тимаев А. Д. Фонетика. Глава IV. Согласные звуки чеченского языка // Грамматика чеченского языка. Том I. Введение в грамматику. Фонетика. Морфемика. Словообразование. Грозный, 2013.

Тихонов Н. А. Аланские погребения V-VII вв. на Нижне-Архызском городище // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Ивановича Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Москва. 15-19 марта 2004 года. Тезисы докладов. М., 2004.

Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин (история религии – в истории народа). Владикавказ, 2000.

Тимерханов Ю. Правда об осетинах и ингушах. Назрань, 2004.

Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, 2012. Т. I.

Толасов Георгий. Нартские сказания, сказки, заплачки и др. записи. 1927-1929 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. I. Д. 17. П. 9.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. II. Древности скифо-сарматские. С 147-ю рисунками в тексте.

Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1-2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Топоров В. Н. Две заметки об иранском влиянии в мифологии народов Сибири // Ученые записки Тартуского государствен-

ного университета. 558. Языки и культуры народов Востока и их рецепции в Эстонии. Тарту, 1981а.

Топоров В. Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // *Этимология*. 1986-1987. Сб. статей. М., 1989.

Топоров В. Н. Индоевропейские языки // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006.

Тохтасьев С. Р. *Sauromatae-Sarmatae-Syrmatae* // *Херсонесский сборник*. Севастополь, 2005. Вып. XIV.

Тохтасьев С. Р. Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 2005a.

Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004)*. СПб., 2007.

Тохтасьев С. Р. Псессы и псаханы // *GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова*. М., 2010.

Тохтасьев С. Р. Иранские имена в надписях Ольвии I-III вв. н. э. // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб., 2013.

Туаллагов А. А. Нартовский Батраз и история христианства у алан // *Проблемы осетинского Нартовского эпоса*. Владикавказ, 2000.

Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

Туаллагов А. А. Поздние сарматы на границах Рима // *Известия СОИГСИ*. Владикавказ, 2009. Вып. 3 (42).

Туаллагов А. А. Христианство и аланы Северного Кавказа // *Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы*. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009а.

Туаллагов А. А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.

Турчанинов Г. Ф. Эпиграфические заметки V. К датировке древнеосетинской Зеленчукской надписи // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. М.-Л., 1948. Т. VII. Вып. I.

Турчанинов Г. Ф. Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея // СА. М., 1957. № 1.

Турчанинов Г. Ф. VI. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Эпиграфика Востока. М.-Л., 1958. Т. XII.

Турчанинов Г. Ф. Разведки памятников древнеосетинского (сармато-аланского) письма // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1964. Т. XXIV. Вып. I. Языкознание.

Турчанинов Г. Ф. [Выступление] // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

Турчанинов Г. Ф. Зеленчукская надпись – памятник яского диалекта средневекового осетинского языка (Новая интерпретация части текста) // Лингвистические исследования. 3: Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1978.

Турчанинов Г. Ф. Ирон æвзаджы рагон цыртдзæвæн // Фи-диуæг. Цхинвали, 1981. № 5.

Турчанинов Георгий. Зеленчукуы цыртдзæвæн // Мах дуг. Орджоникидзе, 1981а. № 7.

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.

Уæдати Хъ. Ирон адæмон исфæлдистадæ. Дзæуæгигъæу, 2012.

Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.

Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.

Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ.

М., 1946. № 2.

Ужахов М. Р. Годичные циклы сельскохозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.

Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubārākshāh Marvar-rūdi compeled in a. d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp.° («James G. Forlong Fund» Series, № 4) // ВДИ. М., 1938. № 1 (2).

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 2. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Ушаков С. В. Об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I.

Фаттахов Ш. Ф. Зеленчукская эпитафия. Календарь древних критяи (?) // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990.

Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Об этнолингвистической ситуации на верхней Кубани в эпоху раннего средневековья // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.

Федотов М. Р. Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар и финно-угров // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 87). Чебоксары, 1979.

Флеров В. С. Иудаизм, христианство, ислам в Хазарском каганате (к состоянию изучения по археологическим данным) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16-18 апреля 2014 г. Материалы конферен-

- ции. М., 2014.
- Флерова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Флоря Б. Н.* Вступительная статья, перевод и комментарии // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Фомин М. В.* О раннехристианской погребальной традиции. Попытки реконструкции // Проблемы теологии: вып. 3. Материалы третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа (2-3 марта 2006 г.). Екатеринбург, 2006. Ч. I.
- Фомин М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV-X вв.). Харьков, 2011.
- Фонкич Б. Л.* О датировке греческих минускульных рукописей IX в. // Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды Международной научной конференции. Москва, 5-7 сентября 2005 г. М., 2009.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300 гг.). СПб., 2010.
- Фридрих И.* История письма. М., 1979.
- Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
- Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Хайрединова Э. А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. Вып. VIII.
- Хакимзянов Ф. С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
- Халикова Е. А.* О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Хамицаева Т. А.* Материалы фольклорной экспедиции в Дигорское ущелье в 1976 году // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 2. Д. 559. П. 166.
- Хамицаева Т. А.* Календарные обряды и обрядовая поэзия

осетин весенне-летнего цикла // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988.

Хасанов Б. И. Еще раз о Карачай (www.elbrusoid.org/upload/iblock/512/5128454f94e50f302a717bfb3963ebf.pdf).

Хатуев Р. Т. Хроника аланских царей // Серия «Библиотека краеведа». Вып. II. Черкесск, 2007.

Хатуев Р. Т., шейх Биджи М. А. Алания мусульманская. Очерк конфессиональной истории Центрального Кавказа VII-XV вв. Черкесск, 2011.

Хауссиц Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // ВВ. М., 1977. Т. 38 (63).

Хизриев Х. А. О расшифровке и датировке Зеленчукского памятника письма // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1997. № 1.

Хизриев Х. А. О расшифровке старочеченского Зеленчукского памятника письма // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Грозный, 2008. Вып. 1.

Хизриев Х. А. Отражение религиозных верований и орнаментального искусства на надмогильных памятниках // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М., Ставрополь, 2008а.

Хизриев Х. А. К вопросу о чеченцах в древности и средневековье // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Грозный, 2008б. Вып. 1.

Хизриев Х. А. Аланы в этнической истории народов Центрального Кавказа // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010.

Хрушкова Л. Г. Где находился Сотирiuполис? Из истории церковной организации Западного Закавказья // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2006. № 1 (42).

Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка: в 2 т. М., 2001. Т. II – N-Ž.

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. I.

Цертели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. СПб., 1900.

Цертели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Таблицы. СПб., 1904.

Цокур И. В. Проблемы истории христианства в верховьях Кубани Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская Международная археологическая конференция «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия». Материалы конференции. Сухум, 2006.

Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. М., 2005. Вып. 218.

Цулая Г. В. Силуэты Грузии – 1. М., 2007.

Цховребова З. Д. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси, 1979.

Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. I: Дзауский район. М., 2013.

Цымбурский В. Л. Фрако-хетто-лувийские формульные соответствия: их типы и возможности хронологии // Индо-иранское языкознание и типология языковых ситуаций: сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930-2005). СПб., 2006.

Чеджемты Г. Аллон цырт. Хъуыдытæ зеленчукаг цыртазæвæны тыххæй // Рæстдзинад. 24 апрель 1993. № 78 (18510).

Челехсаты К. С. Осетия и осетины. Дзау-Владикавказ-Санкт-Петербург, 2009.

Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1966.

Чеченов А. А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. Автореф. ... докт. филол. наук. М., 1997.

Чеченов И. М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. М., 1990. № 4.

Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.

Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Вла-

дикавказ, 2008.

Чибиров Л. А. Скифо-осетинские этнокультурные параллели и вопросы этногенеза осетин // Этногенез и этническая история осетин: материалы Межд. науч. конгресса (Владикавказ 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013.

Чибиров Л. А. Ареальные связи Нартиады и их исторические истоки // Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей. Цхинвал, 2014.

Чикобава А. С. Грузино-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. 1. № 4.

Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1993.

Чокаев К. З. Из иранской топонимики Чечено-Ингушетии // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2.

Чокаев К. З. Сопоставительная типология русского и чеченского языков. Пособие для учителей школ, преподавателей вузов и студентов-филологов. Грозный, 2011.

Чотчаев Д. Д. Памятники греческой письменности в Карачае как наследие аланской культуры // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010.

Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996.

Чхаидзе В. Н. Феофано Музалон – архонтисса России (к вопросу об идентификации) // ВВ. М., 2007. Т. 66 (91).

Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Чхаидзе В. Н. Славяно-русское поселение X-XII вв. на Тамани? // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968) 3-5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург. СПб., 2012.

- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI-начале XII вв. // МИАСК. Армавир, 2005. Вып. 5.
- Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977.
- Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П-И. М., 1977а.
- Шагиров А. К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.
- Шаманов И. М.* Народный календарь карачаевцев // СЭ. М., 1971. № 5.
- Шапошников А. К.* Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология. 2003-2005. М., 2007.
- Шевченко Ю. Ю.* Пещерные храмы Подонья: исторические судьбы в эпоху «империи Чингизхана» // Сибирский сборник-3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011.
- Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. М., 1974. № 1.
- Шервашидзе И. Н.* Фрагмент общетюркской лексики. Титулатура // ВЯ. М., 1990. № 3.
- Широкова Н. С.* Мифы кельтских народов. М., 2005.
- Шихсаидов А. Р., Алексева Е. П., Виноградов В. Б., Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* Развитие феодальных отношений на Северном Кавказе в X-начале XIII в. // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Орозаев Г. М.-Р.* Дагестанские исторические хроники. М., 1993.
- Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1909 г. (с 11 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1910. Вып. 37.
- Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1914 году (с 8 рис. и 10 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Пг., 1915. Вып. 58.

- Шляпкин И. А.* Русская Палеография по лекциям, читанным в Императорском С.-Петербургском Археологическом Институте. С.-Петербург, 1913.
- Шнирельман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
- Шнирельман В. А.* «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории // Расизм в языке образования. СПб., 2008.
- Шнирельман В. А.* Передел судьбы (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия) // Вымысел и истина. Пятигорск, 2010.
- Шнирельман В.* Наука, псевдонаука, альтернативная история // Антропологический форум. СПб., 2013. № 18.
- Штакельберг Р. Р.* Заметка о некоторых персидских словах в осетинском языке // Древности Восточная. М., 1890. Том первый. Вып. II.
- Шутёмова Н. А.* Камни и язык. Кавказ и книги. Лингвистическая палеонтология // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2014. № 4 (journal.org/articles/2014/fill21.html).
- Щепкин В. Н.* Учебник русской палеографии. М., 1918.
- Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела–Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.-Л., 1959.
- Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986.
- Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Экба Н. Б.* Абазинские личные имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М., 2012.
- Яйленко В. П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. М., 1987. Т. 48.
- Яйленко В. П.* Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани // Античная балканистика. М., 1987а.

- Яйленко В. П.* Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
- Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. статей. М., 1995а.
- Янин В. Л.* Две древнерусские вислые печати начала XI в. // Археологические Вести. СПб., 1998. Вып. 5.
- Янин В. Л.* Две древнерусские вислые печати начала XI в. // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999.
- Ясаков Р. К.* Древнейшие инструменты политики: террор, подкуп, религия и язык. СПб., 2015.
- Aalto P.* On the Altaic Inicial P-* // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1955. Vol. I.
- Abaev V. I.* Isoglosse scito-europee // Studia classica et orientalia. Roma, 1969. Vol. I.
- Abaev V. I.* Alans // Elr. London, Boston, Melbourne and Henley, 1985. Vol. I. Fasc. 8.
- Agajanov S. G.* The states of the Oghus, the Kimek and the Kipchak // History of civilizations of Central Asia. Vol. IV. The age of achievement: A. D. 750 to the end of the fifteenth century. Part One. The historical, social and economic setting. Paris, 1998.
- Alborty B.* Iron fysty damyhætæ (осетинские знаки письма). Dzæudžyqæw, 1929.
- Alemaný A.* Recull critic de fonts per a l'estudi de la historia, cultura i llengua dels Alans. Tesi Doctoral. Febrer 1997.
- Alemaný A.* The «Alanic» Title *Bayātar // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2002. Vol. I. № 1.
- Alemaný A.* Historical Contacts between Alanic and Turkic Peoples in the West Eurasian Steppes // Алемань А. Этюды по истории алан. Владикавказ, 2005.
- Alemaný A.* La Lengua de los Alanos: Problemática General // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2009. Vol. VI. № 1-2.
- Arzhantseva I.* The Christianization of North Caucasus (Religius Dualism among the Alans) // Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianization of Caucasus (Armenia, Georgia, Alba-

- nia). Referate des Internationalen Symposions (Wien, 9.-12. Dezember 1999). Wien, 2002.
- Bailey H. W.* Asica // Transactions of the Philological Society. London, 1946.
- Bailey H. W.* Languages of the Saka // Handbuch der Orientalistik. I. der Nahe und der Mittlere Osten. Vierter Band: Iranistik. Erster Abschnitt: Linguistik. Leiden-Köln, 1958.
- Bailey H. W.* Iranian Arya- and Dahi- // Transactions of the Philological Society. London, 1959.
- Bailey H. W.* Excursus Iranocausicus // Acta Iranica 4. Monumentum H. S. Nyberg. Leiden, 1975.
- Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. London-New York-Melbourne, 1979.
- Bailey H. W.* Iranian in Hiung-nu // Acta Iranica 21. Monumentum Georg Morgenstierne I. Leiden, 1981. Vol. VII.
- Bailey H. W.* Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1-2.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
- Belyaev O.* Evolution of Case in Ossetic // Iran and the Caucasus. 2010. Vol. 14. Is. 2.
- Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main-Bern-Las-Vegas, 1977.
- Bielmeier R.* Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- Bielmeier R.* Das Alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Proceedings of the International Colloquium organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 21st to the 23rd of May 1990. Leuven, 1993.
- Borissoff C. L.* Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors // Studia Mythologica Slavica. Ljubljana, 2014. Vol. XVII.
- Bubenok O. B.* Iranian-Turkic Ethnic and Cultural Symbiosis in the Steppes of Turan after the Hunnic Expansion // Східний світ. Київ, 2002. № 1.
- Cheung J. T. L.* OSSETIC LANGUAGE II. Ossetic Loanwords in Hun-

- garian (June 5, 2013) // Elr (<http://www.iranicaonline.org/articles/ossetic-ii>).
- Canart P.* Lezioni di Paleografia et di Codicologia Creca. Vatican, 1980.
- Chirikba V. A.* Abkhaz // Languages of The World/Materials 119. 2003.
- Christol A.* Autor des corrélatifs ossetes // Caucasologie et mythologie comparée. Actes du Colloque international du C.N.R.S. – IV Colloque de Caucasologie (sevres 27-29 Juin 1988). Paris, 1992.
- Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies // Prize Publication Fund. Vol. XX. London, 1962.
- Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Clauson G.* Studies in Turkic and Mongolic Linguistics. London-New York, 2005.
- Cucuel Ch.* Elements de Paleographie Grecque d'après la «Griechische Palaeographie» de V. Gardthausen // Nouvelle Collection a L'usage des Classes XVIII. Paris, 1891.
- Dodykhudoeva L. R.* The socio-linguistic situation and state of research of the Ossetic language (First Mercator International Symposium on Minority Languages Research. Aberystwyth, 8-9 April 2003) (www.aber.ak.uk/~merwww/images/dodykh.pdf).
- Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd. II.
- Dorneich Ch. M.* The Great Yuezhi/A(r)si Exodus of 166 BCE. Berlin, 2010 (<http://www.chrisdorneich.tumblr.com>).
- Encyclopædia Iranica.* New York, 1999. Vol. IX.
- Engberg E., Lubotsky A.* Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: a Preliminary Report // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1-2.
- Faulman C.* Das Buch der Schrift: Schriftzeichen und Alphabete aller Zeiten und Volker. Wien, 1880.
- Erschler D.* On Syntactic Isoglosses between Ossetic and South Caucasian: The Case of Negotiation // Caucasus Studies: Migration-Society-Language. Papers from the conference, November

- 28-30, 2008 (Caucasus Studies 4). Malmö, 2011.
- Fekete L.* Eine Konskription von den Jassen in Ungarn aus dem Jahre 1550 // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. Budapest, 1960. T. XI. F. 1-3.
- Fritz S.* Ein frühes ossetisches Sprachdenkmal // *Die Sprache*. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Wien, 1986. Bd. 32. Heft 2.
- Fritz S.* Die Ossetischen Personennamen // *Iranisches Personennamenbuch*. Wien, 2006. Bd. III. Fasc. 3.
- Fritz S., Gippert J.* Nartica I: The Historical Satana Revisited // *NARTAMONGÆ*. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2005. Vol. III. № 1-2.
- Frye R. N.* *The History of Ancient Iran*. München, 1984.
- Gadilia K.* Bible translation and the context. How does Bible translation reflect language and culture context // *Languages and Cultures in the Caucasus*. Papers from the international Conference «Current Advances Caucasian Studies». Macerata, January 21-23, 2010. München-Berlin, 2011.
- Gamaq'relidze D.* Juansher Juansheriana. The Life of Vakht'ang Gorgasali // *The Georgian Chronicles of Kartlis Tskhovreba (A History of Georgia)*, translated and with commentary. Tbilisi, 2014.
- Gardthausen V.* *Griechische Palaeographie*. Leipzig, 1879.
- Gardthausen V.* *Griechische Palaeographie*. Leipzig, 1913. Zweiter Band: Die Schrift, Unterschriften und Chronologie im Altertum und im byzantinischen Mittelalter. Mit 35 Figuren und 12 Tafeln.
- Gerhardt D.* Alanen und Osseten (Bereicht über neuere Arbeiten) // *ZDMG*. 1939. Bd. 93 (Neue Folge Bd. 18).
- Gershevich I.* Word and Spirit in Ossetic // *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*. 1955. Vol. XVII.
- Gershevich I. J.* NEMETH: Eine Wörtlist der Jassen, der ungarländischen Alanen. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1958 Nr. 4) 36 pp., 2 plates. Berlin: Akademie-Verlag. 1959. DM. 7 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1960. Vol. XXIII. P. 3.

- Gershevitch I.* Linguistic Geography and Historical Linguistics // La Posizione Attuale Della Linguistica Storica Nell'Ambito Delle Discipline Linguistiche. Roma, 1992.
- Gippert J.* Zur historischen Onomastik des Georgischen // Georgica. Jena-Tbilisi, 1984. Heft 7.
- Gippert-Fritz S.* Antroponyme im nördlichen Kaukasus // Issues of Linguistic. International Volume of Articles devoted to Professor Jemshid Giunashvili. Tbilisi, 2011/2012.
- Golden P. B.* Khazar Studies: A Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. I.
- Golden P. B.* An introduction to the history of the Turkic people: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica; Bd. 9).
- Golden P. B.* Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipčaq // Archivium Eurasiae Medii Aevi. Vol. 9 (1995-1997). Wiesbaden, 1997.
- Golden P. B.* Khazar Studies: Achievements and Perspectives // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar International Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Leiden-Boston, 2007.
- Golden P. B.* Alāns // Encyclopædia of Islam. Leiden, 2009. Vol. II.
- Golden P. B.* Studies of the peoples and Culture of Eurasian Steppes. București-Brăila, 2011.
- Gombocz Z.* Ossètes et Jazyges // Revue des études hongroises et finno-ourgiennes. Paris, 1925. № 1-2.
- Groningen B. A.* Short Manual of Greek Palaeography. Leiden, 1940.
- Györffy Gy.* A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990.
- Hadgkin J.* Excerpta ex Frider. Jae. Basti. Commentatione Palaeographica cum Tabules Lithographicis XX. Transcriptis. Londini, MDCCCXXXV.
- Harmatta J.* Studies on History and Language of the Sarmatians // Acta Antiqua et Archaeologica. Seged, 1970. T. 13.
- Haussig H. W.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios. (Ptolemaios, Geogr. 6, 16 = Wilberg, 429, 10-431. 27) //

- ZDMG. Wiesbaden, 1959. Bd. 109 (Neue Folge Bd. 34).
- Hehn V.* Kulturflanzen und Haustiere in ihren Übergänge aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Berlin, 1887.
- Hosszu G.* Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Budapest, 2013 (http://books.google.ru/books?id_TyK8azCqC34C&pg_PAI).
- Hübschmann H.* Etymologie und Lautlehre der ossetischen sprache. Strassburg, 1887.
- Huyse P.* Geb es seine Lautentwicklung /k/→/x/ im «Skytho-Sarmatischen»? // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 1.
- Ivanov S. A., Lubotsky A.* An Alanic Marginal Note and the Exact Date of John II's Battle with the Pechenegs // *Byzantinische Zeitschrift*. 2011. Vol. 103/2.
- Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Kalmykow A.* Iranians and Slavs in South Russia // *Journal of the American Oriental Society*. New Haven, 1925. Vol. 45.
- Kambolov T.* Some New Observations on the Zelenchuk Inscription and Tzetzes' Alanic Phrases // *Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes*. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007.
- Keenan E. L.* Kazan' – «The Bend» // *Harvard Ukrainian Studies. Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixties Birthday by his Colleagues and Students*. Vol. III/IV 1979-1980. Cambridge, 1980. P. 1.
- Kenyon F. G.* The Palaeography of Greek Papyri. Oxford, 1899.
- Kim R.* Origin of the Pre-Ossetic oblique case suffix and its implications // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Proceeding of the 23rd Annual Penn Linguistics Colloquium*. 1999. Vol. 6.1.
- Kim R.* On the Historical Phonology of Ossetic: the Origin of the Oblique Case Suffix // *NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw*, 2009. Vol. VI. № 1-2.
- Kisamov N.* Ethnic Affiliation of the Scytho-Sarmatians // *Journal of Eurasian Studies*. July-September 2014. Vol. VI. Is. 3.
- Knobloch J.* Homerische Helden und christliche Heilige in der

- Kaukasischen Nartenerik. Heidelberg, 1991.
- Kouznetsov V., Lebedynsky Ia.* Les chrétiens disparus du Caucase. Histoire et archéologie du christianisme au caucase du Nord et en Crimée. Paris, 1999.
- Kullanda S.* The Scythian Language Revisited // EURASIA SCYTHICA. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2006. Vol. I. № 1.
- Kümmel M. J.* Mitteliranisch II: Sogdisch. 2006 (<http://www.indogermanistic.uni-freiburg.de/seminar/pers/kuemmel/umat/sogd.pdf>).
- Kümmel M. J.* Mitteliranisch I: Khotansakisch. 2008 (<http://www.indogermanistic.uni-freiburg.de/seminar/pers/kuemmel/umat/khotan.pdf>).
- Latyshev B.* Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latinae. Petropoli, MCMXVI.
- Lewicki T.* Un peuple iranien peu connu: les *Arsīya ou *Orsīya // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976.
- Ligeti L.* Khazarian letter from Kiev and its attestation in runiform script // Linguistica Academiae Hungaricae. Budapest, 1981. T. XXXI. Fasc. 1-4.
- Lokotsch K.* Etimologisches Wörterbuch der Europäischen (Germanischen, Romanischen und Slavischen) Wörter Orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.
- Loma A.* Aus der skythisch-sakischen Lehnwortforschung // Studia Etymologica Cracoviensia. Kraków, 2002. № 7.
- Lubotsky A.* Scythian Elements in Old Iranian // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2006. Vol. I. № 1.
- Lubotsky A.* Avestan Xvarənah-: the Etymology and Concept // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. № 1-2.
- MacKenzie D. N.* Chorasmia III. The Chorasmian Language // Elr. London and New York, 1992. Vol. V. Fasc. V.
- Maenchen-Helfen O.* Germanic and Hunnic Names of Iranian Origin // Oriens. Leiden, 1957. Vol. X. Nr. 2.
- Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. Studies in Their His-

tory and Culture. Berkley-Los Angeles-London, 1973.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. Leipzig, 1914.

Mayor A., Colarusso J., Saunders D. Making Sense of Nonsense Inscriptions Assotiated with Amazons and Scythians on Athenian Vases // *Hesperia. The Journal of the American School of Classic Studies at Athens.* 2014. Vol. 83.

Minaham J. Encyclopedia of the stateless nations: ethnic and national groups around the world. Vol. III: L-R. 2002.

Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958.

de Montfaucon D. B. Palæographia Greca. Parisiis, M. DCC. VIII.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Leiden, 1983.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Leiden, 1983a.

Morrison G. Ossetic Family and Personal Names // *Recerche Linguistique. Bullettino dell' Instituto di Glottologia dell' Universita di Roma.* Roma, 1951.

Munkácsi B. Ősi Magyar szerszámnevek // *Magyar Nyelvőr.* 1933.

Novak L. Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages. Dissertation. Praha, 2013.

Orel V. E. Ossetica // *ZDMG.* Wiesbaden, 1987. Bd. 137.

Perevalov Sergei M. Les phrases alaines de Tzetzes // *D'Ossétie et d'Alentuor. Bulletin de l'association ossète en France.* Paris, 1997. № 3.

Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Wörterbuch. <http://DNG-HU.ORG/>. 2007.

Pritsak O. The Hunnic Language of the Attila Clan // *Harvard Ukrainian Studies.* Cambridge, 1982. Vol. VI. Nr. 4. December.

Ritter R.-P. Bemerkungen zur «Jassishen Wörterlist» // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae.* Budapest, 1976. T. XXX. F. 2.

Ross E. D. The Genealogies of Fakhr-ud-Din, Mubarak Shah // 'Ajab Namah. A Volume of Oriental Studies Presented to Edward G. Browne, M. A., M. B., F. B. A., F. R. C. P. on His 60th Birthday (7 february 1922). Cambridge, 1922.

Ross E. D. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubārākshāh Marvar-rūdi compiled in A. D. 1206. London, 1927.

Rossi A. V. Ossetic and Balochi in V. I. Abaev's Slovar // NAR-TAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2011. Vol. VIII. № 1, 2.

Rusjaeva A. S. S Graffiti // The Lower Sity of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Vol. 1 (Black Sea Studies. 13). 2010.

Schmidt G. Über die ossetischen Lehnwörter im Karatschajischen // Annales Academiae Scieniarum Fennicae. Melanges de philology offertsa M. J. J. Mikkola. 1932. B. XXVII43.

Schmidt R. Iranische Sprachen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin, 2000. Bd. 15.

Schulze W. Zur Sprachgeschichte des Kaukasus. Linguistisches Kolloquium – LMU Münnchen – 17.01.2007 (<http://www.ats.lmu.de/index.php>).

Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.-12 Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004.

Seibt W., Jordanov I. Στρατηγος Σωτηρουπολεως και 'Ανακουπιας. Ein Mittelbyzantinischen Kommando in Abchazien (11. Jahrhundert) // Studies in Byzantine Sigilography. GmbH, München, Leipzig, 2006. Vol. 9.

Shapira D. D. Y. Some Notes on Jews and Turks // Kara Deniz Araştırmaları. 16 (Black Sea Studies 16). 2008.

Skjærvø P. O. Old Iranian // The Iranian Languages. London and New York, 2009.

Sköld H. Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen // Lund Universitets Arsskrift. N. F. Avd. I. 1925. Bd. XX. № 4.

Smith W. H. Greek Grammar / Revised by Messing G. M. Cambridge, 1956.

Stolba V. F. Graffiti and Dipinti // Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U6. 2002.

- Storey C. A.* Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Volume I. Qur'ānic Literature; History and Biography. Part 2. Biography Additions and Corrections Indexes. London, 1972.
- Szemerényi O.* Iranica // ZDMG. Wiesbaden, 1951. Bd. 101 (Neue Folge Bd. 26).
- Szemerényi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the Nature of Indo-European Accent. Naples, 1964.
- Testen D. D.* The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk by Ladislav Zgusta // Language. Journal of the Linguistic Society of America. 1989. March. Vol. 65. Nr. 1.
- Testen D. D.* Ossetic Phonology // Phonologies of Asia and Africa (including the Caucasus). Winona Lake, 1997. Vol. 2.
- Tezcan M.* Origin of the Kushans // The Turks. 2002. Vol. 1.
- Thompson E. M.* Handbook of Greek and Latin Palæography. London, 1893.
- Thompson E. M.* An introduction to Greek and Latin palaeography. Oxford, 1912.
- Thordarson F.* Asii // Elr. London and New York, 1987. Vol. II. Fasc. 7.
- Thordarson F.* Zgusta Ladislav.; The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987 gr. - 8°, 68 S., 2 Taf (SbÖAW, 486; Veröffentlichungen der Iranischen Kommission, 21) Brosch. 210 ös/30/DM // Kratylos 33. Wiesbaden, 1988.
- Thordarson F.* Sibilanten und Affrikaten im Ossetischen // Georgica. Jena-Tbilisi, 1989. H. 12.
- Thordarson F.* Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- Thordarson F.* Old Ossetic Accentuation // NARTAMONGÆ. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. № 1-2.
- Thordarson F.* Ossetic language I. History and description (July 20, 2009) // Elr (<http://www.iranicaonline.org/articles/ossetic>).
- Tokhtas'ev S. R.* Epigraphical Notes // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden, 2005. Vol. 11. № 1-2.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der

- Slaven I: Die Iranier in Sudrüssland. Leipzig, 1923.
- Vernadsky G.* The Origins of Russia. Oxford, 1959.
- Wattenbach W.* Anleitung zur Griechischen Palaeographie. Leipzig, 1895.
- Wendtland A.* The Position of the Pamir Languages within East Iranian // *Orientalia Suecana*. Uppsala, 2009. Vol. LVIII.
- Witzel M.* Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Textes // *Electric Journal of Vedic Studies*. 2001. 7-3.
- Witzel M.* Central Asian Roots and Acculturation in South Asia: Linguistic and Archeological Evidens from Western Central Asia, the Hindukush and Northwestern South Asia for Early Indo-Aryan Language and Religion // *Linguistics, Archaeology and the Human Past*. Kyoto, 2005. Occasional Paper 1.
- Zgusta L.* Die Personennamen griechische Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
- Zgusta L.* Inscriptionis palaeo-Osseticae apud Zelenčuk flumen repertae lectiones quaedam novae proponuntor // *Festschrift for Henry Hoeningwald*. On the occasion of his Seventieth Birthday. Tübingen, 1977.
- Zgusta L.* The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Наглядный план следов и развалин древнего города, находящегося в долине, на правом берегу течения р. Зеленчук, на расстоянии около 40 верст от верховьев реки и к низу по течению в 25 верстах от станицы Зеленчукская.

– Альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова.

Рис. 2. Наглядный план берегов р. Большой Зеленчук и план части древнего кладбища.

– Альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова.

Рис. 3. Наглядный рисунок с надписи на Зеленчукской плите.

– Альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова.

Рис. 4. Копия с наглядного плана берегов р. Большой Зеленчук и плана части древнего кладбища Д. М. Струкова.

– Кузнецов В. А. Новые данные о Зеленчукской надписи X века // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII. Языкознание.

Рис. 5. Копия с наглядного рисунка с надписи на Зеленчукской плите Д. М. Струкова.

– Кузнецов В. А. Новые данные о Зеленчукской надписи X века // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. XXVII. Языкознание.

Рис. 6. Копия с наглядного рисунка с надписи на Зеленчукской плите Д. М. Струкова, выполненная В. А. Кузнецовым.

– Научный архив СОИГСИ.

Рис. 7. Рисунок с надписи на Зеленчукской плите без указания авторства иеромонаха Серафима.

– Альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова.

Рис. 8. Рисунок с надписи на Зеленчукской плите с указанием авторства иеромонаха Серафима.

– Альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова.

Рис. 9. Репродукция надписи на Зеленчукской плите В. Ф. Миллера.

– Миллер В. Ф. Древне-осетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. III.

Рис. 10. Сопоставительная таблица рисунка Д. М. Струкова, по публикации В. А. Кузнецова, и репродукции В. Ф. Миллера, по деривату В. И. Абаева, реконструкция надписи, выпол-

ненные Л. Згустой.

– Zgusta L. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987.

Рис. 11. Дериваты Зеленчукской надписи, по В. И. Абаеву.

– Абаев В. И. Поправки к чтению древне-осетинской зеленчукской надписи // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1944. Т. V. № 2.

– Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.

Рис. 12. Дериваты Зеленчукской надписи, по Г. Ф. Турчанинову.

– Турчанинов Г. Ф. VI. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Эпиграфика Востока. М.-Л., 1958. Т. XII.

– Турчанинов Г. Ф. Зеленчукская надпись – памятник ясского диалекта средневекового осетинского языка (Новая интерпретация части текста) // Лингвистические исследования. 3: Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1978.

– Турчанинов Георгий. Зеленчуки цыртдзæвæн // Мах дуг. Орджоникидзе, 1981. № 7.

– Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.

Рис. 13. Дериват Зеленчукской надписи, по Б. А. Алборову.

– Алборов Б. А. Новое чтение надписи на зеленчукской надгробной плите // УЗ СОГПИ. Орджоникидзе, 1956. Т. XXI. Вып. 2. Серия общественных наук.

Рис. 14. Дериваты Зеленчукской надписи, по А. Х. Бязырову.

– Бязырты А. Х. Дæсæм æнусы иронау фыст // Советон Ирыстон. 28 ноября 1968. № 231 (10054).

– Бязыров А. Х. Осетинская родословная X века // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.

– Бязырты А. Х. Нарты эпос истории // Фидиуæг. Цхинвали, 1981. № 3.

– Бязырты А. Х. Нарты таурæгъты истори. Дзæуджыхъæу, 1993.

Рис. 15. Дериват Зеленчукской надписи, по Г. З. Чеджемты.

– Чеджемты Г. Аллон цырт. Хъуыдытæ зеленчукаг цыр-

тазаевæны тыххæй // Рæстдзинад. 24 апрель 1993. № 78 (18510).

Рис. 16. Дериват Зеленчукской надписи, по А. Ж. Кафоеву.
– Кафоев А. Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963.

Рис. 17. Дериват Зеленчукской надписи, по М. Кудаеву.
– Кудаев М. «Зеленчук джазыуну» малкъар тилни мурдорунда окъуб кёрю // Коммунизмге джол. 14 февраля 1965. № 31 (6574).

Рис. 18. Дериват Зеленчукской надписи, по И. М. Мизиеву.
– Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

Рис. 19. Дериват Зеленчукской надписи, по Ш. Ф. Фаттахову.
– Фаттахов Ш. Ф. Зеленчукская эпитафия. Календарь древних критян (?) // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990.

Рис. 20. Дериват Зеленчукской надписи, по Я. С. Вагапову.
– Вагапов Я. С. О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.

Рис. 21. Дериваты Зеленчукской надписи, по «Историям Осетии».

– История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.

– История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Орджоникидзе, 1987. Т. I.

– История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVII века. Владикавказ, 2012.

Рис. 22. Дериваты Зеленчукской надписи, по В. А. Кузнецову.

– Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

– Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

– Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск, 2008.

Рис. 23. Дериваты Зеленчукской надписи.

– Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографические исследования. М., 2004.

– Челехсаты К. С. Осетия и осетины. Дзау-Владикавказ-Санкт-Петербург, 2009.

– Кодзоев Н. Д. История ингушского народа: С древнейших

времен до конца XIX века: Учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ. Магас, 2002.

– Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин (история религии – в истории народа). Хрестоматия для учителей и учащихся, преподавателей и студентов средних и высших учебных заведений Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ, 2000.

Рис. 24. Обложка издания.

– Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.

Рис. 1

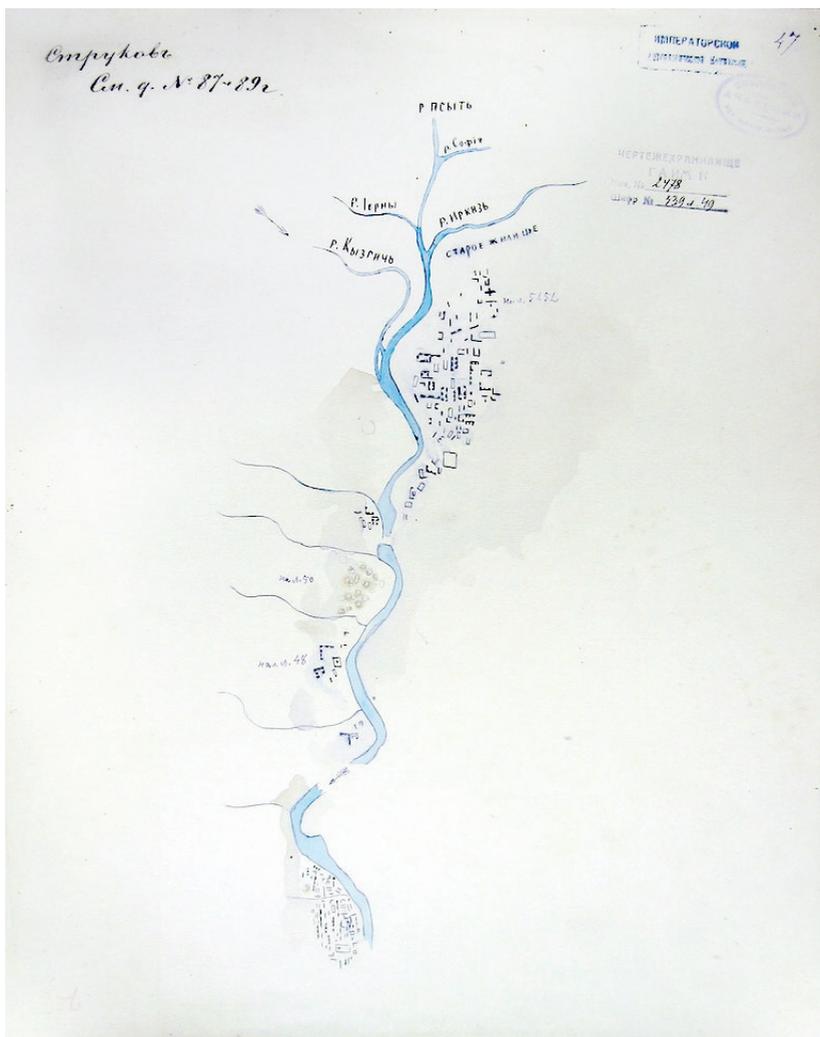
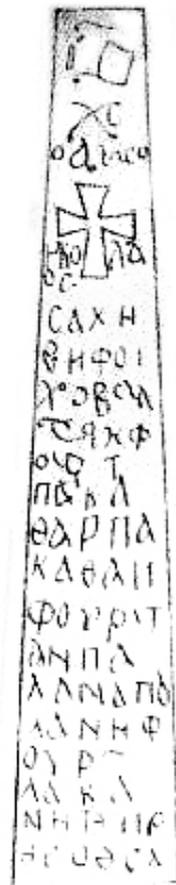

Рис. 2

HERTELLERBIBLIOTHEK
1. 175
1862/7

Рис. 3

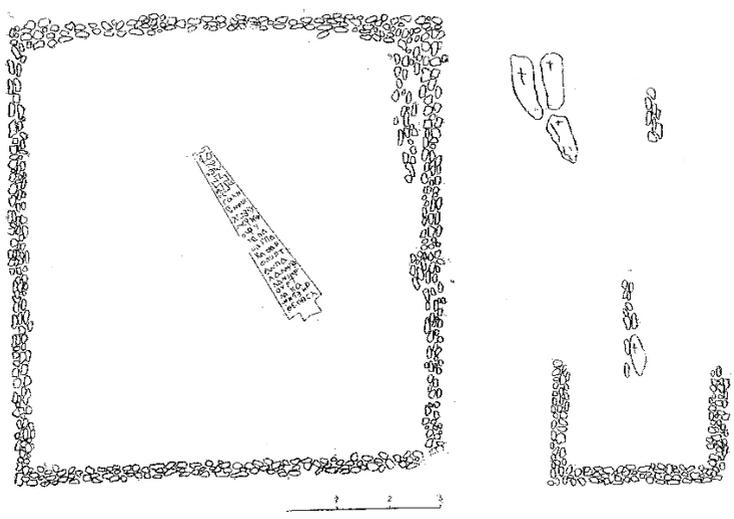
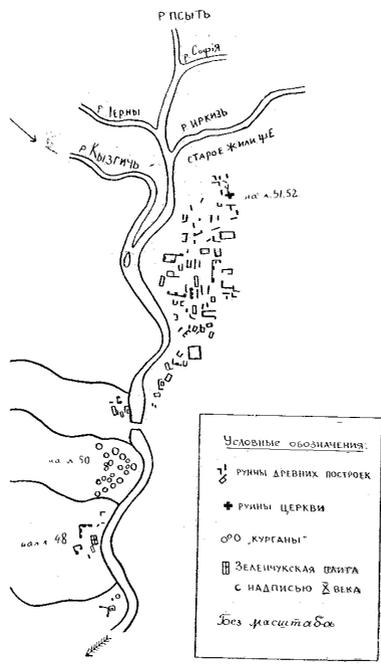

Рис. 4

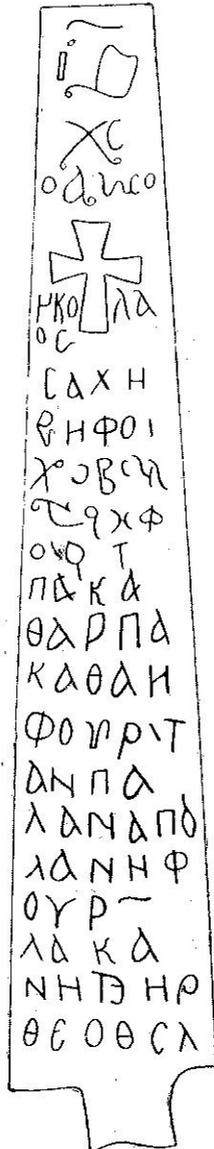

Рис. 5

Звездчатые буквы с греческими начались из Восточной Сербии. Отличительная черта В. Ф. Миллера в 1893 г., МАК
 III. Книга В. А. Кузнецова с рукописью рисунка Д. М. Стрельца 1886 г. (Архив ЛО УА АН СССР, г. Ленинград)

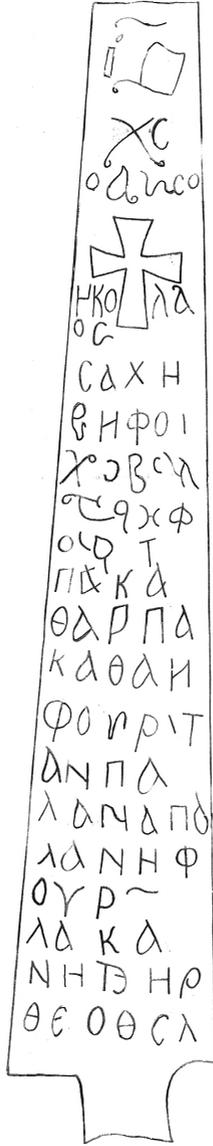

Рис. 6

Дир. В. А. Кузнецов архиву Службы Освещения в КНИ
 В. А. Кузнецов

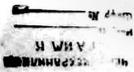
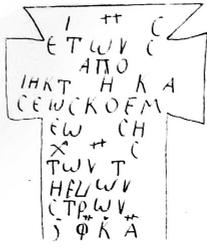
28/IV 1864 г.

НАДПИСЬ НА ДАМТЪ
 ВЪ СЪ ВЕРЪ ОТЪ ВЪСЛАВЪ ДАВЕНЧУКИ
 ПО СЛИШКУ ДРЕВНОСТЯ СЕРАФИМА

Л 20

НАДПИСЬ
 НА КАМЕННИ ДАМТЪ
 СНИМЪКЪ ОТЪ СЛУКА
 И БУКЪВА
 Крестъ найденъ каменъ въ
 на каменѣхъ при храмѣ А

ЧЕРТЕЖЪ КРАНИИЩЕ
 ГАННЪ
 № 2015
 143 19

Рис. 8

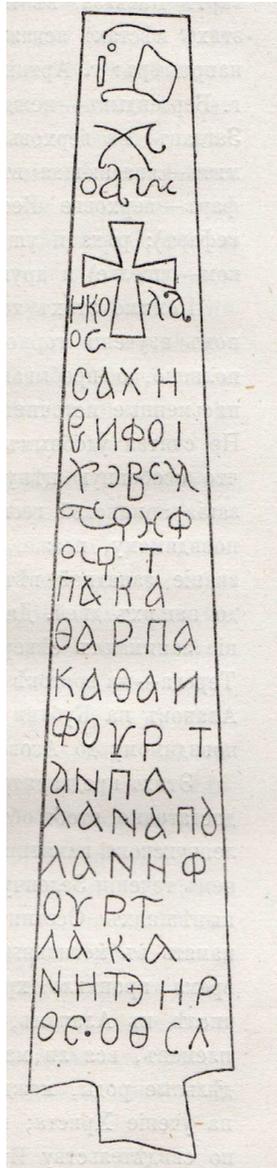
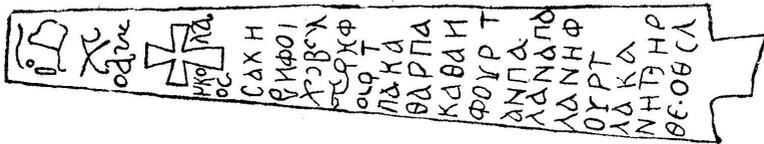

Рис. 9

Текст

1: X'ε

Οα...ε (?) Νικόλαος
 Σαχίρη φούρτ Χ...[ρ]
 [Χ]...ρη φούρτ Πακαθάρ
 Πακαθάρ[ρ]η φούρτ Ανταλάν
 Α[ν]ταλάνη φούρτ Λαχ
 ενη εβ'ρθε.

Перевод

Иисус Христос
 Святой (?) Николай
 Сахира сын Х...р
 Х...ра сын Бакагар
 Бакагара сын Анбалан
 Анбалана сын Лаг—
 их памятник.

1 ΓΣ

2 ΧΣ

3 ΟΑ...Σ

4 ΝΙΚΟ ΛΑ

5 ΟΣ

6 ΣΑΧΗ

7 ΡΗΦΟΥ[ΡΤ]

8 Χ... ..

9 ...ΡΗΦ

10 ΟΥΡΤ

11 ΠΑΚΑ

12 ΘΑΡΠΑ

13 ΚΑΘΑΝ

14 ΦΟΥΡΤ

15 ΑΝΠΑ

16 ΑΝΑΠΑ

17 ΑΑΝΗΦ

18 ΟΥΡΤ

19 ΛΑΚΑ

20 ΝΗΤΖΗΡ

21 ΘΕ·ΘΘΣΛ

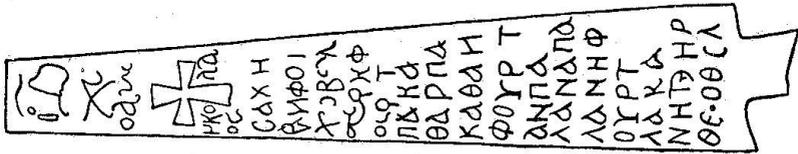
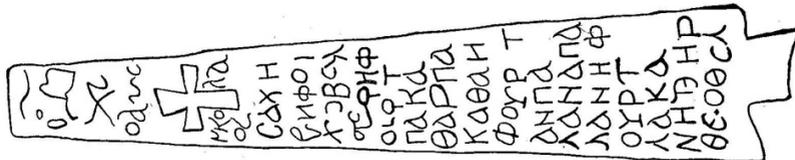
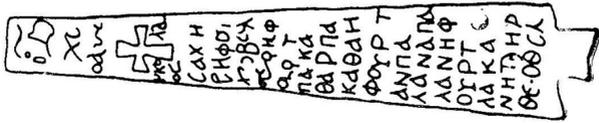

Рис. 11

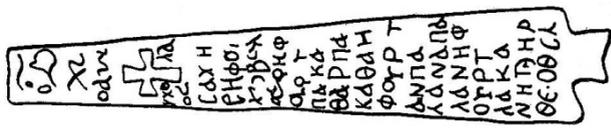
- [1] [14]
- [2] [15]
- [3] [16]
- [4] [17]
- [5] [18]
- [6] [19]
- [7] [20]
- [8] [21]
- [9] [22]
- [10] [23]
- [11] [24]
- [12] [25]
- [13] [26]
- [14] [27]
- [15] [28]
- [16] [29]
- [17] [30]
- [18] [31]
- [19] [32]
- [20] [33]
- [21] [34]

- 1 13
- 2 Χ3
- 3 οαγλοσ
- 4 ν[ι]χολα
- 5 οσ
- 6 εαχ η
- 7 ρηφο(υ)[δο]
- 8 λοβοη
- 9 ετο(υ)ρηφ
- 10 ουρε
- 11 πακα
- 12 θαρπα
- 13 καδα(ρ)η
- 14 φουρε
- 15 ανπα
- 16 λανα(ν)πα
- 17 λανηφ
- 18 ουρε
- 19 λακα
- 20 νητσηρ
- 21 θε(υ)-θεελ
- 22

- 13
- Χ3
- οαγλοσ
- ν[ι]χολα
- οσ
- εαχ η
- ρηφο(υ)[δο]
- λοβοη
- ετο(υ)ρηφ
- ουρε
- πακα
- θαρπα
- καδα(ρ)η
- φουρε
- ανπα
- λανα(ν)πα
- λανηφ
- ουρε
- λακα
- νητσηρ
- θε(υ)-θεελ

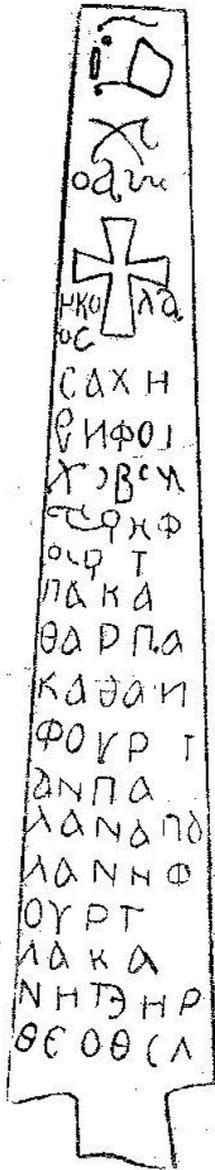

Рис. 13

- 1, ΓΣ
- 2 ΧΣ
- 3 ΟΑ...Σ

- 4 ΝΙΚΟ ΛΑ
- 5 ΟΣ
- 6 ΣΑΧΗ
- 7 ΡΗΦΟΥ[ΡΤ]
- 8 Χ.....
- 9 ...ΡΗΦ
- 10 ΟΥΡΤ
- 11 ΠΑΚΑ
- 12 ΘΑΡΠΑ
- 13 ΚΑΘΑΗ
- 14 ΦΟΥΡΤ
- 15 ΑΝΠΑ
- 16 ΛΑΝΑΠΑ
- 17 ΛΑΝΗΦ
- 18 ΟΥΡΤ
- 19 ΛΑΚΑ
- 20 ΝΗΤΖΗΡ
- 21 ΘΕ·ΘΘΣΛ

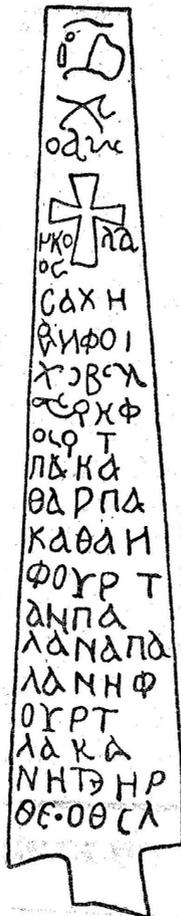

Рис. 15

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21

Рис. 16

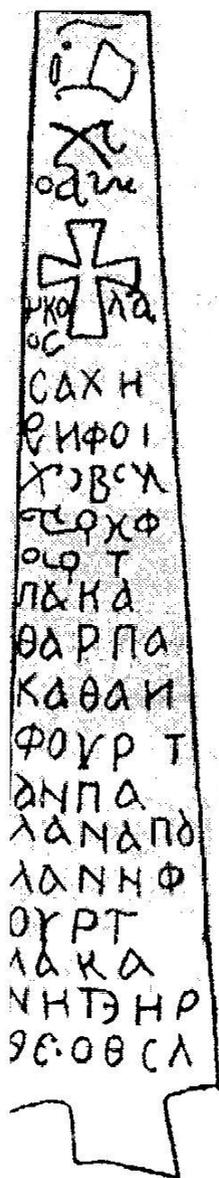

Рис. 17

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21

Рис. 18

1	ΙΩ	Ις
2	Χς	Χς
3	οαη	οατη
	✕	
4	νκο λα	νΚολα
5	ος	ος
6	ςαχη	ςακη
7	σηφοι	σηφοι
8	κ(α)ςκ	κ(α)ςκ
9	αρκφ	αρκφ
10	ουρτ	ουρτ
11	πακα	πακα
2	θαρπα	θαρπα
3	καυαη	καυαη
4	φουρτ	φουρτ
5	ανπα	ανπα
·	λαναπα	λαναπα
·	λανηφ	λανηφ
·	ουρτ	ουρτ
·	λακα	λακα
·	ιητηρ	ιητηρ
·	δε·ου ζλ	δε·ου ζλ

Ις Χς οαη νΚολα

Iisus Xristos. O^aty N(i)kola.

οςα κηση φοικ

Üsäs! Kisi joq

β(α)ςκαρκ φουρτ πακα

b(a)sqar(γ)q jur(t)baq(q)a.

θαρπακαυαη φουρταν

Tarbaqataj jur(t)an

παλανα παλανη φουρτλα

(b)alany balany jurtly

καν ητε ηρδε ου ζλ

qan etä erde. Ot ž(ž)l.

Иисус Христос. Имя Никола. // Если бы вырос! Нет человека // опекать главенствующий юрт. // Из юрта Тарбакатая // алана-дита владетельным // ханом должны были сделать. Год Лошди. //

Рис. 19

1 1
 2 2
 3 3
 4 4
 5 5
 6 6
 7 7
 8 8
 9 9
 10 10
 11 11
 12 12
 13 13
 14 14
 15 15
 16 16
 17 17
 18 18
 19 19
 20 20
 21 21

N n/n	Грeгeкскe бyквe нaзпeчeн	Их пpeдлaгaeмoe звyчeнe
1	IC	И(иц)к
2	XC	Х(хист)с
3	ΘΑΓΙCΘ (?)	"CВЯТОИ" (?)
3	ΘΑΥΤCΘ (?)	бyтe мo (?)
4	Ν(ι) ΚΟΛΑ	Н(и)КОЛА-
5	OC	OC
6	CAXH	CAХИ-
7	PHΦOИ	PH Ф(фур)OИ
8	ΧOΒCΗ	ΧO Б(А) Ш(с)И-
9	TEPHΦ	T/EPI Φ-
10	OYPT	YPT
11	ΠAKΔ	BAΓA-
12	ΘAPΠA	TAP BA
13	KAFAN	ΓATAИ
14	ΦOYPT	ΦYPT
15	ANΠA	ANBA-
16	ANANΠA	AN ABА-
17	ANNHΦ	ANИ Φ-
18	OYPT	YPT
19	AKA	AA K/A-
20	HNTEHP	HNTE HP-
21	ΘE ΘCΛ	TE ΠAθO

Рис. 20

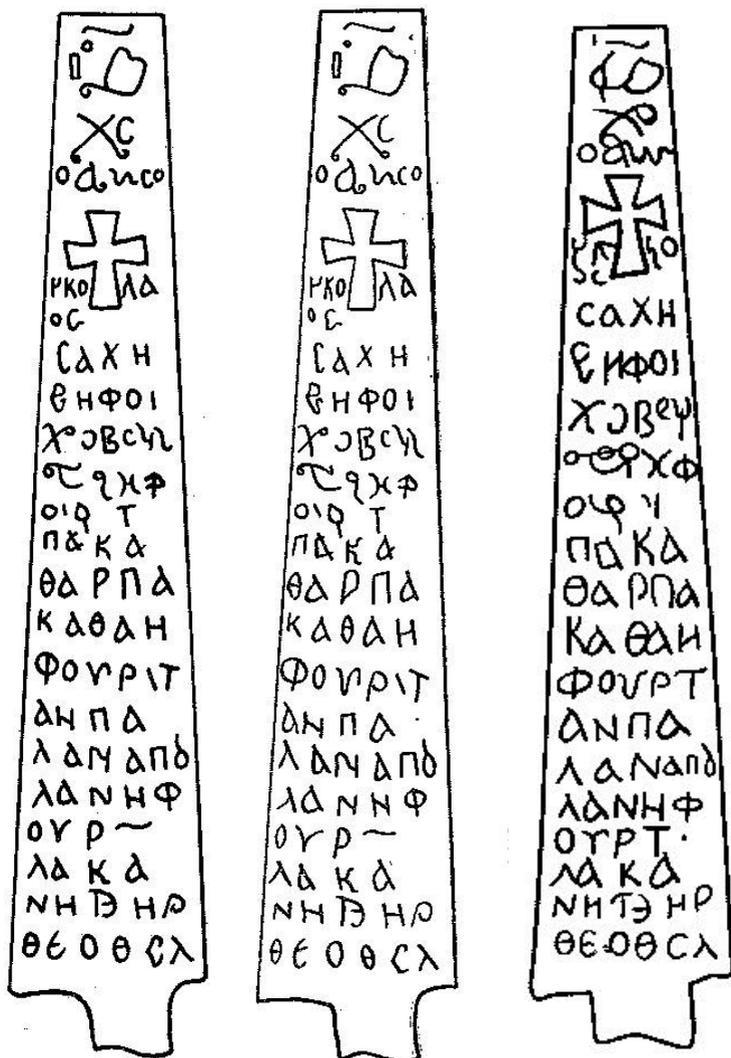

Рис. 22

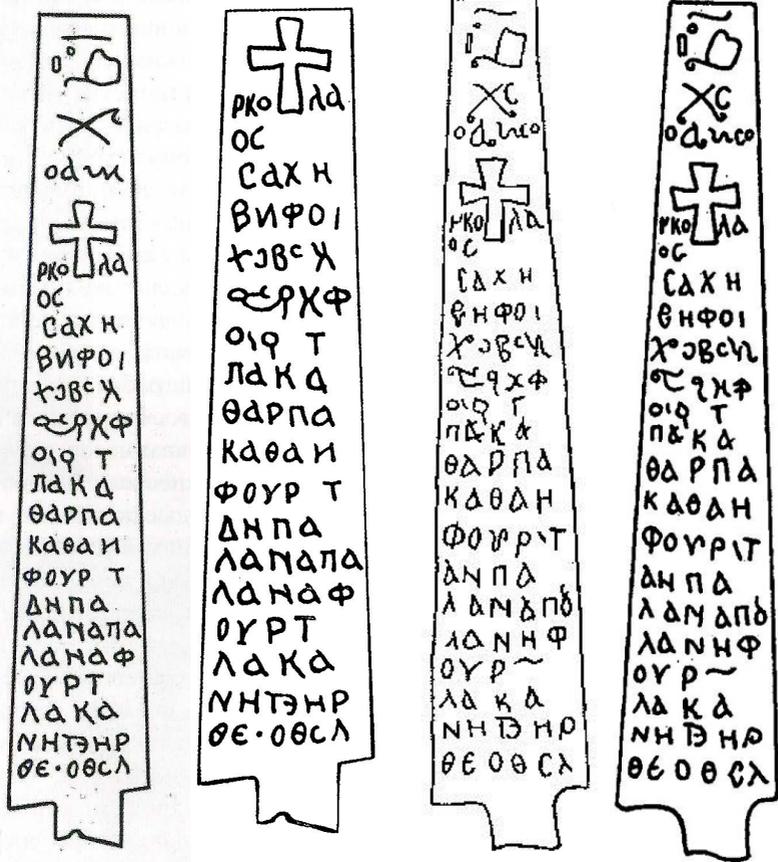

Рис.23

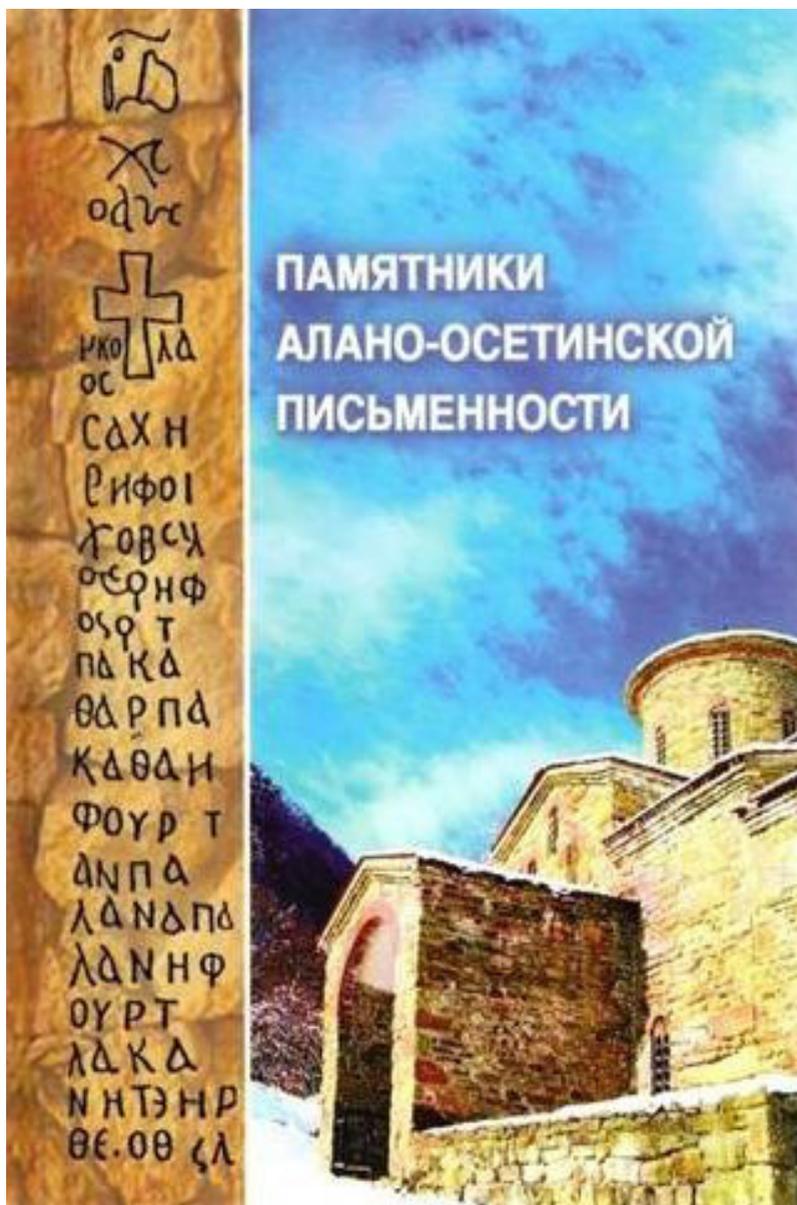

рис. 24

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ	19
ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ НАДПИСИ	46
ГЛАВА III. ИТОГИ ДЕШИФРОВКИ ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ НАДПИСИ	131
ГЛАВА IV. ИНЫЕ ОПЫТЫ «ПРОЧТЕНИЯ».....	188
1. «Прочтение по-кабардински».....	188
2. «Прочтения по-тюркски»	215
3. «Прочтения по-нахски»	263
4. «Прочтение по-абазински».....	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	313
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	326
БИБЛИОГРАФИЯ	328
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	401
ИЛЛЮСТРАЦИИ	429

Научное издание

ТУАЛЛАГОВ АЛАН АХСАРОВИЧ

ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 09.10.15.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бум офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Mургад». Усл. п.л. 24,70.
Тираж 100 экз. Заказ №57.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3